МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

БРЕННОЕ И ВЕЧНОЕ:

МИФОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы Международной научной конференции.
Великий Новгород, 27–28 октября 2020 г.

Великий Новгород
2021

ББК 87.6
Б87

Печатается по решению
РИС НовГУ
Учебно-методическая лаборатория
кафедры философии, культурологии и социологии
“Берестяная грамота”

Оргкомитет:
Ю. В. Данейкин, и.о. директора Гуманитарного института, канд. физ.-мат. наук;
С. А. Маленко, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой ФКС;
А. Г. Некита, д-р филос. наук, проф. кафедры ФКС;
Н. А. Кащей, д-р филос. наук, проф. кафедры ФКС;
Т. А. Афанасьева, канд. филос. наук, доц. кафедры ФКС;
С. В. Девяткин, канд. филос. наук, доц. кафедры ФКС;
Н. А. Прокофьева, канд. филос. наук, доц. кафедры ФКС;
А. П. Спорник, канд. филос. наук, доц. кафедры ФКС;
В. А. Смирнов, канд. филос. наук, доц. кафедры ФКС;
О. А. Фихтнер, д-р экон. наук, директор ЦРПА;
О. Е. Ванюшкина, канд. филол. наук, начальник ОМиИ ЦРПА.

Рецензенты:
Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф. (Институт философии СПбГУ);
В. В. Савчук, д-р филос. наук, проф. (Институт философии СПбГУ).

Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации. Материалы
Б87 Международной научной конференции. Великий Новгород, 27–28 октября 2020 г. / сост. и отв. ред.: С. А. Маленко, А. Г. Некита; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2021. – 299 с.
ISBN 978-5-89896-738-3

Предлагаемый вниманию научного и образовательного сообщества сборник материалов Международной научной конференции «Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации» – традиционного и главного форума философов и культурологов Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, содержит промежуточные итоги междисциплинарного, научно-практического обсуждения комплекса проблем, связанных с гуманитарным анализом и экспертизой целого спектра институциональных, отраслевых и корпоративных мифологий, неразрывно связанных с повсеместным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни современного общества: от власти до повседневности. Профессиональная дискуссия маститых и молодых исследователей, развернувшаяся на страницах сборника, касалась рассмотрения актуальных проблем социальной мифологии, цифровой этики и особенностей развития социальной коммуникации в цифровую эпоху. Кроме того, в поле зрения авторов попали проблемы становления и развития диджитальных коммуникативных стратегий, а также ведущие образовательные тренды цифровой цивилизации.

Адресуется специалистам и всем читателям, интересующимся генезисом, современным состоянием и перспективами развития современного общества и отдельных его институтов в эпоху цифровизации.

ББК 87.6

Ответственность за достоверность фактов, цитат и иных сведений несут авторы материалов, помещенных в сборнике.

В оформлении обложки использована иллюстрация из открытых источников: https://www.wallpaperflare.com.

ISBN 978-5-89896-738-3

© Новгородский государственный университет, 2021
© Авторы, 2021
© Обложка С. А. Маленко, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ МЕЖДУ СИМВОЛОМ И ЦИФРОЙ

Даренский В. Ю. Мифологема «цифрового концлагеря» в современном (псевдо)традиционалистском дискурсе 6

Иванова В. А. Антитезы «аналоговое–цифровое» и «живое–мертвое» в контексте современной культурной политики 14

Корешков П. В., Маленко С. А., Некита А. Г. Творчество в виртуальном пространстве..... 21

Лосев Д. В. Массовая культура: границы определения 28

Лосев Д. В. Символический паттерн «ментальная вещь» в пространстве человеческой и цифровой культуры 35

Маленко С. А., Некита А. Г., Корешков П. В. Культ в цифровую эпоху 44

Маленко С. А., Некита А. Г. Киноужас в эпоху миллениума: глобализация личных страданий и катастроф 49

Мальшина Н. А. Пути интеграции индустрии культуры в цифровую экономику России 55

Мурыгин Г. Д., Лир Л. Л. Начало гиперреальности: неомиф и трансвиртуальность 62

Некита А. Г., Маленко С. А. Экстремальное потребление эмоций: голливудская хоррор-альтернатива сознанию и культуре..... 68

Симонова И. А., Шуплецов И. В. Феномен национальной идеи в цифровую эпоху 74

Смирнов В. А. Концепт «мягкой силы» в зеркале критической теории буржуазного западного общества 80

Ставицкий А. В. Мифотворчество и саморефлексия: о некоторых размышлениях А. М. Пятигорского 85

Ставицкий А. В. Рациональное и мифическое в сознании: от анализа к синтезу..... 93

Труфанова Е. О. Цифровое бегство или бегство от цифровизации?..... 100

Федина О. В., Маленко С. А. Природа цифровых ожиданий 108

Федотова Н. Г. Репрезентация нарративов культурной памяти города в цифровую эпоху 114

Фролова Н. С. Международные экономические отношения
в условиях информационно-инновационной парадигмы 119
Шипулин В. О., Кащей Н. А., Спорник А. П. Феномен идентичности
в реалиях цифрового общества: становление новых форматов 124
Широкова О. В., Некита А. Г., Маленко С. А. Голливудские визуальные
технологии цифрового замещения реальности 131

**ЦИФРОВАЯ ЭТИКА:
ДОБРО И ЗЛО В ЭПОХУ ФЕЙКА**

Волохова Н. В., Подгорный Б. Б. Цифровизация в свете этики:
за и против 137
Григорьева Д. Д., Михеев М. И., Потамская В. П. Формирование этоса
студентов-медиков в фокусе антиномии виртуального и реального 145
Маленко С. А., Некита А. Г., Корешков П. В. Дихотомия страха
и любви в виртуальном пространстве в контексте творчества..... 152
Меньшикова Е. Р. Цифра – *ничего личного!* – сокровенность
гильотины 157
Петев Н. И. Искусственная индивидуализация в цифровом
пространстве: от «новой» личности к божеству 163
Симонова И. А. Городской вандализм в цифровую эпоху:
герои и злодеи 170
Ставицкий А. В. Роль мифа в формировании сценариев
и образов будущего России в контексте стратегических вызовов
и глобальных угроз 176

**МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ
В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Бейлин М. В., Желтобородов А. Н. Социогуманитарные последствия
медиатехнологий 183
Газнюк Л. М., Дьяченко Я. О. Медиасфера человеческого бытия 193
Грушевкая В. Ю. Особенности самопрезентации
в видеоблогах, популярных в молодежной среде 202
Сулейманов Е. Ф. Культура коммуникации геймеров
в виртуальном пространстве..... 211

Шавлохова А. А., Лукьянова Н. А. Символическая экспликация представлений о будущем на цифровой площадке Instagram 218
Яковлева Е. Л. К проблеме конструирования образа медиаперсоны посредством мифодизайна..... 223

ЯЗЫКИ И КОДЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Абросимова Е. А., Куламихина И. В. Реализация гипертекстовых структур в современном поэтическом дискурсе 230
Болгова Е. В. Коды современной речевой культуры (на материале прозвищ-зоонимов в русскоязычном дискурсе)..... 237
Вульфович Б. Г. «Брексит» и интернет-сообщество: лингвопрагматический аспект..... 242
Кащей Н. А., Шипулин В. О. О специфике работы над политическим языком в эпоху цифры..... 247
Фомина Т. К., Фатеева Ю. Г., Игнатенко О. П. Трансформация литературных жанров и языка в цифровую эпоху 256

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Левина Е. Ю. Информационное поле системы образования: обозначение цифровых возможностей..... 263
Москвитина О. А. Школа будущего в представлениях подростков разных эпох 268
Почебут С. Н. Особенности развития современного образования в эпоху цифровой реальности 278
Панова Е. П., Саенко Н. Н., Фролова Н. Н., Тюменцева Е. В., Хрипунова Е. В. Обучение русскому языку с помощью цифровых технологий 288
Саенко Н. Н., Панова Е. П., Фролова Н. Н., Тюменцева Е. В., Хрипунова Е. В. Понимание как педагогическая проблема дистанционного обучения 294

СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ МЕЖДУ СИМВОЛОМ И ЦИФРОЙ

УДК 23.470
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.01

МИФОЛОГЕМА «ЦИФРОВОГО КОНЦЛАГЕРЯ» В СОВРЕМЕННОМ (ПСЕВДО)ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Даренский В. Ю.

Луганский государственный педагогический университет (Луганск, ЛНР)
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

MYTHOLOGEME OF THE “DIGITAL CONCENTRATION CAMP” IN THE MODERN WORLD (PSEUDO)TRADITIONALIST DISCOURSE

Darensky V. Yu.

Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, LPR)
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрена концепция «цифрового концлагеря», которая позиционирует себя как традиционалистская, т.е. защищающая традиционные духовные ценности и универсальную ценность свободы. Показано, что такое позиционирование является заблуждением, а сама мифологема «цифрового концлагеря» – это порождение секулярного сознания. Цифровые технологии являются дальнейшим развертыванием сущности техногенной цивилизации, стимулирующим альтернативы развития личности.
Ключевые слова: *«цифровой концлагерь», сверхмодерн, личность.*

Abstract. The article considers the concept of a “digital concentration camp”, which positions itself as a traditionalist one, i.e. it protects traditional spiritual values and the universal value of freedom. It is shown that such positioning is a delusion, and the mythologeme of the “digital concentration camp” itself is a product of secular consciousness. Digital technologies are a further deployment of the essence of man-made civilization, stimulating alternatives to personal development.
Keywords: *“digital concentration camp”, supermodern, personality.*

Феномен цифровых технологий и его воздействие на жизненный мир человека в настоящее время стал одним из актуальных предметов

философской рефлексии. Иногда в журналах появляются целые блоки публикаций по этой тематике (например, в журнале «Философские науки», 2017, № 6), причем в российском философском пространстве эти технологии рассматриваются в первую очередь как вызов национальной безопасности (как новое оружие в гибридной войне против России) [1], как разрушительное явление в сфере образования и т.д. Но кроме воздействия этих технологий как таковых, не менее важным является и анализ тех идеологических новообразований, которые они уже породили в интеллектуальной среде. Эти новообразования весьма симптоматичны и имеют сильное воздействие на массовое сознание.

Появление цифровых технологий, позволяющих осуществлять общий контроль, наблюдение и управление людьми посредством регулирования информационных и финансовых потоков в последнее время получило метафорическое наименование «цифрового концлагеря». Это название предполагает, что создается «электронный концлагерь», где все под страхом лишения материальных благ (или даже свободы) делают только то, что предписывает «система». Параллельно высказывается возражение, суть которого состоит в том, что если все население активно включится в процесс формирования концепции внедрения цифровых технологий в жизнь, то сможет сделать цифровой мир «справедливым», поскольку будет влиять на его общее построение. Остается лишь удивляться детской наивности людей, высказывающим такие суждения, поскольку сама суть цифровых технологий такова, что они управляются из одного неконтролируемого извне центра, а вся масса населения может включаться в их работу только в качестве пассивных пользователей. Существует также совершенно нейтральная точка зрения, в соответствии с которой ничего страшного не происходит, просто меняется общий тип жизни человека, в частности, «новейшие технологии добавляют к характеристикам современного человека такие свойства, как гиперкоммуникабельность и гиперстресс. Возникает настоящая мания коммуникации, желание постоянно “быть на связи” через мобильные телефоны, электронную почту, факс, скайп и т.п.» [2, с. 41].

Концепция противостояния «цифровому концлагерю» позиционирует себя как традиционалистская, т.е. защищающая традиционные духовные ценности и универсальную ценность свободы. В данной статье мы покажем, что такое позиционирование является заблуждением, а сама мифологема «цифрового концлагеря» – это порождение секулярного сознания.

Рассмотрим наиболее характерные формулировки общей концепции «цифрового концлагеря». Так, например, Д. Уськов в статье «Почему нас ведут в “цифровой концлагерь”?» пишет о законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных правовых

режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации” (в части развития технологий искусственного интеллекта и больших данных)» следующее: «Авторы законопроекта, по сути дела, пытаются поставить крест на таких, казалось бы, незыблемых вещах, как тайна переписки, врачебная тайна и согласие граждан на обработку их персональных данных. И все это нужно отменить для того, чтобы цифровизация и искусственный интеллект оцифровали и упорядочили нашу жизнь, таким образом, уничтожив все человеческое. Что это такое? Это пришествие хаоса под видом порядка, который должен структурировать отчужденные от смысла массы и до конца дооформить процесс отчуждения от человеческой сущности» [3].

Такая формулировка порождает вопрос: а в чем, собственно, автор усматривает «человеческую сущность»? Очевидно, всего лишь в «тайне переписки, врачебной тайне и согласии граждан на обработку их персональных данных». Но если бы и в действительности такова была «человеческая сущность», то «отчуждение» от нее было бы явлением почти безразличным. Ведь на самом деле вся эта информация о человеке всегда была доступна не только специальным государственным органам, но и вообще всем, поскольку передавалась через родственников и др. В данном случае *цифровые технологии приводят не к модернизации человеческих отношений, а наоборот, к их архаизации, поскольку именно в архаических, племенных обществах жизнь людей была полностью прозрачна, здесь все знали все обо всех, а если и существовали тайны, то как редкое исключение*.

Второй «алармистский» аспект концепции «цифрового концлагеря» состоит в утверждении о том, что эти технологии являются новыми методами порабощения мира глобальной финансовой олигархией. В общем виде этот тезис очевиден и не вызывает возражений. Более подробно рассмотрим его на примере статьи И. Шишкина «“Цифровой концлагерь” и Малый народ: кто ведёт против человечества гибридную войну». Автор пишет: «Пандемия коронавируса наглядно показала, что реальность превзошла самые смелые пророчества Оруэлла, что “цифровой концлагерь” – это не страшилка конспирологов, а предельно точный образ “дивного нового мира”. Мира, в котором вся полнота власти будет безраздельно принадлежать избранным, а вся остальная масса человеческих индивидуумов будет тотально контролироваться. Конечно, исключительно во имя их же блага, их здоровья и безопасности, а также максимально полного удовлетворения их материальных и духовных потребностей. Как говорится, “все во имя человека, все во благо человека”. Только “человеки” в этом новом мире будут разных сортов, и каждому сорту будет полагаться “свое”. В последние годы нас часто пугали грядущим “Новым Средневековьем”. Но о возвращении в Средние века с его феодальной вольницей, похоже, не стоит и мечтать. Новый мир,

который прямо на глазах начинает обретать черты реальности, гораздо больше будет походить на реинкарнацию рабовладельческой Древней Греции: эффективная экономика, процветающие наука, культура и искусство, развитая демократия с высоким уровнем благосостояния граждан при разделении людей на первый и второй сорт, на свободных и рабов. С учетом опыта тысячелетий в грядущем новом мире рабов, естественно, никто не будет называть рабами. Напротив, им будут петь дифирамбы и рассказывать о том, как все общественные институты денно и нощно пекутся об их благополучии. Но что непременно вернется – так это ошейник и клеймо, в виде суперсовременных гаджетов и высокотехнологичных чипов» [4]. Круг «избранных» автор называет «малым народом», используя термин, в свое время введенный И. Р. Шафаревичем.

Смелая фантазия автора, усматривающего аналогию между «цифровым обществом» и обществом рабовладельческим, кажется правдоподобной, поскольку и в современном мире большинство людей привязаны к своей работе и в целом жестко контролируемы со стороны государства и общества. Существует как на глобальном, так и на национальном уровне достаточно замкнутая каста людей, контролирующих процессы во всех сферах жизни благодаря контролю над финансовыми потоками. Все это общеизвестно. Но, во-первых, такое положение дел нельзя истолковывать как возвращение к рабовладельческому строю, поскольку уровень защищенности реальных прав и свобод современного человека намного выше, чем у античного раба. Поэтому такая аналогия возможна лишь в рамках газетной публицистики, но недопустима в рамках научного мышления. Во-вторых, описанное автором положение дел существовало всегда, оно является, по сути, исторической константой и поэтому нет оснований считать современные изменения чем-то совершенно новым. Меняется форма, но не суть социальных отношений.

Автор упоминает также о том, что известный экономист и философ профессор Валентин Катасонов недавно напомнил об изданной ещё полвека назад книге Бжезинского «Технотронная эра» и приводит несколько выдержек из нее: «В технотронной эпохе образуется постепенно, шаг за шагом всё более контролируемое общество. Такое общество будет управляться элитами, которые не будут поддерживать традиционные ценности. И скоро станет возможным наблюдение и контроль практически за каждым гражданином»; «...в технотронном обществе тенденция будет идти в сторону сведения миллионов одиночных и не связанных друг с другом граждан в общую массу, которая будет легко управляема» [4]. Как пишет далее автор, «к этим цитатам надо добавить, что книга не была результатом свободной игры ума Бжезинского, в силу своей гениальности сумевшего предсказать наше настоящее. Она не

предсказание и не прогноз – она план. Бжезинский написал её по заказу Рокфеллера в качестве плана деятельности Римского клуба на ближайшие десятилетия… Контуры нового миропорядка Бжезинский формулировал исходя из интересов заказчика, а не требований и перспектив развития научно-технического прогресса. “Цифра” – не более чем технология, инструмент. Она может быть использована для достижения самых различных целей, и не она эти цели определяет» [4].

Таким образом, цифровые технологии можно использовать и против тех, кто их изначально внедрял в своих целях. То есть не с целью установления глобального мирового контроля, а наоборот, в целях защиты своих национальных интересов. «Соответственно, бороться с “цифровым концлагерем” надо в первую очередь на поле экономики – радикально реформировать экономическую систему современного мира, позволившую транснациональному капиталу за последние полвека сосредоточить в своих руках колоссальные финансовые ресурсы и колоссальную власть. В результате такой реформы транснационалы лишатся возможности контролировать политические процессы, а либеральный глобализм (идеология, выражающая интересы транснационального капитала) утратит монополию в сфере культуры, образования и информации» [4]. Вот здесь-то и возникает главное возражения автору: кто способен «реформировать экономическую систему современного мира», если она находится в руках глобальной финансовой олигархии, как минимум, с середины XIX века? Таких сил в мире нет, есть только отдельные страны, которые могут не подчиняться этой глобальной системе и выстраивать свое автономное экономическое пространство и, соответственно, свое автономное «цифровое пространство». Это в первую очередь, Китай, Россия и Индия, остальные же государства не имеют для этого достаточных стратегических ресурсов.

В связи с этим И. Шишкин проницательно отмечает: «Однако будет ли возможное, хотя и не обязательное торжество национального капитала над капиталом транснациональным, и связанный с ним крах идеологии либерального глобализма, избавлением человечества от угрозы цифрового концлагеря?.. К сожалению, нет… Вместо Грефа, с Гейтсом и с Соросом в придачу, выдвинут других, а “цифровой концлагерь” станут строить не под лозунгами либерального глобализма, а под лозунгами левого глобализма – троцкизма. Малый народ поменяет некоторые фигуры на доске и в который раз сменит знамена. (Обратите внимание, как активно начинают использовать и раскручивать левацкие идеи в Америке)» [4]. Сами «левые» идеологии были созданы в XIX веке с целью разрушения традиционного общества в интересах глобального капитала. Никто не сделал больше для победы глобального капитализма, чем К. Маркс и его идеология. Она из рабочих делала «пролетариев» – то есть людей, у которых нет ничего, кроме жадности и ненависти к другим; именно эти люди и нужны были

для разрушения традиционного общества и уничтожения целых цивилизаций – в первую очередь, русской и китайской. Весьма вероятно, что в XXI веке этот разрушительный ресурс будет снова актуализирован мировыми «хозяевами денег», как они это очень успешно сделали 100 лет назад в России.

В настоящее же время более актуальным является процесс раздела глобального пространства между основными «игроками». В 2020 году в США были представлены несколько экспертных докладов на эту тему. В одном из них была сформулирована следующая рекомендация: «Связывая доступ к цифровой торговой зоне с обязательствами по кибербезопасности, конфиденциальности и сотрудничеству правоохранительных органов... Соединённые Штаты и их союзники могут заставить страны выбирать между доступом к своим рынкам или жёстким контролем над Интернетом по китайской модели» [5]. Со свойственным западным авторам наивным лицемерием здесь говорится о «жёстком контроле по китайской модели», забывая упомянуть о том, что китайская модель создавалась в ответ на еще более жёсткий глобальный американский контроль над Сетью – лишь как попытка защитить свое локальное пространство национальных интересов. Таким образом, уже в самой ближайшей перспективе мировое «цифровое» пространство станет «распределенным» между несколькими основными центрами силы – коллективным Западом, Китаем, Россией, Индией и частью исламского мира, неподконтрольной США. Тем самым, цифровой контроль не будет глобальным, а будет связан с одним из центров сил. Цифровые технологии в принципе не внесут ничего нового в процесс противостояния цивилизаций, но лишь сделают его более технологизированным.

«Цифровизация» мира технологически стала возможной только в XXI веке, однако она всего лишь разворачивает тот тип жизненного мира, который возник намного раньше в процессе секуляризации – вытеснения сакрального качественно определенного бытия бессмысленным «царством количества». В книге Рене Генона «Царство количества и знамения времени» [6], изданной еще в 1945 году, дан исчерпывающий диагноз того состояния бытия, которому уже неизбежно быть «цифровизированным». В ней есть даже главы с весьма характерными названиями: «Единообразие против единства», «Двойной смысл анонимности», «Иллюзии статистики», «Ненависть к тайне», «Вырождение денег» и др. «Цифровизация» реализует новейший техногенный образ человека как «биосоциального автомата» [7]. Однако этот факт вовсе не означает, что человек может быть полностью редуцирован к этой модели. Такая деградационная редукция человеческого бытия, хотя и усиленно навязывается всем строем современной цивилизации, тем не менее, остается предметом свободного выбора и ей по-прежнему противостоят альтернативные модели жизни, которые передаются в рамках религиозных и классических культурных

традиций. Более того, возникает закономерность, которую можно определить как «бегство от прогресса», при которой человек, ужаснувшись экзистенциальной пустоте существования в техногенном мире, ищет альтернативных смыслов и видов жизнедеятельности. Однако этой закономерности также уже не менее 100 лет, и современная «цифровизация» не вносит сюда ничего принципиально нового, хотя и усложняет положение современного человека. Например, привычка к гаджетам с самого раннего возраста обычно приводит у детей к задержкам психического и физического развития, к несформированности навыков общения и базовых моральных понятий, и даже к приобретенным формам аутизма. Однако в этом виноваты в первую очередь их родители, которые уклоняются от активного воспитания и общения с людьми. Запрет на пользование гаджетами в детском возрасте мог бы решить эту проблему, но это проблема не «цифровизации», а вопрос уровня культуры и мышления родителей, который часто очень примитивен.

Особый аспект имеет восприятие «цифровизации» в среде верующих Православной Церкви. Еще в 1990-е годы он возник в связи с введением кодов ИНН, который некоторые стали рассматривать как предвестника «печати» Антихриста. В этом проявилась явная богословская неграмотность. «Печать» Антихриста, о которой говорится в 13 главе Апокалипсиса, согласно толкованию отцов Церкви: святых Ипполита Римского, Андрея Кесарийского, Иринея Лионского, – это именно вопрос личного договора с Антихристом. Это своего рода «завет». В Библии человечество заключило Завет с Богом; а эта печать – завет с врагом рода человеческого, который заключается каждым сознательно. Поэтому никакие числовые коды не имеют к этому абсолютно никакого отношения. Мифология, которая возникла в связи с ИНН, является характерным проявлением секулярного мышления среди верующих – подменой духовных понятий их материальными эрзацами.

Точно такой же подменой является и мифологема «цифрового концлагеря». Ее авторы думают, что защищают права личности, но при этом понимают личность абсолютно материалистически – лишь как социального индивида. От цифровых технологий может страдать социальный индивид, поскольку он попадает под более эффективный контроль, но никак не личность, поскольку личностное бытие не имеет к этому никакого отношения. Более того, как уже было сказано, более жесткий техногенный контроль может даже позитивно влиять на личностное развитие человека, заставляя его понять, что сущность жизни лежит вовсе не во внешних социальных действиях, а в ее внутреннем духовном бытии. Именно таково понимание подлинных традиционалистов. Сама мифологема «цифрового концлагеря» – это порождение секулярного сознания, а ее авторы не имеют к традиционализму никакого отношения. Их позиционирование себя как

традиционалистов, защищающих свободу личности, является ошибочным. Подлинный традиционализм начинается с понимания личности как духовной сущности, не сводимой ни к каким внешним своим проявлениям, тем более такого чисто технического характера, как цифровые технологии. Никакой, даже самый жесткий внешний контроль не может уменьшить свободу личности, поскольку эта свобода реализуется в совершенно ином онтологическом измерении. Если же люди всерьез думают, что свобода личности – это в первую очередь тайна переписки и банковских счетов, то они не имеют никакого понятия ни о личности, ни о традиционализме.

Стоит отметить, что *развитие личностного бытия в его подлинном, духовном измерении как ответ на деградационный вызов техногенного мира – это общая современная парадигма выживания и развития российской цивилизации*. Для ее понятийной фиксации был предложен новый термин «сверхмодерн» – то есть состояние позитивного преодоления цивилизации Модерна на пути нового традиционализма. Как отмечает В. И. Спиридонова в статье «“Новая современность” и традиционные ценности», «западный “гипермодерн” есть историческое и культурное продолжение постмодерна, фиксация его кризисных экстремальных проявлений в социальной среде и в антропологиия... Российский “сверхмодерн” возлагает надежды прежде всего на духовный и творческий потенциал личности, взыскует “новой сакральности” с опорой на традиционные социально-моральные ценности» [2, с. 41]. В этом контексте следует рассматривать и феномен цифровых технологий – как вызов гипермодерна, на который отвечает сверхмодерн.

Список литературы

1. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. 2017. № 6. С. 104–120.
2. Спиридонова В. И. «Новая современность» и традиционные ценности // Философские науки. 2017. № 6. С. 35–49.
3. Уськов Д. Почему нас ведут в «цифровой концлагерь»? URL: https://regnum.ru/news/society/3027493.html (дата обращения: 10.09.2020).
4. Шишкин И. «Цифровой концлагерь» и Малый народ: кто ведёт против человечества гибридную войну // [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/tcifrovoj_kontclager_i_malij_narod
5. США разрабатывают способ подчинить себе мир через цифровизацию (доклад Аналитической группы Катехон). URL: https://tsargrad.tv/articles/ssha-razrabatyvajut-sposob-podchinit-sebe-mir-cherez-cifrovizaciju_288372?utm_source=sendpulse&utm_medium=email&utm_campaign=kogo-ne-spas-putin&spush=ZGFyZW5za2l5MTk3MkByYW1ibGVyLnJ1 (дата обращения: 10.09.2020).
6. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 1994. 304 с.
7. Даренский В. Ю. Новейший техногенный образ человека: «биоавтомат» // CREDO NEW. 2019. № 4 (100). С. 111–119.

УДК 004:128:304.44
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.02

АНТИТЕЗЫ «АНАЛОГОВОЕ–ЦИФРОВОЕ» И «ЖИВОЕ–МЕРТВОЕ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Иванова В. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: proekt.nounb53@mail.ru

THE ANTITHESES “ANALOG–DIGITAL” AND “LIVING–DEAD” IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CULTURAL POLICY

Ivanova V. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: proekt.nounb53@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются антитезы «аналоговое–цифровое» и «живое–мертвое» применительно к формированию современной культурной политики. Автор рассматривает концепт «культура» через призму понятий аналогового и цифрового. В результате исследования автор приходит к выводу, что современная культурная политика, построенная на процессе цифровизации, движется по пути некрофильных установок, а не биофильных, провозглашая власть технологического производства над витальными принципами.
Ключевые слова: *аналоговое, цифровое, живое, мертвое, культурная политика.*

Abstract. The article deals with the antitheses “analog-digital” and “living-dead” in relation to the formation of modern cultural policy. The author considers the concept of “culture” through the prism of analog and digital concepts. As a result of the study, the author comes to the conclusion that modern cultural policy, built on the principles of digitalization, moves along the path of necrophilic attitudes, rather than biophilic ones, proclaiming the power of technological production over all living things.
Keywords: *analog, digital, live, dead, cultural politics.*

Перемены, наблюдаемые сегодня в связи с развитием информационных технологий, – это «эпохальное переменочное мгновение – мгновенный скачок из одного бытия в другое» [1, с. 264]. Сегодня мировое сообщество выстраивает новую модель социально-культурной жизни, в которой происходит взаимопроникновение цифровой и аналоговой культур. При этом цифровая культура не просто притесняет аналоговую, она произрастает и паразитирует на ее онтологическом основании. В этом

выражается «неистребимая потребность приложить мерило человеческого ума к космической беспредельности духовной составляющей человеческой жизни» [2, с. 9].

Исследователи отмечают, что развитие стран, в том числе в России, в перспективе до 2035 года будет определяться успехами в разработке цифровых технологий, роботизации, применении искусственного интеллекта, обработке больших массивов данных, автоматизации, развитии интернета вещей [3]. При этом также наблюдается тенденция, которую называет В. В. Варава, – «падение интереса к философии, превращение ее сугубо в прикладное знание и, в целом, исчезновение метафизической интенции философствования» [4, с. 118–119]. Тем не менее, сам процесс цифровизации, внедрения цифровых технологий в пространство культуры и разработка новой культурной политики в России требует серьезного философского и культурологического осмысления.

Главный тезис представленной статьи состоит в том, что при наложении понятий аналогового и цифрового на сферу культуры они становятся очень близкими к концептам живого и мертвого. При дальнейшем рассмотрении становится заметным, что культурная политика в России в настоящий период больше устремлена к смерти, танатосу, чем к жизни и либидозным практикам. И если пользоваться терминологией Эриха Фромма, то можно сказать, что культурная политика, построенная на процессах цифровизации, является «некрофильной» [5, с. 31].

Для раскрытия этого тезиса для начала обратимся к истории вопроса о необходимости различения аналогового и цифрового. В начале кибернетического движения была широко распространена метафора о том, что нервная система работает как механизм контроля через обратную связь, мозг – как цифровой компьютер, а общество – как коммуникационные системы. На живые организмы смотрели как на цифровые автоматы. Однако не все были согласны с таким взглядом на природу аналогового и цифрового, предполагая, что цифровое и аналоговое по-разному относятся к порядку природы и порядку культуры [6]. Различие двух типов репрезентации информации выражено Бернаром Стиглером следующим образом: сигнал называется аналоговым, когда его форма пропорционально аналогична тому, что передается, а цифровым – когда он, как код, не имеет никакого изоморфного отношения к тому, что закодировано [7, с. 250]. Клод Шеннон полагал, что информация равна самой себе вне зависимости от медиума, в котором она воплощена. Но его коллега Норберт Виннер компромиссно указал на то, что весь окружающий мир представляется аналоговым [6].

Фридрих Киттлер определил, что аналоговым является спонтанность индивидуального сознания, тогда как цифровое возникает при оцифровке реальности. Сознание – не что иное, как постоянное «наличие», отправляющееся от глаз или от ушей, действующее по аналогии с медиа,

тогда как при оцифровке реальности, напротив, необходимо возникает «место другого» [8, с. 19].

Продуктом наложения аналогового и цифрового, по мнению Жильбера Симондона, Жиля Делёза и Мишеля Фуко, является индивид. Он предстает как реальная смесь, а не произвольное слияние является вполне фиксированной комбинацией двух элементов, а именно одного случайного, или недетерминированного, и другого – с фиксированным ограничением или детерминацией [6]. Это послужило толчком для дальнейшего развития такого понимания цифрового сознания, где «цифра» становится главным инструментом и основанием всего «реального» мира. Профессор Ф. И. Гиренок следующим образом фиксирует различия цифрового и аналогового: «...в дигитальном мире, т.е. в мире, определенном числом, обнаруживается проблема. Суть ее состоит в понимании того, что число превращает небытие в реальный предикат, который именуется виртуальной реальностью. <…> Человек в дигитальной философии – это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных. Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира. И этот пробел должна заполнить, видимо, уже какая-то иная, нечеловеческая субъективность» [9, с. 137]. Такой подход, на наш взгляд, в очередной раз ставит под сомнение онтологические основы человеческой жизни и приводит в тупик мысль о судьбе человечества и культуры. Для того, чтобы выйти из этого тупика, мы предлагаем вернуться к мысли ранних кибернетиков, которые расширенно толковали аналоговое и цифровое, прилагая это различение к естественным процессам и ко всему универсуму [6]. Именно этот подход позволяет наиболее точно продемонстрировать аналоговую культуру как основанную на «живых» процессах, а цифровую – на технологических.

Культура – способ жизни, присущий только человеку. Это самое человеческое, что только может быть. И вследствие этого мы считаем, что культура и культурная политика могут быть основаны только на «живых», гуманистических процессах, а не на цифровых, технических. Новые технологии позволили воспроизвести в цифровой среде часть функций и видов деятельности, которые ранее выполнялись исключительно человеком. В результате этих изменений культура перешла в сферу товаров и услуг и в плоскость цифровых продуктов. ЮНЕСКО отмечает, что «культурное потребление возросло, спектр продуктов расширился, и теперь “продукт” стал носителем информации для большинства типов культурного опыта» [10, с. 166]. Поддерживая мировые тенденции, в России также был выбран курс на формирование информационного общества, поддержки процесса цифровизации во всех сферах деятельности, в том числе и в культуре. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена новая Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

В 2018 году Министерством культуры Российской Федерации разработан прогноз развития сферы культуры, в котором предполагается, что к 2036 году будут достигнуты цели, среди которых обеспечение широкого внедрения цифровых технологий в культурное пространство страны (виртуальные концертные залы, оцифровка книжных фондов, цифровые гиды и онлайн-трансляции). Также в декабре 2018 года президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утвержден паспорт национального проекта «Культура», предусматривающий увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры. Провозглашается, что информационное равенство и свобода выбора (информации, услуг и прочих благ) может быть достигнута повсеместным распространением цифровых технологий. При этом подобные предположения заявляются как неоспоримые и не требующие каких-либо оснований. Так, цифровизация, которая основана на знаках, кодах, логике и технологических процессах, внедряется в сферу культуры, стремясь при этом заменить, а впоследствии редуцировать ее гуманистические и жизненные основания. Но если обратиться хотя бы к некоторым теориям, раскрывающим феномен человеческой жизни, мы увидим, что это бессмысленно и даже невозможно.

Теоретики по-разному выделяют основные характеристики феномена человеческой жизни. Одной из них является нелогичность жизни. Ее невозможно предугадать, просчитать или разложить на схемы. Так, например, Фридрих Ницше говорил, что «лишь самые наивные люди могут верить, что природа человека может быть превращена в чисто логическую» [11, с. 31]. Он утверждает, что путь к заключению жизни в логические рамки несет в себе многие потери. Человек нуждается в «нелогичном отношении ко всем вещам» [11, с. 31].

Игровой подход Йохана Хёйзенги [12] также включает в себя присутствие неопределенности и напряжения в игре, которая является ключевой характеристикой человека. При этом Хёйзенга подчеркивает, что игра является преходящей сферой деятельности, которая исполнена смыслом, она всегда что-то значит. Важно, что среди общих признаков игры также называется серьезность. Игра – это не то же самое, что и ребяческая наивность, или пуэрилизм. К последнему относится «легко удовлетворяемая, но никогда не насыщаемая потребность в банальных развлечениях, жажда грубых сенсаций, тяга к массовым зрелищам» [12, с. 194]. Эйген Финк в работе «Основные феномены человеческого бытия» [13] также определяет игру как одно из свойств человеческой жизни. Финк подчеркивает, что игра принадлежит к дорефлективному бытию, но при этом имеет структуру опосредования. Но эта структура заключается в самой игре, а не в средствах ее выражения. Она не выдает показанное за

реальность. Средства выражения в игре не должны вводить в заблуждение. «Игра есть действие, практика общения с воображаемым» [13, с. 384].

Однако мы видим, что современная культурная политика строится таким образом, чтобы за магией цифровых технологий не было различимо сущностное наполнение культуры. Сфера культуры является носителем смыслов, при этом внедрение цифровых технологий в тело культуры осуществляется не ради каких-либо смыслов, а ради самого процесса цифровизации. Сторонники всеобщей цифровизации сомневаются в тех правилах игры, которые существуют в аналоговой культуре, и тем самым они ее разрушают, ломают ее ход. Ведь «по отношению к правилам игры всякий скептицизм неуместен» [12, с. 29]. На наш взгляд, в наблюдаемых явлениях в современной культуре, основанной на внедрении цифровых технологий, отсутствуют существенные признаки настоящей игры, но явно видны «знаки грозящего разложения» [12, с. 195].

Ряд философов обращают свое внимание на то, что культура, по существу являющаяся выразителем человеческой жизни, страдает от внедрения в ее основание инородных элементов. Так, Николай Бердяев в статье «Омертвевшее предание» [14] рассуждает о том, что есть такие элементы в культуре, которые искусственным образом вживляются в тело культуры под девизом возрождения, однако по своей сути лишены жизни, они являются омертвевшими. «Живая, творческая энергия всякого идейного направления никогда не выражается в повторении идей, доктрин и учений этого направления. Энергия эта – семена новой жизни. Повторять же учения, доктрины и платформы означает верность мертвому, а не живому преданию» [14, с. 103]. Вальтер Беньямин заметил, что в условиях технического воспроизводства культуры актер «должен воздействовать всей своей живой личностью, но без ее ауры. Ведь аура привязана к его здесь и сейчас. У нее нет изображения» [15, с. 210]. Тем самым опосредование культуры средствами технического воспроизводства лишает ее жизненной полноты.

Цифровая культура основана на повторении, воспроизводстве. По сути, она не предлагает ничего нового, она лишь дает средства для ретрансляции. Герберт Маркузе обнаруживают массовую и воспроизводимую культуру как «технологическую», или «репрессивную цивилизацию» [16, с. 50]. При этом, по мнению Маркузе, «культуро-творческая мощь Эроса исходит из нерепрессивной сублимации» [16, с. 219]. Цивилизация питается энергией, отнятой у Эроса, и ведет к его фатальному ослаблению в пользу Танатоса.

Эрих Фромм в своей работе «Душа человека» [5] подробно рассматривает различия между некрофильной («любовь к мертвому») и биофильной («любовь к живому») направленностью людей и процессов. Он говорит о том, что «некрофил движим потребностью превращать органическое в неорганическое, он воспринимает жизнь механически, как

будто все живые люди являются вещами» [5, с. 32]. Для некрофилии свойственны стремление к обладанию, вещизму, а также деструктивности. Для биофилии больше свойственно стремление к бытию, жизненным приключениям и целостности. Кроме того, Фромм подчеркивает, что отличительные черты современного общества, коими являются «интеллектуализация, квантификация, абстрагирование, бюрократизация и овеществление» [5, с. 44] – это не жизненные, а механистические принципы. Автор заключает, что промышленное производство должно быть подчинено жизни, промышленность не должна брать верх над витальными принципами.

Таким образом, мы видим, что современная культурная политика, которая строится в первую очередь на принципах цифровизации, не является по сути своей сторонником биофилии, а напротив, идет по пути некрофильных установок, провозглашая власть технологического производства над всем живым. Сторонники тотальной цифровизации могут возразить, сказав, что ее цель заключается в вечном хранении и бесконечном распространении любого продукта, в том числе культурного, что является победой над конечностью, или переводя в русло принятых в данной статье аналогий, над его «смертью». Но это так только на первый взгляд. На самом деле мы наблюдаем, как происходит «смерть смерти». Такое неуемное стремление к продлению жизни приводит к потере всякого смысла. «Зачем длить существование, которое не обеспечено в полной мере смыслом и на эту конечную жизнь?» [4, с. 119]. «Бессмертие хуже всякой смерти: в нем нет смерти совершенной, а поэтому нет и совершенной жизни, но – одно только умирание» [17, с. 87].

На наш взгляд, для разработки адекватных принципов современной культурной политики нужно признать необходимость качественного философского и культурологического обоснования процессов, на которых она базируется. Важно понимать, что в живом теле культуры все цифровые технологии представляют собой определенного рода «имплантат», и как любая техника он может вторгаться в живой организм до определенного предела. Гаджет, являясь внележащим орудием труда, никогда не станет «живым» [4]. И, конечно, ориентация на витальные принципы возможна только тогда, когда есть понимание того, что значит «жизнь». Н. М. Бахтин выразил это так: «Жить – это значит выделить себя из безразличной и неограниченной стихии мира как ограниченного, конечного, качественноединственного и неповторимого. То, что делает меня мною, что делает меня живым, это и есть моя конечность – в пространстве, во времени, во всем» [18, с. 264].

Список литературы

1. Осипов Ю. М. Под ударными переменами // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 259–267.

2. Сильвестров Д. Предуведомленье. Текст повествования в контексте игры // Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
3. Устинов В. С. «Живые» и цифровые коммуникации в управлении инновационными проектами // Вестник МИРБИС. 2019. № 2 (18). С. 6–11.
4. Варава В. В. Феномен «Танатологического ренессанса» в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 117–127.
5. Фромм Э. Душа человека. М: Республика, 1992. 430 с.
6. Хестанов Р. Кибернетическое движение в перспективе различия аналогового и цифрового // Логос. 2020. Т. 30. № 3. С. 77–98.
7. Stiegler B. Technics and Time, 2. Disorientation. Stanford: Stanford University Press, 2008. 267 p.
8. Киттлер Ф. А. Мир символического – мир машины // Логос. 2010. № 1 (74). С. 5–21.
9. Гиренок Ф. И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 133–139.
10. Богатырева Т. Г. Цифровая культурная политика: возможности формирования и перспективы влияния на развитие современного медиапространства // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. Т. 3. № 3. С. 164–175.
11. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Т. 1. М: Мысль, 1990. 830 с.
12. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. Москва: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
13. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия. М: Реабилитация, 2017. 432 с.
14. Бердяев Н. А. Омертвевшее предание // Бердяев Н. А. Мертвые лики. М: Канон+, 2004. С. 102–110.
15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. статей. М.: РГГУ, 2012. С. 190–234.
16. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. К.: ИСА, 1995. 352 с.
17. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. 325 с.
18. Бахтин Н. М. Похвала Смерти // Русская философия смерти. Антология. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 262–265.

УДК 159.924.24
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.03

ТВОРЧЕСТВО В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Корешков П. В.*, Маленко С. А., Некита А. Г.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: paolocuoremi@gmail.com*

CREATIVITY IN A VIRTUAL SPACE

Koreshkov P. V.*, Malenko S. A., Nekita A. G.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: paolocuoremi@gmail.com*

Аннотация. В данном исследовании авторы предлагают осмысление творчества как онтологической категории, приводят в качестве источников памятники древнекитайской и еврейской мистико-философской традиции и дают необходимое определение понятия творчества. Вводят антропологический и социально-философский дискурсы для раскрытия проблемы творчества в виртуальном пространстве.
Ключевые слова: *творчество, творец, творение, творческая энергия, сознание, виртуальное пространство, бинарный код, развитие.*

Abstract. In this study the authors propose an understanding of creativity as an ontological category, cite monuments of the ancient Chinese and Jewish mystical-philosophical traditions as sources and give the necessary definition of the concept of creativity. Anthropological and socio-philosophical discourses are introduced to reveal the problem of creativity in the virtual space.
Keywords: *creativity, creator, creation, creative energy, consciousness, virtual space, binary code, development.*

Одной из важнейших философских проблем является проблема поиска абсолютного основания бытия. Фундаментом для этого поиска, безусловно, оказывается не праздный интерес: осознание предельного (или запредельного) основания человека, цивилизации, Вселенной представляет собой точку бифуркации, своего рода абстрактную стартовую площадку для трансформации, трансгрессии – словом, для дальнейшего развития. Отметим, что речь идет как об отдельном человеке, так и о цивилизации в целом. Под одним из основных атрибутов абсолютного основания бытия мы склонны понимать творчество в онтологическом смысле. Это предопределяет сам ход исследования, в котором мы будем разворачивать антропологические и социально-философские аспекты творчества, именно исходя из предлагаемой онтологии.

Говоря о социально-философских аспектах творчества, принципиально важно обратить внимание на то, что если основание бытия остается неизменным потенциалом всего вообще, то социальное пространство, являясь своего рода отражением пространства онтологического, причем пространством искаженным, не обладает свойством абсолютного постоянства. Для него характерны, скорее, динамичность и хаотичность наряду с восприимчивостью и подвижностью, что, в свою очередь, предопределяет необходимость учитывать многомерность этого пространства как одного из свойств, а также – его виртуальность в её предельном значении. Учитывая то, что упомянутые свойства характерны для диалектического пространства, но ни коим образом не онтологического, возникает принципиальный вопрос о самой возможности творчества в виртуальном диалектическом пространстве.

Рассматривая творчество как трансцендентный внебытийный импульс, творящий само бытие в чистом виде [1], то есть собственно онтологическое пространство, мы можем и должны отметить, что он (творческий импульс), согласно «Канону перемен», в котором творчество принимается в качестве основания бытия, не покидает созданное им пространство – бытие, но остается в нем бесконечно, придавая ему свою созидательную энергию, необходимую не только для возникновения, но и существования и развития бытия [2, с. 91].

Вообще говоря, «Канон перемен» представляет собой крайне интересный философский источник, содержание которого разворачивается из онтологии, которая *должна* быть понята интуитивно, вне риторических, логических, идеологических, культурных и иных моделей. Согласно одной из смыслообразующих метафор, раскрывающих онтологию «Канона перемен», «Первый император Фу-си использовал гуа как природосообразные парадигмы в созидании основ материальной культуры» [2, с. 8]. Сами же гуа являются, как пишет Щуцкий в китайской классической «Книге перемен», «фундаментальными общеметодологическими категориями китайской философии; объединением геометрической символизации и числовой комбинаторики» [2, с. 8]. Учитывая то, что первой и основной гуа как в порядковом, так и смысловом значениях является Цянь («Творчество»), которая по завершении цикла «Канона перемен» гармонично вновь превращается в себя саму из финальной шестьдесят четвертой гексаграммы «Еще не конец», что происходит в рамках логики изменчивости набора черт в гуа, можно констатировать тот факт, что в «Каноне перемен» прямо говорится о неизменности присутствия творчества, несмотря на его трансформацию в рамках созданного им (творческим импульсом) цикла. Иными словами, творческий импульс, созидая пространство, остается в нем, лишь изменясь с тем, чтобы по завершении цикла вновь стать самим собой. Отметим

также и то, что хотя сам по себе этот цикл и диалектичен, его компоненты (основные, по крайней мере) остаются сугубо онтологическими, сохраняя онтологическую независимость и обособленность.

Иными словами, онтология «Канона перемен» оказывается скрытой за его диалектикой или, вернее, вне ее, раскрываясь лишь по ее преодолении. Этот тезис находит свое подтверждение в приведенном Щуцким высказывании Дяо Бао: «…Беспредельное обретается во внутреннем созерцании» [2, с. 123]. Вообще говоря, это вполне коррелирует с пониманием мудрости (по крайней мере, в контексте восточной философской мысли) и, на наш взгляд, может быть экстраполировано на актуальное нам пространство цивилизации как в индивидуальном, так и глобальном (цивилизационном) аспектах.

Вторая основная гексаграмма «Канона перемен» – Кунь («Исполнение») – символизирует среду, в которую попадает творчество, «оживляя» ее через созидание в ней. Кунь диалектически противостоит Цянь, составляя с ней единое целое. Эта среда отождествляется с пространством любого рода, в том числе и с цивилизацией, в которой, в свою очередь, формируется иное пространство – например, виртуальное. Отметим, что при этом исходное пространство становится как бы *настоящим* в противовес своей *иллюзорной* «инкарнации». Как следствие, возникает дихотомия *творца* и *творения*, причем происходит это именно в новом, сотворенном пространстве. Исходя из приведенного выше, мы можем сделать вывод о том, что сама по себе эта дихотомия иллюзорна с позиций *творца*, поскольку, «вдохнув» в свое *творение* энергию творчества, он фактически сообщил ему и творческую энергию. Иными словами, творчество оказывается не только проявлением трансцендентного, божественного, но и самим трансцендентным, Богом – абсолютным Творцом.

Итак, осмысление самой возможности проявления творчества в сотворенном мире привело нас к следующим выводам:

1) творчество представляет собой универсалию бытия, неизменно присутствуя в нем;

2) творчество является абсолютным источником, началом бытия и фактически отождествляется с ним;

3) дихотомия настоящего (сотворенного прежде) и иллюзорного (сотворенного «настоящим») пространств имеет место лишь в диалектике сотворенного.

Исходя из этого, мы считаем необходимым дать определение творчеству. Итак, под творчеством мы склонны понимать такой процесс, при котором *творец* сообщает объекту своего творчества созидательную творческую энергию, тем самым трансформируя его в субъект творчества – в *Творца*. Иными словами, творчество в *чистом виде* – это создание *Творца Творцом*.

Практически аналогичная позиция относительно проблемы творчества представлена М. Лайтманом: «Творец наполняет собою все творение, всех нас, Он снаружи и внутри. Но ощутить Его может лишь подобный ему по свойствам» [3, с. 58].

Отметим, что тезис о том, что *творение* приобретает или, по крайней мере, может приобрести творческую энергию *Творца*, не является уникальным. Например, в еврейской мистико-философской традиции в книге «Сефер Йецира» [4] представлена аналогичная позиция с тем лишь сущностным различием (с «Каноном перемен»), что в ней конкретизируется намеренность сокрытия онтологии *Творцом*.

Онтология как истина оказывается собственно онтологической тайной, сокрытой и недоступной всем. Мы склонны связать это с такой проблематикой, как достоинство чего-либо. Достоинство постижения тайны, в том числе и тайны подлинного онтологического творчества – творчества бытия вообще – оказывается сокрыто в самом *Творце* и обретается в процессе развития. Модель такого процесса представлена в упомянутой выше «Сефер Йецира», где 10 сфирот представляют собой этапы на пути постижения собственного трансцендентного творческого потенциала – на пути становления *Творца*.

Определив термины и дав необходимое определение понятию творчества, мы фактически ответили положительно на вопрос о том, возможно ли творчество в виртуальном пространстве. Не менее важным, однако, представляется необходимость точности в том, что касается условий, при которых творчество будет реализовано. Для этого, на наш взгляд, необходимо ввести в исследование антропологический и социально-философский дискурсы, а также проследить их корреляцию между собой.

Так или иначе, но мир, окружающая действительность были *сотворены* в предельно широком смысле слова; в нем неминуемо присутствует творческая энергия, которая *не может* исчезнуть, но может оказаться сокрытой за завесой ее поиска. Фактически мы повторяем приведенный в анализе способа постижения онтологии «Канона перемен» тезис о том, что диалектика, стремясь к собственно онтологии, должна быть преодолена сама в себе. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что для реализации творчества в окружающем пространстве необходимо глубинное, причем именно онтологическое видение, знание, мышление. Иными словами, для того, чтобы человек мог быть *творить*, он должен иметь полное самоосознание себя как *Творца*, что обретается через осознание собственных трансцендентных творческих оснований вне контекста проявленного бытия. Поскольку мы склонны понимать творчество как всегда внешний импульс (в онтологическом смысле – внебытийный) трансцендентного, божественного всеобщего начала, обратим внимание на то, что в онтологическом пространстве этот импульс

одновременно оказывается также и внутренним, сакральным. Имеет смысл предположить, что его источником является запредельная пустота, обладающая абсолютным потенциалом.

Под сознанием *Творца* мы понимаем такое сознание, которое способно *осознать* самое себя как ту самую всеобъемлющую пустоту. Благодаря этому сознание не столько преодолевает, сколько возвышается над границами возможного и (или) известного, трансгрессируя в абсолютный потенциал пространства невозможного и неизвестного. Происходит это, вероятно, благодаря той самой изначальной энергии творчества, являющейся источником бытия вообще.

Таким образом, логично сделать заключение о том, что, во-первых, *Творец* и сознание фактически отождествляются, объединяются в трансцендентном основании человека; во-вторых, *Творец* представляет собой запредельный уровень развития сознания, свободного от известного, бесконечно превзошедшего (и превосходящего) самого себя. Отметим, что сознание не идентично разуму [5, с. 28], хоть и коррелирует с ним в диалектическом пространстве.

Обращаясь к социально-философскому аспекту нашего исследования, мы постараемся определить, какую роль играет социальное пространство в творческом процессе. Ж. Бодрийяр в своей книге «Симулякры и симуляция» [6] рассматривает социальное пространство в качестве одного из важнейших аспектов процесса симуляции – в качестве декораций, на фоне которого этот процесс разворачивается. Ощутить же их реальность в полной мере, согласно Бодрийяру, невозможно: «Это фантазм – схватить реальность “на лету”» [6, с. 188]. Тем не менее, необходимо принять во внимание то, что та реальность, которую невозможно ощутить, поймать, актуальна даже не для самого человека, но его голограммы, симулякра, и уж тем более – не для *Творца*. Иными словами, *виртуальное* (или виртуализированное?) пространство разворачивается вокруг *виртуального* человека. Пространство же вокруг *Творца* представляет собой пространство творения. Экстраполируя это на социальную среду, мы считаем принципиально важным то, что в данном случае она оказывается нейтральным фактором вообще, неразрывно связанным с *Творцом*, будучи его *творением*, но влияя, даже подчиняя себе голограмму человека и противостоя человеку, не достигшему уровня *Творца*.

Тем не менее, вирутальное пространство пронизано творческой энергией, наполнено им, равно как и любое другое пространство. Проблема творчества в данном случае локализуется, скорее, в человеке в предельно широком смысле. Человек, развивая себя и становясь *Творцом*, развивает, трансформирует тем самым и *свое* пространство; став *Творцом,* он создает *новое*.

Крайне важно обратить внимание на принципиальную дуальность цифровой цивилизации. Ее бинарный код оказывается фактором

дискредитации свободы, под которой мы склонны понимать абсолютный потенциал всего, то есть атрибут истинного творчества. Бинарный код сам по себе подразумевает лишь выбор, но не творчество. В таком случае логичным может показаться предположение о том, что вместе с истинной свободой девальвированной оказывается и сама неизменно присутствующая творческая энергия. Однако, на наш взгляд, это не вполне корректно, поскольку подобное предположение исходило бы не из онтологии, но именно из логики дуализма, в которой бинарный код в алгоритмах ветвления – то есть выбор позитивного либо негативного, но принципиально заданного варианта – принимается в качестве предельного основания процесса. В таком случае сам человек, осознанно или нет, лишил бы себя собственного трансцендентного основания, подменив его основанием даже не реальным, но виртуальным, трансформировавшись в собственно симулякр.

Подобная трансформация вряд ли может считаться необратимой, однако, несомненно, создала бы дополнительное препятствие на пути развития человека, постижения им своей собственной запредельной сути. На практике это означало бы отказ от истины вообще, равно как и от энергии творчества и собственно развития. Сформировалась бы своего рода сингулярность иллюзии бытия, выход из которой был бы возможен лишь по обретению творческой энергии, которая ранее была девальвирована, практически изгнана человеком из *своего* пространства. Иными словами, человек представляет собой в некотором смысле промежуточный уровень развития сознания: деградация приводит к превращению человека и *его* пространства в симулякр; стремление к развитию, постижение собственной трансцендентности и обретение творческой энергии трансформирует человека в *Творца*.

Подводя итоги, сделаем следующее заключение: творчество в цифровую эпоху не только возможно, но даже и необходимо, поскольку его энергия, проявляясь во всем пространстве, оказывается онтологическим условием для его существования и развития, а также – для преодоления границ и препятствий на пути достижения совершенства как отдельного человека, так и всей цивилизации в целом. Согласно книге «Сефер Йецира», человек *должен* достичь такого уровня развития, при котором он станет *Творцом*, в этом заключен смысл человеческого бытия. Как пишет М. Лайтман, «Творец… совершенен» [3, с. 14].

Список литературы

1. Корешков П. В., Маленко С. А., Некита А. Г. Творчество как форма катарсиса в современном мире // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Наука молодых: вызовы и перспективы». Великий Новгород, Новгородский филиал РАНХиГС, 2020. 315 с.

2. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / под ред. А. И. Кобзева; 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1993. 583 с.
3. Лайтман М. ЗОАР / 2-е изд. М.: НПФ «Древо жизни», Издательская группа kabbalah.info, 2003. 704 с.
4. Книга Авраама, называемая книгой Созидания / пер. с иврита, предисл.и коммент. И. Р. Тантлевского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 161 с.
5. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. 384 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2017. 320 с.

УДК 168.522
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.04

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИЦЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Лосев Д. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия)
E-mail: Amber6408@yandex.ru

THE MASS CULTURE. DEFINITION BOUNDARIES

Losev D. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Amber6408@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе проводится разбор и обобщение различных подходов к определению феномена массовой культуры. Происходит отбор ключевых признаков, по которым массовая культура выделяется как самобытная культурная формация. Рассмотрены массовый, коммерческий, технологический, аксиологический, мифический, виртуальный аспекты феномена. В заключение подытоживается результат анализа и синтеза всех приведенных дефинитивных концепций массовой культуры и выводится новое, обобщающее определение. Актуальность и проблематика работы обусловлены наличием в научно-философской среде множества разных и часто противоречивых определений массовой культуры и необходимостью выявления общих, более четких и однозначных границ понимания этого явления для дальнейшего его изучения.
Ключевые слова: *массовая культура, коммерция, миф, гедонизм, индивидуализм, виртуальность*.

Abstract. This work analyzes and summarizes various approaches to defining the phenomenon of mass culture. There is a selection of key features by which mass culture is distinguished as an original cultural formation. The mass, commercial, technological, axiological, mythical, virtual aspects of the phenomenon are considered. In conclusion, the result of the analysis and synthesis of all the given definitive concepts of mass culture is summarized and a new, generalizing definition is derived. The relevance and problems of the work are due to the presence in the scientific and philosophical environment of many different and often contradictory definitions of mass culture and the need to identify common, clearer and more unambiguous boundaries of understanding this phenomenon for its further study.
Keywords: *mass culture, commerce, myth, hedonism, individualism, virtuality.*

Вторая половина XX века ознаменовалась бурным развитием в западных странах информационно-цифровых технологий и промышленных отраслей, производящих для коммерческого распространения нематериальные блага (знания, услуги индустрии развлечений, отдыха и т.п.). Наряду со всеми социальными волнениями

послевоенного периода развитие названных экономических областей привело к формированию на Западе новой социально-культурной формации – массовой культуры.

Изучением этого феномена занимается множество исследователей, представляющих разные научные и философские направления. Центральной в этой исследовательской области является проблема определения массовой культуры как таковой, т.е. проблема выделения особых, исключительных черт и качеств масскульта, что необходимо для всестороннего и точного изучения этого явления. Нахождение определяющих, отличительных критериев массовой культуры позволит понять, какие ценностные и нравственные установки являются доминирующими для данной формации, как изменяется личность, ее эмоциональное и интеллектуальное состояние в процессе потребления продуктов масскульта.

Актуальность изучения этой области и понимания ее специфики обусловлена также тем, что с конца XX века и по настоящее время под влиянием западной массовой культуры – во всех идеологических, ценностных и смысловых аспектах – оказалось и культурное пространство России. Это приводит к изменению культурной идентичности и этических установок российского общества. Поэтому вопрос изучения массовой культуры как мощного фактора социокультурного воздействия сейчас стоит особенно остро.

Начать определение массовой культуры следует с самого понятия массовости. Так, Л. В. Мордовина и А. Шилова говорят о том, что «массовая культура рассчитана на потребление всеми людьми, независимо от их места проживания» [1].

Не лишены смысла и слова американского социолога Дэниела Белла, писавшего, что «массовая культура – все то, что составляло когда-то достояние элиты, а теперь доступна всем» [2]. Е. В. Кузнецова, обращающаяся к работам Белла, дополняет его позицию и говорит о массовой культуре как о «планетарном феномене, обусловленном ростом высоких технологий и объединением информационного пространства» [2].

Критерий расчета на максимально широкую аудиторию в массовой культуре выделяет и А. В. Пронькина, с которой можно согласиться в том, что масскульт в своем аксиологическом воздействии ориентирован на «всех без исключения членов общества» [3].

Уместно считать, что данный количественный критерий является одним из ключевых в определении массовой культуры. Однако этого недостаточно для выделения массовой культуры как особенного феномена, т.к. и в основе многих других культур, будь то культуры мировых религий, социально-политические доктрины (коммунизм, национал-социализм и т.п.), лежит стремление распространять свои идеалы и ценности по всему

миру. По этой причине критерий массовости еще не позволяет говорить о масскульте как о чем-то исключительном.

Массовизация продуктов культуры требует огромных ресурсозатрат – технических и финансовых, которые должны окупаться. В связи с этим обнаруживаются еще две важные особенности масскульта: ориентация на коммерческую сферу и необходимость в техническом развитии.

Так, Л. А. Волова считает, что «смыслом массовой культуры является глубокая маркетизация – не столько удовлетворение, сколько формирование потребностей, для удовлетворения которых предназначены продукты масскульта. Практически все артефакты культуры становятся товаром, а деньги буквально становятся «всеобщим эквивалентом»» [4].

Развивая эту тему, Е. В. Козлов говорит, что одними из главных составляющих массовой культуры являются «потребительский рынок и коммуникация, опосредованная стремительно развивающимися техническими средствами <…> культурная продукция в эпоху масскульта имеет статус товара, является компонентом рыночной системы отношений» [5].

О схожих вещах рассуждает и Кузнецова, считая масскульт «основывающимся исключительно на научно-техническом прогрессе и зависящим от него, абсурдным зачастую из-за желания угодить как можно более широкой аудитории» [2].

Обоснованием подобной точки зрения занимается и В. А. Филиппова, также отмечающая [6], что для массовой культуры характерно ориентированное на извлечение прибыли производство благ. По ее мнению, люди, создающие массовые культурные продукты, подчиняются законам рыночной экономики и зависящим от нее общественным отношениям. Потребитель же этих продуктов, т.е. массовый человек, является неразвитым в интеллектуальном плане субъектом, легко поддающимся манипулятивному воздействию.

Безусловно, такой подход к рассмотрению изучаемого феномена резонен. Однако стоит заметить, что ценностный ориентир массовой культуры на рыночные отношения и извлечение прибыли хоть и подвергнут справедливой критике исследователей, но является положительным фактором развития экономики, что также нельзя игнорировать.

Важно подчеркнуть, что коммерция и технологии – это формы и инструменты распространения культурных продуктов. Учет этих аспектов необходим для понимания особенностей массовой культуры, но этого также недостаточно для определения масскульта как уникального феномена. Поэтому следует обратить внимание на сам термин «культура» и определить, какие культурные составляющие (ценности, смыслы и т.д.) являются специфическими для рассматриваемого явления.

Как уже говорилось, массовая культура ориентирована на коммерческое производство и воздействие на как можно больший процент народонаселения. Для осуществления этих целей она должна транслировать набор определенных принципов мышления и поведения, которым бы подчинялись все люди (или хотя бы большинство из них). Сам человек также должен обладать определенным набором качеств для успешной реализации своих функций в данной среде. Исследователи в этом плане выделяют две ключевых особенности массовой культуры.

В первую очередь масскульт существует по принципам мифотворчества. Миф является важным элементом массовой культуры. Под мифическим в данном случае следует понимать способ мышления, суть которого в выстраивании человеком картины мира на основании непроверенных, недоказанных, а иногда и откровенно ложных представлений об окружающей действительности. Миф, таким образом, может иметь содержание любого характера: социального, политического, мистическо-религиозного, фантастического, псевдонаучного и т.д.

Разбирая этот аспект, можно обратиться к работам Л. В. Мордовиной и А. Шиловой, которые говорят о том, что массовая культура в своем развитии направлена на «возрождение гипнотических способов воздействия на сознание, почти фантастической веры в обрядность, культового поклонения идолам и богам массовой культуры» [1]. Их точку зрения разделяют и С. Р. Аблеев с С. И. Кузьминской, также рассуждающие о сходстве мифа и массовой культуры и указывающие на то, что в обоих случаях происходит «повторение определенного набора сюжетов, идей и образов» [7].

Схожей концепцией является рассмотрение массовой культуры как виртуального пространства. Виртуальность – это совокупность представлений, идей и образов, которые не имеют прямой связи с реальностью, т.е. изображают и описывают то, чего в действительности нет или не может быть в принципе. Эти «псевдовещи, пустые формы, поверхностные гиперреалистические объекты» [8] называются симулякрами. Виртуальное пространство состоит из симулякров, и для массовой культуры важно, чтобы люди верили в их реальность так же, как и в случае с концепцией мифической природы масскульта.

В связи с описанным мифически-виртуальным принципом существования масскульта, а также тем, что массовизация требует создания общих для всех людей мыслительно-поведенческих установок, можно говорить о том, что в массовой культуре происходит особое кодирование, стереотипизация и шаблонность мышления. Однако, отталкиваясь от приведенного выше определения мифа, допустимо заметить, что такое мировосприятие свойственно всем без исключения культурам. Любое диктуемое культурной средой мировоззрение, любой набор идей и представлений всегда воспринимается массами на веру, а

критическое, рациональное их осмысление сводится к минимуму. По этой причине справедливым будет вопрос о том, уместно ли называть эти элементы массовой культуры особыми.

Этот вопрос подводит рассуждение к еще одной специфической черте массовой культуры. Речь идет об отчуждении человека от внешнего мира. Все прежние культуры пытались – через религиозные учения, идеологии и т.д. – по-своему объяснить человеку устройство мироздания, научить его обустраивать мир для себя во взаимодействии с другими людьми. Массовая культура, напротив, побуждает индивида к бегству от окружающей действительности. Идеалы коллективизма сменяются уклоном в сторону индивидуализма в самых примитивных его проявлениях. Это выражается в навязываемых масскультом гедонистических ценностях и стремлении к постоянному развлечению, не требующих большой интеллектуальной нагрузки и нравственной ответственности. Об этом рассуждает А. Н. Ильин, называя массового человека «инфантильным, “самодостаточным” плебеем, который ни с кем не считается и занимается потреблением без созидания» [9].

Конечно, и до возникновения массовой культуры существовали практики ухода человека от привычных социальных отношений. Это касается главным образом различных религиозных течений (например, аскетизм в христианстве или буддизме). Однако подобные религиозные практики, помимо того, что не являются массовыми, направлены на достижение определенного духовного состояния и требуют отказа от многих материальных и социальных благ. Массовой культуре это не свойственно. Она стремится упростить жизнь человека, дать ему легкоусвояемые ответы на все вопросы и укоренить привычку пассивного, иррационального существования.

Из вышеизложенного следует, что особенность массовой культуры заключается и в двойственном характере существования ее представителей. Ориентация на индивидуализм сочетается с необходимостью следовать общепринятым стереотипам мышления и шаблонам поведения. Результатом этого является одиночество массового человека, сочетающееся с ощущением полной зависимости от порядков, норм и установок своего окружения. Это, в свою очередь, приводит к необходимости потреблять продукты массовой культуры, чтобы поддерживать свой социальный статус и сохранять эмоциональный настрой на приемлемом, не слишком критическом уровне.

Суммируя всё вышесказанное, можно определить массовую культуру как базирующуюся на рыночных отношениях и научно-техническом прогрессе систему гедонистических и эгоцентрических ценностей, смыслов и идеалов, которые в товарной форме транслируются подавляющему большинству населения (массам) той или иной территории и имеют постоянный, доминирующий характер благодаря простоте восприятия, а также виртуально-мифологическому принципу усвоения

массами. Субъектами массовой культуры являются производители и распространители соответствующих продуктов, а также поддерживающие их политические группы. Объект массовой культуры – массовый человек, индивид с низким уровнем интеллектуального развития и критического мышления, морально отчужденный от своего социального окружения и выполняющий потребительскую функцию, которая является для него основной. Индивид при этом может быть объектом и субъектом массовой культуры одновременно, т.е. как потребителем ее продуктов и носителем ценностей, так и их производителем и распространителем. Это обусловлено тем, что создание/распространение продуктов массовой культуры часто не требует высоких интеллектуальных способностей, и человек, воспитанный в данной среде, может быть участником ее производственных процессов. Примером служат многочисленные деятели поп-культуры: музыканты, актеры, художники и т.д.

В заключение можно сказать, что, следуя, прежде всего, интересам рынка, рассматриваемая форма культуры оказывает негативное воздействие на потребителя своих продуктов и духовных ценностей, обезличивая человека и подталкивая его к интеллектуально-нравственной деградации. В первую очередь по этой причине массовая культура заслуживает пристального научно-исследовательского внимания и философского осмысления.

Список литературы

1. Мордовина Л. В., Шилова А. Феномен массовой культуры в современном обществе // Аналитика культурологии. 2009. № 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-massovoy-kultury-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 01.07.2020).
2. Кузнецова Е. В. Феномен массовой культуры: проблемы и противоречия // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-massovoy-kultury-problemy-i-protivorechiya (дата обращения: 01.07.2020).
3. Пронькина А. В. Массовая культура как культурологическая категория // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 34. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kultura-kak-kulturologicheskaya-kategoriya (дата обращения: 01.07.2020).
4. Волова Л. А. Ценностные ориентиры массовой культуры // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-massovoy-kultury (дата обращения: 03.07.2020).
5. Козлов Е. В. Эффекты и эффективность масскульта [Электронный ресурс] // Logos et Praxis. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effekty-i-effektivnost-masskulta (дата обращения: 03.07.2020).
6. Филиппова В. А. Народная, элитарная и массовая культуры: сущность, характер, соотношения и влияние на развитие театра танца // Вестник СГТУ. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-elitarnaya-i-massovaya-kultury-suschnost-harakter-sootnosheniya-i-vliyanie-na-razvitie-teatra-tantsa (дата обращения: 03.07.2020).

7. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Экзистенциальные характеристики массовой культуры постиндустриального общества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-harakteristiki-massovoy-kultury-postindustrialnogo-obschestva (дата обращения: 02.07.2020).
8. Демидова О. Р. Культура потребления как пространство симулякров: музей восковых фигур // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-potrebleniya-kak-prostranstvo-simulyakrov-muzey-voskovyh-figur (дата обращения: 03.07.2020).
9. Ильин А. Н. Бессубъектность массы как потребителя китч-культуры // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ bessubektnost-massy-kak-potrebitelya-kitch-kultury (дата обращения: 03.07.2020).

УДК 168.522
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.05

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПАТТЕРН «МЕНТАЛЬНАЯ ВЕЩЬ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ И ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Лосев Д. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: Amber6408@yandex.ru

THE “MENTAL THING” SYMBOLIC PATTERN IN THE SPACE OF HUMAN AND DIGITAL CULTURE

Losev D. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: Amber6408@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образные и мифологические выражения символического паттерна «Ментальная вещь» в человеческой культуре, начиная с первобытного общества и заканчивая виртуально-цифровой современностью. Работа основывается на сравнении с теорией об архетипах Карла Густава Юнга и первичных концептуальных авторских разработках. Приводится обоснование выделения нового символического феномена «Ментальная вещь». Описываются выразительные особенности данного паттерна и его место в системе образно-символических типологий в теориях о культуре.
Ключевые слова: *Ментальная вещь, символический паттерн, первобытное мышление, одушевленный, неодушевленный.*

Abstract. The article is exploring the figurative and mythological expressions of the “Mental Thing” symbolic pattern in human culture, starting with primal societies and ending with the modern era. The work is based on comparison with the theory of archetypes by Carl Gustav Jung and the primary conceptual author's developments. The substantiation of the allocation of a new symbolic phenomenon “Mental thing” is given. The expressive features of this pattern and its place in the system of figurative-symbolic typologies in theories about culture are described.
Keywords: *Mental Thing, symbolic pattern, primal thinking, animate, inanimate.*

К 21 веку в области исследования культуры сформировалось множество направлений, школ и подходов. Среди них особое место занимают те, в рамках которых происходит обобщение смысловых содержаний продуктов культуры (мифов, произведений искусства и т.д.) в фундаментальных категориях: архетипах, типажах, мотивах. В научно-философской среде существует немало типологий образно-символических

составляющих мировой культуры. В общем смысле образы в составе таких категорий выражают представление либо о какой-то из форм жизни (биологической, духовной, мистической), либо о неодушевленных вещах. Однако в обозначенных типологиях отсутствует один символический паттерн, важный для понимания фундаментальных принципов человеческого мышления в контексте формирования культурных смыслов. Речь о нем и пойдет в данной статье.

Стартовой точкой изложенного в этой работе исследования для меня послужила сцена из вышедшего на большие экраны в 2005 году фильма «Бэтмен: Начало» режиссера Кристофера Нолана. Один из персонажей фильма, психиатр-злодей Джонатан Крэйн (или Пугало), в сцене диалога с другим персонажем ссылается на архетипы Юнга, одним из проявлений которых называет образ пугала. Пугало как символ – очень показательный культурный феномен, т.к. представляет собой образ неживой конструкции, которая должна изображать живое существо, выполняя определенную функцию (функцию защиты в данном случае).

Отдельную и немаловажную роль в настоящем исследовании играет непосредственно теория об архетипах швейцарского психиатра Карла Густава Юнга – по своему подходу наиболее глубинная в понимании человеческой культуры традиция. Сам Юнг, ссылаясь на Блаженного Августина [1], определял архетипы как коллективные психические паттерны, своеобразные древние формации, содержащие в себе мифологические мотивы. В своей девственной форме эти мотивы наблюдаются в мифах, легендах, сказках и фольклоре и вытекают из психического механизма обращения сознательного разума к глубинным областям бессознательного, в которых происходит актуализация мифологических, безличностных содержаний, в связи с чем данная концепция и получила название «коллективного бессознательного» [2, с. 5].

Два этих аспекта стали началом моего рассуждения о фундаментальном образно-символическом паттерне, который полноценно не выделяется в теориях о культуре. Речь идет о «символическом фундаменте», обобщающем изображения «одушевленных» вещей в культуре – в плане их двойственно-противоречивого восприятия человеком. Обоснованию данного положения и посвящена настоящая работа. Для обозначения описываемого паттерна далее будет применяться понятие «Ментальная вещь», а для наглядности логики изложения своей концепции и в качестве сравнительной аналогии я буду использовать теорию архетипов Юнга.

В традиционной юнгианской классификации можно выделить 12 архетипов: «Анима», «Анимус», «Персона», «Тень», «Зверь», «Мана», «Бог», «Мать», «Отец», «Мудрый старик», «Мудрая старуха», «Самость». Их проявления в человеческой жизни подробно описаны в работах

швейцарского психиатра. В контексте данной работы ключевым аспектом выступает то, что, например, все обозначенные Юнгом архетипы выявляются через анализ образов, связанных с человеческим восприятием живых/одушевленных (в широком смысле этих слов) существ: других людей, животных, мифических созданий, духов и богов. Однако в данной типологии не было выделено ни одной области, отвечающей за образы и восприятие тех феноменов, которые присутствуют рядом с человеком на протяжении всего его существования, создаются им самим или порождаются природой и при этом не являются живыми. Речь идет о вещах – о любых неодушевленных предметах, природных или созданных человеком для достижения каких-либо жизненных целей.

Когда человек «видит» в неодушевленном предмете некие проявления жизни, юнгианская теория рассматривает это лишь с точки зрения того, какие именно «живые» образы «накладываются» на те или иные объекты. При этом игнорируется тот факт, что в первую очередь человек видит неживую вещь, а уже потом его психика приписывает ей образные одушевленные качества. И это расслоение единого образа на одушевленные и неодушевленные характеристики, пусть даже на уровне интуиции [2, с. 3], глубинных психических пластов играет очень важную роль в понимании сути паттерна «Ментальная вещь». Было бы странным хотя бы не предположить, что человек, с самого рождения находясь в окружении неодушевленных предметов, четко разграничивая объекты на живые и неживые и также создавая вещи собственными руками, не имеет в глубинах психики области, отвечающей за возникновение «неживых», «неодушевленных» образов и также за их «скрещивание» с образами одушевленного типа, порождаемыми другими областями (в контексте теории Юнга – архетипами).

Одним из главных критериев определения архетипических образов является их выражение в культуре с самых ее истоков, т.е. начиная с первобытного общества. Об образах, порождаемых первобытным мышлением, в своей работе «Первобытный менталитет» писал и французский философ Люсьен Леви-Брюль. Он рассуждал [3, с. 362] о «принадлежности» земли человеку, что носит мистический характер, заключающийся в тесной связи живых и умерших людей с разнообразными сверхъестественными силами, существующими на этой земле, позволяющими племени там жить и, конечно же, не терпящими присутствия кого-то еще.

В связи с этой сопричастностью оружие и украшения человека, его скот и одежда – всё, с чем он находился в постоянном контакте – отождествляется с ним самим и после смерти не может стать собственностью кого-то другого, сопровождая человека в новой форме существования. Таким же образом та территория, где проживает община, является самой этой общиной: у нее не было бы возможности жить в ином

месте, а чужаки, пожелай они владеть этой землей и жить на ней, столкнулись бы с опасными последствиями. В земле и предметах быта существуют духи, покровительственные «своим» и враждебные для «чужаков». В этом единстве и взаимосвязи между человеческим обществом и иными формами существования наблюдается одна из основ того, что называется тотемическим [4] родством. И в этом мифическом родстве человека с окружающими объектами, в т.ч. неживыми, может проявляться действие «Ментальной вещи».

Леви-Брюль также пишет [3, с. 27] об арауканцах, для которых всякая смерть, за исключением гибели на поле боя, это следствие воздействия сверхъестественных сил или действия колдунов. Если чья-то гибель была несчастным случаем, то туземцы видели в этом происки злых духов хуекуву. Именно эти существа отрывают камни, которые падают на ничего не подозревающих путников; именно они пугают лошадей, чтобы те сбрасывали всадников; из-за них люди слепнут и падают в пропасти. Смерть от болезни объяснялась туземцами как следствие колдовства или убийства через отравление. Аналогичные вещи наблюдаются у индейцев Чако, которые верили в то, что смерть обязательно вызвана духами килиихама, действующими либо по принуждению колдунов, либо по собственному желанию причинить зло. Схожие верования встречаются и у абипонов, и почти у всех низших обществ обеих Америк. Всё это также свидетельствует об «одушевленности», которой первобытные люди наделяют окружающие их предметы и процессы.

Исследованием первобытного мышления и культуры – в частности, например, тотемизма – занимался и французский ученый Клод Леви-Строс. В книге «Первобытное мышление» он пишет [5, с. 43], что специалист по теории тотемизма У. Г. Р. Риверс в 1914 г. определил его как совокупность трех ключевых деталей. Социальный элемент: связь какой-либо человеческой общности с растением, животным или неодушевленным объектом (либо с классом таковых), а также с клановой или экзогамной группой. Психологический элемент: члены общности верят в собственное родство с предметами, растительностью и животными, что зачастую наблюдается в их убеждении, согласно которому эта общность происходит от данного тотема и является его преемником. Ритуальный элемент: предмету, животному или растению оказывают почитание, что, как правило, выражается в запрете на его использование или потреблении, за исключением некоторых оговорок.

Леви-Строс также пишет [5, с. 45], что в ряде обществ обнаруживается распространение тенденции утверждения интимных отношений между людьми и существами либо элементами природы. Посредством этого определяются конкретные классы или родственники или считаемые таковыми.

Из изложенного Леви-Брюлем и Леви-Стросом можно вывести, что в науках о культуре уже давно существуют теории и описания того, как

первобытные люди в своем воображении наделяют окружающие предметы одушевленностью. Так, в деталях природы, в земле и небе, в любой пещере, дереве и камне могут «жить» духи, божества и прочие сверхъестественные сущности. Однако если допустить, что не всякую вещь первобытный человек воспринимал как живую, – если камень под ногами часто был просто камнем, если дерево было просто деревом, пещера – просто пещерой, – то можно предположить, что на основании этого восприятия человек сравнивал «одушевленные» объекты с неодушевленными, в т.ч. те, которые являются категориально «родственными» друг другу. И, наблюдая, как «одушевленные» предметы всякий раз не проявляют никаких внешних признаков жизни, подобно другим представителям той же категории, иной первобытный человек мог усомниться в мистических воззрениях касательно этих предметов, которые ему передаются от шаманов или соплеменников.

Таким образом, у первобытного человека могло зарождаться сомнение, и в этом его зачаточном виде можно наблюдать одно из проявлений паттерна «Ментальная вещь» – так же, как оно имеет место в мистических представлениях об «одушевленных» предметах. К этому стоит добавить следующее. Если всякий психический процесс, согласно Юнгу [6], имеет корни в самой основе психики, в ее глубинной области (именуемой «коллективным бессознательным»), то это резонно сказать и о сомнении, феномен которого в данной работе приводится как один из факторов проявления «Ментальной вещи». Из всего этого можно вывести, что данный паттерн активизируется и выражается даже при противоположных, противопоставляемых условиях – как в мифическом мышлении, так и в переосмысливании, рефлексии субъектом мифов под действием сомнения.

В ответ на такие рассуждения закономерно может возникнуть возражение о том, что первобытное мышление является «дологическим» [6]. Однако феномен сомнения в данном случае не относится к логическому мышлению, а связывается с работой глубинных психических процессов. Вышеизложенное выступает также аргументом в пользу того, что содержание определенных глубинных психических паттернов может быть не только мифологическим, но и противоположным ему. Таким образом, сомнение (как «антипод» мифического мышления) имеет свое «место» в глубинах человеческого мышления и свой порождающий паттерн. И этот паттерн проявляется в мышлении человека любого общества и любой эпохи.

В связи со сказанным можно вспомнить описанный Юнгом архетип «Самость» [2, с. 18], суть которого в выражении целостности психики, в том, что мы называем личностью и что складывается из проявлений всех прочих архетипов, в т.ч. тех, которые, по описанию Юнга, сильнее всего проявляются в мышлении первобытных людей. Процесс формирования

целостного самобытного «Я», личности, можно поделить на несколько важных этапов и ключевых образов, одним из которых является образ ребенка.

Стадия детства – период, когда закладываются основы личности человека, когда его мышление наиболее непосредственно, когда он склонен к особому любопытству, к особой тяге к чувственному исследованию окружающего мира. Ребенку, как и первобытному человеку, свойственна разноплановая вера в мистические вещи, его психика воспринимает многие окружающие объекты как живые. Происходит это в т.ч. через информацию, транслируемую ребенку взрослыми: в сказках, байках, легендах, страшилках и т.п. Однако «маленький человек» может усомниться в правдивости того, что слышит от старших, постоянно наблюдая неизменность внешних признаков тех вещей, которые им раньше воспринимались как живые. Подобные процессы формирования построенных на сомнении выводов можно рассматривать как пример, аналогичный подобным процессам у первобытных людей, и связать с проявлением паттерна «Ментальная вещь».

Подобное тому, как дети, исходя из сказанного в предыдущем абзаце, на основании длительного наблюдения неизменности состояния того, что они считали живым, обретают сомнение в своем убеждении, описано [3, с. 35] и у Леви-Брюля. Он рассказывает о том, как некое племя туземцев считало аллигаторов и крокодилов совершенно не склонными к агрессии животными, которых не нужно бояться. Однако там, где этих зверей обитало слишком много, часто происходили несчастные случаи, что рушило убеждение туземцев и заставляло их принимать меры предосторожности. Допустимо провести гипотетическую аналогию между такой сменой отношения первобытного человека к живому существу и его отношением к неодушевленным предметам, в «жизненное наполнение» которых он верил.

Как уже говорилось, в теории Карла Юнга образ ребенка выражает архетип «Самости» – области формирования целостности человеческой личности («Я») и потенциала для ее развития. Все высшие проявления разума исходят из сферы «Самости». Не является исключением и феномен сомнения, лежащий в основе познания. Финальным этапом «Восамления» (реализации человеком потенциала, заложенного в «Самости») является выражение божественного начала (наблюдаемого через образы Бога), таящегося – в чем был убежден Юнг – в человеке.

В традиционных и древних культурах, на изучении которых базируется юнгианская теория, Бог – это нечто, стоящее над человеком, в то время как в паттерне «Ментальная вещь» часто выражается стремление человека самому стать Богом, наделяя жизнью то, что не задумывалось как живое (например, нередко встречающиеся в современной культуре образы разумных машин). В этом смысле паттерн «Ментальная вещь»

демонстрирует еще более высокую планку развития психического потенциала человека, чем устанавливал Юнг в описании «Божественного архетипа». Потому что в нынешней культуре людям для «игры в Бога» последний становится не нужен, примером чего сегодня лирично можно назвать всевозможные научно-фантастические идеи о создании искусственного разума, синтетической жизни и пр. Таким образом, отделение одушевленной вещи от человека в его восприятии и становление ее самобытности в художественных сюжетах выражают реальное стремление человека стать самобытным в своем «отношении с Богом».

Говоря не только о первобытных обществах, можно подчеркнуть, что при дальнейшем изучении человеческой культуры образные проявления паттерна «Ментальная вещь» встречаются в содержании произведений любой социокультурной формации у любого народа. Говорящие элементы флоры и бытовые предметы в сказках, человекоподобные роботы и разумные компьютеры в научной фантастике, големы и элементали в разных своих вариациях – все это образы, выражающие данный паттерн.

Ярким примером выражения «Ментальной вещи» сегодня также служит и отношение человека к хранимым им предметам. Люди часто склонны испытывать эмоциональную привязанность к вещам, которые их окружают: к вычислительной технике, которая годами развлекает человека и во многом формирует его духовную среду, к особо любимым книгам, дорогим сердцу подаркам, игрушкам и т.п. Человек «наделяет жизнью» вещи вокруг себя, заботится о них и ощущает дискомфорт, грусть, когда расстается с ними или теряет. Однако при этом человек совершенно ясно понимает, что эти предметы не являются живыми. Данный феномен наглядно демонстрирует действие паттерна «Ментальная вещь» во всей его двойственности (т.е. в сочетании «живых» и «неживых» образов).

В художественном творчестве образное выражение паттерна «Ментальная вещь» – это какой-то предмет или явление, в котором заключена некая форма мышления. Существо это в восприятии человека имеет отдельное место, отличается от других образов в силу того, что персонажи, выражающие действие этого паттерна, не являются живыми в том смысле, в котором человек считает живым самого себя. Это либо элемент природы, либо нечто, имеющее не естественное, а рукотворное происхождение, созданное выполнять какую-то утилитарную функцию: работника, подсказчика, оружия и т.д. Это разум или иная форма ментальности, схожая с человеческой, с помощью волшебства, науки или мистических сил заключенная в неживой объект. По причине этой неестественности «ментального» создания, образы данной категории в психике человека четко обособлены от других, и сам паттерн, исходя из этого, можно выделять как отдельный.

Ключевой особенностью рассматриваемого паттерна является и то, что, хоть его проявления и наделяются характеристиками всех прочих образов, порождаемых психикой, выражаются они в тех, которые приписаны изначально неодушевленным объектам, и, в связи с этим, обнаруживается взаимодействие «Ментальной вещи» с другими глубинно-психическими формированиями.

На основании всех вышеприведенных рассуждений можно было бы схематично изобразить место «Ментальной вещи» в концепции какого-либо устройства системы глубинных паттернов в психике человека. Во-первых, обозначенный паттерн содержит двойственную природу и условно делится на две области: ту, которая отвечает за неодушевленные образы, и ту, в которую эти образы, в зависимости от внешних факторов, «перетекают» для принятия «одушевленных» качеств (например, в ходе возникновения мифологических мотивов), позаимствованных из других областей. Это означает, что данный пласт имеет связующие каналы, посредством которых происходит симбиоз «Ментальной вещи» с другими паттернами. Также, следствием взаимодействия «Ментальной вещи» и того, что, например, Юнг называл «Самостью», является возникновение у последней «надстройки», которая порождает в человеке мысленное вознесение самого себя над образом Бога и других высших сущностей.

В сфере научно-философского изучения человеческой культуры существуют и теории, касающиеся феномена антропоморфизма [7, 8, 9] – объединения в каком-либо художественном/мифическом/религиозном персонаже человекоподобных образов с чертами зверей либо неодушевленных предметов. В среде неформальных исследований культуры также встречаются классификации, частью которых является, в общем смысле, подкласс персонажей, представляющих собой результат «скрещивания» человекообразных и вещественных, предметных признаков. Среди подобных образов наиболее растиражированными в цифровой и массовой культуре сегодня являются изображения искусственного разума и всевозможных роботов. Примером описанных классификаций служит популярный англоязычный сайт «TV Tropes» [10], который занимается описанием и категоризацией образов и мотивов, часто встречающихся в современной (и не только) художественной культуре.

Учитывая наличие и распространенность таких категорий в науке, философии и в самой массовой культуре, а также фундаментальный и обобщающий характер подобных теорий, можно выявить между этими исследовательскими направлениями логическую связь. Таким образом, обосновывается актуальность обозначения нового, отдельного паттерна, обладающего описанным в данной работе дуалистическим характером существования и проявляемого в мифических/религиозных/художественных персонажах, особенность которых – сочетание живого и неживого, одушевленного и неодушевленного. Можно ли на основании этого

говорить об определении нового психического/культурного типа, или даже архетипа?

Список литературы

1. Грицанов А. А., Можейко М. А., Румянцева Т. Г. История Философии. Энциклопедия. Минск: Книжный дом. 2002. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/4/АВГУСТИН (дата обращения: 19.10.2020).
2. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции. СПб.: Кентавр. 1994. URL: https://www.litmir.me/br/?b=88184 (дата обращения: 19.10.2020).
3. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Калыцикова. СПб.: Европейский дом. 2002. 400 с.
4. Константинов Ф. В. Философская энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия. 1960–1970. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3492/ТОТЕМИЗМ (дата обращения: 19.10.2020).
5. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер. А. Б. Островского. М.: Республика. 1994. 384 с.
6. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/456/дологическое_мышление (дата обращения: 19.10.2020).
7. Верещагина Н. В. Способы конструирования инопланетного: антропоморфизм и антропология // Технологос. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-konstruirovaniya-inoplanetnogo-antropomorfizm-i-antropologiya (дата обращения: 19.10.2020).
8. Горевой Д. А. «Антропоморфизм» как источник возникновения религиозных представлений: история и современность // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. № 5 (61). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfizm-kak-istochnik-vozniknoveniya-religioznyh-predstavleniy-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 19.10.2020).
9. Титова Т. А. Антропоморфизм как форма познания мира // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropomorfizm-kak-forma-poznaniya-mira (дата обращения: 19.10.2020).
10. TV Tropes. Animate Inanimate Object. URL: https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/AnimateInanimateObject (дата обращения: 19.10.2020).

УДК 2-1
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.06

КУЛЬТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Маленко С. А.[*], Некита А. Г., Корешков П. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
[*]E-mail: olenia@mail.ru

CREATIVITY IN A VIRTUAL SPACE

Malenko S. A. [*], Nekita A. G., Koreshkov P. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
[*]E-mail: olenia@mail.ru

Аннотация. Статья содержит описание феномена культа, его анализ с онтологических, социально-философских и антропологических позиций. Рассматриваемый в качестве искусственно созданной черты человеческой цивилизации, культ раскрывается также и как аспект симуляции. В статье затрагиваются такие сферы культа, как право и религия в виртуальном пространстве. Завершается исследование предположением о будущем культа и путей развития цивилизации в целом.
Ключевые слова: *культ, цивилизация, симуляция, бинарный код, диалектика, свобода, божественное, религия, право.*

Abstract. The article contains a description of the phenomenon of a cult, its analysis from ontological, socio-philosophical and anthropological positions. Considered as an artificially created feature of human civilization, the cult is also revealed as an aspect of simulation. The article touches upon such spheres of cult as law and religion in the virtual space. The study ends with an assumption about the future of the cult and the path of development of civilization as a whole.
Keywords: *cult, civilization, simulation, binary code, dialectics, freedom, divine, religion, law.*

Одной из важных характеристик человеческой цивилизации на протяжении достаточно длительного периода ее существования являлся культ. Религия, право, политика, культура, идеология и иные неотъемлемые элементы цивилизации, теряя живительную связь с примордиальной традицией, неизбежно трансформировались, если не сказать *вырождались* в культ самих себя. Неизбежным следствием такой трансформации оказывается разрыв между изначальной *чистой* идеей и ее реальным институциональным социокультурным воплощением как типичными примерами расщепления целого. Естественным образом онтология уступает место диалектике; истина оказывается недоступной, и на ее место приходит лишь стремление к ней либо же ее более или менее

достоверная имитация. Культ оказывается важнейшим аспектом процесса симуляции социальных отношений и их результатов.

В данной статье мы рассмотрим культ с онтологических, социально-философских и антропологических позиций в цифровую эпоху и попытаемся спрогнозировать вектор дальнейшего развития культа и отношения к нему. На основании развития культа как глобальной системы мы также постараемся предположить варианты развития человеческой цивилизации вообще.

В работе мы будем опираться на определение культа, понимаемого как «поклонение святыням, каковыми становятся коллективно значимые и принятые данной общностью идеальные ценности» [1]. С одной стороны, подобная трактовка достаточно полно, на наш взгляд, определяет термин, однако антропологический и онтологический дискурсы в данном исследовании требуют обратить внимание на некоторые нюансы для уточнения, конкретизации некоторых значимых для нас аспектов.

Первым таким аспектом оказывается собственно поклонение, принципиально отсутствующее в онтологическом пространстве, являясь лишь атрибутом объекта бытия. Иными словами, культ представляет собой лишь симулякр системы символизации идеи, то есть – неизбежно предполагает симулятивный аспект.

Поклонение в антропологическом дискурсе представляет собой актуализацию психической недостаточности индивида. Обращение вовне в процессе поиска собственных онтологических оснований в данном случае оказывается симулякром, поскольку, несмотря на то, что эти основания оказываются трансцендентными и внебытийными [2, с. 171], постижение их оказывается возможным лишь посредством внутреннего созерцания [3, с. 123]. Аналогична ситуация и с коллективной значимостью и принятием обществом идеалов, находящих свое выражение в культе. Таким образом, мы можем сделать заключение о том, что культ представляет собой не просто симулякр, но также и своего рода социальную и психическую патологию. Причиной этой патологии является отсутствие онтологического основания явления культа. Таким образом, культ и сам по себе, и как структурный элемент социальной системы формирует сингулярность, не имеющую потенциала. Иными словами, культ оказывается явлением, не имеющим глубинного смысла и существующим «сам по себе как чисто внешнее» [4, с. 21].

Вероятно, что подобная «недостаточность» культа представляет собой фактор его активности и востребованности в сфере обыденной жизни, поскольку именно благодаря тому, что истинного культа не существует, социум так энергично пытается создать его. Фактически культ оказывается абстрактной точкой, в которой – осознанно или нет – концентрируется огромное количество энергии коллективного бессознательного, что на социальном уровне имеет смысл рассматривать в

качестве аспекта управления обществом через векторизацию направления энергии. Заметим, что при подобном прочтении культ может и должен быть рассмотрен в качестве ограничивающего фактора, сужающего мировоззрение и конкретизирующего бытие. Неизбежно возникает дихотомия между онтологической свободой и социальным культом. Феноменологически культ оказывается антиподом истинной свободы, причем антиподом-иллюзией.

Стоит отметить, что свобода, онтологически представляющая собой неограниченный потенциал бытия во всем его запредельном многообразии, является атрибутом истинного, творческого бытия и не требует какого-либо определенного проявления в социальном пространстве. Как следствие, в конкретизирующей материалистической мировоззренческой модели возникает ситуация, при которой иллюзорный культ, симулякр, оказывается реальнее не только свободы, ей противостоящей, но также и той идеи, поклонение которой и составляет культ. Это означает, что идея культа – иллюзия идеи – в социальном пространстве заменяет собой эту идею; символизация, возникая при неспособности индивида (социума) созерцать саму идею без придания ей некоторой формы, девальвирует его когнитивные возможности.

Одной из важнейших характеристик цифровой эпохи является ее бинарный код, представляющий собой диалектическое основание линейной логики проявленного бытия. Отметим, что двоичная система фактически проявляется в системе «тезис – антитезис» (1 – 0), но исключает «синтез» (третье состояние, выражающееся в потенциале бесконечного множества вариантов). Диалектика единицы и нуля, их чередование – превращение друг в друга – оказывается предельным основанием виртуального пространства. Отметим, что это основание оказывается лишенным собственно процесса трансформации базовых элементов. Иными словами, фактически речь идет об абсолютной статичности среды в момент времени.

Как пишет Н. Винер в книге «Творец и робот», «как только чудо превращения свершилось, божественная стихия способна снова творить чудеса» [5, с. 61]. Эта цитата из труда «отца кибернетики» представляется крайне важной для нашего исследования, поскольку она ярко и глубоко описывает виртуальное пространство цифровой эпохи. Интерпретация этого описания может быть сведена к следующему: *божественное* имеет проявление исключительно в определенном состоянии результата выбора одного из двух заданных вариантов, что само по себе противоречит онтологии божественного как запредельного начала всего. Иными словами, бинарный код оказывается фактором деградации бытия, девальвации Бога как наивысшей идеи, трансцендентного источника бытия вообще. Как следствие, происходит неизбежная девальвация идей вообще, что, в свою очередь, приводит к возникновению и усугублению онтологического кризиса.

Вполне корректным выглядит предположение о том, что именно в ситуации онтологического кризиса трансформируются все либо большинство социальных сфер. Например, религия становится четко оформленной системой предписанной веры. При этом знание божественного, трансцендентного становится нежелательным, зато взамен формируется социальный запрос на культ, который оказывается единственным, зачастую формальным показателем веры в божественное, девальвируя собственно *знание божественного*.

Право становится, скорее, системой наказаний, нежели педагогической системой. Вообще говоря, правовая система ярчайшим образом иллюстрирует бинарный диалектический код цифровой эпохи – эпохи дуализма, неизбежности выбора и предопределенности позитивного либо негативного вариантов. При этом стоит отметить, что система права изначально фокусируется на негативном варианте, тем самым превращая его в вариант позитивный, то есть предпочтительный. Таким образом, формируется позитивная идея негативного варианта, конкретизация которой оказывается фактором негативного (в подлинном правовом отношении) развития глубинных установок индивида и социума.

Исходя из того, что, как мы приводили выше, подобное состояние бытия представляет собой патологию, масштабную иллюзию, мы считаем, что такое состояние не может быть постоянным, поскольку оно не только не связано с подлинным бытием, но даже является его антиподом-симулякром, абсолютной противоположностью. Учитывая то, что культ сам по себе также является симулякром, мы склонны предположить, что в процессе развития именно онтологического видения и, следовательно, истинного глубинного знания, он (культ) постепенно перестанет представлять собой социально значимое явление. Развитие онтологического видения и знания внутри человеческой цивилизации актуализирует не бинарный код предопределенности выбора, но бесконечность творчества как трансцендентной силы и начала подлинно *нового*. Культ, вполне вероятно, уступит место созерцанию идей, оказавшись абстрактной завесой, скрывавшей истину.

Безусловно, симуляция как процесс, актуальный в любой момент времени в конкретном, точно определенном результате, с позиций диалектики представляет собой бесконечную смену элементов кода, в чередовании либо повторяемости которых принципиально не может быть изъяна, через посредство которого могла бы произойти трансформация виртуального пространства. Однако то, что симуляция не имеет трансцендентного основания, позволяет нам сделать вывод о ее бытийной неполноценности, что предопределяет ее бренность. В качестве важнейшего фактора трансформации пространства, бытия мы видим именно человека, вернее – его сознание, постигшее собственное трансцендентное творческое основание [2], способное трансгрессировать из пространства бинарного

кода в пространство свободы и неограниченного потенциала, сменив цифровую эпоху на принципиально новую эпоху истинного творчества.

Список литературы

1. Культ // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e6f679561d7307da73a9 (дата обращения: 23.10.2020).
2. Корешков П. В., Маленко С. А., Некита А. Г. Творчество как форма катарсиса в современном мире // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Наука молодых: вызовы и перспективы». Великий Новгород, Новгородский филиал РАНХиГС, 2020. 315 с.
3. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / под ред. А. И. Кобзева; 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1993. 583 с.
4. Генон Р. Символика креста. М.: Прогресс-Традиция, 2003.704 с.
5. Винер Н. Творец и робот. Обсуждение некоторый проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией / пер. с англ. М. Н. Аронэ и Р. А. Фесенко. М.: Прогресс, 1966. 102 с.

УДК 791.43.01
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.07

КИНОУЖАС В ЭПОХУ МИЛЛЕНИУМА: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ СТРАДАНИЙ И КАТАСТРОФ

Маленко С. А.*, Некита А. Г.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: olenia@mail.ru*

FILM HORROR IN THE MILLENNIUM ERA: THE GLOBALIZATION OF PERSONAL SUFFERING AND CATASTROPHES

Malenko S. A.*, Nekita A. G.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: olenia@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые этапы идейной эволюции американских фильмов ужасов. Их можно сгруппировать в два основных этапа, опираясь на определение субъекта страданий, визуализация которых формирует художественную традицию их переживания и осмысления. Первый этап связан с изображением преимущественно индивидуальных страданий, боли и смерти во враждебном природном и социальном окружении. Второй этап в истории голливудских фильмов ужасов ориентируется на визуализацию коллективных страданий, связанных с катастрофическими угрозами разрушения природного и социального окружения. Рефлексия над символами конца истории становится ведущим мотивом трансформации современного американского фильма ужасов.
Ключевые слова: *американский фильм ужасов, визуализация, субъект страданий, конец социального, смерть и катастрофа.*

Abstract. The article discusses the key stages of the ideological evolution of American horror films. They can be grouped into two main stages, based on the definition of the subject of suffering, the visualization of which forms the artistic tradition of their experience and understanding. The first stage is associated with the depiction of mainly individual suffering, pain and death in a hostile natural and social environment. The second stage in the history of Hollywood horror films focuses on visualizing the collective suffering associated with catastrophic threats to the destruction of the natural and social environment. Reflection on the symbols of the end of history becomes the leading motif of the transformation of the modern American horror film.
Keywords: *american horror film, visualization, the subject of suffering, the end of the social, death and disaster.*

Современный кинематограф совершенно немыслим без одного из своих самых скандальных жанров – фильма ужасов, который уже с момента своего появления приковал внимание миллионов зрителей по

всему миру к незатейливым, но крайне поучительным историям, чем выполнил крайне важные «ритуальные и идеологические функции» [1]. Со временем этот жанр и вовсе стал настолько популярным, что сегодня без применения либо же сюжетного «обыгрывания» уникального опыта его «страшилок» не обходится ни один кинофильм, всерьез претендующий на коммерческий успех и зрительское внимание. Основная материя, с которой повсеместно и необычайно профессионально работает фильм ужасов, – это страх обычного человека перед неведомыми природными и социальными явлениями, а также перед скрытой вселенной его собственных достоинств и недостатков, о существовании которых он в большинстве случаев даже не подозревает.

Появление подобных фильмов в самом начале кинематографической эры связывалось с величайшими интуициями первых режиссёров и продюсеров, которые нутром почувствовали необъяснимую и неиссякаемую тягу, как правило, недалекого, интеллектуально и чувственно неразвитого массового зрителя, к теме смерти и страданий, бессознательно и интуитивно интерпретируемых им «как средства производства, стабильно приносящие страх» [2]. Особого шарма подобным киноисториям, безусловно, придавали знакомые, привычные и повседневные контексты, в которых, собственно, и разворачивались увлекательные и ужасные события этих фильмов. При этом центральным сюжетом на долгие десятилетия становятся киномифы, повествующие о человеке, внезапно и вдруг столкнувшемся с целым сонмом смертельных опасностей. По сути дела, фильм ужасов всегда не только подробно и последовательно рассказывал о самом факте наличия индивидуальных угроз, но и о драматических попытках их преодоления.

Поэтому зарождение жанра фильмов ужасов можно смело связывать с экстремальной актуализацией антропологических стратегий, настоятельно требующих изменения привычного, стихийно сложившегося обывательского образа жизни. В то же время именно страдающее человеческое тело закономерно становится главным «героем» этого этапа формирования жанра киноужасов, поскольку стремительно и трагически «утрачивает свою интимность и с помощью новых технологий превращается в порнографический объект наслаждения» [3, с. 67]. Американская «фабрика грёз» активно подхватила эти европейские тренды, в свою очередь, создав весьма необычные и экстремальные сюжетные линии и образы. В то же время именно Голливуд, в совершенстве освоив технологию производства фильмов ужасов, превратил их в один из самых прибыльных продуктов культурных индустрий. В результате под ужасающий аккомпанемент двух мировых войн и сотен конфликтов «малой интенсивности» практически весь XX век прошёл «под знамёнами» страдающего и истерзанного человеческого тела как ведущего и коммерчески значимого образа в американских фильмах ужасов.

Профессиональная и высокотехнологичная визуализация этих страданий не только мгновенно привлекла внимание обычного зрителя и начала исподволь, назидательно демонстрировать определенные модели желательного для власти и конформного поведения, но и попыталась ответить на «наиболее острые и актуальные антропологические запросы, которые впервые в истории массово возникли только на рубеже Новейшего времени» [4, с. 2]. И действительно, какой бы ужасный голливудский образ мы ни взяли, перед нами всегда будет «маячить» типичный обыватель со средними потребительскими и познавательными запросами, для которого утрата потребительского «знакомого мира» и важнейших его сенсорных товарно-сервильных меток на самом деле означает тотальное разрушение бытия. В извращённой логике протагоровского человека, для которого именно он сам и был мерой всего существующего, американский зритель, как законченный эгоист-обыватель с чётко обозначенными потребительскими векторами, живо откликался на подобные художественные провокации, которые, в то же время, бессознательно закрепляли чувством страха и ужаса его привычный круг социальных «активностей». И это вполне понятно, поскольку страх, который испытывает в своей жизни любой человек, всегда связан с исключительно личными переживаниями по поводу возможных телесных страданий и ужасной смерти.

В то же время 70–80-е годы XX века становятся эпохой, когда голливудский фильм ужасов престаёт быть исключительно бытовой и досуговой «страшилкой», превращаясь в жанр, который активно и продуктивно пытается осознать саму природу человеческого страха и освоить загадки его социальной драматургии. Именно в этот период появляются знаменитые фильмы, которые до сих пор будоражат сознание и чувства даже искушённых зрителей начала XXI века. Подобная ситуация становится возможной не только благодаря интуитивно найденным приёмам съёмки, построения художественного кинотекста, спецэффектам, но и самим ужасным образам, которые в совокупности позволили голливудским мастерам начать широкомасштабную работу по поиску причин популярности этого жанра и необычайной отзывчивости зрителей к его сюжетам. Именно во второй половине XX века начинают появляться первые исследования настоящих профессионалов в целом ряде областей гуманитарного знания, посвящённые мультидисциплинарному анализу социокультурной природы самого жанра ужасов и его глубинных антропологических оснований.

Закономерным итогом многолетней научной рефлексии над фильмами ужасов стала вполне ожидаемая ситуация, когда плоды исследовательских интерпретаций начали оказывать самостоятельное и вполне ощутимое возвратное воздействие и на развитие самого этого жанра, побуждая режиссёров и продюсеров к поиску новых сюжетных

линий, к трансформации образности и героики. К тому же и технический прогресс оказал непосредственное стимулирующее воздействие на сюжетику и стилистическое оформление голливудского хоррор-кинематографа, поскольку позволил вывести визуализацию древнейших людских страхов на небывалый ранее уровень технологической оснащённости. В совокупности предоставленные в распоряжение голливудских фильмов ужасов к концу XX века технические, идейные и политические возможности вполне ожидаемо привели к масштабной трансформации этого жанра, практически втянувшего в свою орбиту не только весь кинематограф как необычайно «ценный источник аудиовизуальной антропологии» [5, с. 95], но и всё массовое искусство в целом.

Эти изменения проявляют себя сегодня, в первую очередь, в парадоксальных сюжетных мутациях фильмов ужасов. Безмерно страдающее индивидуальное тело постепенно уступает свои приоритетные позиции, а киноужас в эпоху миллениума теперь порождается отнюдь не только угрозами индивидуальной безопасности, утраты целостности тела и ощущения мира, крушением локальных, потребительски-обывательских вселенных. С начала 2000-х в голливудское кинопроизводство решительно взяты сюжеты, повествующие об ужасе тотально разрушающегося культурного ландшафта, о трагической утрате привычной городской среды как таковой. Любые жизненные опасности для отдельных индивидов теперь меркнут на фоне масштабных, зачастую даже планетарных катастроф, касающихся всех без исключения.

Новая реинкарнация идей Апокалипсиса, наложенная на откровенно «катастрофический» прогресс съёмочной техники и технологии компьютерной обработки кадра, с новой силой реанимирует идеи традиционных, а местами даже архаических культур, связанные с насущной необходимостью поддержания жизнеспособности уже всего социального тела. Следует оговориться, что реальная социально-политическая практика непрерывно предоставляет для таких фантазий обильную пищу в виде непрекращающихся войн, региональных и корпоративных конфликтов, техногенных катастроф, явно убеждая современного зрителя в безвозвратной деградации прежних социальных связей, которые до сих пор худо-бедно скрепляли общество потребления. Иногда складывается впечатление, что Голливуд умышленно и постоянно вбрасывает в пространство современной массовой культуры вообще все в принципе возможные конфликты, стремясь оживить все без исключения «скелеты в шкафу» современной потребительской цивилизации, которые она старательно вытесняла на протяжении десятков веков своей неизменно воинственной, а потому и героической истории.

Такая противоречивая палитра социальной жизни окончательно лишает либеральную идеологию той мифической социокультурной

ценности, которую она формировала и апробировала на протяжении последних столетий. А это значит, что современный зритель, с его эгоистическими, либеральными иллюзиями по поводу собственной свободы, с необходимостью оказывается у «разбитого корыта» некогда великой и не в меру воинственной цивилизации. Это приводит обывателя к тотальному разочарованию не только в самом себе и собственных жизненных принципах, но и обуславливает необычайный всплеск антицивилизационных, антикультурных, а местами и откровенно антиантропологических, да и вообще антивитальных моделей, бессознательно направленных против всего того, что буквально вчера прочно связывало его с привычным, защищённым, уютным и ещё совсем недавно незыблемым миром цивилизации.

Конечно, в этих условиях «старый и добрый» голливудский фильм ужасов просто не мог не измениться. Поэтому в границах этого жанра постепенно начинают выкристаллизовываться новые направления, в которых акценты смещаются с ужаса индивидуальных утрат, на кошмар окончательного разрушения всей социальной среды и планетарной природы. «В условиях постмодерна и безусловного господства его новых цифровых форматов современная цивилизация и её единственный достойный представитель – власть, почти отказались от давно уже набивших оскомину форм демонстрации грубого физического насилия. Реки крови, изувеченные тела, горящие города и исковерканные природные ландшафты практически перестали быть визитными карточками тоталитарных режимов. Весь кровавый экшн былых “тёмных” эпох сместился в сторону “ползучей”, медийной, но от этого не менее тотальной дискредитации витальности человека и природы в целом» [2].

Появление экшн-хоррора, зомби-апокалипсиса, natural-хоррора, био-хоррора, интернет-хоррора, мокьюментари-хоррора, киберпанка и постапокалипсиса неопровержимо свидетельствует о торжественном выходе голливудского и мирового хоррора на кросс-жанровый уровень, когда его элементы уже прочно, неизменно и органично проникают в любые самостоятельные жанры и их сочетания. Подобная методологическая посылка позволяет понять всю сложность описываемых трансформационных процессов, которые, с одной стороны, характерны как для самого жанра ужасов, так, с другой, и для всего человеческого общества в целом, пороки и язвы которого с беспощадной жестокостью и ужасной прямотой визуализирует голливудский фильм ужасов.

Как раз поэтому фильм ужасов сегодня – это уже далеко не приватная, ужасная история о частных, внутригрупповых и индивидуальных конфликтах и связанных с этим страхах. Наоборот, именно голливудский фильм ужасов «в условиях повсеместной деградации производственного типа цивилизации оказался одним из наиболее удачных художественно-пропагандистских продуктов, которые до сих пор

удерживают потребителя в границах элитарно-массовой парадигмы буржуазной культуры» [3, с. 75]. Это произведение-предчувствие, предупреждающее каждого в отдельности и всё человечество в целом о шаткости и призрачности избранных социальных идеалов и коммуникативных стратегий. Такой фильм, уже в новых цифровых реальностях, увлекательно рассказывает массам зрителей о примордиальной значимости традиционных форм взаимодействия людей, опирающихся на ценности любви, красоты и всеобщего блага.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129).

Список литературы

1. McFadzean A. The suburban fantastic. A semantic and syntactic grouping in contemporary Hollywood cinema // Liverpool University Press Online. 2017. Vol. 10. Issue 1. URL: https://online. liverpooluniversitypress.co.uk/doi/10.3828/sfftv.2017.1. doi.org/10.3828/ sfftv.2017.1 (дата обращения: 25.09.2020).
2. Malenko S., Nekita A. Hollywood futuro-horror, or Why the younger generation chooses hunger and fear instead of «Pepsi» // Russia and America in the 21st Century. 2020. Issue 4 [Electronic resource]. URL: https://rusus.jes.su/s207054760013317-5-1/ (дата обращения: 15.12.2020). DOI: 10.18254/S207054760013317-5
3. Маленко С. А., Некита А. Г. Антропология пролетарской телесности: идеологическая стратегия потребления страданий и смерти в культурной традиции американского фильма ужасов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 66–78. URL: https://www.elibrary.ru/ item.asp?id=44014429
4. Маленко С. А., Некита А. Г. Власть-спецэффект: генезис и политико-идеологическая миссия визуальных технологий в традиции американского фильма ужасов // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). URL: http://jwt.su
5. Rebollo J. G. Anthropology, Visuality And Refraction: An Approach On Gender Representa-tions In Hollywood Cinema By The Hays Code // Vivência: Revista de Antropologia. Universitat Autònoma de Barcelona. 2017. Vol. 1, № 50. P. 95–116. URL: https://periodicos.ufrn.br/vivencia/ar-ticle/view/13363. DOI: doi.org/10.21680/2238-6009. 2017v1n50ID13363 (дата обращения: 25.09.2020).

УДК 008
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.08

ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВУЮ ЭКОНОМИКУ РОССИИ

Мальшина Н. А.

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова (Саратов, Россия)
E-mail: malsnataliya@yandex.ru

TRENDS IN THE INTEGRATION OF THE CULTURAL INDUSTRY IN THE DIGITAL ECONOMY OF RUSSIA

Malshina N. A.

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov (Saratov, Russia)
E-mail: malsnataliya@yandex.ru

Аннотация. Основной целью работы является разработка эффективных форм интеграции культурных индустрий в цифровую экономику РФ, исходя из которой, основной задачей является анализ тенденций развития культурных индустрий с использованием инструментов цифровой экономики. Культурная индустрия утвердилась как новая цифровая экономика, где нематериальная ценность всё больше определяет материальную ценность, так как потребители ищут новый и обогащающий опыт, независимо от материальности содержания.
Ключевые слова: *индустрия культуры, цифровая культура.*

Abstract. The main goal of the work is to develop effective forms of integration of cultural industries into the digital economy of the Russian Federation, based on which, the main task is to analyze trends in the development of cultural industries using the tools of the digital economy. The modern cultural industry has established itself as a new digital economy, where intangible value increasingly determines material value, as consumers seek a new and enriching experience, regardless of the materiality of the content.
Keywords: *culture industry, digital culture.*

Подобрать определение для такого многомерного и многозначного понятия «культура» из множества существующих всегда сложно и всегда было социально обусловленным вопросом. А теперь понятие «культура» стало широко используемым во множестве современных контекстов (политических, социальных, образовательных, экономических и т.д.). Представляется возможным использовать два конкретных подхода к определению термина «культура»: гуманистический и антропологический. С *гуманистической* точки зрения, культура понимается как результат культивирования и совершенствования человеческого знания путем

осуществления наших интеллектуальные способности и, в *антропологическом* плане, рассматривается как совокупность образа жизни и обычаев, знаний и степени художественного, научного и производственного развития в определенный период или социальной группе [1, с. 69].

В современном глобальном цифровом социальном контексте возникла необходимость переосмыслить понятие «культура». Поэтому, принимая во внимание, что коммуникационные технологии являются актуальными символами современного информационного общества и общества знаний [2], очевидно, что возникает понятие о *сетевой цифровой культуре*. Определение *цифровой культуры* возможно через рассмотрение как образа жизни, принадлежащего эпохе, основанной на постмодернистских ценностях, когда социальные сети (Интернет) стали неотъемлемой частью повседневной деятельности бесчисленного количества людей [3].

Основной целью работы является разработка эффективных форм интеграции культурных индустрий в цифровую экономику РФ, исходя из которой основной задачей является анализ тенденций развития культурных индустрий с использованием инструментов цифровой экономики.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод, предопределяющий изучение экономических явлений в их постоянном развитии и взаимосвязи, а также общенаучные методы познания.

Одно из общих понятий, которое, как правило, используется для описания цифровой культуры, – это термин «*киберкультура*». Это неологизм, сочетающий слово «культура» и приставку «кибер» (применительно к кибернетике и виртуальной реальности), который используется для описания нового образа жизни в современном обществе. Социолог D. Kerckhove [4] рассматривает «киберкультуру» с трех точек зрения:

1) «интерактивность», связь между человеком и цифровой средой определяется возможностью участия двоих;
2) «гипертекстуальность», которая является интерактивным доступом к текстам и смыслам;
3) «связности», возможность развития технологий через Интернет.

Тем не менее «киберкультура» и «цифровая культура» все еще находятся в процессе становления в условиях нового пространства социальной структуры и информационных, коммуникационных, когнитивных, эмоциональных, сенсорных и интерактивных и других изменений человеческого поведения.

С одной стороны, есть те, кто придерживается позиции, что «киберкультура» – это эволюция культуры, а с другой – есть те, кто рассматривает «*цифровую культуру*» как часть культуры в целом. Также

есть те, кто считает, что глубинные изменения парадигмы основаны на гибридизации технологий, что порождает начало полной трансформации общества. Поэтому современное определение «*цифровой культуры*» следует понимать как изменения ценностей, обычаев, верований, привычек, практик и типов поведения (индивидуальные, социальные и общественные), вызванных неудержимым развитием цифровых технологий. Другими словами, сочетание культурных выражений, технических процессов, инновационных методов работы и коммуникативных выражений, характерных для цифровой эпохи.

Таким образом, динамическая концепция «*цифровой культуры*» может быть понята как процесс интеграции и проникновение, с одной стороны, культуры, которая получает все большее информационное освещение благодаря цифровой парадигме, и, с другой стороны, цифровых технологий, в которые вмешиваются традиционные культурные практики. Точка пересечения обеих позиций порождает то, что мы понимаем как нашу современную культурную модель – новое пространство [1], поддерживающее коммуникативные потребности, творческие практики, новый *трансмедийный нарратив* и социальные трансформации, новый контекст, который мы не в состоянии контролировать и который постепенно разрушается. «Цифровая культура включает в себя многочисленные способы, которыми массовые культуры выражают себя и смешиваются друг с другом посредством различных способов производства, распределения и удовлетворения, и чья медиатизация носит цифровой характер» [3]. Это культура, пересеченная цифровой парадигмой и цифровыми технологиями, в которую вмешивается эстетика и нарративы традиционной медиакультуры. Из этого переплетения возникает набор новой эстетики, нарративы и технологии, характеризующие современную культуру. Следовательно, границы между виртуальным и реальным пространством уже не так ясны. Таким образом, виртуальность, более чем нереальная, начинает приобретать значение скрытого аспекта материальной реальности [5]. Культура и цифровая культура развиваются и все больше взаимодействуют, поскольку они формируют наш опыт, который все более близок друг к другу. Культура – это процесс, она динамична и находится в процессе постоянного движения и трансформации.

Цифровую культуру можно рассматривать как маркер современной культуры, поскольку он включает в себя как артефакты, так и системы означивания и коммуникации, которые наиболее четко определяют наш современный образ жизни от других [6]. Развитие все более сложных цифровых технологий способствовало трансформации пространственно-временных измерений, вне культурного, исторического и географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или коллажи образов, вызывающие потоки пространств и времени, переплетаясь, становясь

непрерывным и вневременным [7]. Культуру цифрового века можно определить как культуру реальной виртуальности, где пространства разные, но реальные.

Киберпространство превратилось в огромный сервер, содержащий бесконечное количество данных, информации и фрагментированных знаний, которые создаются, уничтожаются и модифицируются в результате совместной деятельности людей через онлайн-соединения [8].

Культура, понимаемая как сложное целое, образующее часть этого цифрового века информации и коммуникации, и как таковая она претерпела трансформацию.

Широкое внедрение цифровых инноваций и глобализация цифрового контента принесли столько же возможностей, сколько и недостатков для всех участников процесса создания стоимости услуг и товаров культуры. Начиная с проекта и заканчивая производством, распространением и потреблением культурных товаров и услуг, включая виды и способы предоставления культуры, цифровые технологии принесли значительные выгоды не только потребителям, но и творцам, и культурной индустрии в целом. Произошла трансформация по сути классических произведений в крупные «культурные и творческие индустрии», которые помогают создавать новые формы досуга, опыта и потребления накопленного годами культурного наследия. Цифровые технологии в культуре также генерируют радикально новое содержание, стимулируя инновационные структуры производства, спроса и потребления культурного наследия. Более того, цифровые технологии в культуре влияют на ВВП, в районе 3% в ЕС [9]; фактически они сейчас лидируют в таком новом направлении, как «умный рост» в наиболее конкурентоспособных городских пространствах Европы.

Индустрия культурного контента обширна и охватывает восемь областей (художественное и монументальное наследие, архивы, библиотеки, книги и пресса, изобразительное искусство, архитектура, исполнительское искусство, аудио- и аудиовизуальные средства массовой информации/мультимедиа) и шесть функций (сохранение, создание, производство, распространение, торговля/продажа и образование) [9]. Это культурная индустрия, которая не только утвердилась как экономика культуры, производящая культурные товары и услуги в массовом масштабе, но также и как новая цифровая экономика, где нематериальная ценность все больше определяет материальную ценность – всё потому, что потребители ищут новый и обогащающий опыт, независимо от материальности содержания.

Европейская Комиссия [9] проводит различие между понятиями «культура» и «креативность». Для «культурных индустрий» используется определение конвенции ЮНЕСКО 2005 года, которое их идентифицирует с такими видами деятельности, как производство и распространение товаров или услуг, которые на момент их разработки обладают конкретными

свойствами, целями или задачами, которые воплощают и передают культурное самовыражение, независимо от наличия своей возможной коммерческой ценности [9]. Что касается креативных индустрий, то они определяются как «использующие культуру в качестве входных данных и имеющие культурное измерение, хотя их цели в основном коммерческие» [10]. Они включают архитектуру и дизайн, которые интегрируют творческие элементы в более широкие процессы, а также подсекторы, такие как графический дизайн, дизайн одежды или реклама.

Таким образом, такой глобальный процесс цифровизации может наблюдаться во всех секторах общества, что приводит к созданию мощной экономически прогрессирующей индустрии цифрового контента. Ярким примером этого является аудиовизуальный сектор (кино, музыка, видеоигры и т.д.), который продолжает расти, и на цифровую музыку сейчас приходится более высокий оборот, чем на традиционную музыку. Киберпространство превратилось в идеальную среду для распространения культуры, и различные сектора культуры отметили усиливающиеся влияние Интернета в той или иной форме. «Интернет – это самая большая витрина в истории, это выражение способа производства, введения в оборот, обмена и потребления культуры, которая, как правило, преобладает» [3]. Тем не менее, рассматривая влияние цифровых технологий и Интернета на культуру, с точки зрения социальной полезности, понимается их использование в качестве инструментов, поддерживающих разработку и распространение произведений культуры для более широкой аудитории и с меньшими затратами, независимо от физических и географических ограничений. Создатели благодаря цифровой революции теперь имеют возможность привлекать более широкую аудиторию и рынки и предоставлять им оптимальное культурное предложение.

Более того, появляется гиперсвязанность, где ожидание и время производства сливаются в континуум потребления, коммуникации и мобильности. И это позволило людям поддерживать связь с культурной медиа-системой в любое время и в любом месте. Благодаря интерактивности, гипертекстуальности, связаности и вездесущности культура является массово создаваемой культурой. Изменения, происходящие в обществе, неизбежно оказывают влияние на культуру. Цифровая культура включает в себя пересмотр традиционных основ понятия «культура» во всех ее формах – символической, социальной и экономической. «Киберкультура» – это новая культура 21-го века, культура, связанная с цифровым обществом, мобильное общество, воплощенное в Интернете.

Тем не менее понятие «цифровая культура» продолжает развиваться и в настоящее время продолжает оставаться неопределенным и амбивалентным термином. В данной статье он рассматривается как

гибридный термин между традиционной культурой, пересеченной цифровой эпохой, и цифровыми технологиями, в которые вмешались эстетика и нарратив медиакультуры. Иными словами, оно рассматривается как радикальное социальное изменение, включающее в себя набор новых форм культурного самовыражения, технических процессов, методов работы и коммуникативного опыта, охватывающих практически все сферы деятельности общества. Данное рассмотрение цифровой культуры требует целостного осмысления феномена, составляющего часть этого сложного, изменчивого и хаотичного мира.

Изменился способ доступа к информации и ее использования, но еще больше изменился способ ее создания и передачи. В этом новом контексте культура может найти еще большие возможности.

Различные культуры оказываются в процессе позиционирования себя и в *постцифровом* контексте. Здесь подтверждается определение термина «*постцифровой*», который относится не к ситуации, когда цифровые технологии остались позади, а, скорее, к контексту, в котором оцифровка встроена во все сферы жизни и глубоко маркирует культурные сдвиги и переплетения, способом, который удивительно отличается от того, как это было ранее. «Пост…» по своей сути связано с неопределенностью, что делает исследование постцифрового мира, возможно, более своевременным, чем даже цифрового.

Конвергенция медиа-культуры, понимаемая как поток контента через несколько медиаплатформ культуры, приобретает новые значения и имеет новые потенциальные последствия в текущем постцифровом контексте.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-01004/20 «Разработка организационно-экономических и финансовых механизмов поддержки и стратегического развития индустрии культуры в регионах России».

Список литературы

1. Viñals Blanco Ana, Martín Fernando Bayón and Nuere Cristina Ortega. Promoting digital competences for the enjoyment of culture: new literacy challenges // ENCATC Journal of Cultural Management and Policy. 2014. Vol. 4. Issue 1. pp. 68–78.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ : АСТ Москва, 2009. 795 с.
3. Igarza R. En la ruta digital: cultura, convergencia tecnológica y acceso. Argentina: Secretaría de Cultura de la República de Argentina. 2012. URL: http://sinca.cultura.gov.ar (accessed 22 September 2013).
4. Kerckhove D. La piel de la cultura. Investigando la nueva realidad electrónica. Barcelona: Gedisa editorial, 1999. 254 p.
5. Hawk B., Rieder D. M. “On Small Tech and Complex Ecologies” // The Culture of Digital Tools. Minneapolis / eds. Hawk B., Rieder D. M. Oviedo O. London: University of Minnesota Press, 2008. pp. IX–XXIII.

6. Gere C. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2002. 248 p.
7. Castells M. La era de la información. Economía, cultura y sociedad. La sociedad red. Madrid: Alianza. 1997. 500 p.
8. Siemens G. Conociendo el conocimiento. Ediciones Nodo Ele. 2006. 182 p.
9. European Commission. A Digital Agenda for Europe. Brussels, 19.05.2010. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0245:FIN:EN:PDF
10. Мальшина Н. А. Терминология креативной индустрии в аспекте лингвокультурологии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1. С. 21–29.

УДК 130.122
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.09

НАЧАЛО ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ: НЕОМИФ И ТРАНСВИРТУАЛЬНОСТЬ

Мурыгин Г. Д.*, Лир Л. Л.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
**E-mail: Murygin@polit.msu.ru*

THE BEGINNIG OF HYPERREALITY: NEOMYTH AND TRANSVIRTUALITY

Murygin G. D.*, Lir L. L.

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
**E-mail: Murygin@polit.msu.ru*

Аннотация. Основной темой является трансформация человеческого сознания под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий и появление неомифического архетипа сознания, формирующие гиперреальность. Были описаны основные тенденции происходящей социальной революции и описана структура гиперреальности. Сформулирован признак трансвиртуального искусства и метод конституирования культурных артефактов неомифа.
Ключевые слова: *гиперреальность, неомиф, трансвиртуальность, импликационная триада.*

Abstract. The main theme is transformation of human consciousness under the influence of modern information and communication technologies and the emergence of neomythical archetype of consciousness, which is forming hyperreality. The main trends of ongoing social revolution were described and the structure of the hyperreality was described. The sign of transvirtual art and the method of constituting cultural artefacts of neomyth are formulated.
Keywords: *hyperreality, neomyth, transvirtuality, implication triad.*

«Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательством тому – влечение к чувственным восприятиям…» [1, с. 3]. Знание служит инструментом понимания мира во всем его многообразии. Французы говорят: «Понять, значит привыкнуть», – что удачно показывает исторический путь развития понимания мира. Так, первобытный человек сперва долго привыкал к миру и лишь сравнительно недавно мы действительно приблизились к его пониманию.

Понимание мира не сразу началось с познания. Первобытное сознание постигало мир через миф – нерефлексивного синтетично-целостного восприятия мира. Мифологическое сознание оформляло его в

чувственно-образном восприятии. Это процесс переживания комплекса общих ощущений как психических событий, в которых мир, сознание и культура связаны.

Миф стал фактором трансформации стада приматов в первый социум, построенный на устойчивой системе коммуникации. Так, миф выполнял консолидирующую функцию в становлении общества, являясь не только способом описания действительности, но и регламентацией быта. Об этом свидетельствует возникновение первых институтов тотема и табу и ритуальных практик. Уже тогда миф закладывает основы культурных форм деятельности, таких как поэзия, танец, живопись и театр, проистекающих из акта первого искусства. Это перенос внутреннего чувства во внешний мир. Так возникают первые образцы культуры, воплощающие эстетические, сакраментальные и сакральные ценности, которые указывают на символичность культурных артефактов, а это значит, что они виртуальны. Их появление запустило процесс виртуализации сознания, то есть развертывания виртуальной среды (семиотической сферы бытия), сохраняющей в себе смыслы. Когда-то засечка, оставленная в память об умершем соплеменнике, стала символом. Символ – нечто, существующее не только как само по себе, но и как указание на что-то ещё. Эта засечка обречена начать первую когнитивную революцию, которая приведёт к изобретению письменности и завершит доисторическую эру.

Изобретение слогового письма послужило отправной точкой исторической, виртуальной эры раскола мифа. Произошло субъектно-объектное разделение мира, что привело к возникновению и развитию философии и религии, а позже – науки. Постоянная изменчивость мифа в живом слове прямо противоречила постоянству написанного мёртвого слова. Лучшее описание этой изменчивости мы находим у Геркалита Эфесского, утверждавшего, что всё существует и в то же время не существует, так как всё течёт, всё постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения [2].

Человечество в ходе очередной когнитивной революции вступает в новую, трансвиртуальную, эру. Этому способствовало появление нового типа коммуникации – сети Интернет. Во всемирной паутине вновь собираются воедино осколки мифа, образуя неомиф. Интернет как новый тип коммуникации характерен собственной изменчивостью (динамикой) по мере эксплуатации, что возвращает миру его «текучесть». Согласно М. Маклюэну, современные средства коммуникации становятся продолжением человеческого сознания во внешней среде [3] или, в современной парадигме, киберпространстве, образуя тем самым процесс трансвиртуализации – переноса внутреннего чувства в виртуальную среду.

С началом пандемии COVID-19 виртуализация социума свершилась. Это произошло в связи с тем, что физическая изоляция стала преподноситься

как инструмент выживания при сохранении привычного уровня социальной активности, но уже онлайн. Таким образом, осуществился переход на заключительный этап трансформации человеческого общества в абстрактное. К. Поппер описывал абстрактное общество следующим образом: «...в таком обществе все дела совершаются индивидуумами в полной изоляции, и эти индивидуумы связываются друг с другом при помощи писем или телеграмм и разъезжают в закрытых автомобилях» [4, с. 126]. В сущности описанная им картина крайне напоминает будни в мегаполисе. Мы полагаем, что трансформация культуры, описанная в процессах выше, есть новая социальная революция, которая ведёт нас к гиперреальности.

В чём заключается эта революция? Отвечая на этот вопрос, следует отметить, это незавершённый процесс, который мы наблюдаем в следующих тенденциях: расширение саморегуляции социума, формирование новой этики, синергия традиций и инноваций и трансвиртуализация как условие перехода к гиперреальности.

Первая тенденция выражена процессом утраты национальными государствами контроля над собственными гражданами. В ходе этого процесса происходит разрушение трёх основных государственных монополий: на передвижение граждан (процессы миграции населения, частично приостановленные сейчас пандемией), на передвижение денежных масс (развитие криптовалют) и на информацию (преобладание горизонтальной сетевой структуры Интернета). Вторая тенденция заключается в активном влиянии интернет-культы на общественное мнение и, как следствие, выработке новой системы отношений между людьми. Возможность группобразования по специфическим признакам подобия в Интернете привело к нормализации социального поведения, ранее считавшегося девиантным (признание прав секс-меньшинств). Третья же тенденция заключается в сочетании традиционных форм культуры с продуктами научно-технической революции. Осуществляется интеграция духовной сферы жизни в виртуальное пространство с использованием современных технологий (совместная публикация Ватикана и Microsoft «Римского призыва к этике искусственного интеллекта», открытие онлайн-храмов РПЦ). Четвёртую тенденцию мы рассмотрим более подробно, поскольку она является ключевой в понимании происходящего процесса.

Гиперреальность нам видится венцом воздействия современных ИКТ на человеческое сознание, ведь, как писал А. Моль: «Структура нашего сознания в слишком сильной степени является отражением окружающего мира, чтобы происшедшие в этом мире коренные перемены прошли бесследно для нашей культуры» [5, с. 43]. Данное положение позволяет выделить три структурных элемента гиперреальности: сознание, окружающий мир, культура. В старой парадигме принято считать, что отношения между ними носят простой и линейный характер, в то время как в рамках неомифа их связанность носит комплиментарный характер. Это

взаимоотражение двух типов: проективное и интроективное отношения. Мир имеет проективное отношение к сознанию как действительность, интроективное как миф; мир к культуре проективное отношение как виртуальное, интроективное как природа; сознание проективное отношение к культуре как социум, интроективное как реальность. Таким образом, выделение этих трёх элементов в контексте гиперреальности носит относительный характер.

Современный архетип сознания мы определим как неомифический, пришедший на смену философскому, религиозному и научному. Неомиф является пространством объединения личного бессознательного с коллективным, выражением которого является Интернет, заключающий в себе совокупность разнообразного человеческого опыта. Это опыт мировой культуры, являющийся продуктом деятельности разных архетипов сознания. Неомиф в своём единстве приближает человечество к тотальной культуре. Это движение обусловлено логикой развития медиа, описанной Маклюэном как взаимная интеграция в разных формах. Движущей силой этого процесса остаётся единство и борьба противоположностей, но на качественно новом уровне. Так, например, несмотря на интеграционную функцию сети Интернет, она не в меньшей мере разъединяет людей посредством формирования «пузырей фильтров» и информационных эхо-камер. Неомиф выражен в трансвиртуальном мышлении.

Трансвиртуальность открывает возможность переноса внутреннего чувства в виртуальную среду, это единство информации и эксформации, опыта мышления и чувствования, знания и веры. Это легче всего описать через концепцию дополненного знания. Дополненное знание, являясь трансвиртуальным, объединяет знание с верой. На практике это ярко демонстрируется возможностью «загуглить» любой интересующий вопрос, получив мгновенный доступ к имеющимся данным, предопределённым «пузырями фильтров». В действительности полученное знание, как правило, не воспринимается критически и принимается на веру, поскольку благодаря «пузырям фильтров» результат запроса позволяет избежать фрустрации, а потому легко усваивается сознанием.

Современную культуру мы рассмотрим через призму идей П. А. Сорокина, выделившего два основных типа культуры (идеациональную и чувственную) и их промежуточную форму, существующую в качестве синтеза, именуемую идеалистической культурой [6]. Кризисы XX века (две мировые войны) были свидетельством начала активного распада чувственной культуры и, следовательно, начала очередного восхождения идеациональной культуры. Человечество на настоящий момент стремится к построению идеациональной культуры, и уже сейчас мы можем наблюдать некоторые её элементы в науке (этерналисткая и символическая квантовая физика) и искусстве (постцифровая эстетика как поиск компромисса между миром вещей и идей). Впрочем, наиболее ярким симптомом трансформации культуры служат, как ни странно, общественные беспорядки, захлестнувшие

мир в последнее время: США, Венесуэла, Франция, Украина, Беларусь, Гонконг. Само собой, это довольно длительный процесс, и человечеству ещё только предстоит этап идеалистической культуры, свидетельством наступления которой является, например, диалектичность, свойственная продуктам идеалистической культуры, присущая и этому тексту. Установление примата идеациональной культуры станет моментом обретения гегемонии неомифом, поскольку он ляжет в её основу.

Рисунок 1. Матвеев В. Н. Судьба.

Развитие современного искусства также тесно связано с проникновением в него информационных и компьютерных технологий, с их своеобразным синтезом или гибридизацией. Это обусловило трансформацию эстетики и подстегнула поиск новых форм художественной

выразительности, свойственным культурам в период их трансформации, что находит своё выражение в импликационной триаде – признаке трансвиртуального искусства идеалистической культуры современности. Импликационная триада – это в то же время метод конституирования культурного артефакта (на примере живописи в данном случае, рис. 1), основывающийся на логической функции «если, то» (импликации) и трёх компонентах: сложной топологии, интерсюжетности и неомифичности. Под сложной топологией понимается нарушение конфигураций отношения пространства и времени (априорные формы созерцания), интерсюжетность – возможность извлечения смыслов из содержания сознания смотрящего, неомифичность воплощается в сохранении возможности как эмпатического, так и абстракционирующего восприятия произведения, посредством чего сохраняется чистая зримость.

Итак, гиперреальность есть единство отношений окружающего мира, сознания и культуры, стирающее различие между реальным и виртуальным. В частном случае это отражено в объединении личного бессознательного с коллективным в горизонтальной сети, а в общем, то есть культурном, измерении это отражено в стремлении к идеациональной культуре. Таким образом, трансформация сознания в современной культуре диалектически преодолевает старые дихотомии, такие как субъектно-объектные отношения и дихотомия «я-они». Личность отождествляет себя с коллективом, сохраняя индивидуальность. При этом, однако, пропасть между разными группами ширится в связи с информационными асимметриями. На место дихотомии «я-они», устранённой развитием сетевых коммуникаций, приходит дихотомия «мои-другие», обостряющая проблему фрагментации общества.

Неомиф лёг в основу новой социальной революции, ставшей витком общественного развития такого масштаба, что вынуждает нас оставить принятую периодизацию истории актуальной только для прошлой эры. На данном этапе человек становится дикарём трансвиртуальной эры, что требует формирования новых инструментов описания внешнего мира, сознания и культуры.

Список литературы

1. Аристотель. Метфизика [Электронный ресурс]. Электронная библиотека RoyalLib.ru URL: https://royallib.com/book/aristotel_/metafizika.html (дата обращения: 30.11.2020).
2. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. 416 с.
3. Маклюэн М. Г. Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; 5-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. 405 с.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Академический проект, 2020. 988 с.

УДК 791.43.01
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.10

ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ: ГОЛЛИВУДСКАЯ ХОРРОР-АЛЬТЕРНАТИВА СОЗНАНИЮ И КУЛЬТУРЕ

Некита А. Г.*, Маленко С. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: beresten@mail.ru*

EXTREME CONSUMPTION OF EMOTIONS: HOLLYWOOD HORROR-AN ALTERNATIVE TO CONSCIOUSNESS AND CULTURE

Nekita A. G.*, Malenko S. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: beresten@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых направлений воздействия американских фильмов ужасов на массовую зрительскую аудиторию. Очерчиваются позитивные и негативные аспекты подобного влияния, отмечается политико-идеологический характер визуальных художественных манипуляций, характерных для голливудской хоррор-культуры. Также констатируется, что сенсорный, эмоциональный и чувственный «нейтралитет» обывателя порождает мощные компенсации в сфере цифровых технологий.
Ключевые слова: *американские фильмы ужасов, визуализация, зритель, чувства, современные тренды культуры.*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the key directions of the impact of American horror films on the mass audience. The positive and negative aspects of such an impact are highlighted, and the political and ideological nature of visual artistic manipulations characteristic of the Hollywood horror culture is noted. It is also argued that the sensory, emotional and sensory “neutrality” of the average person generates powerful compensations in the field of digital technologies.
Keywords: *american horror films, visualization, viewer, feelings, modern cultural trends.*

Американский фильм ужасов оказался необычайно чувствительным к тем, ещё неявно существующим социокультурным и политико-идеологическим трендам, которые идейно и визуально очерчивают горизонты возможных социальных трансформаций. Триумфальное восхождение визуальной культуры, к которой в полной мере относится анализируемый жанр, напрямую свидетельствует как о необычайной

актуальности новых визуальных запросов массового человека, так и об адекватности способов их удовлетворения. «Ведь именно кинематограф интуитивно попытался визуализировать все наиболее острые и актуальные антропологические запросы, которые впервые в истории массово возникли только на рубеже Новейшего времени» [1, с. 2].

Повсеместное внедрение автоматизированных, конвейерных технологий в сфере производства позволило высвободить значительную долю ресурсов для организации и структурирования свободного времени. Поэтому развитие культурных индустрий в XX веке было непосредственно подчинено целям, связанным с формированием качественного и предсказуемого для власти досуга, который, тем не менее, создавал необходимую социализирующую среду, гарантирующую формирование все новых поколений лояльных потребителей. «Поэтому анализ интуитивно найденных создателями фильмов сюжетных схем и образных конструкций позволяет не только осознать изначальный потребительский запрос зрителя по отношению к популярным сюжетам и желаемым способам их технического оснащения, но также понять процесс идентификации киножанра в художественном и социокультурном пространстве» [1, с. 9].

Фильм ужасов крайне удачно встроился в практику политико-идеологического сопровождения досуга и в наглядной форме зафиксировал практически все наиболее актуальные антропологические противоречия, которые к тому времени сформировала цивилизация. «В определенном смысле традиция американских фильмов ужасов является весьма неординарной попыткой визуализации марксистских, а позднее и неомарксистских идей в пространстве классического капитализма, стремительно мутирующего в постиндустриальном, информационном и досуговом направлении» [2, с. 133]. К тому же именно этот киножанр, демонстративно отказавшись от избыточных рациональных смыслов, в значительной мере лишь приукрашивающих действительность, абсолютно искреннее попытался воспроизвести ключевые принципы господствующей социальной коммуникации. Это обусловило его вполне понятную и закономерно растущую популярность среди массовой зрительской аудитории, уже порядком подуставшей как от возвышенных, гламурных, так и отвлечённых от реальной жизни рационализированных, политико-идеологических схем классических эпох.

Правда, для этого жанра также отнюдь не чужд художественный вымысел, который, в данном случае, однако, имеет совсем другую окраску и принципиально иные способы демонстрации и обоснования. Ведь они однозначно склоняются к визуальному воздействию на массы, как реальной, действенной и куда как более прибыльной форме коммуникации, безвозвратно вытесняющей вербальное или же печатное жонглирование устаревшими риторическими фигурами. Шокирующей

визуализации подверглась сфера наиболее действенных политико-идеологических принципов, которыми традиционно руководствовалась власть, в том числе и современная, а также весь «дисциплинарный компромисс актуальных биополитических трендов и обывательского запроса в отношении нивелирования способов досуговой и официальной деятельности» [3, с. 104]. И надо отдать должное американскому фильму ужасов в том, что именно с помощью таких художественных приёмов ему удалось вскрыть социальную природу власти и пороки руководимого ею общества отнюдь не хуже, а местами даже и значительно лучше, нежели это выходило у жанров традиционной, классической культуры.

Самое удивительное, что и зритель, независимо от его имущественной, социальной или даже национальной принадлежности, проголосовал и «рублем», и своим свободным временем как раз за такие формы визуализации действительности, тем самым лишний раз подтвердив насущную необходимость освоения окружающего мира именно в такой экстремальной, а местами и в откровенно ужасающей форме. Парадоксально, но ведь именно она оказалась намного более сообразной окружающей жизни, нежели слащавые романтические истории или же пафосные речи политиканствующих субъектов всех цветов и знамён. А благодаря художественному опыту переосмысления промежуточных итогов гуманитарного освоения антропологических практик фильмам ужасов удалось заглянуть далеко за горизонт, в будущее цивилизации и в присущей им образно-символической форме донести до массового зрителя ключевые и неразрешимые противоречия настоящего, которые специфически транслируются и в более отдалённой цивилизационной перспективе.

Эти обстоятельства во многом предоставляют возможность оценить конструктивную роль американского фильма ужасов как оригинального и крайне продуктивного средства экстремального освоения действительности. В то же время этот жанр до сих пор не перестаёт шокировать и отталкивать от себя достаточно широкие зрительские аудитории. Изощренный художественный язык, которым пользуется фильм ужасов, принуждает зрителя воспринимать предметы и процессы с шокирующей, буквально порнографической оптичностью, восприятие которой оказывается «по зубам» далеко не каждому зрителю. Эмпатия по поводу ужасных страданий, уродств, болезней и смертей требует экстраординарного эмоционального напряжения и недюжинной работы над собой. В условиях же господства минимизированного чувственного нейтралитета обывателя в системе общественного производства она оказывается практически невозможной, поскольку ни на одном этапе социальной коммуникации такой потенциал отношения к объекту не оказывается ни востребованным, ни, тем более, социально значимым.

Наоборот, чем более эмоционально нейтральным позиционирует себя индивид, тем более высокими оказываются его шансы воспользоваться преимуществами имеющихся «социальных лифтов». Это значит, что далеко не каждый обыватель может *смотреть* фильмы ужасов, а ещё более ничтожное количество зрителей способно их по-настоящему *видеть* и воспринимать, хотя, по большому счету, как раз это от массового зрителя вовсе и не требуется. Поскольку понимание изначально выведено из области восприятия этих кинопроизведений, основным способом воздействия которых становится именно адреналиновый шок, вызывающий волну соматических трансформаций в теле любого переживающего зрителя. Таким образом, фильм ужасов предстает всего-навсего одним из наиболее эффективных способов эмоциональной «встряски» человека, тело которого надёжно затянуто в пучину рутинной производственной повседневности. В силу этого значительная часть зрительской аудитории, непрерывно смотрящей фильмы ужасов, позиционируется как сборище посредственных обывателей, втайне или же в открытую наслаждающихся собственными же, вновь появившимися переживаниями экстремальных кинообразов и сюжетов.

Оставшаяся же часть обывателей, «принципиально» избегающая просмотров фильмов ужасов, на деле оказывается просто неспособной справиться со своими переживаниями по поводу шокирующих событий в ужасных киноисториях. Таким образом, оба зрительских лагеря настроены на восприятие фильмов этого жанра исключительно с точки зрения экстремального потребления эмоций, которых им так не достаёт в обычной жизни, в то время как осознание происходящих на экранах ужасных событий в рамках подобной формы коммуникации практически исключено. А поскольку фильм ужасов занимает ведущие позиции на рынке современных культурных индустрий, то в его лице можно констатировать наличие действенной модели социальной коммуникации и идентификации индивидов. Что греха таить, ведь эта сфера культурного производства никогда ранее «не была так самоуверенно соперничающей в своей роли в формировании международных культурных тенденций, занималась распространением, реагированием и формированием потребительских вкусов за рубежом» [4, с. 4].

Фильм ужасов является своеобразной визуальной проекцией общества, скроенного из страхов, экстремальных переживаний по поводу возможных утрат и угроз для жизни, и выступающего поэтому ареной незатухающих конфликтов и войн, признанных не только ведущими, но в абсолютном большинстве случаев даже единственными формами социальной коммуникации. Поэтому совершенно понятно, что именно фильм ужасов уже с начала XXI века последовательно подготавливает массовую публику к восприятию постапокалиптических и антиутопических ужасов, с которыми, по мысли создателей подобных

кинолент, человечество вполне может столкнуться уже в ближайшее время. Понятно, что сами принципы жанра напрямую обуславливают и характер визуальной реконструкции общества будущего, но опять же, именно пугающая популярность фильма ужасов задаёт предпосылки тотальной негации грядущего, в котором трагически и непоправимо разрушаются веками складывавшиеся традиции социального общежития. И если эта тенденция сохранится, то подобные предостережения могут стать вполне реальными уже завтра.

Художественные образы будущего, которые сегодня в изобилии циркулируют в пространстве западной и отечественной визуальной культуры, до краёв наполнены глубокой тревогой, а местами даже затапливающей, шокирующей безысходностью. Да и сам американский хоррор-кинематограф пока не даёт нам позитивных примеров общества будущего, в котором существует действенная практика предупреждения или же преодоления социальных противоречий. Наоборот, всё, что связывается с ближайшим и отдалённым будущим, в голливудских фильмах имеет положительную окраску только в случае полного исключения в сюжетах любых отсылок к собственно человеческому обществу. Поэтому постапокалиптическому будущему реально противопоставляются лишь социальные модели, заимствованные из жанра фэнтэзи, в которых земной человек является случайным и привнесённым элементом любых изначально ущербных социальных конструкций.

Художественное конструирование будущего по версии американских фильмов ужасов опирается на непреодолимый внутренний конфликт человека с природой, обществом и самим собой. Подобная сущность индивида, перемноженная на его вековую агрессивность, просто не может не порождать соответствующие социальные среды, которые решительно освободились от филантропных иллюзий и рационалистических оков, а потому агрессивно толкуют человека лишь как эгоистического разрушителя. Но ведь «даже перед лицом антиутопии средний человек может и в некоторых случаях обязан бороться за обнадёживающее будущее» [5, с. 303]. И вполне понятно, что значительная часть футурологических проектов в американских фильмах ужасов, пытаясь хоть как-то нейтрализовать имманентную агрессивность человека, с неизбежностью приходит к созданию его отчужденного цифрового прототипа, лишенного природного инстинкта борьбы за собственное и коллективное выживание.

Но оказывается, что абсолютного замещения человека его электронным аналогом добиться пока ещё не удается, поэтому на уровне биополитики будущего настойчиво укореняется идея биотехнологического совершенствования человеческого тела и электронной нейтрализации его потенциальной социальной неадекватности, которая настоятельно требует властной координации из единого центра. Ведь только в этом случае

хищническая власть будущего может достичь вожделенного паноптизма подконтрольной социальной среды. В силу этого тоталитарные модели социального управления всегда только лишь венчают собой социальное пространство, уже и так состоящее из одномерных, предсказуемых, лишенных чувств, эмоций, разума, тела и любых иных носителей потенциальной угрозы для паноптической власти будущего свойств. Поэтому пророческие предостережения, в изобилии содержащиеся в американских фильмах ужасов, призваны не столько эмоционально заряжать массового зрителя, сколько побуждать его к активному осознанию проблем, которые голливудским режиссёрам и продюсерам, на сегодняшний день, удалось визуализировать именно в такой экстраординарной художественной форме.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129).

Список литературы

1. Маленко С. А., Некита А. Г. Власть-спецэффект: генезис и политико-идеологическая миссия визуальных технологий в традиции американского фильма ужасов // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). URL: http://jwt.su
2. Некита А. Г. Голод как фактор социальной эволюции: идеология игровых страданий и смерти в голливудской франшизе «Голодные игры». Человек. Культура. Образование. 2020. № 1 (35). С. 131–143. doi: 10.34130/2233-1277-2020-1-131-143 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42984887
3. Маленко С. А., Некита А. Г. «Судите, и да не судимы будете!»: карнавал смерти в голливудской футурологии // США & Канада: экономика – политика – культура. 2020. № 9. С. 104–124. URL: https://usacanada.jes.su/s207054760009777-1-1/
4. Stubbs J. Hollywood and the Invention of England Projecting the English Past in American Cinema, 1930–2017. London: Bloomsbury Academic, 2019 214 p. doi: 10.5040/9781501305863.0004
5. Lima B. Hope and Violence in Dystopia // The 11-th International RAIS Conference on Social Sciences. 2018. November 20, Beltsville: Research Association for Interdisciplinary Studies (RAIS). pp. 303–307.

УДК 32.019.51
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.11

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Симонова И. А.[1*], Шуплецов И. В.[2]

[1]Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
[2]Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
[*]E-mail: Luboe05@mail.ru

THE PHENOMENON OF THE NATIONAL IDEA IN THE DIGITAL EPOCH

Simonova I. A.[1*], Shupletsov I. V.[2]

[1]Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)
[2]Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)
[*]E-mail: Luboe05@mail.ru

Аннотация. Текст направлен на рассмотрение основных особенностей, касающихся порядков формирования и движения информации о национальной идее, а также на фиксацию изменений самих форм ее существования, связанных с контекстами наступления цифровой эпохи. Рассматриваются такие традиционные источники возникновения национальной идеи, как официальные властные, академические, а также новые непрофессиональные, локализованные в сети. Материал подготовлен на основании наукометрического анализа российского сегмента базы ELibrary.ru, анализа содержания публикаций в официальных медиа, а также исследования сообществ русскоязычного сегмента в социальных сетях. Показано, что новые контексты цифровой эпохи позволяют не только сохраниться традиционным вертикальным формам конструирования и циркуляции национальной идеи, но и создают новые каналы для движения информации от создателей к пользователям. Вместе с тем благодаря характеру организации современной коммуникации и доступным инструментам эксплуатации цифровой реальности формируются и множественные альтернативные источники и варианты национальной идеи. Представленный подход позволяет пересмотреть механику формирования национальной идеи, а также позволяет наметить контуры новой методологии для ее дальнейшего анализа.
Ключевые слова: *национальная идея, медиа, власть, академическая среда, сообщества, цифровизация.*

Abstract. The text is aimed at considering the main features concerning the order of formation and movement of information about a national idea, as well as fixing changes in the very forms of its existence associated with contexts caused by the onset of the digital era. Such traditional sources of the origin of the national idea as official power, academic, as well

as new non-professional, localized in the network are considered. The material was prepared on the basis of a scientometric analysis of the Russian segment, an analysis of the content of publications in the official media, as well as a study of the communities of the Russian-speaking segment in social networks. It is shown that new contexts of the digital era allow not only to preserve the traditional vertical forms of construction and circulation of the national idea, but also create new channels for the movement of information from creators to users. At the same time, due to the nature of the organization of modern communication and the available tools for the exploitation of digital reality, multiple alternative sources and variants of the national idea are being formed. The presented approach allows us to revise the mechanics of the formation of a national idea, and also allows us to outline the contours of a new methodology for its further analysis.
Keywords: *national idea, media, power, academic environment, communities, digitalization.*

Цель представленного материала – рассмотрение основных изменений, касающихся порядков формирования и движения информации о национальной идее, а также фиксация изменений самих форм ее существования, связанных с особенностями цифровой эпохи. Именно для России вопрос национальной идеи всегда был ключевым в социальных и политических дискуссиях, поэтому на российском материале кажется нам наиболее любопытным рассмотрение данного вопроса, тем более истинный переход к цифровой реальности произошел у нас относительно недавно, а вопрос национальной идеи все еще продолжает стоять достаточно остро.

Национальная идея – конструкт, представление о котором в России традиционно формировалось преимущественно сверху либо силами интеллигенции, либо по инициативе лидеров государства. По этой причине в разные времена заявленная национальная идея у нас во многом имела элитарный характер, при этом само ее понятие, структура, содержание всегда оставались эклектичными, описывались, скорее, литературными средствами. Указанный подход к выработке национальной идеи предполагает, что государство в лице основных представителей власти, а также профессионалы, которые обладают полномочиями и набором определенных компетенций, должны взять на себя работу по выработке и дальнейшему распространению национальной идеи, которая будет отвечать централизованным и объективированным этой группой представителей национального интереса общей цели, большинство же должно подчиниться и принять выработанную идею как благо, которое необходимо стране и всем ее жителям. В этом случае предполагается, что все будут следовать предложенной идее, разделят ее как некоторый ориентир. Государство берет на себя заботу об официальных механизмах, которые реализуются централизовано, единообразно, и позволят через все существующие каналы донести и привить данную идею гражданам.

Этот подход сохраняет свою актуальность. Меняется лишь сам характер способов, которые позволяют реализовывать выбранную траекторию. На сегодняшний день официальные поставщики информации

охотно и активно используют нетрадиционные каналы наряду с привычными инструментами, такими как телевидение или радио, общеизвестная пресса и пр., можно часто увидеть страницы в Instagram, Twitter, VK.com и др. у официальных лиц, где информация размещается как бы из «первых рук» и вызывает не меньшее доверие, чем, например, сайты государственных учреждений. Так, прямые заявления относительно национальной идеи можно услышать не только в новостях официальных СМИ, но встретить в Интернете на менее значительных сайтах коммерческих СМИ, в группах правящей партии, в сообществах пропрезидентской молодежи. Например, тезис из речи Президента России В. В. Путина «национальная идея России – это патриотизм» широко тиражировался в сети. Данная тенденция характерна для многих классических институтов, сохраняющих актуальность, которые выстраивают каналы коммуникации со своей аудиторией, и в этом как раз нет ничего удивительного, предложенные инструменты удобны и эффективны.

Весомую роль в формировании представлений о национальной идее играет, как и прежде, академическое сообщество. Анализ отечественных работ, проведенный нами, показал большой интерес к проблеме национальной идеи среди российских исследователей. Так, по запросу «национальная идея» с помощью поисковой системы ELibrary.ru только за период с 2017 по 2020 год удалось найти 4605 работ, в них, по крайней мере, упоминается данное понятие. Достаточное количество напрямую посвящено этой теме. Между тем, как и прежде, в среде исследователей наблюдается как идейный раскол, так и размытость представлений о содержании и структуре национальной идеи как конструкте. Также обзор работ за последние 10 лет показывает, что то же касается и специфического наполнения российского ее варианта. Интересно, что у академического сообщества, помимо такого канала трансляции представлений о национальной идее, как научные издания, а также баз данных, транслирующих эти издания, сегодня весьма популярно дублировать информацию на личных страницах в социальных сетях, давать дополнительные комментарии, сопровождать публикации визуальными изображениями.

Таким образом, носители профессионального (экспертного) мнения могут высказываться как с помощью формальных, так и неформальных каналов. Любопытно, что сегодня имеются прецеденты популяризации вариантов национальной идеи со стороны академического сообщества через группы в социальных сетях, каналы на YouTube и пр., например, отметим амбициозный проект, созданный Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при поддержке ГК «Ростехнологии» [1], а также занятный проект Т. Н. Микушиной, которая предлагает готовую концепцию национальной идеи, которая размещена на

персональном сайте, в группах всех основных социальных сетей, и которую, по задумке автора, для осуществления должен поддержать хотя бы 1% населения России. Важно, что в условиях цифрового обращения с информацией каждый исследователь может найти и учесть работу другого, имеет доступ к огромному массиву информации, касающемуся как непосредственных базовых практик обывателей, ассоциируемых с национальной идеей, так и прямых высказываний о ней.

Между тем они не часто используют такую возможность, ориентация большинства работ остается достаточно консервативной, и сохраняет традиционный вертикальный подход: так Т. Б. Абыкеева-Султаналиева отмечает, что сама идея может быть только государственной, это политизированные духовные принципы призванные защитить материальные и духовно-культурные интересы элиты и правящих кругов [2]. Некоторые авторы ставят знак равенства между национальной идеей и идеологией государства, утверждая ее вертикальный, нисходящий характер [3]. Методологически опора во многих работах делается на классические тексты, что возвращает разговор о национальной идее к спору в категориях западничества и славянофильства. Так, А. В. Юревич отмечает, что современные проекты развития России и соответственно варианты нашей национальной идеи можно разделить на две группы: один тип проектов основан на достаточно жестком и агрессивном противопоставлении России Западу, другой – на заимствовании у него всего лучшего и дополнении его своим [4]. Таким образом, за редкими исключениями [5], и этот источник знаний, несмотря на использование современных технологий распространения, предлагает теорию вертикального типа, где меньшинство сообщает большинству о нем, показывает – как должно быть, формирование национальной идеи нередко рассматривается как удел малой группы профессионалов.

Вместе с тем ключевой особенностью информационной эпохи является изменение модели производства и распространения информации, где наряду с централизованными источниками, управляемыми профессионалами, информация предлагается остальным, появляются альтернативные варианты. Сегодня наступает эпоха множества голосов, которые могут быть услышаны всеми [6]. Непрофессионалы теперь обладают инструментами высказывания и массового общения и могут предлагать свои варианты, а главное – каждый может получить эту информацию, отреагировать на нее, комментировать, передавать. Национальная идея создается как комбинация приемлемых, желательных человеческих практик, в потоках коммуникации и человеческого со-бытия. Фактически идея в той или иной более или менее осознанной форме возникает у современного человека как «национальная идея для меня».

Важную роль для осознания и содержательном наполнении горизонтальной версии идеи играет возможность видеть и обсуждать

возможные варианты, составляющие, направления, в которых может выкристаллизовываться идея. Влияние на возникновение идеи оказывают теперь непрофессиональные авторы, создающие контент в тематических группах, репертуар которых весьма разнообразен – от националистических установок, педагогических проектов до плана освоения дальнего космоса как национальной идеи. Как правило, такие медиа создают возможность и даже призывают к дискуссии (предлагают обсудить частные вопросы по теме в комментариях, выкладывают для обсуждения дискуссионные работы классиков, тематическое кино, литературные объекты; нередко звучат призывы стать авторами («админами») всех тех, кому близка такая проблематика; создаются специальные темы, посвященные вопросам определения и содержательного наполнения понятия «национальная идея»). Только в русскоязычном сегменте VK.com поисковик по запросу «национальная идея» позволил найти 42 сообщества, посвященных данной проблеме, большая часть из которых имеет более 500 подписчиков, активно участвущих в дискуссии, обеспечивающих дальнейшее распространение информации.

В социальных сетях обнаружено несколько десятков групп, где внимание уделяется проблемам того, «что плохо» и «что хорошо» в России, где посредством коротких постов о проблемах или успехах российской жизни пользователей сети успешно вызывают к дискуссии. Нередко проблема ставится именно через противопоставление России и стран Запада. Весьма характерна критика, снисходительные, иногда насмешливые посты, предлагаемые самими подписчиками, которые помогают читателю ясно понять, чего бы не хотелось видеть в будущем, каких практик хотелось бы избежать. Благодаря таким сообществам подписчики, которых в подобных группах в среднем насчитывается около 200 тысяч, могут рефлексировать над проблемой, делиться информацией с другими, составлять свою концепцию национальной идеи. Для таких сообществ как, например, «Чудеса РФ», «Рассеянство», «Концептуальный вандализм», «Усы Пескова» и др. очень важны не только текстовые высказывания, которые в постах нередко минимальны, но и визуальные подборки, а также видео. Нередко там можно встретить как позитивный контент (красивые пейзажи, изображение находчивых людей, техники и пр.), так и курьезные снимки (пьяные, травмы, вандализм, хулиганство, руины и проч.). Возможность увидеть разные стороны жизни, а также быстро знакомиться с мнением других людей о ситуации через комментарии (где пользователи также нередко прикрепляют файлы, ссылки, картинки, обмениваются информацией) позволяет быстро погружаться в дискурс и создавать свою версию видения будущего нации.

Таким образом, новые контексты цифровой эпохи позволяют не только сохраниться традиционным вертикальным формам конструирования и циркуляции национальной идеи, но и создают новые

каналы для движения информации от создателей к пользователям. Вместе с тем благодаря характеру организации современной коммуникации и доступным инструментам эксплуатации цифровой реальности формируются и множественные альтернативные источники и варианты национальной идеи, которые возбуждают дальнейший исследовательский и практический интерес как для получения срезов представлений обывателей о национальной идее, так и в качестве базы конструирования актуальной национальной идеи. Таким образом, можно говорить о горизонтальной концепции национальной идеи, позволяющей увидеть содержание практик и представлений людей в качестве определяющих при подготовке более или менее универсального с точки зрения наполнения и структуры варианта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32145).

Список литературы

1. Нагоева М. А., Бидова Б. Б. Национальная идея в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Чеченского государственного университета. 2018. № 2 (30). С. 144–148.
2. Абыкеева-Султаналиева Т. Б. Диалектика соотношения национальной идеи и национальной идеологии в условиях глобализации // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 3–6 (49). С. 359–362.
3. Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.
4. Юревич А. В. Современные варианты российской национальной идеи // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 6–14.
5. Силантьева М. В. Национальная идея как внеидеологический проект // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2017. № 1. С. 59–65.
6. Жилавская И. В. Медиаобразование молодежной аудитории. Томск: ТИИТ, 2009. 322 с.

УДК 172.1
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.12

КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ЗЕРКАЛЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ БУРЖУАЗНОГО ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА

Смирнов В. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: novtransa2010@yandex.ru

THE CONCEPT OF "SOFT POWER" IN THE MIRROR OF THE CRITICAL THEORY OF BOURGEOIS WESTERN SOCIETY

Smirnov V. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: novtransa2010@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется применение технологий «мягкой силы» в призме критических теории буржуазного общества Г. Дебора, Г. Маркузе и А. Грамши. «Ненасильственные» методы властвования используются не только на международной арене, но и «внутри» страны, когда элиты пытаются установить господство над массами с помощью применения манипулятивных технологий.
Ключевые слова: *мягкая сила, буржуазное общество, массовое общество, франкфуртская школа.*

Abstract. The article analyzes the application of "soft power" technologies in the prism of critical theories of bourgeois society by G. Deborah, G. Marcuse and A. Gramsci. "Nonviolent" methods of domination are used not only in the international arena, but also "inside" the country, when elites try to establish dominance over the masses through the use of manipulative technologies.
Keywords: *soft power, bourgeois society, mass society, Frankfurt school.*

Под «мягкой силой» мы понимаем такой способ властвования, когда желаемых результатов можно добиться без опоры на насильственные методы принуждения. Есть все основания утверждать, что подобные методы практиковали ещё римские элиты, которые, помимо раздачи хлеба плебсу, устраивали также массовые зрелища в виде ипподромных скачек и гладиаторских боев, стараясь тем самым отвлечь внимания масс от насущных проблем и перетянуть их на свою сторону. Однако целостный анализ таких инструментов управления появился только в двадцатом веке – во времена становления так называемого массового общества, когда

исследователи обратили внимание на возросшую роль именно манипулятивных практик в противовес традиционным способам господства. Как известно, понятие «мягкой силы» было впервые введено в научный дискурс профессором Гарвардского университета Дж. Наем, который полагал, что мощь государства определяется не только силовыми ресурсами, но и зависит от использования «мягких» инструментов в политике [1, с. 28]. Концепция Ная использовалась, в основном, для анализа внешнеполитической деятельности разных государств, которые стремились к реализации своих целей на международной арене за счет формирования привлекательного образа у других стран. Однако с нашей точки зрения, было бы методологически неправильным сводить «мягкую силу» только к сфере внешней политики. «Ненасильственное» подчинение используется и «внутри» страны, когда элиты пытаются установить господство над собственными массами.

Задолго до Дж. Ная многие западные исследователи обращали внимание на «мягкие» механизмы обеспечения господства. Нам бы в этой статье хотелось более подробно остановиться на исследованиях Ги Дебора, Герберта Маркузе и Антонио Грамши.

Одним из значимых критиков современного буржуазного общества и его манипулятивных технологий был французский философ Ги Дебор.

К сожалению, то, что исследователь сформулировал более полувека назад в своем эпохальном труде «Общество спектакля», оказывается актуальным и в наши дни. Речь идет о стирании границ между реальностью и абсурдом. У человека начинает преобладать убеждение, что главное в жизни – это видимость, представление, игра. Как писал Ги Дебор, «конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» [2, с. 85]. Значимость данной манипуляции для элит заключается в том, что зритель, увлеченный спектаклем, перестает критически оценивать происходящее. Вся информация, которая идет по каналам СМИ, представляет собой нескончаемый поток одной банальности, заменяемой другой, но представленных с такой страстью, как если бы речь шла о чем-то важном и существенном. Несколько месяцев назад вся страна жила в спектакле под названием «развод Петросяна». Как будто у России нет других проблем! Ги Дебор отмечает: «результатом спектакля становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно становится неспособным себя услышать, а потом становится неспособным сформироваться» [2, с. 96]. В точности так, как это имеет место сейчас в нашей стране. Довольные или недовольные властью люди могут эмоционально на что-то отреагировать, но целостно воспринять картину происходящего и системно сформулировать свое мнение они уже не способны. «Аплодисменты» публики («я за Путина», «за власть», «за Крым») или «свист» публики («я против Путина», «против коррупционеров», «против войны на Украине») заменили способность

хотя бы на уровне рассудка оценивать реальность. Оказавшись в положении Зрителя, человек уже не может стать Деятелем, теряя способность различать виртуальное и реальное. И в этом смысле, толпа людей, вовлеченная в спектакль и собравшаяся на митинге Навального «против коррупции», намного менее опасна для власти, чем сидящее дома граждане, но сохранившие возможность разумно оценивать реальность. Также Ги Дебор в своем «Обществе спектакля» писал о том, как буржуазия управляет массами с помощью вброса в массовое сознание разных «горячих тем», которые, будучи малозначительными, несущественными и тривиальными, раздуваются СМИ до таких вселенских масштабов, что всё общество начинает считать их чуть ли не главными в жизни событиями, в то время как «базисные» процессы, протекающие в интересах буржуазии, намеренно скрываются и замалчиваются. Например, в свое время вся страна обсуждала ситуацию с дочерью певицы Алсу на передаче «Голос», в то время, когда базис страны – экономика – стремительно деградировал.

Можно утверждать, что задачу манипуляции массовым сознанием облегчает наличие сформированного у масс с помощью СМИ и образования так называемого «клипового мышления». Особенностью такого мышления является способность человека воспринимать мир только через короткие, яркие образы и визуальные ряды. Любое слово может вызывать целую картину образов, с ним связанных. При этом в рамках такого мышления человек даже на минуту не может удержать субъект мысли, постоянно скачет с темы на тему, совершенно игнорируя причинно-следственные связи. Хотя со стороны речь носителя подобного мышления (особенно если он из академической среды) может казаться «наукобразной» и «логичной», однако там нет самого главного, что отличает логическое мышление от клипового – оснований и каузальных переходов. Манипуляция таким мышлением очень проста, поскольку оно базируется на образах, а главной фабрикой производства образов выступают СМИ.

Другой известный ученый и критик западного общества Герберт Маркузе делала акцент на «мягком» управлении массами с помощью так называемых потребительских технологий. Как полагал философ, наши потребности условно можно разделить на две большие группы. Первую группу составляют витальные, или истинные потребности, удовлетворение которых жизненно необходимо для человеческого существования (например, потребность в еде, отдыхе или тёплом жилище). Популяризированный Карлом Марксом лозунг – «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – имел в виду неограниченное удовлетворение именно упомянутых выше витальных потребностей. Однако, с точки зрения Маркузе, современное буржуазное общество реализует своё «мягкое» управление массами через навязывание людям так называемых ложных потребностей, которые автор называет

репрессивными [3, с. 72]. Государство (ведомое элитой) через СМИ формирует одномерное видение мира и создает одномерного человека посредством переключения всей социальной энергии масс исключительно на потребление. Существующая производственная сфера не ограничивается одними лишь товарами и услугами, она также обрушивает на потребителя массу привычек, отношений и реакций, которые поглощают все внимание социума. В этих условиях элита может не бояться за свое положение, её власти ничего не угрожает, поскольку мысли современного обывателя заняты исключительно вопросами потребления, но никак не проблемами переустройства общества или коррекции каких-то социальных несправедливостей. Более того, любые протесты, которые имеют место быть в западной цивилизации, ориентированы не на смену существующей социально-экономической системы порабощения человека, а лишь на более «справедливое», с точки зрения протестующих, распределение ресурсов, позволяющих им больше потреблять в уже имеющейся системе. Давайте взглянем на так называемые оппозиционные «болотные» протесты в Москве в 2012 году. Движущей силой этих выступлений была столичная молодежь и так называемый «креативный класс». Требования митингующих были связаны с отставкой действующего правительства, которое, с точки зрения «болотных», не может обеспечить «нормальный уровень жизни в России». Причем под «нормальным» уровнем жизни понимается такой уровень, который на данном историческом этапе достигнут западными странами. Таким образом, даже представление о справедливости у представителей протестного движения в России напрямую завязано на объем материальных благ, которые находятся в распоряжении граждан. Современное российское общество – это исключительно общество потребления, один большой потребительский кооператив, который живет, исходя из представлений, что главное в жизни – это материальное благосостояние. Судя по анализу контента в социальных сетях, любимое времяпрепровождение для россиян – «шопинг» и ремонты. Самая популярная тема для разговоров – «кто сколько зарабатывает и где что можно купить». Люди получают высшее образование не ради новых знаний, а лишь для того, чтобы потом поменять свой диплом на офисную зарплату. И, здесь полностью можно согласиться с Г. Маркузе, такое общество очень выгодно для элит, поскольку массы не требуют изменения самой капиталистической модели (а значит, и кардинальной смены самой элиты), они лишь выступают за изменение пропорций потребления по принципу «нам больше, кому-то – меньше».

С нашей точки зрения, вершиной критического анализа «мягких» манипулятивных технологий современного общества является теория гегемонии Антонио Грамши. По мнению итальянского философа, любое государство опирается на два «столпа» – силу и согласие. Ситуация, при

которой в обществе гарантирован определенный уровень согласия подчиненных с существующей властью, называется гегемония. При этом гегемония является таким типом согласия, которое подразумевает под собой активное желание со стороны граждан того, чего добивается правящий класс [4, с. 196].

Гегемония опирается на так называемое «культурное ядро», включающее в себя огромное количество знаний, ценностей, символов и образов. Причем свержение существующего правящего режима и слом социальной системы возможны только через подрыв «культурного ядра» в ходе так называемого «молекулярного процесса» – невидимого, постоянного, длительного процесса изменения общественного мнения. Можно сделать вывод, что в современных условиях крупные, угрожающие элитам социальные движения (подобные Французской революции) невозможны в принципе, поскольку основной механизм производств символов, идей, ценностей и мнений – СМИ – находится в руках у элит.

Список литературы

1. Nye J. S. Tne Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 300 p.
2. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 2000. 184 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ : Ермак, 2003. 331 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991. 559 с.

УДК 130.2
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.13

МИФОТВОРЧЕСТВО И САМОРЕФЛЕКСИЯ: О НЕКОТОРЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ А. М. ПЯТИГОРСКОГО

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе (Севастополь, Россия)
E-mail: stavis@rambler.ru

MYTH-CREATING AND SELF-REFLECTION: ABOUT SOME REFLECTIONS A. M. PYATIGORSKY

Stavitskiy A. V.
Branch of Moscow State University in the city of Sevastopol (Sevastopol, Russia)
E-mail: stavis@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению авторского мифа, который возникает у каждого исследователя мифологии и показывает, какую роль в процессе познания мифа играет саморефлексия. В качестве примера и исходного материала для этого используются рассуждения философа А. М. Пятигорского.
Ключевые слова: *миф, современный миф, саморефлексия, онтология мифа.*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the author's myth, which arises in every researcher of mythology and shows what role self-reflection plays in the process of cognizing the myth. The reasoning of the philosopher A. M. Pyatigorsky is used as an example and source material for the study.
Keywords: *myth, modern myth, self-reflection, myth ontology.*

Анализ проблемы мифотворчества в науке и обществе неизбежно подводит к вопросу о мифологической и научной рефлексии [1; 2], рассмотрению которой известный философ и знаток мифологии А. М. Пятигорский посвятил одну из последних своих публичных лекций под названием «Мифология и сознание современного человека», которую можно считать своеобразным подведением итогов и преамбулой к теме персонального мифа автора. Так, рассуждая по поводу идей Эдмунда Гуссерля, написавшего, по его мнению, «крайне неудачную книгу “Упадок европейской науки”, которая отчасти уже регрессивна по названию», А. М. Пятигорский уточнял: «Причем тут Европа? Еще один миф противопоставления Европы чему – Азии? Упадок. Что значит упадок? И тут Гуссерль определяет: “Упадок науки – это упадок теории в древнегреческом смысле этого слова, теории как самого широкого термина созерцания”. Конечно, интереснее всего здесь с самого начала задать

вопрос: а куда это все падает? И откуда это все падает?» [3]. Правда, своего ответа на собственный вопрос А. М. Пятигорский не даёт, но очевидно, что, анализируя название книги Э. Гуссерля, он уже погружает её в смысловые бинарные контексты: Европы / Азии, упадка–падения / подъёма, науки / не-науки… И этих контекстов ему не избежать, так как все слова, которые человек использует, уже взывают к контекстам. И если бы только слова. К контекстам взывают вещи, которыми человек пользуется, продукты, которые он ест, и люди, с которыми он общается, требуя помножить их на всё, что человек о них знает. К контексту взывает даже Бог и вечность, если человек в своей высшей святости ориентируется только на них. И связано это, разумеется, не с самими вещами, а с нашей потребностью в экзистенции и способностью воспринимать окружающий нас мир наполненно и одухотворённо, придавая ему то значение, которое делает нас ему сопричастным. Ссылаясь на Э. Гуссерля, А. М. Пятигорский говорит: «Онтологической основой, той сущностной осью, без которой не может быть ни одной теории науки, является осознание наукой своего происхождения. Если наука не знает своего генезиса, своего начала, то, будь она хоть сверхквантовой теорией, не является в смысле Гуссерля реальной наукой и катится в яму, грубо говоря, общеобразовательного просвещения вместе с философией» [3]. Исходя из этого, Пятигорский делает вывод, что «сам тип мышления Гуссерля в этой книге, пусть и регрессивной, является мифологическим. Это миф о каком-то иллюзорном прогрессе человеческого мышления, которое, если в каждом моменте своего движения не будет оборачиваться и спрашивать себя: “А где я начинался?”, – никогда не сможет стать реальным прогрессирующим или эволюционирующим мышлением» [3]. Отметим, что последнее заявление насчёт «типа мышления» является довольно жёстким и не совсем корректным. И ссылка на миф о прогрессе может не иметь к нему никакого отношения. Хотя, судя по смысловой связке, А. М. Пятигорский делает вывод о мифологическом «типе мышления», исходя именно из приверженности Э. Гуссерля мифу о прогрессе. В любом случае, на основании вышеизложенного можно сделать предварительный вывод, что в процессе мышления онтологический контекст всегда нас отсылает к мифу или погружает в него. Разница лишь в том, какой именно миф для этого используется. Подтверждая это, сам А. М. Пятигорский признаётся в следующем: «Нам гораздо легче освободиться от контекстуальной вульгарности “я – русский, я – француз, я – еврей, я – японец”, чем от гораздо более тонких мифологических структур. Но все-таки что-то движется. Это что-то есть то русло, в котором протекает мое мышление» [3]. Однако у нас нет уверенности, что, когда в ответ на поставленную сложнейшую философскую проблему учёный говорит: «Все-таки что-то движется», это «что-то» нам следует отнести к безусловному позитиву. Скорее, наоборот. Пытаясь оправдаться за свою смысловую

неопределённость, А. М. Пятигорский восклицает: «Но ведь это миф, дамы и господа. В каком смысле миф? Миф – это какая-то общая неотрефлексированная основа. И она действительно ведет нас очень-очень далеко назад. Это та неотрефлексированная основа, которая нам нужна для познания и самопознания, но которая, поскольку она неотрефлексированная, является тормозом нашего познания и самопознания каждое мгновение нашей жизни. Поэтому миф ближе всего подходит к чему-то неопределенно-общему и генетически первичному» [3].

Вот такая получается «каша», которая, скорее, отражает размытость и противоречивость общих представлений о мифе как объекте исследования [4; 1], чем личное незнание темы, поскольку А. М. Пятигорский знает, о чём говорит. Получается: с одной стороны «неотрефлексированная основа» «нужна для познания и самопознания», а с другой – она этот процесс постоянно и существенно тормозит. Ситуация напоминает фразу про женщину из одного старого «мужского» анекдота: и без неё нельзя, и с нею – плохо. Однако эти рефлексии, возможно, нуждаются в метарефлексиях о том, как кажущийся прогресс в процессе познания может в действительности уводить от него. Хотя, как это ни покажется странным, подобный разброс мыслей в рамках исследования одного мыслителя для мифа является довольно типичным. И не всегда тому виной слабое знание предмета исследования. В значительной степени сам миф как предмет исследования подталкивает исследователей к подобного рода выводам, когда они пытаются понять его внутреннюю «логику» и следовать за ней, порой даже не понимая язык, которым миф пользуется [5]. В результате на выходе получается что-то неотрефлексированное, что легко представить как миф уже в силу его путанности. Проще говоря, под мифом понимается то, что не понято. Что не получается подвергнуть анализу в силу разных причин. И отчасти это так. Ведь непонятое вызывает интерес. И мы его домысливаем, включая логику и воображение, что уже создаёт благоприятные условия для мифотворчества. Особенно с учётом того, что при неправильно заданных посылках, а это при непонимании объекта познания вполне возможно, логика может увести в сторону, ещё более запутав вопрос. Однако не всё «неотрефлексированное» есть миф. Чтобы обрести статус мифа, мифу мало быть не понятым. Он должен быть ещё для субъекта и значимым. Личностно значимым. В мире огромное количество вещей, которые нам не понятны. И нам проще их не замечать. Что мы, как правило, и делаем, не придавая их существованию значения. Но если вещь нас заинтересовала и озадачила, человек получает импульс для своего мифотворчества, которое он вовсе не обязан осознавать. Собственно, обычно так и получается. Впрочем, по-видимому, стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что миф не отрефлексирован лишь до определённой степени. Во всяком случае, в каких-то вопросах он вполне понятен и открыт даже рефлексии.

Надо только самому открыться ему. В том числе и контекстуально. Кроме того, бывают случаи, когда не отрефлексированное явление именно в силу этого может быть не тормозом «познания и самопознания», а наоборот, интегрирующим смыслы ускорением. Кстати говоря, в том числе и в науке. По крайней мере, в ней сплошь и рядом бывает, когда в силу недостаточной отрефлексированности какая-нибудь интуитивно возникшая гипотеза становится крайне популярной в науке теорией, неверной в принципе, но дающей толчок новым идеям и открытиям до тех пор, пока рефлексия и критическая масса новых данных не поставят на ней «крест». Следовательно, все эти рефлексии не выходят за рамки мифа. Но в чём тогда разница? К сожалению, А. М. Пятигорский этим вопросом не задаётся. Но зато, будто подтверждая нашу последнюю мысль, признаётся, что «Леви-Строс, гениальный Фрейзер, Тейлор – оказываются такими же творцами мифологии, как тот индеец или папуас, с которым они, разумеется, говорят через переводчика» [3]. Естественно, если такие замечательные профессионалы своего дела и великие умы, в конечном счёте, оказываются «творцами мифологии», то будет совсем наивным полагать, что другие смогут избежать этого. В том числе, и А. М. Пятигорский. Впрочем, он этого и не отрицает. Однако как же тогда определять, насколько научной является теория, а насколько мифической? На наш взгляд, в данном случае уместен критерий научности, предложенный К. Поппером. Согласно ему, научной может считаться та теория, которая способна к саморефлексии. Точнее, готова критиковать саму себя [6; 7]. В противном случае, это не наука, а идеология или мифология. И хотя в строго научном смысле данный критерий отдаёт определённой наивностью, что, в частности, было отмечено ещё П. Фейерабендом [4], для нашей темы мифа он представляет определённую смысловую ценность, так как не только вынуждает подключать к анализу мифа этику, но и свидетельствует об определённом уровне понимания предмета. Это понимание проявляется в признании исследователя в том, что, размышляя о своём, он мифологизирует. Как в конце своей творческой деятельности сделали Г. Д. Гачев, А. М. Пятигорский и К. Леви-Строс. И в этом, на наш взгляд, проявилась определённая степень их своеобразной инициации. Инициации мифом, которая даёт возможность увидеть и понять себя как миф. И принять остальных такими же. В свою очередь это позволяет видеть мифическое во всём, что человеку представляется интересным и значимым. Не потому, что оно является мифом, но потому, что в любой момент оно может для нас мифом стать. И становится, когда мы того пожелаем. Знать об этом, сродни ощущению российского математика Г. Я. Перельмана, заявившего, что он знает, «как управлять Вселенной» [8]. И хотя в принципе это не так, некая приобщённость к тайнам мироздания здесь, безусловно, присутствует,

потому что в отличие от Перельмана своей внутренней вселенной мы действительно в состоянии управлять.

В свою очередь, пытаясь разобраться в сути проблемы, А. М. Пятигорский предлагает свой вариант преодоления мифов, который, однако, является по-своему мифологичным, несмотря на внешнюю его отрефлексированность: «Не миф – это то, что мы уже отрефлексировали и превратили, если хотели, в науку» [3], – считает он. И, в связи с этим, следует отметить, что данная его фраза, по сути, перечёркивает всё то хорошее, что выдающийся российский философ о мифе писал и говорил. Перечёркивает тем, что, когда речь пошла о конкретном отношении к мифу и связанных с этим действиях, он оказался наивен и беспомощен. Во всяком случае, именно так можно рассматривать подобное предложение. Но ведь уже давно было показано, что современный миф неуязвим для рефлексии, поскольку, как только его начинают рефлексировать, тут же превращается в нечто неживое и совсем немифологичное и, более того, для своих нужд вполне эффективно способен её использовать. Что касается его критики – человечество в лице наиболее выдающихся его мыслителей рефлексирует по поводу мифа уже несколько тысячелетий. Причём, без особого успеха. И Пятигорский, подчёркивая это, даёт понять, что миф до сих пор не отрефлексирован сознанием. Но почему? Чего же стоит вся антимифологическая критика? Неудивительно, что, по мнению одного из конструктивных оппонентов российского философа В. Лейбина, А. М. Пятигорский не развенчал миф, а предложил «мифологию философской рефлексии» [3]. Значит, сам А. М. Пятигорский своими глубокими и талантливыми размышлениями о мифе демонстрирует пример мифологизации в режиме рефлексии. Причём, отчасти, и сам понимает это, что хорошо видно по следующему высказыванию: «Миф не маркирован. На мифе не написано “я – миф”. Это на мне написано “я – мифолог”. Но заметьте, что мифолог – это человек, у которого уже сформирована идея мифа» [3]. То есть своё личное представление о нём. Однако это его никак не оправдывает. И, наоборот, ставит в один ряд с Марксом и Фрейдом, о которых он в своей лекции упоминал, как о создателях своих мифологий, что ничуть не умаляет их вклада в общественную мысль и культуру. В результате оказывается, мыслителю можно двигать вперёд науку и быть одновременно мифологом.

Более того, согласно последней мысли А. М. Пятигорского, получается, что механизм развития науки выстраивается на основе превращения мифа в науку, с чем наверняка многие философы не согласятся. Хотя нам данная мысль представляется интересной. Правда, для большей законченности её надо бы продолжить и указать, что всё, что в науке считалось наукой, то есть научной теорией, но со временем себя явно не оправдало, а так рано или поздно происходит почти со всеми теориями, в свою очередь превращается в миф. И в таком виде

закрепляется в общественной памяти, пока не придёт время ей опять актуализироваться в несколько изменённом виде, дабы снова называться наукой. И так бесконечно. Впрочем, не будем категоричны к мыслям выдающегося философа, ибо, по крайней мере, он указывает на то, что лежит в основе всех заблуждений в области мифологических исследований. И главное здесь – неспособность самого исследователя посмотреть на себя как на мифотворца. Значит, познавать миф надо с себя, со своего мифа, поставив цель в духе надписи на Дельфийском храме: «Γυνθι αυτόν» или «Nosce te ipsum» (познай себя). Только с небольшим уточнением: познай себя как миф. И тогда ты поймёшь миф в принципе. Во всяком случае, наверное, именно это имел в виду А. М. Пятигорский, утверждая, что «немаркированность мифа подводит и ученых, и философов, которые не осознают, что они, не отрефлексировав другой миф, не способны отрефлексировать свою позицию как мифологическую. Начинать надо только с себя» [3]. Собственно, в этом и есть суть рефлексии. И в данном смысле мы с ним полностью согласны. Естественно, проницательный критик может отметить, что А. М. Пятигорский не называл себя мифотворцем, но только мифологом. А между ними всё-таки существует определённая разница. Но в том то и дело, что сам А. М. Пятигорский в одном из своих рассуждений говорит об этом прямо и однозначно: «мы имеем дело со страшной вещью, тоже мифологической, – со временем. И распределение во времени процесса мифологизации не может быть отрефлексировано мифологизатором. Это уже дело мифолога, который, как правило, производит эту рефлексию неправильно. Потому что я еще не знаю ни одного действительно жившего мифолога, который отрефлексировал бы себя как мифотворца» [3]. Понятно, что в данном случае главная мысль прозвучала в конце. Там, где он говорит, что мифолог не способен правильно оценивать миф, пока не осознает себя в качестве мифотворца. Однако спрашивается: если мифолог осознал себя как мифотворец, означает ли это, что он перестал им быть? И тогда получается довольно любопытная дилемма: с одной стороны, пока мифолог не осознал себя в качестве мифотворца, его рефлексии будут неправильными, а с другой – понимание и принятие мифической составляющей своего мышления отнюдь не гарантирует, что он перестанет мифологизировать, так как процесс мифотворчества в значительной степени происходит на уровне подсознания. Иначе говоря, знать, что ты находишься в пространстве мифа, не значит – вырваться из него. Что касается того, кто из мифологов «отрефлексировал бы себя как мифотворца», мы, в отличие от А. М. Пятигорского, назовём, как минимум, А. Ф. Лосева, К. Леви-Строса и Г. Д. Гачева. А поскольку сам Пятигорский говорит об этом, считая, что не осознавать своего мифотворчества для мифолога будет неправильным, мы можем к выше названному списку добавить и его. И в этом заключается основное отличие

мифотворчества А. М. Пятигорского от мифотворчества упомянутых им К. Маркса и З. Фрейда, которые не знали и, при тогдашнем уровне представлений о современном мифе, не могли знать, что, творя свои теории, мифологизировали. Наверное, поэтому сам А. М. Пятигорский признаётся, что «провести грань между мифом и его рефлексивной интерпретацией чрезвычайно трудно» [3]. Что лишний раз показывает, насколько мало шансов у исследователей современных мифов обнаружить их в себе. Тем более, если они о своём мифотворчестве даже не догадываются, полагая, что выше этого и способны его в себе изжить. Но как изжить то, что не распознаётся? В этом смысле искренность А. М. Пятигорского дорогого стоит, поскольку даёт ключ к понимаю мифа и мифотворчества.

Пытаясь развить тему рефлексии мифа, он замечает: «У меня в кармане нет инструментов феноменологического анализа мифа, но я думаю, что сейчас объективно возникла возможность отрефлексировать, грубо говоря, все, что угодно» [3]. Но, несмотря на это, миф всё равно ускользает от рефлексии, несмотря на целенаправленные попытки его понять. И не потому что он – не «все, что угодно». Однако вполне возможен и такой вариант, что миф неподвластен не рефлексии вообще, а определённому типу рефлексии. Рефлексии, не учитывающей мифологический контекст. Но эта проблема не является темой данного исследования. И мы не будем в неё углубляться, лишь поставив данный вопрос и отложив его в качестве исследования на будущее. В этом плане примечательна отсылка к мифотворчеству первобытных народов, представители которых, по словам антрополога Яна Чеснова, «умеют один миф стукать об другой. Леви-Строс назвал это bricolage’ем, но они же занимаются рефлексией. Они не вылезают из скорлупки мифа, но они философы» [3]. И это очень важное замечание, которое, в частности, показывает, что воспринимаемое из другой культуры то или иное мыследействие, как правило, воспринимается неадекватно даже в том случае, если исследователь настроен по отношению к нему позитивно. Именно поэтому К. Леви-Строс подобрал для рефлексии первобытных людей понятие bricolage, которое было подхвачено многими его последователями и до сих пор считается удачным. Но для собственной рефлексии К. Леви-Строс считал его недостаточным. Как и термин «стукать» один миф о другой. Что же мы наблюдаем? Одни исследователи считают, что мифы друг о друга «стукают». Другие – что из них собирают пазлы. Третьи – говорят о калейдоскопе, бриколаже или поедании пирога. Но вряд ли они удовлетворились этими представлениями, если бы проецировали данный процесс на себя. Им явно не хватает глубины и тонкости. Ибо подвижные живые и довольно сложные структуры не «стукают» и даже не «собирают» или «складывают». В лучшем случае встраивают, вживляют, опыляют, когда они могут друг другом жить и друг

в друга прорастать. Значит, нам снова приходится возвращаться к установке А. М. Пятигорского, не выводить себя за пределы мифа и начинать изучение мифа с себя, заложив данный подход к мифу в качестве первоосновы. И любой, кто данной установкой выдающегося русского философа изначально не руководствуется, не поймёт про миф ничего, сколько бы об этом ни думал и ни писал.

Список литературы

1. Ставицкий А. В. Мифологизация науки: постановка проблемы // Ноосфера і цивілізація. Всеукраїнський філософський журнал. Донецьк. Випуск 1 (13). 2012. С. 31–35.
2. Ставицкий А. В. Наука и миф: проблема соотношения Философия хозяйства. Альманах Центра обществ. наук и экон. факультета МГУ. 2014. № 2. С. 167–176.
3. Пятигорский А. М. Мифология и сознание современного человека. URL: http://www.polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/ (дата обращения: 07.05.2020).
4. Ставицький А. В. Актуальність дослідження міфу: соціокультурний аспект // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць / гол. ред. В. М. Вашкевич. К.: ВІР УАН, 2011. Випуск № 54 . С. 248–251.
5. Ставицкий А. В. Язык науки и мифа: проблема перевода и интеллектуальное единство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки, издательство ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь). Т. 4, № 1. С. 104–119.
6. Лакатос И. Наука и псевдонаука. URL: http://www.nsu.ru/classics/pythagoras/Lacatos.pdf (дата обращения: 07.05.2020).
7. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
8. Интервью с математиком Григорием Перельманом: Зачем мне миллион долларов? Я могу управлять Вселенной. URL: http://kp.ru/daily/25677.3/836229/ (дата обращения: 07.05.2020).

УДК 572:130.2
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.14

РАЦИОНАЛЬНОЕ И МИФИЧЕСКОЕ В СОЗНАНИИ: ОТ АНАЛИЗА К СИНТЕЗУ

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе
(Севастополь, Россия)
E-mail: stavis@rambler.ru

RATIONAL AND MYTHICAL IN CONSCIOUSNESS: FROM ANALYSIS TO SYNTHESIS

Stavitskiy A. V.

Branch of Moscow State University in the city of Sevastopol (Sevastopol, Russia)
E-mail: stavis@rambler.ru

Аннотация. Статья рассматривает и раскрывает проблемы взаимодействия и соотношения рационального и мифического в сознании в свете новейших когнитивных исследований, включая изучение нейропсихологами дефолт-системы. В статье показано, что, несмотря на большую разницу, рациональное и мифическое мышление работают по принципу взаимной дополнительности, помогая человеку решать те задачи, которые силами одного рационального мышления недостижимы.
Ключевые слова: *миф, современный миф, рациональное и мифическое мышление, подсознание, дефолт-система.*

Abstract. The article examines and reveals the problems of interaction and correlation of the rational and the mythical in consciousness in the light of the latest cognitive research, including the study of the default-system by neuropsychologists. The article shows that, despite the big difference, rational and mythical thinking work according to the principle of mutual complementarity, helping a person to solve those problems that are unattainable by rational thinking alone.
Keywords: *myth, modern myth, rational and mythical thinking, subconscious, default mode network.*

При рассмотрении причин и характера мифотворчества особо важно разобраться в процессе восприятия объективной реальности, что невозможно без сравнительного анализа рационального и мифического с учётом современных исследований влияния эмоциональных факторов на интеллект [1]. Отметим, что данный вопрос зазвучал по-новому, когда в интеллектуальном сообществе заговорили о переходе человечества от цивилизации текстов к цивилизации зрительных образов. Наверное, подобная трансформация «галактики Гутенберга» в «галактику Цукерберга»

несколько преувеличена. Но выявленные учеными изменения в структуре мифосоциального взаимодействия [2] показывают, что обладающие якобы до-логическим сознанием (Л. Леви-Брюль) «дикари» порой решают не менее сложные задачи, чем современные люди, благодаря более гармоничному сочетанию различных форм проявления сознания.

Без сомнения, мышление – главный человеческий ресурс. И поэтому необходимость научиться гибко сочетать все возможности человеческого мозга является крайне востребованной задачей науки и общества. Однако наука до сих пор не располагает тестами, которые позволяли бы определять эффективность мышления. Возможно, это связано с тем, что человек мыслит не только на одном рациональном уровне, когда им осмысленно задействуются разум и логика. Попутно и незаметно для него мозг оперирует информацией на другом, неосознаваемом им подсознательном уровне, который как раз требует не логического анализа, а синтеза, ассоциации, сопереживания, погружённости в себя, эмоции, чувства. Именно этот уровень мышления, который также можно назвать мифическим, поскольку сфера снов и подсознания – сфера мифического [3, с. 204–264], задействуется, когда озабоченный какой-то проблемой человек в ходе подсознательных размышлений вдруг получает готовый ответ сразу. Во сне ли это произошло или в состоянии глубокой задумчивости, не важно. Но обычно такие ответы-решения сродни прозрению. И о них люди знали издавна. Недаром так популярна всегда была поговорка «утро вечера мудренее». Ведь в ней имелся в виду не только тот факт, что проспавшийся человек мыслит свежее, но и то, что если человека какой-то вопрос сильно заботит, он и во сне будет думать о нём, а утром почти наверняка будет иметь о нём более глубокое и основательное суждение.

Есть и другой, более точный аналог данного высказывания: «С этой мыслью надо переспать». Однако, как выяснилось, чтобы подключить к размышлениям подсознание, человеку вовсе не обязательно погружаться в сон. О чём идёт речь? Ранее учёные полагали, что мозг организован локальным образом, разделяясь на отвечающие за отдельную функции части мозга (зрение, слух, мысль, движение). Однако после открытия американским нейрологом Гордоном Шульманом (Gordon Shulman) т.н. «блуждающего разума» и исследований группой Маркуса Рейчела (Marcus E. Raichl) дефолт-системы [4] установлено, что наш мозг работает в трех базовых режимах:

– центральной исполнительной сети (CEN: Central Executive Network), которая активизируется, когда человек потребляет информацию;

– занимающейся ориентацией в житейских ситуациях сети выявления значимости (SN: Salience Network);

– отвечающей за мышление сети оперативного покоя (DMN: Default mode network).

При этом данные системы в известном смысле являются антагонистами, где первые две подавляют третью (Ashley C. Chen). Хотя именно она обращает на себя особое внимание тех, кто хочет понять скрытый потенциал и преимущества мозга. Это т.н. дефолт-система мозга (DMN) или система пассивного режима работы мозга (СПРРМ). Она же – нервная сеть оперативного покоя (НСОП). Когда человек сосредоточен на чём-то и активен, она находится в относительном покое, но мобилизуется, когда человек вроде как не думает [5].

Отметим, что работа дефолт-системы важна для человека уже тем, что, находясь в данном состоянии и вроде ни о чём не думая, мозг через поток сознания, пребывает в своём самом активном режиме. Именно в это время он неосознанно для человека оперирует одновременно большим объёмом информации (до 200 объектов), просчитывая разные ситуации и учитывая такие аспекты, которые при сознательном анализе были ему не по силам. Более того, когда дефолт-система оказывается постоянно подавленной, что типично в условиях господства цифровых технологий, в человеке развивается т.н. цифровой аутизм и утрачивается способность конструировать будущее, наделяющая нас мотивацией и помогающая ставить перед собой значимые цели.

Связано это с тем, что в состоянии активности дефолт-системы мозг способен:

– сохранять гибкость мышления, легко переключаясь с одних задач на другие;

– поглощать во время активной работы отвлекающие факторы;

– активизировать смутные воспоминания, интегрируя их с ожиданиями от будущего;

– способствовать стихийно построенному на работе подсознания творчеству.

Как видим, человеческий мозг наиболее активен, когда ничем не занят и большую часть интеллектуальных задач решает неосознанно. А это значит, что мыслить только рационально для человека всё равно, что птице летать с одним крылом. Ведь в состоянии рационального сознания мозг не может решать более одной задачи, оперируя лишь тремя интеллектуальными объектами на протяжении считанных секунд. Однако стоит ли такую, склонную к мифотворчеству, способность мозга считать мышлением, сказать пока трудно. Хотя в работе дефолт-сознания мышление как оперирование информацией наглядно просматривается. И с понятием человека разумного данное обстоятельство плохо вяжется. Особенно с учётом того, как он организован и до чего довёл экологию. Но человеком мифическим – вполне. При этом заметим, что человеком разумным его в значительной степени делает культура, в которую он помещён, ибо именно она определяет и оценивает степень его разумности. То есть та созданная человеком структура, в которой миф является

смысловой матрицей и главной универсалией [6]. Впрочем, имеющие место упомянутые относительно мифа открытия и заблуждения вынуждают ставить вопрос об их природе. Какой характер они носят: частный или системный? Без сомнения, в данном случае имеет место и то, и другое, так как частные проявления отдельных заблуждений являются следствием утвердившихся и воспитанных в обществе предрассудков, в основе которых лежит фактор среды и способность людей к мифотворчеству. Но нас здесь в первую очередь интересует, какую роль в этом сыграла наука и что может она сделать для того, чтобы новые представления учёных, ведущие к более взвешенному отношению к мифам, подобные предрассудки свели к минимуму, несмотря на разницу их языков [7].

Вот почему исследователю, изучающему миф, следует учитывать, что:

– миф, мифотворчество присущи человеку, его психике на всех этапах его развития, и потому не могут быть изжиты в принципе, но конкретные мифы, вызванные потребностями определённого времени, уходят, когда их время истекает, а вместо них приходят другие. И в новых исторических условиях одни мифы «тонут», а другие «всплывают» из глубин коллективного бессознательного;

– вроде рациональный (научный) и якобы иррациональный (мифологический) типы мышления, противопоставленные друг другу в традиции техногенного общества, на деле значительно более взаимосвязаны, чем может показаться. При этом они могут дополнять друг друга, но не могут заменить, так как для достижения поставленных перед ними целей они пользуются разными средствами. Сказать же, какие из них более эффективны, совсем не просто, ибо «случается, что миф, играя, поднимается до высот, куда за ним не в силах последовать разум» [8, с. 212];

– в современных условиях изучения мифа проблема рациональности, её соотношения и взаимодействия с мифом закономерно выдвигается на первый план, что неизбежно требует выяснения ключевых вопросов рациональности, включая методологический и аксиологический аспекты, как наиболее для нас важные. В связи с этим философ науки В. Н. Порус пишет: «Если сознательно отграничить рассуждения о рациональности вообще и научной рациональности, в частности, от ценностных наслоений, то выяснится, что “рациональность” есть не что иное, как плохая замена для ясного понятия “целесообразности”» [9]. А это значит, что понятие рациональности понимается и раскрывается либо через понятие истинности, либо через практику. При этом истина не является синонимом разумности, так как «Разум, конечно, способен заблуждаться. Но и заблуждаясь, он остается разумом» [9].

Как видим, даже в самой борьбе разума с мифологическим мышлением и его верой в полную и окончательную победу разума над

предрассудками проступили черты тех мифологий, с которыми так долго и, как оказалось, безуспешно боролся разум. Так, учёные давно заметили, что в казалось бы основанном на строгой науке экономической теории К. Маркса о пролетариате как движущей силе человечества проступает учение о демиурге, а в коммунизме – идеология «золотого века» будущего, как рая, построенного людьми при жизни и на земле. И хотя, по крайней мере в XIX в., идеи К. Маркса выглядели вполне обоснованными, в них проявилась та неистребимая вера в светлое будущее, которая, скорее, отличает именно мифологию [10, с. 21–22]. В свою очередь попытка выяснить, в какой степени воспитанные определённой школой, научной и культурной средой воззрения исследователя влияют на представления о научной истинности, подводит нас к выводу, что научная рациональность в значительной степени воспринимается и интерпретируется как система принятых в данном сообществе регулятивных средств (законов, правил, норм, критериев оценки), предлагающая и утверждающая свою модель научной и социальной деятельности, которая для них является разумной и рациональной. Значит, рациональность не сводится к какой-то одной модели, как наука не сводится к рациональности. Тем более, если учесть существование разных моделей рациональности применительно к решению различных задач. При этом понятно, что модели рациональности не могут отождествляться с рациональностью как таковой, так как рациональность воспринимается как рациональность лишь внутри данной конкретной системы, а абсолютизация любой из них естественным образом иррационализирует её применение. Однако тогда придётся признать, что все считавшиеся ранее рациональными, но отвергнутые в дальнейшем научные теории, включая всю деятельность по их созданию, с точки зрения современной науки следует считать нерациональными. Более того, разные культуры и сообщества, основывающиеся на различных основах представления о рациональности, относительно друг друга выглядят как нерациональные. А поскольку к нерациональным формам мышления мы относим и мифологию, получается, что каждая существующая система будет воспринимать себя как рациональную, а чужую – как мифическую. Значит, мысль об относительности рациональности в контексте смены представлений о ней, когда новая модель, утверждаясь, объявляется рациональной относительно уходящей и считается таковой, пока сама не будет подвергнута изменениям, чтобы в общественном мнении стать мифической, на этом фоне уже не выглядит столь еретической.

Впрочем, и это противопоставление не исчерпывает вариантов сопоставления рационального и иррационального, так как речь может идти о сочетании различных степеней рациональности, одна из которых может восприниматься менее рациональной, а значит, более иррациональной относительно других. Поэтому в целом, подводя некий промежуточный итог, есть основания полагать, что историческое движение познания

осуществляется через разрешение противоречия между рассудком и разумом, которые относительно друг друга также оказываются иррациональными. Однако философия данную проблему успешно решает. «Существует классическая философская традиция истолкования этого парадокса, – пишет В. Н. Порус. – Для этого требуется различать Рассудок и Разум. Работа Рассудка – движение внутри системы критериев рациональности, внутри парадигмы. Работа Разума – выход за пределы парадигмы, критика и создание иных, альтернативных парадигм рациональности. Разум в своей творчески разрушительной и вместе с тем творчески-созидательной работе – иррационален для Рассудка. Рассудок, цепляющийся за парадигму и растворенный в ней – иррационален для Разума. Завоевав новые территории знания, Разум уступает правление Рассудку, который подвергает достижения Разума рационализации. Рассудок правит, Разум завоевывает. Разум романтичен, Рассудок реалистичен» [9]. Однако стоит ли противопоставлять романтизм реалистичности? И не вторгаемся ли мы при этом в ещё одну сферу – сферы потенциально осознаваемой реальности, несущую в себе и рациональное, и иррациональное, где последнее может нести в себе нераскрытую потенцию и нереализованную свободу? «Чтобы быть рациональным, человек должен быть свободным. В этом трагедия и парадокс рациональности» [9], – утверждает В. Н. Порус. Но что означает в данном случае быть свободным? Свободным от чего? От мнений и установок среды, общества, эпохи? Но как быть свободным, если, согласно В. И. Ленину, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»? Как подняться над предрассудками своего социума и не попасть в ценностно-смысловые и информационные объятия другого? Скорее всего, таких гарантий дать не может никто.

Не случайно в своё время Р. Марле отмечал, что «Хайдеггер, оставаясь философом, все более пользуется символическим языком, и, кажется, меньше, чем кто-либо чувствует потребность в “демифологизации”» [11, с. 58]. И это не случайность. Аналогичный путь прошёл и Р. Барт, сначала пытавшийся системно миф критиковать. И что интересно: именно эта критика, столь развёрнуто представленная в его «Мифологиях» [12], до сих пор пользуется большой популярностью среди мифологов. Хотя сам Р. Барт всё больше и больше со временем сам предпочитал миф творить и им наслаждаться.

Список литературы

1. Ставицкий А. В. Наука и миф: проблема соотношения // Философия хозяйства. 2014. № 2. С. 167–176.
2. Ставицкий А. В. Структура и функции мифа: тайны, открытия, заблуждения. Севастополь: Рибест, 2016. 136 с.

3. Ставицкий А. В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
4. Raichle M. E., Snyder A. Z. A default mode of brain function: A brief history of an evolving idea // NeuroImage. 2007. № 37 (4). P. 1083–1090. doi:10.1016/j.neuroimage.2007.02.041.
5. The structural-functional connectome and the default mode network of the human brain / A. Horn, D. Ostwald, M. Reisert, F. Blankenburg // NeuroImage. 2013. № 102. P. 142–151. doi:10.1016/j.neuroimage.2013.09.069.
6. Ставицкий А. В. Роль мифа в современном обществе // Ценности и смыслы. 2019. № 3 (61). С. 47–61.
7. Ставицкий А. В. Язык науки и мифа: проблема перевода и интеллектуальное единство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки, издательство Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь), 2018. Т. 4, № 1. С. 104–119.
8. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.
9. Порус В. Н. Парадоксы научной рациональности [Электронный ресурс]. URL: http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/PORUS1.htm (дата обращения: 12.07.2020).
10. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. А. П. Хомика. М.: Академический проект, 2019. 254 с.
11. Марле Р. Миф и историко-критический метод // Символ, № 15, 1986. С. 53–61.
12. Барт Р. Мифологии. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 2004. 351 с.

УДК 316.6
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.15

ЦИФРОВОЕ БЕГСТВО ИЛИ БЕГСТВО ОТ ЦИФРОВИЗАЦИИ?

Труфанова Е. О.

Институт философии РАН (Москва, Россия)
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).
E-mail: eltrufanova@gmail.com

DIGITAL ESCAPE OR ESCAPE FROM THE DIGITAL?

Trufanova E. O.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: eltrufanova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ трансформаций социальной роли цифровых коммуникаций в контексте их связи с феноменом эскапизма. Эскапизм при этом понимается не как исключительно негативное психическое явление, а как неотъемлемая потребность человека в поиске новизны. Показано, что взаимодействие с виртуальным пространством Интернета долгое время рассматривалось как причина эскапизма, поскольку Интернет обеспечивал возможность психологического «бегства» в вымышленный мир, возможность анонимности, ухода от ответственности, конструирования альтернативных идентичностей. Демонстрируется, что чем более доступными становятся цифровые коммуникации, тем больше виртуальная и реальная сферы деятельности человека переплетаются и становятся неотделимыми друг от друга. В конечном счете цифровые коммуникации становятся обыденностью и неотъемлемой частью социальной жизни человека. Показывается, что это обстоятельство приводит к утрате привлекательности Интернета для эскапизма, поскольку эскапизм связан с поиском новизны, с поиском отвлечения от повседневности. Таким образом, демонстрируется, что эскапистская привлекательность Интернета и иных цифровых коммуникаций была связана не с их специфической природой, а с их новизной для человеческого опыта. Когда подобная новизна утрачивается, Интернет также становится местом, откуда человек стремится убежать. Причины бегства от цифровизации кроются не только в рутинзации Интернет-коммуникаций, но и в связи с тем, что Интернет становится причиной информационных перегрузок человеческой психики, от которых человек пытается освободиться путем избегания. Таким образом, демонстрируется, что цифровые технологии являются не причиной стремления к эскапизму, а лишь одним из возможных инструментов реализации этой потребности.

Ключевые слова: *анонимность, бегство, интернет-коммуникации, повседневность, цифровизация, эскапизм.*

Abstract. The paper provides analysis of transformations of the social role of digital communications in the context of their relations with escapism phenomenon. Escapism is regarded not as a negative trait, but as an inherent human need for novelty. It is shown that the interactions with the virtual reality of Internet were regarded for a long time as a reason for escapism, because Internet provided the possibility of the psychological escape to the fictional world, of anonymity, of the avoidance of responsibility, of the construction of alternative identities. It is demonstrated that the more affordable digital communications become, the more virtual and real spheres of human activity become intermingled and inseparable from each other. Finally, digital communications become an everyday routine and an integral part of human social life. It is shown that these circumstances result in the loss of Internet's escapist appeal, because escapism is related to the search for novelty, for the distraction from everyday routine. It is thus shown that escapist appeal of Internet and other digital communications is connected not with their specific nature, but with their novelty for human experience. When this novelty expires, Internet becomes yet another place that human wishes to escape. The reasons of escape from the digital lie not only in the Internet's routinization, but also in the fact that Internet becomes the reason for the information overload of human psyche, and human wishes to escape it, avoiding the information sources. Thus, it is shown that digital technologies are not the reason for the escapist pursuit, but only one of the instruments for the realization of the need to escape.
Keywords: *anonymity, escape, Internet communications, everyday routine, digitalization, escapism.*

Проблема эскапизма обсуждается в психологии, философии и других науках о человеке и обществе уже более полувека, хотя корни этой проблемы уходят намного глубже. Наиболее распространенное понимание эскапизма рассматривает его как «реакцию бегства» – потребность человека в избегании повседневных проблем и бегстве в мир иллюзий. Чаще всего эскапизм рассматривается как отрицательное явление, как нежелание человека решать свои проблемы и уход от них. Тем не менее эскапизм можно понимать как значительно более сложное явление, отражающее фундаментальные черты человеческой природы, отвечающее за потребность человека постоянно выходить за пределы обыденности, воображать, дополнять мир новыми смыслами [1]. В современной ситуации эскапизм часто обсуждается в связи с проникновением в жизнь человека новых цифровых технологий, которые рассматриваются как способствующие проявлениям эскапизма. Однако с развитием информационно-цифровых технологий происходят изменения их роли в социальной жизни, которые приводят к снижению их привлекательности для эскапистской деятельности.

В связи с этим возникает необходимость переоценки социального статуса информационно-цифровых технологий и демонстрации того, что цифровые технологии являются инструментом эскапизма, но не его причиной. Основными вопросами, которые ставятся в данном исследовании, являются вопросы о том, какие характеристики цифровой среды делают ее привлекательной для эскапизма и почему в ходе развития цифровых коммуникаций эта привлекательность утрачивается.

Интернет в эпоху анонимности

С того момента, как компьютеры входят в повседневную жизнь человека, становятся обычным предметом домашнего обихода, подобно холодильнику или телевизору, идут разговоры о том, что они являются причиной эскапистского поведения. Возникают жалобы на то, что дети проводят слишком много времени за компьютерными играми, которые не только аддиктивны, но и вызывают стремление к жестокости и насилию. Уже в самые ранние годы становления Интернета, в середине 1990-х гг. американский психиатр А. Голдберг формулирует термин «интернет-зависимость» (понятие «Internet Addiction Disorder» Голдберг использует в одном из своих сообщений на профессиональном психиатрическом онлайн-форуме PsyCom.net), который хотя и не стал полноправным термином медицинского словаря, но, тем не менее, используется повсеместно. Сам Голдберг предложил этот термин в шутку, однако многие восприняли его всерьез и продолжают воспринимать так до сих пор. Голдберг, разумеется, не мог предвидеть того, что выход в Интернет очень скоро станет не особым событием, а повседневностью. Если ранее было необходимо иметь компьютер, модем, немало терпения для того, чтобы дождаться соединения модема с сетью и т.д., а сами сеансы связи были сравнительно короткими, то сейчас достаточно недорогой смартфон с аналогичным тарифом позволяет человеку выходить в Интернет нажатием одной кнопки практически из любого места на свете и находиться онлайн постоянно. Как следствие, «человек постепенно заменяет участие в реальной жизни на жизнь в другом измерении через социальные сети, мессенджеры, компьютерные игры, которые требуют менее напряженной душевной и духовной работы и вместе с тем предоставляют возможность легкого досуга с его яркими красками. Под влиянием этого модуса электронной культуры происходит усиление неподлинности повседневной жизни, раздвоение реальности на две: виртуальную, яркую и удобную, и реальную, повседневную, которую нелегко подстроить под себя» [2, с. 113].

Обсуждение проблемы эскапизма становится все более активным, когда в повседневную жизнь человека входит новая – медийная – реальность, связанная с бурным развитием средств массовой информации [3], в особенности – аудиовизуальных, таких как телевидение и кинематограф, которые способны создавать эффект непосредственного присутствия, наблюдения человеком разворачивающихся событий. Далее развитие технологий начинает обеспечивать интерактивное взаимодействие человека с виртуальной средой, т.е. человек может не только наблюдать происходящее на экране, но и влиять на него. Это касается и видеоигр, и народных голосований в телешоу, и, наконец, современных средств связи, которые в эпоху пандемийной «самоизоляции» начинают осваивать даже те

люди, которые никогда не предполагали, что они могут им понадобиться. Долгое время «виртуальная реальность», с которой человек взаимодействовал через интерфейс компьютера, противопоставлялась «реальному миру», однако далее – не в последнюю очередь в связи с появлением мобильных средств связи, которые постоянно находятся при человеке – виртуальная реальность сливается с «реальным миром», становится неотъемлемой его частью, и противопоставление этих двух реальностей снимается. Как отмечает Д. Е. Добринская, «новые возможности, которые открывают для человека информационно-коммуникационные технологии, позволили фактически стереть границу между реальным миром и киберпространством» [4, с. 64]. Одновременно с этим исчезает и чувство «подконтрольности» виртуального мира – он становится слишком сложным и развитым, чтобы полностью зависеть от воли индивида, и этим тоже теряет свою привлекательность.

С чем связана изначальная эскапистская привлекательность Интернета? В начальный период своего существования Интернет являлся пространством анонимности и вседозволенности. Ранние пользователи могут вспомнить необычные ощущения, которые они испытывали, впервые встречаясь в реальной жизни с онлайн-знакомыми, которые ранее были для них только строками на экране компьютера. Именно тогда возникает сленговый глагол «развиртуализироваться», который означал прежде всего снятие личин анонимности при личной встрече. Сейчас же уровень анонимности в Сети становится намного ниже, а средств, позволяющих «развиртуализироваться» без очной встречи, намного больше – достаточно выйти с любым из пользователей на сеанс видеосвязи. Еще до появления Интернета большую популярность получают видео- и компьютерные игры, которые по мере их усложнения создают все более привлекательное виртуальное пространство. Однако Интернет создает принципиально новые условия: если в компьютерной игре человек изначально взаимодействовал только с цифровым интерфейсом, с программой, то с появлением Интернета в структуру взаимодействий добавляются другие люди: цифровое пространство становится местом встречи, местом коммуникации. Тем не менее привлекательность именно такой коммуникации для большого количества людей заключалась в ее анонимности, в возможности создания воображаемой личности, в возможности быть кем-то другим, в возможности сделать вид, что твои текущие заботы остались в стороне, а ты временно живешь какой-то чужой жизнью – более яркой, насыщенной и беззаботной, чем твоя. Привлекательным являлся и тот факт, что анонимность по сути допускала вседозволенность, отсутствие ответственности за свои слова и поступки. Виртуальный флирт, виртуальная «словесная дуэль», ложь своему виртуальному собеседнику – ни за что не нужно отвечать, флирт не влечет за собой моральных

обязательств, связанных с «серьезными отношениями», не требуется мужество, чтобы высказать что-то нелицеприятное своему собеседнику в Сети – потому что можно не бояться получить в ответ оплеуху, а лжешь ты или говоришь правду о себе – проверить невозможно. Анонимность же, по мнению известного отечественного исследователя интернет-психологии А. Е. Войскунского, являлась причиной разного рода девиантного поведения в Интернете [5].

Это не означает, что подобные особенности сетевых взаимодействий использовались исключительно со злыми намерениями, с целью безнаказанно оскорблять или обманывать: зачастую активными пользователями Сети становились люди одинокие, стеснительные, интровертивные по складу, а, к примеру, для заточенных в своих квартирах инвалидов и больных Сеть могла стать настоящим спасением, компенсирующим недостаток живого общения (эту же функцию она выполняет в период самоизоляции для уже значительно большего количества людей). При этом зачастую имело место формирование особой идентичности, специфически настроенной на ее использование в Сети: как это описывают Войскунский и его коллеги, «среди наиболее наглядных характеристик сетевой идентичности – легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное, а также сравнительно нечасто встречающиеся в обыденной жизни феномены не просто множественной, а в полном смысле этого слова альтернативной идентичности» [6, с. 101]. Еще одной чертой «раннего» Интернета была анархичность и стихийная самоорганизация пользователей в разного рода сообщества. Сетевые взаимодействия извне контролировались минимально, были лишены ограничений и запретов. Это одновременно было время «флибустьерской романтики», когда на просторах Интернета процветала нелегальная деятельность типа интернет-пиратства и хакерства, но в то же время – формировались разные профессиональные и творческие сообщества, кружки по интересам и т.д. При этом эти сообщества зачастую объединяли незнакомых ранее людей, которые и не планировали знакомиться в «реальной» жизни. Ранний Интернет, по мнению одного из исследователей современных информационных технологий Н. Карра, был связан с надеждами на существование в некоем трансцендентном, в данном случае цифровом мире, где человек может наконец раскрепостится полностью, отбросить свою телесность, став лишь символической сущностью, которую он конструирует с нуля по своему желанию [7]. Таким образом, важной привлекательной чертой интернет-коммуникаций была для многих возможность быть не-собой, а значит – возможность уйти от повседневности, нырнуть в «глубину», как это образно описывает отечественный фантаст Сергей Лукьяненко в своей известной в 1990-х гг. фантастической трилогии «Лабиринт отражений». Эта трилогия – ода раннему Интернету, его таинственности и

заманчивости, которые современному пользователю, вероятно, достаточно сложно прочувствовать.

«Расколдовывание» Интернета

Происходящие с Интернетом трансформации были отмечены исследователями уже в начале 2000-х гг. Автор первых популярных работ об Интернете Т. О'Рейли отмечает, что развитие Интернета идет по пути увеличения степени интерактивности и предлагает концепцию двух стадий развития Интернета – ранний (Web 1.0) и современный (Web 2.0) [8]. Одним из главных отличий Web 2.0 он называет широкое распространение сферы блогов и увеличившееся за счет этого число интеракций между пользователями. Он предлагает сравнить Интернет со своего рода электронным мозгом, коллективным разумом, а блогосферу и Wikipedia – с внутренним голосом, отражающим мышление всей Сети, и, следовательно – всего причастного к Сети человечества. Н. Карр же настроен к воспеваемому О'Рейли коллективному разуму Web 2.0 скептически и полагает, что современный Интернет – поле деятельности дилетантов. Wikipedia, например, с его точки зрения является профанацией и дает только поверхностное, далеко не всегда точное знание, к тому же зачастую неряшливо написанное. Карр призывает быть настороже и не принимать дилетантов за качественный источник информации. Он утверждает, что незачем обожествлять Интернет. На самом деле, настаивает Карр, Интернет бездушен – это просто набор технологий, служащих потреблению [7].

Несомненно, предложенное О'Рейли разделение за прошедшие пятнадцать лет уже существенно устарело, но не утратило своей сути – действительно, изменения в Интернете во многом были связаны с ростом интерактивности, но на смену блогам пришли еще более интерактивные формы – социальные сети и мессенджеры. Главное же изменение связано с тем, что именно на этапе Web 2.0 Интернет начинает рассматриваться как максимально эффективная рекламно-торговая площадка, а в последние годы с учетом цифровизации интернет-покупки становятся простейшей операцией, которую можно осуществить в одно нажатие кнопки. Таким образом, Интернет становится не просто «еще одной» сферой человеческой жизнедеятельности, он становится неотъемлемой составляющей всех сфер жизни общества, инструментом экономики и политики. Как отмечает Е. В. Петрова, «если судить по количеству времени, проводимому нами за работой за компьютером, интернет-серфингом, в соцсетях или виртуальном пространстве компьютерных игр, информационная среда постепенно становится основной средой обитания человека» [9, с. 79].

Его роль как «пространства эскапизма» и даже как «коллективного разума» уходит на второй план: происходит, используя термин М. Вебера, «расколдовывание» Интернета. Этот процесс не является чем-то необычным – как верно отмечают психологи А. Л. Журавлев и Т. А. Нестик, любые «технологии сначала выступают в качестве “игрушек”, затем они становятся “зеркалом” для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта становится привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредотачивается на полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание» [10, с. 8]. Интернет теряет обаяние новизны, рутинизируется, и, становясь частью общественной жизни, утрачивает свою эскапистскую привлекательность, более того – он становится тем местом, *откуда* человек стремится убежать. Интернет является не только частью гнетущей повседневности, но и одним из главных источников избыточного информационного «шума», который сопровождает современного человека [11; 12], и от которого он стремится если не избавиться вовсе, то хотя бы отгородиться. Современное интернет-пространство оставляет мало возможностей для доверия, человек привыкает жить в ситуации «постправды» [13]. Возникает, как верно отмечает О. В. Чистякова, «проблема получения объективного, истинного знания, или возможности ее “распознавания” в бесконечном потоке медийных образов, сообщений, смыслов, символов, симулякров… Индивид вынужден воспринимать симулякры, имитирующие копии, заменять реальные социальные действия виртуальными аналогами или ошибочно воспринимать их как истину, не отдавая себе в этом отчета» [14, с. 95–96). Как следствие, информационная среда обитания человека начинает требовать серьезной работы в сфере информационной экологии с целью избавления от информационного загрязнения [15]. Но решить эту задачу не так просто – она требует консолидированных усилий общества, тогда как для индивида всегда остается возможность иного выхода – бегство.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Интернет хотя и создает новые возможности для удовлетворения эскапистских потребностей, сам по себе не является причиной эскапизма. Став повседневностью и обыденностью, он перестает обладать той притягательностью, которая была характерна была ему ранее. Более того – вовлеченность в интернет-коммуникации сейчас, напротив, служит расширению социальной активности человека, нежели уходу от нее. Так, сейчас эскапистом будет являться, скорее, человек, не имеющий аккаунтов в социальных сетях и минимизирующий свое взаимодействие с онлайн-коммуникациями. Вместо «бегства» в Интернет мы начинаем стремиться к

«бегству» из Интернета, в мир, где онлайн-коммуникации не могут нас достать, где мы свободны от цифровых технологий, где мы можем просто выключить смартфон.

Исследование подготовлено в рамках проекта МД-178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения».

Список литературы

1. Труфанова Е. О. Эскапизм: бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 597–608.
2. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4. С. 129–142. doi: 10.5840/eps201855479
3. Evans A. This virtual life. Escapism and simulation in our media word. London: Fusion Press, 2001.
4. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–70. doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-52-70
5. Войскунский А. Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.
6. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 2. С. 98–121.
7. Carr N. The amorality of Web 2.0. 2005. 03 October. URL: http://www.roughtype.com/archives/2005/10/the_amorality_o.php
8. O'Reily T. What is Web 2.0. 2005. 30 September. URL: http://www.oreillynet.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html
9. Петрова Е. В. Проблема диалектической взаимосвязи природного и социального аспектов адаптации человека в экосистеме информационного общества // Философия науки и техники. 2017. Т. 22, № 1. С. 78–92.
10. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 6. С. 5–14.
11. Пронькина А. Н. Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения // Философия науки и техники. 2020. Т. 25, № 1. С. 110–124. doi: 10.21146/2413-9084-2020-25-1-110-124
12. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. Т. 16, № 1. С. 4–21. doi: 10.17726/philIT.2019.1.16.1
13. Труфанова Е. О. Истина, знание и реальность в эпоху «постправды» // VII Иоанновские чтения. Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее. М.: Летний сад, 2018. С. 17–25.
14. Чистякова О. В. Человек в медиатизирующемся мире постсовременности: антропологические смыслы и социальные следствия // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2–1. С. 90–98.
15. Петрова Е. В. Информационная среда и ее воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе // Философские науки. 2017. № 5. С. 98–114.

УДК 130.2
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.16

ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ОЖИДАНИЙ

Федина О. В.*, Маленко С. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail:of3434@mail.ru*

THE NATURE OF DIGITAL EXPECTATIONS

Fedina O. V.*, Malenko S. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail:of3434@mail.ru*

Аннотация. Любой исторический период рождает вопросы о будущем, футурологические теории и теории развития общества и человека. Однако исследованиям зачастую всё ещё не хватает фундаментального понимания природы цифровых технологий. Чтобы устранить этот пробел, требуется четкая таксономия цифровых технологий, сформулировать которую необходимо с учётом того, как ожидания человека от взаимодействия с цифровой средой соотносятся с реальными процессами этой среды. Проведённое разграничение понятий «ожидание», «знание» и «вера», а также описанная взаимосвязь между этими понятия и специфика цифрового ожидания могут быть использованы в социокультурном проектировании, прогнозировании, при разработке футурологических концепций и культурных программ.
Ключевые слова: *социокультурные ожидания, цифровая культура, прогнозирование.*

Abstract. The article presents the results of the analysis of the theoretical content of the concept «digital expectations». Any historical period gives rise to questions about the future, futurological theories and theories of the development of society and man. However, research often still lacks a fundamental understanding of the nature of digital technology. To bridge this gap, a clear taxonomy of digital technologies is required, which must be formulated taking into account how the expectations of a person from interacting with the digital environment relate to the real processes of this environment. The delineation of the concepts of “expectation”, “knowledge” and “faith”, as well as the described relationship between these concepts and the specificity of digital expectation, can be used in socio-cultural design, forecasting, in the development of futurological concepts and cultural programs.
Keywords: *sociocultural expectations, digital culture, forecasting.*

Без сомнения, новые цифровые медиа меняют многие аспекты политической, социальной, культурной и экономической жизни людей во всем мире. Цифровые технологии (электронная почта, обмен файлами,

мобильные телефоны, онлайн-игры, электронная коммерция, системы GPS) становятся обычным явлением и становятся частью нашей социальной и личной жизни [1, с. 9–11]. Интернет соединяет миллионы людей по всему миру, что отражает разнообразие культур и идей. Это позволяет людям встречаться друг с другом за пределами пространства и культуры. Сегодня происходит революция – смещение культуры к компьютерным формам производства, распространения и коммуникации. Эта культура неизменно определяется как цифровая культура, киберкультура, интернет-культура, информационная культура и т.д. Цифровая культура – это выражение норм, ценностей и ожидаемого образа жизни в связи с постоянно растущей компьютеризацией и цифровизацией общества [2, с. 63–75]. Цифровая культура – это, по большому счету, совокупность способов использования цифровых медиа и технологий в повседневной жизни. Молодые люди, особенно на Западе и в городах, испытали на себе пересечение новых медиа-технологий и глобализации [3]. Цифровая культура радикально изменилась за последние годы. Объём информации, необходимый для «грамотности» в среде, богатой технологиями, меняется.

Субъекты цифровой культуры используют и создают цифровые медиа-продукты (или товары цифровой культуры), такие как цифровые изображения, песни, видео, фильмы и компьютерные игры. Товары цифровой культуры можно легко воспроизводить и легко распространять, что позволяет потребителям совместно создавать продукты. Цифровой ремикс культурных товаров включает в себя выборку, манипулирование и выпуск [4]. Распространение смартфонов привело к культуре чата, которая является хорошим примером двойных игр в цифровой культуре, технологической предопределённости общения. Хотя термин «технология» используется интуитивно, о природе технологий известно немного. Из-за нечёткости этого термина в дискурсе отсутствует общепринятое определение, и в ней либо используется контекстно-ориентированная, либо целевая перспектива.

Трансформации, которые претерпевает социокультурная сфера в связи с повсеместным распространением цифровых технологий, в совокупности с общесоциальными, экономическими, экологическими изменениями, пандемией, можно отнести к стрессовым, кризисным ситуациям. Подобные периоды трансформаций всегда актуализируют вопросы о будущем человека в частности и общества в целом. Проблема социокультурного ожидания приобретает новое звучание, поскольку не до конца изученная природа цифровой культуры затрудняет прогнозирование её развития.

Ожидания, возникающие у человека при взаимодействии с цифровой культурой, зачастую основаны на сформированном у него понимании традиционной культуры. Цифровая культура может быть отнесена к

традиционному пониманию культуры как «системы ценностей, сплачивающих общество в определенную эпоху и при определенном уровне развития в нем общественных отношений» [5, с. 233–234]. Цифровая среда, в частности интернет-пространство, имеет свойство стихийного развития, новые медиа непременно связаны с культурой авангарда [6].

Ситуативные диспозиции представляют собой предсказания относительно того, что воспринимается как данное. Ожидания – это последствия, которые мы предсказываем в нашем поведенческом взаимодействии с ситуацией. В этом смысле, как условия, ситуация и ожидания взаимосвязаны. Ситуации – это воспринимаемый характер и способности реальности; ожидания касаются наших действий в отношении этой реальности. Ситуация определяет, что будет происходить, а ожидания – это последующий результат наших действий. Очевидно, что ситуации и ожидания взаимосвязаны, так как разные результаты, ожидаемые от наших разнообразных поведенческих потенциалов, зависят от нашего понимания соответствующих ситуационных диспозиций и способностей. Ожидания определяют для нас последствия наших действий и, следовательно, являются всеобъемлющими: с нашей точки зрения, они предполагают предрасположенность и силу вещей. Любые ожидания так или иначе лежат в основе взаимодействия между нами и нашим миром.

Обратившись к К. Попперу, отметим, что ожидание часто отождествляется со знанием и в меньшей мере с верованием, которые рассматриваются у автора в контексте проблемы индукции. Первичная идея о природе ожидания здесь связана с предшествующим опытом, из «повторяющихся наблюдений» [7, с. 14], на основании которого формируется представление о закономерностях и будущих событиях. К. Поппер, отождествив суть ожидания и знания, определил наличие у вторых не только опережающего характера, но и включенность в жизнедеятельность субъекта/объекта познания. К. Поппер, как и Э. М. Форстер, не отождествляет ожидание и веру, отмечая, что «вера» – более обширный термин, подразумевающий «устоявшиеся» мнения и общность прочих ожиданий.

В свою очередь, Роберт К. Мертон связывает ожидания первостепенно не с понятием «знания», а с мифологическим самоисполняющимся пророчеством. Аппелируя к социологу У. А. Томасу, Р. Мертон говорит о первостепенной значимости веры, уверенности, убеждённости в восприятии человеком того или иного события. Таким образом, в связи с понятием «ожидания» снова, как и у К. Поппера, возникает понятие «убеждения», которое «тесно связано с ожиданием» [7, с. 74].

Бытовое ожидание сопровождает любую деятельность человека, однако, когда мы говорим о цифровых ожиданиях, возникает вопрос – в какой момент они появляются и чем обусловлено это появление.

Цифровые ожидания, то есть ожидания, связанные с технологической сферой, её развитием и компонентами, формируются в условиях существования информационного общества. Важным здесь является вопрос соотношения знания, тождественного, но не равного ожиданию, и информации. Цифровые ожидания могут представляться рациональными и по своим эпистемологическим характеристикам близкими к прогнозам, в том случае, если субъекты действуют на основании обоснованных и систематизированных знаний о различных явлениях объективной реальности. В том случае, если социокультурные процессы и частные поступки определены информационными потоками различной степени достоверности, цифровые ожидания также будут разниться в контексте эпистемологической значимости. Цифровые ожидания часто усиливают поведенческие проявление в виртуальной среде, но ожидания также могут им сильно противодействовать. В данном контексте можно отметить, что социокультурные ожидания в целом можно назвать частью общественного мнения, например, Г. Тард определял общественное мнение как совокупность суждений, отвечающую задачам времени. В процессе формирования общественного мнения существенную роль он отводил общению, посредством которого действуют процессы подражания и заражения [8].

Понятие «ожидания» обычно ассоциируется с социальными ролями как «поведением, которое ожидается от человека, занимающего определённый статус» [9, с. 537]. Исследователь обсуждает ролевые ожидания отца, священника или учителя как ожидаемое поведение лиц, исполняющих эти роли. Логично будет разделить две концепции, чтобы показать отдельные функции личности, ситуации, ожиданий и ролей. Роли в психологическом поле – это поведенческие потенциалы, мотивационные компоненты или воспринимаемые диспозиции ситуации. Когда мы воспринимаем полицейского, мы воспринимаем диспозицию его роли (это то, что обычно подразумевается под ролевыми ожиданиями). Цифровая же среда порождает ситуацию, в которое социальное поведение помещено в контекст нашей личности, мотиваций, психологической дистанции, когнитивного равновесия и восприятия человека, социокультурных значений и ценностей (культурная матрица), ролей и статуса, а также цифровых ожиданий. Другими словами, на фундаментальном уровне описание социального поведения, данное здесь, является интегральным, объединяющим нашу биологическую психологическую и социокультурную природу.

Однажды установленная рутина включает в себя набор привычек, освобождающих нас от бремени обдумывания каждого действия, выбора поведения, соответствующего каждому набору ожиданий и предрасположенностей в каждой из множества повседневных ситуаций, с которыми мы сталкиваемся. Рутина освобождает наш разум для

творческого мышления и очищает наши ментальные колоды от эмоциональной вовлеченности, которую влечет за собой принятие решения о каждом действии de novo. Они обеспечивают нам предсказуемый порядок и объединяют нашу личность, ситуацию, поведенческие установки и ожидания. Таким образом, рутины составляют поведенческий и диалектический баланс между нами и нашим миром. Однако цифровая среда, в частности интернет-пространство, имеет свойство стихийного развития. Таким образом, нарушение привычного распорядка означает, что мы больше не представляем эту же ситуацию так, как раньше. Соответственно, ожидания от цифровой среды, в общем, должны быть скорректированы, а наши собственные ожидания и восприятия также должны быть переработаны заново, поскольку мы испытываем последствия нашего изменения в поведении. Другими словами, любое изменение в цифровой среде ведёт к тому, что необходимо будет разработать новую взаимную структуру цифровых ожиданий, что приведет к увеличению взаимного конфликта до тех пор, пока снова в процессе итеративного взаимодействия не будет разработан новый распорядок поведения.

В цифровой среде предрасположенности к обществу, группам или политике тогда связаны с нашей личностью; и наше действительное поведение все равно является результатом поведенческих предрасположенностей, обстоятельств и наших ожиданий. Таким образом, нестандартное социальное поведение здесь не игнорируется, а просто рассматривается как другой вид поведения рода и подразумевается в том, что было сказано. Повсеместное распространение цифровой культуры вносит корректировки в структуру социального ожидания, убеждений, осознания и понимания того, как другие будут реагировать на наше поведение, реагировать на наши действия, играть свои роли. Когда ожидание становится цифровым ожиданием, человек, во взаимодействии со средой не только воспринимает её как дистанцию по отношению к себе, но также стремится осознать, как наше поведение повлияет на неё и что может ожидать взамен. Эти цифровые ожидания явно меняют наши предрасположенности, но то, как проявляется эта связь, как она в итоге влияет на социальное поведение, требует более подробного анализа социального поведения.

Список литературы

1. Broeckman A., Jaimes A. Digital culture, art, and technology // IEEE Multimedia. 2015. P. 9–11.
2. Deuze M. Participation, remediation, bricolage: considering principal components of a digital culture // The Information Society. 2006. Vol. 22, № 2. P. 322–338.
3. Jöhnk J., Röglinger M., How to Implement Agile IT Setups: A Taxonomy of Design Options // 25th European Conference on Information Systems (ECIS). Guimarães, Portugal., 2017. P. 1–15.

4. Kagermann, H., Wahlster W. and Helbig. J. Recommendations for Implementing the Strategic Initiative INDUSTRIE 4.0: Final Report of the Industrie 4.0 Working Group / Federal Ministry of Education and Research. Frankfurt/Main, 2013. 79 p.
5. Кузнецова Т. Ф. Цифровая культура // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233–237.
6. Manovich L. New Media from Borges to HTML // The New Media Reader / eds. N. Wardrip-Fruin, N. Montfort. Cambridge: Massachusetts, 2003. P. 36–39.
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр.; под ред. П. С. Когана; изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 208 с.
9. Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. Западная социология. СПб.: ООО «Издательство ДНК», 2003. 537 с.

УДК 316.7
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.17

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАРРАТИВОВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Федотова Н. Г.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
E-mail: fedotova75@mail.ru

REPRESENTATION OF NARRATIVES OF THE CITY'S CULTURAL MEMORY IN THE DIGITAL AGE

Fedotova N. G.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: fedotova75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы репрезентации нарративов культурной памяти города, которые приобретают особую специфику в условиях цифровой культуры. Автор акцентирует внимание на трех ключевых аспектах, трансформирующих практики репрезентации городских нарративах в цифровых коммуникациях: виртуализация городской реальности, повышение роли интерактивных практик в воспроизведении коллективного опыта города, визуализация репрезентаций городских нарративов. В условиях цифровой культуры особые способы кодирования и распространения городских нарративов приобретают качественно новый формат, что отражается на процессах структурирования актуальных слоев культурной памяти города.
Ключевые слова: *город, нарратив, культурная память города, цифровая культура.*

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of representation of narratives of the city's cultural memory, which acquire a special specificity in the conditions of digital culture. The author focuses on three key aspects that transform the practices of representation of urban narratives in digital communications: virtualization of urban reality, increasing the role of interactive practices in reproducing the collective experience of the city, and visualization of representations of urban narratives. In the context of digital culture, special ways of encoding and distributing urban narratives acquire a qualitatively new format, which is reflected in the processes of structuring the actual layers of the city's cultural memory.
Keywords: *city, narrative, cultural memory of the city, digital culture.*

Внимание гуманитариев к феномену культурной памяти города повышается с каждым годом, что свидетельствует о трансформации научного понимания значимости управления коллективным прошлым, которое влияет на конструирование современной городской реальности. По Я. Ассману, культурная память является особой памятью коллектива,

которая связана с передачей и актуализацией культурных смыслов. От прочих типов памяти культурная отличается именно тем, что она имеет символический характер, то есть «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [1, с. 23]. На основании этого мы понимаем культурную память города как многослойное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов города. Такого рода смыслы «представляют собой значимые для горожан элементы культуры города (символы, образы, мифы), являющиеся единицами хранения культурной памяти, которые символически маркируют городскую среду» [2, с. 45].

Одним из репрезентантов культурной памяти города являются нарративы, с помощью которых структурируются образы прошлого и объясняются процессы настоящего. Коллективная память материализуется, объективируется в настоящем с помощью нарративов [3]. Важнейшим свойством нарратива является его способность выражать коллективный опыт того или иного сообщества, представлять и актуализировать определенные эпизоды культурной памяти города. С помощью нарративов, которые «символизируют действительность, наполняют ее смыслом» [4, с. 8], происходит передача образов прошлого в определенных контекстах и в в рамках той или иной интерпретации.

Городские нарративы, к которым относятся не только мифы и легенды, но и прочие сюжетные тексты, благодаря лаконичности доступно объясняют большинству людей различные эпизоды прошлого, задавая тем самым и отношение к настоящему, что напрямую связано с закреплением в коллективной памяти тех или иных культурных смыслов.

Между тем современная эпоха маркирована тенденциями цифровой культуры как определенным этапом культуры, который «соответствует цифровому обществу» [5, с. 233]. В условиях цифровой культуры кардинально преобразовались все сферы деятельности людей, что не могло не отразиться и на функционировании нарративов, представляющих образы прошлого в рамках цифровых коммуникаций.

Цифровая культура существуют в условиях растущей виртуализации и визуализации реальности. С помощью цифрового кода, технологий и сервисов та информация, с которой сталкивается человек, включая и информацию о городе, в виртуальной среде преобразуется и распространяется, формируя в обществе ценности, визуальные фрагменты образов, а также отношение к событиям и процессам. Кроме того, цифровая культура предполагает бесконечную интерактивность коммуникативного пространства, а тексты цифровой культуры находятся в стадии постоянного изменения или интерпретации.

Данные условия влияют и на специфику репрезентации нарративов культурной памяти города в условиях цифровой культуры. Меняются коммуникативные траектории, носители нарративов, с помощью которых

формируется коллективное отношение к образам прошлого, что напрямую влияет на процессы осмысления городской реальности.

В условиях цифровой культуры особое значение имеет не только семантика нарративов культурной памяти города, но и особенности их репрезентации в цифровом коммуникативном пространстве. Если акцентировать внимание на способах кодирования и распространения городских нарративов в условиях цифровой культуры, то следует выделить три следующих ключевых тенденции.

Во-первых, изменился источник наррации для целевых аудиторий, который сместился в виртуальное пространство с появлением цифровых инноваций, меняющих способы формирования коллективных представлений о городе, где большую роль стали играть цифровые устройства, технологии и средства взаимодействия (от электронной почты до «WhatsApp» и «Skype»), виртуальные сообщества (социальные сети, теги, чаты). Городские нарративы присутствуют уже не столько в печати, сколько, например, в компьютерных играх, основанных на образах средневекового прошлого. Кроме того, в условиях цифровой культуры и тотальной виртуализации городского образа в цифровых коммуникациях город становится отражением его «экранного» представления в социальных сетях и электронных приложениях. Электронный характер нарративов, передающих значимые для горожан фрагменты культурной памяти в виде легенд, символов и мифов (через онлайн экскурсии, виртуальные сообщества и пр.), приобретает доминирующее значение, поскольку символическое производство впечатлений смещается в цифровой формат.

Во-вторых, цифровая природа новых медиа способствуют изменению способов производства нарративов культурной памяти города, где все большую значимость приобретает интерактивность в процессах цифовой коммуникации. Теперь городской нарратив нередко является результатом трансляции информации об образе городского прошлого через отзывы на странице в «Facebook», тексты блогеров, которые поживают в данном городе или посетили его, а также любых других людей, создающих общедоступный контент о городе в сети Интернет. Активный пользователь цифровой реальности, участвуя в генерации городских нарративов, способен сформировать устойчивые символические коды города, тем самым он стихийно или целенаправленно участвует в актуализации определенных фрагментов памяти города, влияя на динамику коллективных представлений о городе.

В условиях цифровой культуры непосредственный опыт создания или восприятия нарратива конкретным человеком может многократно тиражироваться, умножаться и влиять, косвенно или непосредственно, на структурирование культурной памяти города через цифровые каналы коммуникации. Это принципиально новая практика генерации и

репрезентации городских нарративов, связанная с интерактивностью цифровой культуры, поскольку теперь не только кинофильм или книга представляют сюжетные тексты о городском прошлом, но и обычные люди, которые занимают активную позицию в цифровых коммуникациях и участвуют в производстве символической информации о городе. Цифровые коммуникации за счет интерактивности (например, в блогах или социальных сетях) становятся важнейшими посредниками наррации, конструируя и воспроизводя значения города, коллективные представления о городе в цифровых коммуникациях, являющихся сегодня доминирующим типом взаимодействия для большинства людей.

В-третьих, репрезентация городских нарративов в условиях цифровой культуры нередко сопровождается визуализацией текстов. Одна из особенностей цифровой культуры связана с тем, что цифровые устройства предназначены для передачи на экран небольшой информации, кратких сообщений, сопровождающихся изображениями (фотографии, смайлики и пр.). В цифровом формате преобладают такие городские нарративы, которые за счет коротких емких текстов с визуальным оформлением на экране воздействуют на коллективные представления о городском прошлом и настоящем города. Визуальные коды нарративов обладают доступным способом передачи символической информации о городе, что во многом объясняется бумом брендинговых практик, в результате которых с помощью бренда передаются ключевые идентификационные коды города, которые нередко основаны на социальных мифах.

Для экранных способов репрезентации городских нарративов, сформированных в цифровых коммуникациях, характерно доминирование визуальных кодов. Просматривая ролик об истории города на официальном городском портале или фотографию легендарной личности в социальной сети, в обществе складываются коллективные представления о значимости тех или иных эпизодов культурной памяти города. Однако следует отметить, что цифровой характер городской наррации формирует виртуальную версию культурной памяти города, которая может отличаться от той, что представлена в иных коммуникативных практиках (например, в научных, художественных и иных текстах).

В заключение отметим, что в рамках цифровой культуры любые процессы передачи символической информации о городе приобретают качественно новый эффект, поскольку тенденции цифровизации общества увеличивают спектр инструментов и коммуникаций для репрезентации городских нарративов, конструирующих культурную память города. В наши дни доминирующее значение приобретают цифровые практики в процессах формирования коллективных представлений о городе, которые трансформируют процессы генерирования и репрезентации нарративов культурной памяти города. Сюжетные тексты о городе теперь хранятся и

воспроизводятся не только с помощью традиционных средств (книга или рассказ учителя), но и с помощью цифровых инструментов, которые за счет повышения значимости визуального контента, виртуализации, динамичного внедрения инновационных технологии и интерактивности цифровых коммуникаций обеспечивают качественно новую практику репрезентации коллективных представлений о городе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31690/20 «Символические коды и нарративы патриотизма в национальной памяти современной России и США».

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
2. Федотова Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2 (20). С. 42–62.
3. Wertsch J. W. Collective Memory // Memory in Mind and Culture. Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.
4. Тульчинский Г. Л. Символическая презентация прошлого: нарративы, уровни, формы // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (2). С. 6–26.
5. Кузнецова Т. Ф. Цифровая культура // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 233–237.

УДК 330.3
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.18

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Фролова Н. С.

Хабаровский государственный университет экономики и права
(Хабаровск, Россия)
E-mail: frolova.nc@rambler.ru

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS IN THE CONDITIONS OF INFORMATION AND INNOVATION PARADIGM

Frolova N. S.

Khabarovsk State University of Economics and Law
(Khabarovsk, Russia)
E-mail: frolova.nc@rambler.ru

Аннотация. Изменение форм международных экономических отношений в современных условиях развития мирового хозяйства происходит под воздействием информационно-инновационной парадигмы, которая проявляется в различных аспектах, что в свою очередь отражается на качественных изменениях основных форм международных экономических отношений.
Ключевые слова: *международные экономические отношения, информационно-инновационная парадигма.*

Abstract. The change in the forms of international economic relations in modern conditions of development of the world economy occurs under the influence of the information and innovation paradigm, which manifests itself in various aspects, which in turn is reflected in the qualitative changes in the main forms of international economic relations.
Keywords: *international economic relations order, information and innovation paradigm.*

Актуальность исследуемой темы обусловлена происходящими явлениями в мировом хозяйстве: развитие многонациональных компаний, интернационализация производств, интеграция и пр. В современных условиях представляет интерес исследовать вопрос влияния научно-технического прогресса на международные экономические отношения в рамках VUCA мира. Изменения, происходящие в современном мире, характеризуют как концепцию VUCA мира, которую первыми сформировали американские военные и начали разрабатывать стратегию и

тактику в соответствии с этими определениями: «vuca» – *изменчивость*, *неопределенность*, *сложность*, *неоднозначность*

Вопросы трансформаций, изменений, происходящих в мировой экономике, рассматриваются в трудах отечественных и зарубежных авторов.

Так, в теории формирования «экономического порядка», предложенной В. Ойкеном, рассматриваются положения его установления государством или в процессе исторического, эволюционного развития. В Декларации ООН сформулированы основные принципы установления нового международного экономического порядка, который должен быть основан на суверенном равенстве, общности интересов и сотрудничестве всех государств. При этом технический прогресс создает потенциальные возможности повышения благосостояния всех народов [1]. В современных условиях изменения в мировом хозяйстве влияют на формы международных экономических отношений, что, прежде всего, обусловлено возрастающим значением и развитием информационно-инновационной парадигмы.

Подходы к данному вопросу рассматриваются в трудах К. Переса, который определяет технико-экономическую парадигму как новое множество руководящих принципов, которые становятся общепринятыми для очередной фазы развития [2]. М. Кастельс в своем исследовании дает развернутый анализ современных тенденций, которые приводят к формированию «сетевого» общества. Информационную эпоху М. Кастельс рассматривает как эпоху глобализации, отмечая, что глобальная информационная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики, так как она способна работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты [3].

Информационно-инновационная парадигма представляет собой совокупность определенных условий и факторов, которые определенным образом воздействуя на общественные отношения, изменяют их сущность. Основные черты информационно-инновационной парадигмы на современном этапе определим следующим образом: виртуализация экономического пространства; формирование сетевых структур; сужение сроков и частоты новых открытий; повышение качества рабочей силы и развитие человеческого капитала, развитие технологической безработицы; появление новых форм организации производства; изменение структуры инвестиций и рост их доли в новой инфраструктуре; формирование инноваций в информационных отраслях экономики или смежных с ними и ряд других.

Все эти процессы изменяют архитектуру мирового хозяйства. Большинство ученых сходятся во мнении, что в мировой экономике активно формируется новая парадигма развития, которая опирается на

инновационные источники роста. Они изменяют формы международных экономических отношений, которые от развивающихся под воздействием традиционных факторов, таких как интернационализация хозяйственной жизни, международное разделение труда переходит в инновационные – научно-техническая революция, универсализация, глобализация мирового хозяйства. Цифровая экономика становится не просто инициативой компаний, осуществляющих свою деятельность в высокотехнологическом секторе, а процесс планомерного оцифровывания всей глобальной цепочки создания стоимости [4].

Так, мы можем наблюдать изменения в международной торговле, которые проявляются в переходе ее в виртуальное пространство. Так, мы можем наблюдать изменения в международной торговле, которые проявляются в ее виртуализации. Объектом покупки, продажи на мировом рынке становятся информация и знания. Стоимость товаров определяется объемами затрат на инновации, исследования, разработки. Глобальные интернет-технологии перемещают международную торговлю в виртуальное пространство, где происходит передача и обмен данными в ускоренных темпах, в том числе при проведении деловых операций [5].

Развитие тенденций в международной интернет-торговле способствуют появлению новых технологий платежей. Появляются торговые валюты для расчета за международные покупки. Система «биткойнов» становится все более востребованной, как платежное средство в глобальном масштабе. Применяя интернет-технологии, уже не требуется выносить производства за пределы стран в физическом смысле, а можно использовать технологические сервисы для получения сведений о необходимом количестве производства своего товара. Исходя из вышесказанного, вполне вероятно прогнозировать изменения в торговой политике, перехода к новой политике free inter-trade – интерлиберализации, которая заключается в необходимости систематизации, разработки новых правил регулирования международной торговли.

Формирование новой архитектуры финансового рынка связано, прежде всего, с изменением основ действующей валютно-финансовой системы:

– дестафакция, т.е. уход от бумажных денег вследствие развития безналичных расчетов, появление электронных денег;

– переход на дистанционное банковское обслуживание, путем внедрения интернет-банкинга. Однако интернет-банкинг – это уже не инновация, а то, что в полной мере используется в финансовой сфере. Примечательно, что появляются новые технологии, которые позволяют минимизировать издержки, как для компаний, так и для потребителей. Так, к примеру, осуществляется переход на мобильное приложение,

интегрированное с мультивалютной дебетовой картой, которая позволяет конвертировать деньги по выгодному межбанковскому курсу;

– создание и использование нейронных сетей в банковских переводах, что позволяет осуществлять перемещение денежных средств, используя фотографические данные;

– создание новой цифровой валюты, основанной на технологиях «блокчейн».

Изменения в международной миграции рабочей силы, переориентация ее потоков, востребованность кадров высокой квалификации, появление и развитие «технологической безработицы» [6] и ряд других также обусловлена информационно-инновационной парадигмой. «Нам предстоит будущее без рабочих мест, в котором основная часть работ, выполняемых людьми, будет выполняться машинами. Новые технологии сократят спрос на рабочие места. В прошлом машины были орудиями в руках людей, но сейчас они начинают вытеснять и замещать все больше и больше работников».

На современном этапе воздействие информационно-инновационной парадигмы в международной миграции проявляется в следующих аспектах:

– развитие бизнеса и его расширение, привлечение высококвалифицированных менеджеров через IT-технологии глобального интернет-пространства;

– обучение и реализация образовательных программ на онлайн-платформах в глобальной сети Интернет;

– востребованность специалистов международного IT-бизнеса.

Глобальные изменения происходят в интеграционных процессах, получившие свое название как «мега интеграция». Однако необходимо понимать, что пространственное объединение взаимно переплетается с сетевым взаимодействием.

На основании вышеизложенного возможно сделать вывод о трансформации международных экономических отношений.

Список литературы

1. Malakhov V. Global'noe upravlenie v sfere migratsii: teoriya, instituty, politika // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya. 2019. Vol. 3, № 10. P. 89–96.
2. Çetin C., Kara A. Global surveillance, travel, and trade during a pandemic // Turk J Med Sci. 2020. № 50 (SI-1). P. 527–533. URL: http://journals.tubitak.gov.tr/medical/issues/sag-20-50-si-1/sag-50-si-1-7-2004-175.pdf (дата обращения: 13.05.2020).
3. Benton H. The New National Security Challenge to the Economic Order // Yale Law Journal. 2019. Vol. 129. P. 1020. URL: https://ssrn.com/abstract=3361107 (дата обращения: 13.05.2020).

4. Акопова Е. С., Панасенкова Т. В. Инновационная парадигма развития мировой экономики // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2020. № 8 (93). 2012. С. 186–191.
5. Фролова Н. С. Современные тенденции развития международной торговли в условиях глобализации // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9, № 3. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/108EVN317.pdf
6. Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест?: препринт WP3/2017/03 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. URL: https://wp.hse.ru/data/2017/09/27/1159159417/WP3_2017_03__ff.pdf (дата обращения: 13.05.2020).

УДК 101.1 : 316
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.19

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕАЛИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ФОРМАТОВ

Шипулин В. О.*, Кащей Н. А., Спорник А. П.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: Vsevolod.Shipulin@novsu.ru*

THE PHENOMENON OF IDENTITY IN THE REALITIES OF THE DIGITAL SOCIETY: THE BECOMING OF NEW FORMATS

Shipulin V. O.*, Kashchey N. A., Spornik A. P.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: Vsevolod.Shipulin@novsu.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности трансформации феномена идентичности в свете актуальных трендов информационно-цифрового социума. Среди факторов, способствующих трансформации персональной и коллективной идентичности, авторы, в частности, указывают гиперинформатизацию социума, предстающую в виде перманентно увеличивающегося массива как источников информации, так и самих информационных сообщений различного характера и содержания. В этих условиях системность и ясность восприятия субъектом окружающей действительности в значительной степени утрачивается, и сохранять приверженность какой-либо стабильной идентификационной матрице становится проблематично. Еще одной причиной трансформации идентичности становится все более активная вовлеченность людей в интернет-среду, в том числе в пространство социальных сетей, что значительно увеличивает возможность произвольного выбора/конструирования собственной идентичности.
Ключевые слова: *цифровая эпоха, персональная и коллективная идентичность, гиперинформатизация, виртуальные сообщества.*

Abstract. The article analyzes the features of identity phenomenon transformation in the light of current trends in the information digital society. Among the factors contributing to the transformation of personal and collective identity, the authors, in particular, indicate the hyperinformatization of society, appearing in the form of a permanently growing array of both sources of information and information messages of various nature and content. Under these conditions, the systematic and clear perception of the surrounding reality by the subject is largely lost, and it becomes problematic to remain committed to any stable identification matrix. Another reason for the transformation of identity is the increasingly active involvement of people in the Internet environment, including social networks, which significantly increases the possibility of voluntary choice/construction of one's own identity.

Keywords: *digital society, personal and collective identity, hyperinformatization, virtual societies.*

Очередная стадия информационной революции, часто именуемая цифровой, существенно изменила облик, трансформировала многие сферы и институты современного общества. Хорошо известно определение его М. Кастельсом как сетевого [1], рассуждают о формировании электронной [2] и виртуальной коммуникативной культуры [3, с. 113], о цифровом труде и цифровом капитализме [4]. Применение современных информационных технологий рождает новые формы взаимодействия государства и социума. Логика масштабных технологических и социокультурных перемен последних десятилетий предопределяет также формирование новых представлений в отношении сущности человека, особенностей его взаимодействия с внешним миром, механизмов социализации и социальной интеграции. Среди категорий, подвергающихся очевидной трансформации под воздействием трендов цифровизации, оказывается и «идентичность».

Современная наука выделяет такие типы идентичности, как персональная («я-идентичность») и коллективная («мы-идентичность»). Причем персональная может включать в себя как собственно индивидуально-специфический модус идентичности, маркирующий набор уникальных черт-особенностей данного субъекта, которыми тот обладает (или считает, что обладает), так и социальный модус, в рамках которого индивид определяет себя в качестве элемента некоего коллективного целого. Если же в сознании *множества* индивидов присутствует идея общей причастности к определенной социокультурной, политической или иной целостности, можно говорить о наличии коллективной «Мы-идентичности» (формами «мы-идентичности» выступают, например, нация, класс, конфессиональное сообщество).

Некоторые актуальные подходы в социально-гуманитарном знании уже поспособствовали радикальному изменению взглядов на рассматриваемый феномен. Так, в рамках конструктивистско-инструменталистского дискурса, трактующего идентичность в категориях проективности и фрагментарности, утверждается, что данное явление не имеет субстанциальной подосновы (либо значимость таковой вторична), а изобретается, производится, конструируются теми, кто заинтересован в результатах данного процесса. Для постмодернизма также вполне естественным является рассмотрение идентичности не в качестве предопределенной извне сущности, а как результата свободного творчества ее носителя(-ей). Рассматриваемые далее тренды и вызовы цифровой эпохи во многом укрепляют подобные представления о феномене идентичности.

Одной из тенденций-вызовов цифровой эпохи, оказывающих очевидное воздействие на трансформацию идентичности, выступает гиперинформатизация, являющаяся результатом стремительного развития

информационно-коммуникативной сферы и предстающая в виде перманентно увеличивающегося массива как источников производства и трансляции информации, так и самих сообщений различного характера и содержания [5, с. 3]. В бесконечном потоке новостей, сообщений, смыслов, размывающих системность рефлексии субъектом окружающей действительности, ему все сложнее становится сохранять приверженность какой-либо стабильной идентификационной матрице – персональной и коллективной. Идентичность все очевиднее приобретает постмодерные черты фрагментарности и вариативности.

Другая специфическая черта цифрового общества, представляющая интерес в контексте заявленной проблемы, отчасти связана с первой: это все более активная вовлеченность людей в интернет-среду, в том числе в пространство социальных сетей. Виртуальная реальность, задающая свои критерии и правила взаимодействия внутри и вне себя, значительно расширяет возможность для индивида или группы осуществлять произвольный выбор/конструирование собственной идентичности, экспериментировать с ее содержанием [6], возникает ситуация, когда «всякий участник сетевых коммуникаций способен интегрировать в себе одновременно множество вариантов онлайн- и оффлайн-самоидентификаций, набор которых при этом постоянно варьируется» [7, с. 4].

Свойственный цифровой эпохе переизбыток информации порождает множество когнитивных, психологических и социальных последствий. Постоянно возрастающее количество ресурсов производства, трансляции и приема информационных сообщений различного характера и облегчение доступа к тем или иным источникам способствует, по мнению Е. О. Труфановой, засорению когнитивных возможностей индивида ненужной информацией («информационным фастфудом»), человек становится все более растерянным перед обрушившейся на его сознание информационной лавиной. Происходит деградация ресурсов памяти вследствие кажущейся утраты необходимости что-либо запоминать, т.к. предполагается, что получение любой необходимой информации в нужный момент времени гарантировано [8, с. 15]. Информационный профицит способствует и тому, что утрачивается гибкость мышления, затрудняется, а то и вовсе исчезает возможность верификации получаемых сообщений, отличения тех из них, что своим содержанием отражают реальность, от тех, что извращают ее в манипулятивных целях; проблема истины и выработки адекватных ее критериев обретает в цифровую эпоху новое звучание.

Описываемая ситуация, имеющая результатом хаотизацию в сознании индивида картины окружающего мира, означает и то, что социальная идентификация субъекта, ориентированная на соответствие его «Я» некоторому внешнему образцу, значительно затрудняется. Еще несколько десятков лет назад Э. Тоффлер рассуждал, что в условиях

массового общества эпохи модерна, характеризовавшегося стабильностью информационной среды, проблема идентичности не стояла перед человеком столь остро <...> в силу того, что в условиях относительной ограниченности информационных ресурсов «индивиды постоянно соотносили себя с незначительным набором ролевых моделей и оценивали свой образ жизни, сравнивая его с несколькими предпочитаемыми возможностями» [9, с. 614]. Сегодня же, в эпоху после модерна, человек оказывается лицом к лицу с бесконечным множеством конкурирующих за его внимание медиадискурсов, каждый из которых презентирует/пропагандирует систему взглядов определенной личности, группы, сообщества и предлагает индивиду образец для самоотождествления [10].

В этих условиях идентичность становится гораздо менее устойчивой и детерминированной извне величиной, все очевиднее формируясь в зависимости от произвольного выбора ее обладателя. Можно найти некоторую аналогию между тем, как трансформируется персональная идентичность при переходе от прежней информационной реальности к новой, с тем, как, по мнению теоретиков социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана, меняется специфика самоидентификации индивида в процессе первичной и вторичной социализации. В ходе первичной социализации, которой индивид подвергается в детстве, у ребенка отсутствует возможность выбора «значимых других» – моделей-образцов для подражания (таковыми выступают прежде всего родители). Потому его идентификация с ними оказывается сама собой разумеющейся, подобно тому, как для человека индустриального общества его социальный статус является чаще всего аскриптивным, в том числе в силу существования в недостаточно вариативной информационно-коммуникативной среде (о чем говорилось выше). Вторичная же социализация предполагает значительное многообразие «значимых других» и ролевых моделей, ценности и практики которых могут быть интернализованы в результате выбора их в качестве паттернов для самоотождествления [11, с. 212–232]. При этом отмечается, что «содержание, которое усваивается в процессе вторичной социализации, наделяется качеством гораздо меньшей субъективной неизбежности, чем содержание первичной социализации» [11, с. 232]. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и применительно к цифровой реальности наших дней: легко доступные для современного обывателя идентификационные образы, транслируемые с помощью СМИ и иных информационных ресурсов, вовсе не обязательно принимаются, интернализуются всерьез и надолго, динамика перенасыщенной информационной реальности способствует легкости перемены модели для подражания.

Если персональная идентичность, обретающая под влиянием мегаинформатизации черты релятивности и вариативности, тем не менее сохраняется как атрибут человека цифровой эпохи, то существование в

перспективе коллективной идентичности в эссенциалистском ее понимании оказывается под вопросом. Как уже отмечалось, для того, чтобы можно было признать реальность «мы-идентичности» – национальной классовой, идеологической, религиозной и пр. – необходимо, чтобы в коллективном сознании большой социальной группы сохранялись и поддерживались сходные культурные, ментальные, социально-психологические установки, дающие ее членам ощущение причастности к единой общности. Поддержание подобных установок становится весьма проблематичным в условиях современного информационного плюрализма, перманентной трансформации облика окружающей реальности и, как следствие, – смыслового релятивизма, в котором размываются исторические традиции и сохранявшиеся в коллективной памяти представления о сакральном.

Рассмотренные трансформации феномена идентичности становится еще более явными в условиях все большей погруженности индивида в интернет-реальность, и, в особенности, в пространство социальных сетей. При этом возникает немало новых проблем. Если в мире повседневности персональная идентичность, хотя нередко и имеет проективно-конструируемую сущность, инкорпорируя элементы различных образов-типажей, но все же не существует в отрыве от конкретного человека с присущими ему физическими и социальными параметрами, то виртуальные интернет-идентичности, являющиеся подчас исключительно предметом фантазии их субъекта, могут существовать абсолютно вне всякой связи с его реальными физиологическими и социальными характеристиками – возрастом, гендером, национальностью, локусом проживания и пр. Нередко причиной появления виртуального образа, скрытого за аватаром (или множества таковых), как раз и является неудовлетворенность индивида своим положением в том мире, в котором он родился, вырос и социализировался, желание обрести новые, в обычной жизни недоступные способы самоощущения и презентации себя другим. Кроме того, коммуникация с другими виртуальными субъектами в сетевом онлайн-пространстве, особенно если она происходит анонимно, позволяет не чувствовать помехи со стороны врожденных или приобретенных комплексов, представлять себя окружающим как носителя качеств, которые в реальности отсутствуют, допускает экспрессивность в выражении чувств, в повседневной жизни кажущуюся неуместной [12, с. 209]. Можно предположить, что некоторые люди предпочли бы, будь такая возможность, вовсе не возвращаться обратно в оффлайн-реальность, окончательно слившись со своим вымышленным виртуальным обликом.

Впрочем, можно отметить и другую тенденцию развития интернет-коммуникаций, связанную с движением в сторону отказа от их анонимности. Действительно, включенность в качестве пользователя в то или иное сетевое сообщество сегодня нередко означает для индивида

необходимость предоставления уже не вымышленной, а реальной информации о себе, что сближает виртуальную идентичность с реальной, позволяет рассматривать интернет-образ как функцию подлинного физического и социального «Я», созданную для более эффективного решения образовательных, коммуникативных, профессиональных задач, актуальных для существования вне сети. Пребывание в онлайн-среде в данном случае осуществляется уже не с целью бегства от повседневной действительности, а представляет собой возможность нарастить объем социального и человеческого капитала внутри нее [13, с. 147]. Условная «социализация» Интернета – «процесс, обратный процессу виртуализации общества. <...> Если в ходе виртуализации взаимодействие с реальными социальными инстанциями замещается анонимным оперированием виртуальными образами, то в ходе социализации виртуальные образы обрастают реальными, “живыми”, персонализированными социальными связями» [14, с. 148].

В ситуации, когда апробированные способы формирования и поддержания *коллективной идентичности* становятся менее действенными (к примеру, роль государственных СМИ становится не столь значима, как ранее), возникает возможность становления новых ее форматов в пространстве Интернета. Специфические особенности локализованных там виртуальных групп и сообществ – отсутствие фиксированной длительности существования и постоянного членства, допустимость несоответствия заявленного персонального статуса участников групп реальному, возможность синхронного пребывания индивида в нескольких таких сообществах в различных образах – содействуют приданию возникающим на их основе новым вариантам коллективной идентичности характера дескриптивности и флексибильности. Нередко коллективная самоидентификация в виртуальном пространстве происходит в силу того, что способствует лучшей реализации актуальных человеческих потребностей: в коммуникации, политической активности, осуществлении совместных проектов на благо окружающим. Деятельность онлайн-сообществ способна придавать импульс и гражданским инициативам оффлайн [15], она уже стала фактором, во многом определяющим содержание реальной социально-политической жизни.

В ближайшем будущем человечеству придется осуществлять свою жизнедеятельность в условиях, когда персональная самоидентификация в перманентно усложняющемся и вариабельном внешнем мире станет предельно затруднительна, а привычные форматы коллективной идентичности, выполнявшие прежде интегративную и стабилизирующую роль в отношении отождествляющих себя с ними людей, практически исчезнут. Впрочем, всякий новый вызов, на который человечество вынуждено искать ответ, как известно, открывает перед ним и новые

возможности. Не исключено, что modus vivendi в мире, где идентичность станет множественной и динамичной категорией, окажется пусть и менее предсказуемым, но более насыщенным, креативным, а в конечном счете – привычным и желанным.

Список литературы

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Maiden (Mac) // Oxford (UK), Blackwell Publishers. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 1996. 556 p.
2. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
3. Глухов А. П. Культура управления коммуникациями в социальных медиа как элемент «цифровой грамотности» // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 110–118. doi: 10.31857/S013216250004965-4
4. Fuchs C. Capitalism, Patriarchy, Slavery, and Racism in the Age of Digital Capitalism and Digital // Labour. Critical sociology. 2018. № 44 (4–5). P. 677–702. URL: https://doi.org/10.1177/0896920517691108
5. Коломиец В. П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.
6. Gashkova E., Berezovskaya I., Shipunova O. Models Of Self-Identification In Digital Communication Environments // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. RPTSS. 2017. Vol. XXXV. No. 44. P. 374–382. URL: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.44
7. Шипулин В. О. Динамика российской коллективной идентичности: информационно-коммуникативный контекст // Ученые записки НовГУ. 2020. № 2 (27). URL: https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).25
8. Труфанова Е. О. Информационное перенасыщение: основные проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2019. № 1 (16). С. 4–21. URL: https://doi.org/10.17726/philIT.2019.1.16.1
9. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
10. Sparkes-Vian C. Digital Propaganda: The Tyranny of Ignorance // Critical sociology. 2019. № 45 (3). P. 393–409. doi:10.1177 / 0896920517754241
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
12. Buyanova V., Zhuina A., & Zhuina D. Peculiarities Of Interpersonal Communication Of Adolescents // Active Internet Users: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. RPTSS. 2017. Vol. XXXV. No. 24. P. 207–217. URL: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.24
13. Реутов Е. В., Тришина Т. В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 140–148.
14. Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138–152. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11
15. Problems And Prospects Of Information And Communication Technologies As Political Communication Element / A. G. Tanova, D. G. Popov, V. V. Fokina, L. I. Evseeva // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. RPTSS. 2017. Vol. XXXV. No. 157. P. 1339–1346. URL: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.157

УДК 168.522
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.20

ГОЛЛИВУДСКИЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ЗАМЕЩЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Широкова О. В.*, Некита А. Г., Маленко С. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: lafille333@mail.ru*

HOLLYWOOD VISUAL TECHNOLOGIES DIGITAL SUBSTITUTION OF REALITY

Shirokova O. V.*, Nekita A. G., Malenko S. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: lafille333@mail.ru*

Аннотация. Статья рассматривает влияние глобализации и цифровизации на массовое общество на примере кинопродукции голливудского кинематографа. На сегодняшний день именно Голливуд является наиболее успешной площадкой формирования сценариев цифровизации культуры будущего и особенно ее многочисленных «теневых» аспектов.
Ключевые слова: *визуализация, массовая культура, кино, Голливуд, клонирование, гуманизация, цифровизация.*

Abstract. The article examines the impact of globalization and digitalization on mass society on the example of the film production of Hollywood cinema. To date, it is Hollywood that is the most successful platform for the formation of scenarios for the digitalization of the culture of the future, and especially its many “shadow” aspects.
Keywords: *visualization, popular culture, cinema, Hollywood, cloning, humanization, digitalization.*

Технический, технологический, социокультурный, политико-идеологический, да во многом и повседневный ландшафт человечества значительно трансформировался в процессе становления и развития современных цифровых технологий. Информатизация коммуникативных процессов, а также последующая их цифровизация, как неизбежное следствие предыдущего явления, привели общество к новым горизонтам осмысления действительности, попутно формируя новые коммуникативные сценарии. В начале XXI века одной из популярных, а также наиболее доходных форм цифровой коммуникации является цифровой кинематограф, становящийся год от года все более совершенным и технически, и технологически, в том числе и во многом благодаря

цифровому оснащению. Современное кинопроизводство способно транслировать зрителю через визуальные каналы не просто «движущееся картинки», как это было столетием ранее, но уже оцифрованные мифосимволические послания, «обернутые» в яркие визуальные образы, намеренно провоцирующие определенный эмоциональный отклик зрительской аудитории. Поэтому в выстраиваемом диалоге между создателем и зрителем кинематограф выступает не просто аудиовизуальным посредником, но и особенным носителем сигналов человеческого бессознательного опыта и важнейших культурно-философских вопросов, связанных с проблемой гуманизации личности, всё более погружающейся в бездну массовой культуры и присущих ей медийных форм.

Киноискусство в современной массовой культуре играет важную роль в глобализации культурных процессов. По мнению отечественного исследователя Е. М. Ереминой, «прогресс общества сопровождается переходом его от множества общностей – к их единству, усилением тенденции к интернационализации общественной жизни» [1, с. 211]. По этой же причине современный кинематограф служит, как это ни прискорбно констатировать, не чем иным, как значимым компонентом унификации общества, так как является наиболее привлекательным, популярным и доступным источником аудиовизуальной информации, транслирующийся в массы. Поэтому современный человек во многом даже помимо своей воли, бессознательно становится частью массовой культуры, которая «вбирает» индивида в себя, активно внедряя его в структуры массового сознания, существенно расширяя «образцы человеческого поведения в культуре и помещая индивидуальное бытие в новую систему социальных и культурных координат» [2, с. 20].

Вследствие этого устанавливается бессознательная, образно-символическая, двусторонняя связь между создателем киноленты и массой потребляющих ее зрителей. С одной стороны, создатель кинофильма предлагает зрителям некий уже заранее заготовленный набор мифосимволических сценариев объяснения и визуализации социокультурной реальности, зачастую предполагающей существование непрерывно расширяющегося пространства искусственно и целенаправленно создаваемых социально-политических мифов. При этом кинопроизводитель «закономерно» ожидает возникновения комплекса определенных эмоциональных реакций зрителя, который может быть как отголоском внутренних архаичных страхов, так и производным вторичного пласта ужасов, произведенных и навязанных уже самой современной массовой культурой. С другой стороны, современный фильм для зрителя – это, прежде всего, специфический образный язык, вторичный, по отношению к реальности, который отражает, а зачастую даже и целенаправленно формирует зрительский запрос и ожидания.

Следовательно, современный голливудский кинематограф, порожденный массовой культурой настоящего времени с ее цифровым форматом, активно раскрывает через эксплуатацию зрительских запросов их «теневых» и деструктивных желаний, которые могут быть абсолютно спорными, особенно с позиций гуманизма. А техническое совершенствование оборудования для создания подобных кинокартин, в особенности программы цифровой обработки изображений делают визуальный образ особенно ощутимым и действенным, способным подвигнуть человека практически к любой эмоциональной реакции, а следовательно, и к любому практическому поступку. Поэтому типичный современный голливудский кинофильм, как носитель привлекательного для массового потребителя яркого содержания, выступает в роли «теневого» связующего звена между управленческими интересами правящих элит, провоцирующих появление необходимых им «лояльных» моделей информационно-культурного вброса и массовым зрителем, готовым в привлекательных и доступных формах потреблять властные ожидания и «гарантировать» управляющим элитам заранее смоделированный ними результат регулирования своего настроения и поведения посредством просмотра мифически ориентированных кинолент.

Таким образом, в современной цифровой реальности можно последовательно наблюдать, как современная голливудская кинопродукция представляет разнообразные модели существования человечества, описывая сценарии его развития и предлагая интерпретации предполагаемых промежуточных результатов, а также событий, этому предшествующих. Американскую киноиндустрию сегодня можно назвать одной из самых влиятельных диджитальных площадок производства и популяризации мифосимволических содержаний в современном мире.

Человек всегда склонен переживать по поводу собственного будущего. И это становится поводом для Голливуда целенаправленно фальсифицировать реальность, реализуя запрос массовой публики в виде эпических блокбастеров. Одной из таких ярких картин является фильм «Луна 2112» (англ.: *«Moon»*, реж. Д. Джонс, *Stage 6 Films, Liberty Films UK, Xingu Films, Limelight*, 97 мин, Великобритания, США, 2009 г.). Фантастическое действие этой киноленты происходит в 2035 году и выстраивается вокруг разгадок тайны одиночества главного героя Сэма Белла, астронавта-контрактника, который практически закончил свое трехлетние пребывание на лунном комплексе «Лунар». Этот комплекс обеспечивает добычу изотопа гелия-3, вещества, которое призвано избавить человечество от катастрофического энергетического кризиса.

Саспенс-сюжет фильма раскрывается через визуализацию ужасных, а порой и откровенно безысходных событий жизни героя. Проживая на космической станции, на темной стороне Луны, Сэм фактически не имеет возможности видеть свою планету, из-за чего еще сильнее скучает по

своей семье. Связь с Землей отсутствует из-за отдаленности, поэтому Сэм записывает все сообщения о проделанной работе, а затем отправляет в центр, так же иногда приходят видеозаписи от жены и их маленького ребенка. Коммуникативный ужас цифровизации состоит еще и в том, что фактически единственным «другом» Сэма на станции является робот по имени ГЕРТИ, который следит за его состоянием, поддерживает и дает задания по исправлению добывающих модулей. При этом совершенно не случайно все модули названы по именам четырех библейских евангелистов: Матфея, Марка, Луки, Иоанна. Именно они представляют собой четыре столпа, на которых и держится не только экзистенциальная реальность главного героя, но и весь мир, ограниченный создателями.

Чрезвычайная тоска по дому буквально сводит героя с ума, у него начинается расстройство психики и галлюцинации, вызванные длительным пребыванием в одиночестве. Необычайная консолидация современного общества, как неизбежное следствие глобализации, практически не предусматривает нахождения индивида в состоянии полного одиночества, подразумевая лишь иллюзорное уединение индивида, как варианта некого «отдыха» от физических контактов, но при этом создавая эффект общности при помощи цифровых социальных платформ. В современных условиях этот «процесс отличается многогранностью, с точки зрения внешних источников его подкрепления, наличие которых можно констатировать в глобальных процессах дезадаптации человека в условиях трансформации современных социальных и профессиональных систем» [3, с. 123].

Таким образом, для Сэма Белла внешняя изоляция от мира носит деструктивный характер, поэтому зритель с ужасом наблюдает нюансы последовательного разрушения личности, которое не только проявляется посредством уничтожения базовых психологических установок, но и распространяется уже и на более осязаемый физический уровень. Эскалация депрессии приводит главного героя к тому, что при выполнении задания по извлечению изотопа он внезапно видит галлюцинацию и сталкивается с модулем, получая серьезные травмы. В последующих сценах зритель наблюдает, как проснувшейся Сэм Белл пытается встать на ноги, словно никогда раньше вообще не ходил, вновь привыкает к окружающий среде, при этом абсолютно не помнит про аварию и то состояние, в котором он находился. После подслушивания разговора ГЕРТИ с командным центром на Земле он начинает подозревать их в глобальном обмане. После этого ему удается отправиться на место аварии и обнаружить живое тело своего двойника.

С этого момента начинается разгадка ужасной тайны космической станции «SARANG», название которой переводится с корейского языка как «любовь», но этимология этого слова объясняет другое значение, так как за основу взяты китайские иероглифы, где SA означает «вместе», а RA –

«смерть», что в буквальном смысле означает «вместе до самой смерти». Говорящее название станции раскрывается в ситуации, когда *оба* Сэма Бела начинают разбираться в этой непростой ситуации. При содействии запрограммированной на помощь людям роботизированной системы ГЕРТИ, которая вобрала в себя человеческие черты, им удается обнаружить тайник анабиозных капсул с клонами, похожими на них. После чего они догадываются, что как их тела, так их воспоминания принадлежат самому первому космонавту, находившемуся на станции. При этом состояние Сэма-1 резко ухудшается, он практически умирает, а ГЕРТИ показывает ему записи предыдущих клонов, которые, как и он, по истечению трех лет испытывали те же симптомы, после чего он находит инсинератор, который был замаскирован под криосаркафаг. Так ошеломленному зрителю показывают, что станция, изначально рассчитанная на временное пребывание человека, да еще и снабженная ее создателями (как мы видим из названия самой станции), принципами «любви к человечеству», в дополнение к приносимой работником трехгодичной жертвы в виде одиночества, становится гробницей и для человеческой души, надежд и веры.

Таким образом, основной саспенс фильма визуализирован как раз с помощью цифровой графики, где объекты проецируемого изображения в формировании реальности являются стабильными и легкими для восприятия зрителем. Цифровая реальность, с содержащейся в ней особой культурой, манипулирует человеческими идеями, мыслительными образами и страхами, природа которых состоит не только в социальном страхе потерять свое лицо/статус в бесконечном круговороте цифровых связей в условиях современных реалий, но и в первичном, биологическом страхе за свою жизнь.

Саспенс-сюжет описываемой голливудской киноленты основан на демонстрации предположительного образа действий представителей человеческой расы, основанного на глубинных «теневых» идеях и страхах человека. Цифровые технологии, исподволь заковывая разнообразное в своей основе общество в собственные рамки, формирует и транслирует те же самые древние мифические модели человеческого бытия, заключает в них самые ужасные страхи, проецирует на современного человека чрезвычайно яркие, местами даже откровенно шокирующие аудиовизуальные образы, искусственно созданного цифрового гиперреализма. Так принудительное лишение индивида привычного для него в поколениях воздействия традиционных социализационных и аккультурационных механизмов, даже если они иллюзорные и находятся в цифровом пространстве, всё равно носят характер ужасного наказания, и являются страшной карой для личности. Следовательно, страх принудительной изоляции от внешнего мира делает человека куда более

уязвимым и гораздо более управляемым, поскольку отсутствие традиционных коммуникативных каналов заставляет человека подчиняться случайным.

Показательно, что в современном, вполне «цивилизованном» мире, не менее ужасным деструктивным потенциалом обладают и иные с виду достаточно «гуманные» идеи массового общества, в котором «человек неизменно утрачивает как навыки коммуникации со своей собственной памятью, так и вообще какую бы то ни было связь с будущим» [4]. Так, например, клонирование представляет собой не что иное, как своеобразную биологическую «тюрьму» для индивида, у которого фактически не оказывается выбора в мире, охваченным крайне противоречивыми глобализационными процессами. Поэтому современная голливудская киноиндустрия, визуализируя различные, наиболее потенциально негативные и ужасные стороны развития цифровых технологий, целенаправленно акцентирует внимание на альтернативных сценариях вытеснения гуманности, особенно в ситуации замещения наличной реальности ее цифровыми аналогами.

Список литературы

1. Еремина Е. М. Глобализация культурных процессов и российские СМИ // Вестник КГУ. 2007. № 1. С. 211–213.
2. Огурчиков П. К. Традиции и проблемы экранной культуры в контексте современного коммуникативного пространства // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 1. С. 20–41.
3. Чурилова Е. Е., Каминская М. А. Феномен одиночества в философии и психологии // Вестник ВятГУ. 2020. № 1. С. 114–129.
4. Malenko S., Nekita A. Hollywood futuro-horror, or Why the younger generation chooses hunger and fear instead of «Pepsi» // Russia and America in the 21st Century. 2020. Issue 4. URL: https://rusus.jes.su/s207054760013317-5-1/ (circulation date: 02.12.2020). doi: 10.18254/S207054760013317-5

ЦИФРОВАЯ ЭТИКА: ДОБРО И ЗЛО В ЭПОХУ ФЕЙКА

УДК 1(=17) 091; 316.334.2.
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.21

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ЭТИКИ: ЗА И ПРОТИВ

Волохова Н. В., Подгорный Б. Б.*

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
**E-mail*: *b.podgorny46@gmail.com*

DIGITALIZATION IN THE LIGHT OF ETHICS: PROS & CONS

Volokhova N. V., Podgorny B. B.*
Southwest State University (Kursk, Russia)
**E-mail: b.podgorny46@gmail.com*

Аннотация. Современная мировая ситуация, связанная с пандемией коронавируса, по-новому нивелирует отношение человека к привычным аспектам жизни. Это прослеживается абсолютно во всех сферах и говорят об этом представители всех профессий: политики, медики, психологи, философы, экономисты, программисты и пр. Особое место отводится применению цифровых технологий. Цифровизация становится главным условием качественного дистанцирования, одним из главных механизмов борьбы с пандемией. Цель статьи – определить дихотомическую сущность этической составляющей как важнейшей личностной компоненты современного информационного общества, где приоритетное место отдано процессам цифровизации. Новизна статьи заключается в выявлении концептуальной основы этической стороны процесса цифровизации, активно распространяющегося во всех сферах современной жизни человека и ее противоречивого влияния. Особое внимание авторами уделено философско-этическому аспекту цифровизации, ведь трудноразрешимость этико-правового регламента и морально-патриархального традиционного уклада выступает сегодня камнем преткновения современного общества. В целом результаты исследования выявляют антиномичное разделение при оценке параметров влияния цифровизации на условия бытия: от несомненной пользы до конкретного вреда в ряде случаев.
Ключевые слова: *цифровизация, этика, цифровая культура, цифровая экономика, цифровая цивилизация.*

Abstract. The current world situation associated with the coronavirus pandemic levels the attitude of a person to the Usual aspects of life in a new way. This can be seen in absolutely all areas and representatives of all professions speak about it: politicians, doctors,

psychologists, philosophers, economists, programmers, etc. A special place is given to the use of digital technologies. Digitalization is becoming the main condition for high-quality distancing, one of the main mechanisms for combating the pandemic. The purpose of the article is to determine the dichotomous essence of the ethical component as the most important personal component of the modern information society, where priority is given to the processes of digitalization. The novelty of the article is to identify the conceptual basis of the ethical side of the digitalization process, which is actively spreading in all spheres of modern human life and its contradictory influence. The authors pay special attention to the philosophical and ethical aspect of digitalization, because the intractability of ethical and legal regulations and the moral and Patriarchal traditional way of life is a stumbling block for modern society today. In General, the results of the study reveal an antinomic division in assessing the parameters of the impact of digitalization on the conditions of life: from the undoubted benefit to the specific harm in some cases.
Keywords: *digitalization, ethics, digital culture, digital economy, digital civilization.*

Введение в проблему. Современная мировая ситуация, связанная с пандемий короновируса, по-новому нивелирует отношение человека к привычным аспектам жизни. Это прослеживается абсолютно во всех сферах, и говорят об этом представители всех профессий: политики, медики, психологи, философы, экономисты, программисты и пр. Особое место отводится футурологам. Однозначно можно заявить одно – мы всем миром оказались в беспрецедентной ситуации, когда размер угрозы велик, а опыта выхода из ситуации у живущего поколения нет. При этом пандемия послужила триггером для беспрецедентного массового применения, по крайней мере – в России, цифровых технологий.

О нарастающей цифровизации говорили уже давно, факты ее проникновения в разные слои повседневной жизни очевидны. Ситуация сегодняшнего дня, с одной стороны, поставила «жизнь на паузу» насколько это возможно, с другой – заставила ускорить многие процессы постепенного внедрения активизироваться и ускорить темп. Эти дихотомические противоречия плотно соседствуют в нашей реальности. Поэтому еще острее звучат и ранее поднятые вопросы о рисках, прежде всего морально-этического порядка при активном внедрении цифровизации в новые области бытия, и возникают совершенно новые, обусловленные стихийностью пандемической мировой ситуации. На весах времени действительно находятся благо и вред цифровизации жизни и обнаруживается множество рисков, с этим связанных.

Как регулировать уже возникшие процессы с точки зрения этики и какие новые этические нормы следует расширять для резко расширившихся возможностей цифровизации, которая стала своего рода помощником в период вынужденного дистанцирования и которая, безусловно, значительно расширит свое влияние и после периода пандемии? Тем более, что для нашей большой страны с не очень большим населением цифровизация выступала бы грамотным цивилизационным решением множества проблем. Но, с другой стороны, трудноразрешимость

этико-правового регламента и морально-патриархального традиционного уклада служат определенным камнем преткновения и объектом анализа.

Степень изученности проблемы. Этической стороне процесса цифровизации уделяют внимание как зарубежные, так и российские ученые и исследователи.

Среди зарубежных исследователей, в первую очередь, необходимо отметить Л. Харрисона и С. Хантингтона – авторов представленной в 2002 году и до сих пор актуальной книги «Культура имеет значение» [1, с. 11]. Авторы наглядно показали, что при внедрении в разных странах цифровой экономики необходимо, помимо других сопутствующих факторов, учитывать культурные различия [1, с. 10].

Ряд исследователей обращают внимание на достоинства и этические проблемы, возникающие при внедрении цифрового образования. Так, например, R. Buchanan – исследователь в Школе образования Университета Ньюкасла [2], обращает внимание на проблемы, возникающие при обучении с помощью цифровых технологий; но в то же время координатор европейской сети по информационной грамотности C. Basili наглядно доказывает, что цифровые гуманитарные науки могут усилить внешнее воздействие гуманитарных исследований, в частности приверженность участию общественности, посредством стратегических возможностей, предлагаемых цифровыми методами [3].

При этом большинство ученых и исследователей всё же высказывают обеспокоенность теми или иными проблемами, возникающими в процессе цифровизации. Так, помощник директора Центра общественной и контекстной теологии при Университете Чарльза Стерта, Канберра Jonathan Cole исследует вопросы, связанные с этическим использованием новых информационных технологий [4, с. 60–74].

Директор института информационных систем и общества в Венском университете экономики и бизнеса Sarah Spiekermann, исследующая проблемы, возникающие на стыке информатики, философии, психологии и экономики, вместе со своими коллегами высказывает обеспокоенность массовой цифровизацией [5].

Ряд исследователей, например, профессор Школы средств массовой информации, кино и журналистики Монакского университета M. Andrejevic [6] и профессор кафедры истории искусств и коммуникационных исследований университета Макгилла G. Coleman [7] высказывают негативное отношение к неизбежному усилению цифрового наблюдения, связанного с внедрением новых цифровых технологий.

Ряд ученых и исследователей, например, профессор социологии Вестмистерского университета C. Fuchs [8], американские исследователи D. Ghosh и B. Scott [9], отмечая положительные стороны цифровизации, обращают внимание на то, что цифровые технологии непременно ведут к

росту поддельных новостей, поляризации общества, а иногда и к разжиганию ненависти.

Также зарубежные авторы уделяют внимание вопросам конфиденциальности при развитии цифровой экономики [10], оценке воздействия использования цифровых технологий на права человека для работников транспортной отрасли [11], другим этическим и морально-правовым вопросам.

Среди основных направлений исследований, представленных российскими учеными, в первую очередь, необходимо выделить направление, связанное с осмыслением технологических, экономических и социально-антропологических рисков [12; 13, с. 33–37].

Также важным представляется поиск трансформационных изменений, связанных с цифровизацией и происходящих в образовательных, научных, культурных практиках, обладающих потенциалом для формирования контекста цифровой культуры [14, с. 516–531; 15, с. 76–80; 16, с. 111–120].

Важным представляются и исследования российских экономистов, в центре исследований которых находятся различные аспекты цифровой экономики, задающие основы становления цифровой цивилизации [2; 17]. Особо необходимо выделить мнение профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. А. Аузана, который уверен в том, что «цифровая экономика на первый план выдвигает проблему культуры и экономическая эффективность становится, таким образом, фактом культурной предрасположенности к ее активным трансформациям в той или иной стране, регионе и т.д.» [18, с. 21].

Цель исследования. Цель статьи – показать дихотомическую сущность этической составляющей как важнейшей личностной компоненте современного информационного общества, где приоритетное место отдано процессам цифровизации.

Методы исследования. Методология исследования носит аналитический, междисциплинарный, философски и социологически ориентированный характер. В качестве основных использовались категориально-логический, системно-структурный, диалектический методы, а также метод статистического анализа информации. Дихотомический подход, который нашел отражение даже в названии статьи, позволил рассмотреть результаты исследования с позиции противопоставления влияния последствий процессов цифровизации общества через призму их восприятия обывателями на уровне приносимого блага или вреда. В целом можно заявлять о двойственном, антиномичном воздействии цифровизации, что в принципе характерно для такого масштабного процесса.

Эмпирическая база статьи – социологическое исследование «Отношение населения к цифровой экономике», выполненное при участии

авторов в феврале–мае 2020 года. Исследование состоит из двух частей – проведение семи фокус-групп и анкетный опрос населения. Генеральная совокупность – жители Курской области в возрасте от 18 лет и старше – 920 тысяч человек; метод выборки – квотный; в фокус группах приняло участие 65 человек, выборочная совокупность анкетного опроса – 384 респондента. Данная выборка неоднократно апробирована нами при проведении других исследований в регионе [19, с. 22].

Конкретные результаты. Результаты исследования позволяют сделать некоторые выводы в отношении дихотомического деления у респондентов основ и навыков этико-правового регламента и морально-традиционного уклада в условиях развития процессов цифровизации общества, что прослеживается в соотнесении ряда конкретных векторов.

Первый вектор – культура, межличностное взаимодействие в новых условиях становления цифровой культуры. Как известно, сегодня значительная часть пользователей социальных сетей «вываливает» в сеть или в облачные хранилища массу незащищенной информации различного, в том числе и интимного свойства, о себе. Нередко возникают публичные скандалы вследствие воровства личных фото, например публичного человека.

Результаты исследования показывают, что до 30 процентов не считают зазорным такие действия, особенно если это позволяет их монетизировать.

В то же время около 50 процентов респондентов не считают такие действия нормальными, не публикуют *личную информацию в социальных сетях*, а также не оставляют персональную информацию на форумах.

Также есть группа респондентов – около 17 процентов, которые не задумывались о возможных проблемах, связанных с выкладыванием в сети информации о себе или других людях.

Второй вектор – экономика, финансовые структуры в условиях становления цифровой экономики. Как отмечают участники фокус-групп, помимо несомненных благ, появившихся в связи с внедрением цифрового подхода в экономике, управлении, торговле, расширяющаяся цифровизация представляет опасность в части воровства данных банковских карт и паролей, преследующей контекстной рекламы и пр. Утечка информации, несмотря на усилия служб информационной безопасности, возникает чаще и чаще, даже в крупных конгломератах (например, недавняя ситуация в Сбербанке, которая позволила активизироваться мошенникам и повлекла сотни случаев пострадавших).

Результаты анкетирования показывают, что более 50% респондентов используют в своей жизни покупки через Интернет, вторая половина респондентов не считает надежным этот способ приобретения товаров или услуг. При этом – около 48 процентов предпочитает использовать при расчетах наличные деньги, 40 процентов отдает предпочтение банковским картам и около 10% использует банковские приложения на смартфонах.

Третий вектор – образование в режиме онлайн-формата. Безусловно, главное, что привлекает респондентов в формате онлайн-обучения, – это его доступность, структурированность, наглядность. В то же время большинство участников фокус-групп при обсуждении вопросов, связанных с онлайн-образованием, высказываются в пользу традиционного формата образовательного процесса. Такие же результаты дает анализ анкетирования респондентов.

Однако также участники фокус-групп подчеркивают, что онлайн-формат подходит для дополнительных форм, когда обучающийся уже имеет фундаментальные знания, навыки их применения и т.д., таких как узкопрофильные семинары, переподготовка и пр.

Также здесь важно отметить, что около 90% респондентов, имеющих детей школьного возраста, выступают категорически против перехода школьного образования в удаленную форму.

При этом, что касается работы в удаленном формате, так называемых фрилансерных вариаций, большинство участников фокус-групп выступает определенно в пользу такого вида занятости.

Четвертый вектор – семейные ценности. Участники фокус-групп отмечают, что семейные ценности трасформируются в условиях цифровизации и активно попирают традиционные. Самое интересное, что качественные изменения, нивелирующие эту часть человеческой жизни, ощущают уже абсолютно все, а полярность выводов на этот счет у респондентов делится почти пополам. Одни говорят о том, что разрушение традиционных семейных устоев, связанных с формами традиционного брака, традиционного семейного воспитания и закрепления классических ценностей приведет к безусловному и катастрофическому разрушению общественных устоев. При этом среди положительных моментов были отмечены такие позиции внедрения цифровизации в данный контекст, как: сайты знакомств, увеличение возможностей для самореализации женщины, в частности находящейся в декретном отпуске, и пр.

Выводы. Результаты нашего исследования показывают, что сегодня в российском обществе наблюдается классическая дихотомическая ситуация, разделившая примерно поровну как сторонников, так и противников цифровизации. Не менее половины современного российского общества еще не в полной мере осознали уровень и масштабность цифровых преобразований. Мало того, можно говорить о том, что многие граждане страны еще морально не готовы к тому, в чем уже проживают.

С другой стороны, это как раз дает возможность выстраивания определенного плана действий по урегулированию морально этических и правовых вопросов, связанных с цифровизацией окружающей среды.

Нам представляется особо важным внедрение профессионального этического кодекса в отраслях, непосредственно связанных с разработкой,

хранением, распространением информации, где должны акцентироваться позиции ценности человеческой жизни, свобод, внимание к морально-аксиологической составляющей деятельности и ее последствий.

Также необходимо продолжение уже заданных тенденций в таких институциональных блоках, как цифровая экономика, цифровое образование, цифровая медицина [20, с. 75–78], цифровая наука, цифровая культура, цифровая коммуникация и пр., где влияние цифровизации и ее последствий ее внедрения носит массовый характер, и уровень ответственности возрастает в разы.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00228 «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Список литературы

1. Хантингтон С. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований. 2002. С. 9–14.
2. Buchanan R. Digital Ethical Dilemmas in Teaching // Encyclopedia of Teacher Education. URL: https://www.academia.edu/40012109/Digital_Ethical_Dilemmas_in_Teaching
3. Basili C., Biorci G., Emina A. Digital Humanities and Society: an impact requiring 'intermediation' // Umanistica Digitale. 2017. No. 1. URL: https://umanisticadigitale.unibo.it/article/view/7196
4. Cole J. Personhood in the digital age: the ethical use of new information technologies. St Mark's Review // A journal of Christian thought & opinion). 2015. No. 233. P. 60–74.
5. Spiekermann S. The Ghost of Transhumanism & the Sentience of Existence // NZZ. 2017. URL: https://www.academia.edu/43270624/The_Ghost_of_Transhumanism_and_the_Sentience_of_Existence
6. Andrejevic M. Automating surveillance. Surveillance & Society. 2019. 17 (1/2). P. 7–13.
7. Coleman G. How has the fight for anonymity and privacy advanced since Snowden's whistleblowing? // Media, Culture & Society. 2019. 41 (4). P. 565–571.
8. Fuchs C. Culture and economy in the age of social media. London, UK: Routledge. 2015. 434 p.
9. Ghosh D., Scott B. The technologies behind precision propaganda on the Internet. Jan. 23, 2018. URL: https://www.newamerica.org/pit/policy-papers/digitaldeceit/
10. Ketscher L. Powering the Digital Economy: Regulatory Approaches to Securing Consumer Privacy, Trust and Security // International Telecommunication Union. 2018. URL: https://www.itu.int/pub/D-PREF-BB.POW_ECO-2018
11. Falikul I. Workers' Rights in the Digital Economy: Assessing the Impacts of Technology Usage by Go-Jek and Grab in Indonesia // Exploring the Nexus between Technologies and Human Rights: Opportunities and Challenges in Southeast Asia. 2019. P. 210–236. URL: https://www.academia.edu/41199332/Workers_Rights_in_the_Digital_Economy_Assessing_the_Impacts_of_Technology_Usage_by_Go_Jek_and_Grab_in_Indonesia
12. Аршинов В. И., Алексеева И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН. 2016. 196 с.
13. Budanov V., Aseeva I., Zvonova E. Industry 4.0.: socio-economic junctures // Economic Annals-XXI. 2017. № 11–12. P. 33–37.

14. Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 516–531.
15. Басалаева О. Г., Лукина Н. П. Технологический уклад и культура в контексте концепции цивилизации конвергенции наук и технологий: методологический аспект // Вестник КемГУКИ. 2017. № 38. С. 76–80.
16. Кузнецова Т. Ф. Цифровая культура в свете теоретических основ новой институциональной экономики // Век глобализации. 2019. № 2. С. 111–120.
17. Глазьев С. Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир. 2017. 640 с.
18. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. 160 с.
19. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // Economic Annals-XXI. 2017. № 3–4. P. 20–24.
20. Volokhova N., Aseeva I. The offset of the value accents in Business, Medicine and Pharmacy in modern socio-economics conditions // Economic Annals-XXI. 2016. № 157 (3–4 (1)). P. 75–78.

УДК 378.1:004.946
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.22

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТОСА СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ФОКУСЕ АНТИНОМИИ ВИРТУАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО

Григорьева Д. Д.[1*], Михеев М. И.[2], Потамская В. П.[2]

[1]Тверской государственный медицинский университет (Тверь, Россия)
[2]Тверской государственный технический университет (Тверь, Россия)
[*]E-mail: danya72@mail.ru

FORMATION OF ETHOS OF MEDICAL STUDENTS IN FOCUS OF VIRTUAL AND REAL ANTINOMY

Grigorieva, D. D.[1*], Mikheev M. I.[2], Potamskaya V. P.[2]

[1]Tver State Medical University (Tver, Russia)
[2]Tver State Technical University (Tver, Russia)
[*]E-mail: danya72@mail.ru

Аннотация. Неуклонное развитие современных технологий постоянно требует от общества революционных изменений в мировоззрении. С одной стороны, инновационные нарративы цифрового общества, виртуального пространства, кибер-идентичности, а с другой – экзистенциалы физиса, телесности, психики, экзистенции создают антиномии мышления. Противоречивость интериоризируемых мировоззренческих интенций, их конфликт, пристраивание в мировоззренческий тезаурус направлены на рефлексию и саморефлексию без достаточного понимания и навыков приводит к фрагментарному формированию идентичности и профессионального этоса. На фоне весьма спекулятивных рассуждений весьма актуальным выглядит организация и проведение обширных и многосторонних исследований, интерпретация которых позволила бы сформировать четкую картину происходящего. При подготовке врачей особенно важно обратить внимание на формирование как практических, так и мировоззренческих знаний, умений и навыков. Хаотическое сосуществование различных дискурсов приводит к нарушению их диспозиции, столкновению материального и идеального, может привести к различным психическим дисфункциям: отчуждение, смыслоутрата, фрустрация, экзистенциальная травма. Для изучения этой проблемы было проведено психодиагностическое исследование, которое показало, что студенты демонстрируют признаки неустойчивой идентичности. Это, в свою очередь, препятствует формированию их смысложизненных ориентаций и стимулирует все более нарастающее социальное и экзистенциальное отчуждение.

Ключевые слова: *виртуальное, реальное, материальное, идеальное, профессиональный этос, идентичность, отчуждение.*

Abstract. The steady development of modern technologies constantly requires revolutionary changes in the world view from society. On the one hand, innovative narratives of digital society, virtual space, cyber identity, and on the other, existences of physics, physicality, psyche, existence create antinomies of thinking. The contradiction of interiorised worldview intentions, their conflict, addiction to the worldview thesaurus are aimed at reflection and self-reflection without sufficient understanding and skills leads to a fragmented formation of identity and professional ethos. Against the background of very speculative arguments, it seems very relevant to organize and conduct extensive and multilateral studies, the interpretation of which would form a clear picture of what is happening. When training doctors, it is especially important to pay attention to the formation of both practical and worldview knowledge, skills and skills. The chaotic coexistence of various discourses leads to the violation of their disposition, the collision of material and ideal, can lead to various mental dysfunctions: alienation, semantic loss, frustration, existential trauma. To study this problem, a psychodiagnostic study was conducted that showed that students showed signs of unstable identity. This, in turn, prevents the formation of their meaningful orientations and encourages an increasing social and existential alienation.
Keywords: *virtual, real, material, ideal, professional ethos, identity, alienation, existential trauma, life-oriented orientations.*

Терминологический генезис современного языка непрерывно актуализирует семантику таких терминов, как виртуальность, виртуальная реальность. Цифровое общество и другие неологизмы стали брендовыми и трендовыми симулякрами, чья семантика и семиотика весьма размыта. Интенсивность данных понятий в экономических, социологических, культурных, дискурсивных практиках создает иллюзию самоочевидности, зачастую привнося субъективность интерпретаций, склонность к крайним формам идеализации или одиозности. В качестве отправной точки наших рассуждений мы используем, как нам кажется, наиболее четко сформулированные определения. Ж.-Ф. Лиотар пишет: «При таком всеобщем изменении природа знания не может оставаться неизменной. Знание может проходить по другим каналам и оставаться операциональным только при условии его перевода в некие количества информации. Следовательно, мы можем предвидеть, что все непереводимое в установленном знании будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин» [1, с. 17].

Закон – это дефиниция, отражающая устойчивую взаимосвязь между событиями и явлениями или феноменами, однако еще в XI веке П. Абеляр в своем сочинении «Введение в логику» отмечал, что любая вещь существует трояко: до разума, в разуме и после разума, то есть в восприятии, в разуме и речи или письме. У разных объектов, эмпирических или абстрактных, свои собственные законы: физические, логические, орфографические или фонетические, и их нельзя смешивать. Виртуальная реальность – это совокупность абстрактных объектов, чье взаимодействие основано на спекулятивных, интеллигибельных аксиомах и, основываясь на Ж. Бодрийяре, создается на основе замещения ценностных и

институциональных элементов общества симулякрами. «Симулякр никогда не является тем, что скрывает истину – это истина, которая скрывает, что ее не существует» [2, с. 9].

Ангажированность, интериоризированность субъекта в виртуальную реальность приводит к партиципации проекции Self к идеальному образу «Я». В связи с этим актуализируется феномен размытой, раздробленной, рафинированной идентичности, которая бесконечно трансформируется, теряя конкретность, приобретая форму мультипликативной нарциссической проекции. Однако если деятельность человека связана с материальной, чувственно-ориентированной сферой, направленной на взаимодействие с вещественным, телесным миром и влиянием на процессы его самоидентификации, неизбежен конфликт между «Я-реальным» и «Я-идеальным». Несомненно, медицинская деятельность способна порождать вышеописанную антиномию, негативно влияющую на профессиональную идентичность.

Становление профессионального этоса является основой медицинского образования, направленного на то, чтобы студенты думали, действовали и чувствовали себя как врачи, сосредотачиваясь на понимании природы профессиональной идентичности, процесса ее формирования и социализации [3]. В связи с этим весьма перспективно выглядит синтез наилучших гуманистических традиций предшествующих исторических эпох с новыми культурными, технологическими и практическими эффектами современности. Степень интериоризации профессиональной идентичности зависит от понимания «вписывания» в это конкретное время в конкретную группу [4]. Проводя аналогии, можно сравнить профессиональную идентичность с двойной спиралью, в которой индивид и профессия образуют переплетающиеся нити. Таким образом, под профессиональной идентичностью следует понимать «синтез таких характеристик человека, как тождественность, целостность и определенность в уникальную структуру, присвоение и изменение (пере-структурирование) которой происходит в результате адаптации и субъективной прагматической переориентации в постоянно преображающейся среде» [5, с. 45].

Формализуя совокупность дефиниций, определяющих профессиональную идентичность врача, под врачебной идентичностью понимается взаимообусловленный процесс, определяющий векторы профессионального и личностного развития человека, занимающегося врачебной деятельностью, в ходе которой происходит самоотождествление через самореализацию с выбранными медицинскими реалиями и интериоризация деонтологических, безусловных врачебных и общегуманитарных императивов [6]. Формирование врачебной идентичности представляет собой динамический адаптивный процесс развития, осуществляемый, одновременно, на индивидуальном и

коллективном уровнях и включающий в себя психологическое развитие и социализацию, адаптацию человека к соответствующим социальным ролям, способам и формам участия в общественной деятельности [7]. Идентичность, формирующаяся в ходе практической деятельности, обусловлена биофизичностью и конкретностью его профессии. В процессе жизнедеятельности человек организует опыт в значимое целостное формирование, включающее в себя личность, частное, общественное и профессиональное «я».

Нарративы виртуальной реальности всё более расширяют свое воздействие на конституирование идентичности личности в современном обществе. Современные студенты – дети цифровой эпохи, что детерминирует их осмыслять свой опыт в диапазоне цифровых социальных ожиданий. Они предопределяют студентов к осмыслению своего опыта в диапазоне цифровых, культурных и социальных ожиданий. Человек в процессе формирования идентичности стремится обрести смысл, чувство внутренней и внешней согласованности, сформулировать экзистенциальные интенции. При этом виртуальные нарративы реализуются через различные модусы цифровой среды: чаты, блоги, твиты, форумы и т.п. Индивид, в связи с этим, может переосмыслить себя через опосредованную беседу, но не через действие [8].

Становление идентичности возможно лишь в условиях ее качественной трансформации, что предполагает наличие революционных этапов, приводящих к личностному росту, переосмыслению жизненных ценностей, поиску смысла жизни [9]. Виртуальная реальность опосредует окружающий мир и других людей от индивида, что порождает все возрастающие процессы отчуждения от практической деятельности, подменяя их языковыми, абстрактными симулякрами. В условиях всё увеличивающего репрессивного доминирования цифрового общества возникают новые модусы, технологии отчуждения. Отчуждение выступает как форма социальных связей, социальная структура, чуждая человеку, господствующая над ним, лишающая его возможностей творческого саморазвития и разрушающая его сущность [10].

Несомненно, биофизичность профессиональной деятельности врача и цифровые способы экзистирования личности приводят к нарушению процессов самоидентификации, а это, в свою очередь, влечет к различным модусам смыслоутраты в профессиональной деятельности. Помимо того, что отчуждение во всех своих формах порождает экзистенциальную травму [11], виртуализация идентичности создает дополнительное отчуждение, где даже саморефлексия становится нарративом. Возникает своего рода «зеркальный коридор», в котором в вечной погоне за самостью человек натыкается лишь на цифровые отражения. Таким образом, психологическая травма пролонгируется, становится неразрешимой через невозможность человеком обрести самого себя. Смысл обычно

рассматривается как универсальная человеческая проблема и как одна из основных потребностей человека. Смысл становится заметным, когда человек сталкивается с проблемой поиска своего индивидуального жизненного пути [12].

Профессия врача требует от студента-медика при интериоризации профессиональных догматов их качественную трансформацию при встраивании, ангажировании в структуру мировоззрения, кроме того, они должны быть наполнены экзистенциальным смыслом. Только при таких условиях совокупность полученных знаний может быть трансформирована в профессиональное мастерство. В связи с наличием разнонаправленных элементов врачебный этос может быть неустойчив, однако для принятия эффективных решений габитальные структуры должны иметь минимальные противоречия и находиться в динамическом равновесии [13]. СМИ в настоящий момент активно внедряют техники социального мимезиса через разнообразные редакторы, генерации социальных масок. Человеку остаётся приоритетная функция – выбирать из уже имеющихся. В эпоху цифрового общества, «общества потребления» и синкретизма ценностей, врач утрачивает приоритетную ориентацию и не рефлексивно воспринимает те ценности, которые попадают в поле зрения. Это превращает его из активного, творческого субъекта, способного критически относиться к окружающему миру, лишь в искусственно сконструированный объект потребления, синкретически принимающего правила масс-культуры.

Целью исследования является процесс формирования профессионального этоса студентов-медиков в условиях антиномий виртуального и реального в современном мире.

Исследование проводилось на базе Центра психологической поддержки ФГБОУ ВО Тверского ГМУ МЗ России. Базу психодиагностических методик составили: тест «Смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева; дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО); тест статусов и структуры эго-идентичности (СЭИ-тест Е. Л. Солдатовой).

Выборка исследования является достаточно однородной и включает в себя 116 студентов Тверского государственного медицинского университета в возрасте от 19 до 22 лет. Обработка данных проводилась на основе количественных методов. Для обработки и интерпретации полученных данных использовались данные описательных статистик, непараметрический критерий согласия Пирсона, реализованный в программе SPSS 22.0.

Проведенное исследование среди студентов-медиков позволяет, с одной стороны, определить их личностные качества, а с другой стороны, позволяет провести анализ о наличии–отсутствии конфликта виртуального

и реального бытия в структуре их формирующегося профессионального врачебного этоса.

Статистический анализ показал, что существует умеренная отрицательная корреляционная зависимость между смысложизненными ориентациями личности и субъективным переживанием одиночества («Общий показатель осмысленности жизни (ОПО)» – «Изоляция» ($r = –351$, при $p \leq 00,1$), «ОПО» – «Самоощущение» ($r = –417$, при $p \leq 00,1$), «ОПО» – «Отчуждение» ($r = –337$, при $p \leq 00,1$)). Таким образом, изоляция цифрового общества от непосредственной коммуникации и практической деятельности, т.е. самоотчуждение, выражающееся в ощущении одиночества, болезненном переживании нехватки живого общения приводит к утрате смысложизненных ориентиров, неспособности формулировать четкие цели в жизни, получать удовольствие от настоящего и негативно оценивать прошлое и будущее.

Выявлены средние отрицательные и умеренные положительные корреляционные связи между смысложизненными ориентациями личности и СЭИ-тестом («ОПО» – «Сомнение» ($r = –633$, при $p \leq 00,1$), («ОПО» – «Автономия» ($r = 430$, при $p \leq 00,1$), («ОПО» – «Фиксация» ($r = 475$, при $p \leq 00,1$)). Исходя из трех этапов формирования идентичности, студенты-медики позиционируют себя со своими виртуальными двойниками, проекциями, тенями, нерефлексивно, некритично переходя с уровня фиксации на стадию автономии, перепрыгивая стадию качественных изменений, меняя одно количество симулякров на другое.

Также выявлена умеренная положительная корреляционная связь между показателями методик ДОПО и СЭИ-теста («Изоляция» – «Сомнение» ($r = 504$, при $p \leq 00,1$), («Самоощущение» – «Сомнение» ($r = 343$, при $p \leq 00,1$), («Отчуждение» – «Сомнение» ($r = 504$, при $p \leq 00,1$)). Следовательно, студент-медик, находясь в процессе возрастного становления и формирования профессионального этоса, переходит на новый качественный уровень своего мировоззрения и, как любой человек, испытывает потребность в живой дружеской поддержке, сочувствии, эмпатии, понимании. Виртуализация коммуникации создает фантомные нарративы «одиночества в сети». Не в силах выйти за их пределы, студент не способен полноценно коммуницировать с окружающими, верить, дружить, любить.

В заключение можно сказать, что в извечном антагонизме материального и идеального в современных модусах виртуального и реального формируются практики отчуждения через утрату смысла и экзистенциальную травму. Потеря конкретности в процессе самоопределения и самоидентификации, несомненно, негативно влияет на формирование профессионального этоса студентов.

Список литературы

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. 1998. 159 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист. 2013. 204 с.
3. A Schematic Representation of the Professional Identity Formation and Socialization of Medical Students and Residents: A Guide for Medical Educators / R. L. Cruess, S. R. Cruess, J. D. Boudreau, L. Snell, Y. Steinert // Academic Medicine. 2015. № 90. P. 718–725.
4. Rees C. E., Monrouxe L. V. Who are you and who do you want to be? Key considerations in developing professional identities in medicine // The Medical Journal of Australia. 2018. № 209 (5). P. 202–203. URL: https://researchmgt.monash.edu/ws/portalfiles/portal/249554944/249554887_oa.pdf
5. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность и ее основные признаки в контексте профайлинга // Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение. Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. 2016. С. 41–51.
6. Формирование у ординаторов профессиональной врачебной идентичности / Д. Д. Григорьева, М. И. Михеев, Р. Н. Башилов, С. М. Башилова // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 119–124.
7. Tagawa M. Development of a scale to evaluate medical professional identity formation // BMC Medical Education. 2019. 19. URL: https://bmcmededuc.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12909-019-1499-9
8. Goldie J. The formation of professional identity in medical students: Considerations for educators // Medical Teacher. 2012. № 34 (9). P. 641–648.
9. Kuzmina I. Determiners influencing the professional identity formation of higher schools students // Приднепровский научный вестник. 2015. № 10. P. 383–387.
10. Стрелец Ю. Ш. Марксизм в контексте проблемы смысла жизни человека // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7. С. 194–201.
11. Лэнгле С. Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2018. № 2. С. 22–31.
12. Osin E., Leontiev D. Meaning and meaninglessness: a modern perspective. // XVI European Congress of Psychology. M., 2019. P. 489.
13. Вдовина Г. В. Хабитус: элемент когнитивной структуры в философской психологии постстредневековой схоластики // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 181–191.

УДК 159.924.24
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.23

ДИХОТОМИЯ СТРАХА И ЛЮБВИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА

Маленко С. А., Некита А. Г., Корешков П. В.*

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: paolocuoremi@gmail.com*

THE DICHOTOMY OF FEAR AND LOVE IN VIRTUAL SPACE IN THE CONTEXT OF CREATIVITY

Malenko S. A., Nekita A. G., Koreshkov P. V.*
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: paolocuoremi@gmail.com*

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме дихотомии страха и любви в виртуальном пространстве, поиску оснований для этой дихотомии и определению способов ее преодоления. Изучение виртуального пространства как производной пространства диалектического позволяет проследить трансформацию исследуемой проблемы и сделать вывод о ее сущностных аспектах. Страх рассматривается как социокультурный феномен, не имеющий онтологического основания и возникший в таком проявлении диалектики, как виртуальное пространство.
Ключевые слова: *творчество, любовь, страх, сознание, онтология, диалектика, виртуальное пространства, иное.*

Abstract. This study is devoted to the problem of the dichotomy of fear and love in the virtual space, the search for the foundations for this dichotomy and the determination of ways to overcome it. The study of virtual space as a derivative of the dialectical space allows us to trace the transformation of the problem under study and draw a conclusion about its essential aspects. Fear is viewed as a sociocultural phenomenon that does not have an ontological basis and that arose in such a manifestation of dialectics as virtual space.
Keywords: *creativity, love, fear, consciousness, ontology, dialectics, virtual space, other.*

Диалектика виртуального пространства является одним из наиболее важных аспектов постижения современного мира. Проявляясь во всех сферах жизнедеятельности человека, она предопределяет когнитивный диссонанс, вызванный парадоксальностью дуализма окружающего пространства и перцепцирующего субъекта, который диалектически является также и объектом собственной перцепции и, неизбежно, – объектом дуализма как принципа существования и развития окружающего пространства. Диалектизм восприятия и мышления, на наш взгляд, представляет собой серьезную проблему в формировании антропологических стратегий как на

индивидуальном, так глобальном уровнях, порождая противостояние различных парадигм, представляющих собой онтологическое единство, и именно раскрытию данной проблемы мы посвящаем настоящее исследование.

Задаваясь вопросом о причинах возникновения диалектического пространства, мы считаем необходимым обратиться к религиозному дискурсу, поскольку в *чистом виде* он соотносится с дискурсом онтологическим, апеллируя к истине. Диалектическое измерение представляет собой своего рода отражение пространства онтологического, причем это отражение искажено в своем же основании через посредство своего создателя – человеческого разума, не соотнесенного с запредельным основанием бытия. Иными словами, основанием для возникновения и развития диалектического пространства является незнание, неведение. Открытие же пространства онтологического возможно лишь по обретению истинного знания. Для обоснования этого тезиса обратимся к «Библии Колбрина», начинающейся со строк, говорящих об ограниченности знания человека, который «в своем отчаянии… заменяет смутное видение непонятных вещей тем, что он понял» [1, с. 6]. Фактически человек, находящийся в созданном «вечном сознании» пространстве и *пытающийся* постичь это пространство и себя самого, своим стремлением, синонимичным *незнанию*, трансформирует онтологическое пространство в диалектическое. Такая трансформация оказалась возможной благодаря истинному онтологическому Творчеству всего, Творчеству, создавшему и феномен творчества. «Вселенная возникла как сгущение мысли Божьей, и таким образом она заслонила Его от всего, что заключено в Его остывающем творении» [1, с. 7]. Иллюзорная или действительная, но неспособность человека постичь истинную мысль, ее выраженный потенциал как собственно Творчество, оказывается той самой границей, отделяющей человека, локализующегося в диалектическом измерении, от его онтологического, трансцендентного сознания, являющегося самим по себе онтологическим пространством.

Учитывая то, что онтологическое пространство оказывается неограниченным потенциалом, абсолютным началом для феноменального мира, то есть *подлинно свободным* от дуализма, порожденного незнанием, отметим, что далее мы будем говорить в основном о пространстве диалектическом, представляющем собой фундамент для иллюзии пространства виртуального. В ходе настоящего исследования мы планируем раскрыть корреляцию онтологического, диалектического и виртуального пространств в контексте дихотомии страха и любви, а также их взаимосвязь с человеческим сознанием в творческом аспекте на примере фильма «Таинственный лес» (англ. «The Village», 2004).

Отметим, что феномен страха есть атрибут диалектического пространства; в этом пространстве единство и борьба страха и любви

фактически и есть, собственно, любовь. Тем не менее, диалектическая любовь не есть любовь истинная, локализующаяся в онтологическом пространстве, – феномен любви есть лишь ее искажение. Это, правда, не означает отсутствия подлинной любви ни в диалектическом, ни даже в виртуальном пространстве, поскольку с антропологических позиций любовь в первую очередь есть состояние духа, сознания – трансцендентного в человеке. Из этого следует, что постижение человеком *себя* через *себя* способствует его трансгрессии из иллюзорного пространства в пространство истинное [2, с. 34]. Постижение человеком себя через *иное,* внешнее лишь увеличивает мерность иллюзорного.

Природа страха, на наш взгляд, заключается в отрицании (забывании) собственного трансцендентного начала; движение *вовне* вызывает страх, поскольку любое внешнее основание видится и является иллюзорным. Отсутствие метафизической опоры вызывает страх *падения*. Душа человека, обладающая свободой выбора пути [3, с. 237], но не знающая *себя как творца* любого пути, обречена на неразрывную связь с диалектическим измерением; знающая о пространстве истины, она не способна постичь его. Такая душа знает страх *незнания себя*. Важно и то, что диалектическое пространство дает основание для того, чтобы парадигма страха оказалась принятой в пространстве виртуальном в качестве парадигмы истины.

Иные же парадигмы, в то числе и парадигмы любви и творчества, объявляются ложными; трансцендентность творчества девальвируется до тривиального выбора, любовь трактуют как феномен, а истина отрицается как таковая. Этот аспект нашего исследования имеет принципиальное значение как в антропологическом, так и в социальном дискурсах, поскольку, по нашему убеждению, знание пространства является либо может являться основанием для наиболее гармоничного и эффективного функционирования сознания. При этом отметим также, что такое знание ни в коем случае не должно становиться детерминантой сознания либо фактором ограничения его самореализации–постижения собственного трансцендентного творческого основания и его проявления в окружающем мире.

В древнеиндийском эпосе «Бхагават-Гита» страх трактуется в качестве атрибута иллюзии, то есть диалектического пространства [2, с. 27], избавление же от него приводит к обретению свободы [2, с. 34], постижению истины онтологического пространства и, следовательно, творческого потенциала.

Исходя из приведенного выше, мы считаем вполне корректным принимать страх в качестве социокультурного феномена, порождения диалектического пространства, конституирующего стремление к постижению истины через преодоление дуализма, но не саму истину.

Любовь же как сакральное состояние актуализируется при постижении человеком тайны собственного бытия – тайны как истины или

истины как тайны. Такое постижение истины трансцендентного *себя* человеком раскрывает абсолютный творческий потенциал трансцендентного начала, то есть совершенно уничтожает страх, оставляя его в диалектическом пространстве и переносит сознание человека в пространство онтологическое. Таким образом, мы можем сказать, что страх представляет собой следствие отсутствия (нереализованности) творческого потенциала – незнания *себя* и недоступности любви.

Возвращаясь к упомянутому фильму, отметим, что он оказывается крайне интересным в аспекте корреляции онтологического, диалектического пространств. Первое представлено истиной любви, ее силой и бесстрашием перед неизвестностью пути. Иллюстрация абсолютного превосходства любви над страхом сводится к следованию Айви Уокер через *незнание себя леса* как символической границы между диалектическим и виртуальным, к преодолению этой границы как результата любви. Диалектическое пространство раскрывается в дихотомии страха и любви, в ее процессе. Иллюзорность страха раскрывается через посредство признания старейшины в отсутствии «тех, о ком нельзя говорить», причем основанием для этого признания является любовь Айви Уокер, побуждающая ее преодолеть страх. Отметим, что этот страх *почти существует*, для его актуализации используется виртуальное пространство. В нем иллюзия страха используется в качестве аспекта манипуляции; религия как институция веры используется для обоснования, даже узаконивания страха, фактически – социального заказа на него. Актуализация страха происходит через посредство лжи о грехе, пропитавшем некий абстрактный *город* – пространство зла, от которого деревню отделяет символическая граница – лес и «те, о ком нельзя говорить». Страх используется в качестве основания для отрицания *иного*, запрета открытия *нового* и даже десакрализации онтологического и обессмысливания диалектического пространства. Таким образом страх конституирует виртуальное пространство, обеспечивает его суверенитет и легитимность через отрицание любого *иного*.

Стоит отметить, что и само *иное* в виртуальном пространстве обладает некоторыми значимыми отличиями от диалектического иного. Если в первом иное «определяется через положительное отношение… «Чужой» – это элемент самой группы, но в отличие от несчастных и разнообразных «внутренних врагов», – элемент, чье членство в группе предполагает одновременно и положение вне группы, и столкновение с группой» [4, с. 38], то во втором подлежит абсолютному отрицанию, уничтожению. Виртуальное измерение в соответствии с бинарным кодом предоставляет предписанное, ограниченное бытие раба либо же небытие. «Таинственный лес» демонстрирует все эти аспекты – атрибуты пространств, а также и способ развития пространств в дискурсе диалектики: страх представляется в качестве аспекта виртуализации,

любовь – трансформации в истинное, онтологическое, трансцендентное. Творческий аспект проблематики дихотомии страха и любви заключается в самоосознании человеком своего творческого начала [5] и, следовательно, раскрытия в себе творческого потенциала созидания пространств через самотворчество. Это возможно при преодолении страха и постижения истины любви – выхода в онтологическое пространство – пространство истинного творчества. Отметим, что возникающая сингулярность имеет место лишь в диалектическом пространстве; обращение человека *внутрь себя*, как отмечалось ранее, способствует постижению человеком своего творческого начала и осознанию любви как собственного сакрального состояния. Также важно отметить и то, что любовь оказывается смыслом и критерием творчества.

Таким образом, вывод о том, что виртуальное пространство и господствующая в нем парадигма страха перед истиной оказывается фактором, девальвирующем истину – любовь, творчество и иные основания бытия, представляется нам вполне обоснованным. Тем не менее, мы считаем принципиально значимым творчество как аспект онтологической независимости сознания, его абсолютной свободы и любви. Такое сознание, свободное от страха, способно к созданию и реализации творческих стратегий бытия, развития личного пространства и социальной жизни. Любовь как смыслообразующий элемент локализуется в творческом сознании, свободном от парадигм иллюзии и способному к истинному творчеству в трансцендентном смысле.

Список литературы

1. Библия Колбрина. Книга Творения / пер. О. Дмитров. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 60 с.
2. Бхагават-Гита / комм. В. С. Антонов. Canada: New Atlanteans, 2008. 132 с.
3. Pistis Sophia (pars IV) // Вестник древней истории. 1999. № 4. С. 236–248.
4. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
5. Корешков П. В., Маленко С. А., Некита А. Г. Творчество как форма катарсиса в современном мире // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Наука молодых: вызовы и перспективы» // Великий Новгород, Новгородский филиал РАНХиГС, 2020. 315 с.

УДК 820
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.24

ЦИФРА – *НИЧЕГО ЛИЧНОГО!* – СОКРОВЕННОСТЬ ГИЛЬОТИНЫ

Меньшикова Е. Р.

Новый институт культурологии (Москва)
E-mail: elen_menshikova@mail.ru

THE NUMBER IS – *NOTHING PERSONAL!* – THE INTIMASY OF THE GULLOTINE

Menshikova E. R.

New Institute of Cultural Studies (Moscow)
E-mail: elen_menshikova@mail.ru

Аннотация. Развёрнутый нами в прессе концепт «*Троянский Терроризм*» свидетельствует, что Идея, обретя Образ понятия: ***захват как формальность***, – владеет обществом на правах суверена, устанавливая свой Принципат, демонстрируя не только квази и ультра анархическую свободу воли (как догму и credo) *каждого*, но и вполне *марсианские хроники* существования в каждом государстве на планете, апеллируя к «множественной единичности» Сознания при тотальном человеческом (гуманистическом) обнищании.
Ключевые слова: *Миф, «метод Цезаря», цитата, язык, Гомер, «цифровизация Сознания», Образ Понятия.*

Abstract. The unfolded by us in the press concept of “Trojan terrorism” testifies that the Idea, having acquired the Image of the Concept: ***capture as a formality***, – owns society as a sovereign, establishing its Principle, demonstrating not only quasi and ultra anarchic freedom of will (as dogma and credo) of everyone, but also quite Martian chronicles of existence in every state on the planet, wills and completely the Martian chronicles of existence, relying on the “multiple unity” of Consciousness in the context of total human (humanistic) impoverishment.
Keywords: *Myth, “Caesar’s method”, quotation, language, Homer, “digitalization of Consciousness”, Image of Concept.*

Беспамятство внедряется в культуру через усекновение искусства – оно поощряется невеждами и образованными, для которых «власть как страсть» важнее и насущнее игр разума, но вместе с тем беспамятство воспитывается с молоком матери, поскольку сами матери уже не кормят грудью (ни реально, ни метафорически) – они забыли и не желают терпеть «неудобства» лактации в угоду модным тенденциям социальной среды, согласно которым удовольствия вытеснили мораль и ответственность, – так манкуртизация общества, в отсутствие социальных бифуркаций

(революций и вооруженных смут), подготавливается самим обществом и вводится как «спецпроект», что станет регулятором умонастроений, численности и управляемости, И «цифровизация» оказывается одним из таких, причем не статистика, но простое наблюдение за культурными приоритетами подсказывает, что одного поколения (двадцать лет) для его реализации достаточно. Снижение качественных приоритетов: опрощение и уплощение восприятия, когда вместо многогранности предлагается примитив и схема, – приводит к отказу от «личного» как мешающему процессу стандартизации, что манит простотой усвоения при минимализме энергозатрат, при этом архаическая самость поощряется, словно иммунитет, но искусственный – что вместо осознанности примкнёт к инстинкту. Заметим, работа мозга чрезвычайно энергозатратная деятельность для человека, и достаточно объявить об этом, чтобы чаемый комфорт вошел в жизнь как можно быстрее, – неофиты и природные лентяи, обретя себе законное оправдание, убегут под крыло цифровизации с лёгкостью сквозняка.

Новый критерий «научности», спущенный реактивом или военным релизом несгибаемого дядюшки Сороса, основан на приеме цитирования: чем больше в ваших статьях чужих цитат, тем она станет весомее и тем основательнее ее «фундаментальность», и вместе ее функциональность – такое намеренное «вакцинирование» интеллекта продиктовано сменой социальных приоритетов: «презентация себя» давно сменила «проблемность» – так «защита от трудностей», обязав поголовно всех вести дневники наблюдений первоклассника, что стало «нормой» и практикой всеобуча, снизила иммунную защиту самого интеллекта – он перестает сопротивляться глупости, перестает вырабатывать собственные антитела – мыслительные конструкции. Только чем «весомее», на сколько граммов? И в чем потом ее измерять: в слонах или попугаях? Такой подход к оформлению собственных мыслей в совокупности с переходом от печатной машинки к программе Microsoft Word (Office), с ее платформами и PDF-ами, что существенно облегчил сам процесс набирания текста: перевода от рукописного к печатному знаку, с лихим форматированием и легким (в смысле не надо каждый раз менять лист и перепечатывать помарки и ошибки) редактированием, – всё это носит название «цифровизации в науке».

Каждый век нес человечеству свои методы «освобождения» и вспоможествования письменному творчеству как Логосу, рвущегося к своему воплощению в материальном, подобно ткани или злату – но модная индустрия и ювелирное ремесло, достигнув величин, в погоне за количеством, утратило интерес к качеству – не всегда и не все их предметы можно признать за искусство, и уж точно не все сохранятся в качестве артефактов, подобно каплям скифского золота. Цифровизация как «способ» – это понятно: таким методом планомерного (сбалансированного) насилия

Кортес множил «метод Цезаря» в Латинской Америке, но цифровизация как «принцип» – принцип исправления мировоззрения (читай: мышления) – вот это истинно «новейшее средство», что изобретено даже не на Малой Арнаутской, но лабораторно и штатно, и, словно бады, успешно внедрено, ибо уже демонстрирует свою эффективность и функциональность: сегодня с утратой собственных эйдосов Сознание не стыдится собственной аллопеции. При такой массовой «цифровизации», как сказали бы эпизотологи, падёж маточника неизбежен – именно такая аэрозольная вакцинация (полу-эфирная) создает прецедент манипулирования чужими сознаниями, используя прием «передёргивания» легко – словно затвор. Из совсем недавнего и ближнего: академик Асмолов в эфире телепередачи «Агора» заметил: «Мне кажется, что образ будущего связан с тем, что Окуджава называл “культурой достоинства”, то есть тем, как человек сможет самореализоваться» [1], – подскажите, где связь между пояснением, выступающим в роли субстантивного сказуемого, что использует чужую цитату, представляющую собой метафору, и последующим дополнением? Союз «что» был заменён на союз «как», придаточная конструкция не приобрела статус «предиката» образа действия – «каким образом» или к чему следует стремиться: к достоинству или реализации себя – из суждения не следует, но понятие «достоинство», сближается с функциональной «самореализацией» – денотаты микшируются – и тем самым последнее рождается «мифологией» (по Барту) этического принципа, то есть его суррогатом и заменителем – так для светлого будущего, по мнению академика, достаточно будет презентации себя – в любой сфере, а если учесть, что сейчас все сферы деятельности приравнены к «услугам», то цифровизация несёт всем не уравнение с тремя неизвестными, но выравнивание в правах и всех линий, и избавление от кривизны неэвклидовой премудрости. В этой связке явно проваливается и совесть, и честь, и чувства, и сознание – так пустая (голословная) болтовня, или дискурс в науке, демонстрирует деградацию самой науки, и науки образования в том числе, поскольку исключённый третий – свободный Эйдос – по закону гегелевской диалектики сохранит вам протестантскую логику, склонность к протесту, но склонность к открытиям исключит за ненадобностью – как излишество.

Цифровизация в науке (читай: области образования и просвещения) вползла гадюкой не с черного хода, а с парадного крыльца – ей все доступно, ее поят теплым молоком, услужливо несут младенцев, но идеализируя как «метод», и метод уподобления, ее обратили в идол, при этом слову «научность» придали иное значение – «ускорение» и «примат», что подразумевает «диктат» и «зависимость», но не «поиск нового», не «открытие иным образом». Эйдос (мысль) должен быть свободным (всегда говорила и настаиваю на этом), иначе не состоится путешествие к центру себя, не сточится грифель в поиске Смысла, радость познания не осенит

Открытием, – ваш эйдос должен быть волен и должен быть покоен, то есть уравновешен целью (сила притяжения) и задачей (сила тяжести), и не ограничен в своем пролегании и пролагании – в выборе средств и материалов собственного выражения. Именно свободная мысль (эйдос), чья «функциональность» и «профпригодность» зависит от языка, поскольку ищет своего воплощения в языке и посредством языка, формируя Образ Понятия, обеспечивает Знанию его «научность» – настаивая и настраивая Сознание на поиск, и поиск вольный – внутренней организацией каждого, и разного, но именно так формируется *осмысленное восприятие*: ментальные альбатросы возникают и парят над безднами, ища пищи и ловя ее, но сами «бездны», как лакуны понимания, что врываются камчатскими гейзерами и создают ландшафт человеческого восприятия, и сам прецедент стремится к «краю восприятия» – за открытием, за свежим дыханием Эйдоса или сверхновой. А без «открытия» развития не происходит, и, как правило, она начинается с удивления, идущего *светом*.

Цифровизация Знания, выбив табуретку из-под ног, оставила Сознание без опоры (полагаю, что до поры) – и, пока накопится сопротивление, Эйдос опрокинут и несвободен, поскольку заградительные меры наукометрии, призванные ввергнуть в панику и уныние, подключают к трансформаторной будке эмотивных импульсов, дабы ментальность, сворачивая метельность в одеяло снежной бури, обернуть в мстительность, с тем, чтобы способность размышлять самостоятельно и, главное, образно и плавно, ослабла. Миф ткется настоящим (также повторяю эту мысль от статьи к статье), и если воспользоваться современной терминологией, то Гомер не пренебрегал трафаретами, широко использовал масштабирование, аудиовоспроизведение, клиширование пикселей и прочее для создания «греческого чуда» – становления греческого самосознания через сложение основ греческого мира – после Троянской битвы на протяжении веков возникали сказы и были о ее участниках, собирались ощущения и восприятия, искалось понимание и оправдание поражения и вынужденной колонизации по всему Средиземноморью, которые только в VIII в. до н.э. стали складываться в «авторский эпос», положивший начало греческой литературе, известный всему миру как поэмы Гомера, что без своих адептов и клонов-подражателей, которые и создавали эффект «архаической цифры», за одну человеческую жизнь наладив технологию воздействия на умы, распространяя Слово, и слово *образное*, обусловленное *резонансным восприятием* произошедшего веками ранее и происходящего здесь и сейчас, формировало мнение о бытии и человеке в нем. Но сама технология была растянута во времени, как растянуто было и «восприятие понимания» самих поэм, что пролагали Миф иным способом – стихотворным ритмом, метафорически избыточным, с речитативом постоянных эпитетов – но таково было «открытие» слепого, что видел космос насквозь, пронзая своим Сознанием

и приучая восторгаться мирозданием и красотой в нем, восторгаться героизмом, вдохновляя на собственную доблесть, оно стало воспитывать поколение за поколением (на протяжении веков) «движению вверх», воспитывать в мужестве и чести, вызывая сострадание и сопереживания. Получалось по-разному, впрочем, как всегда, иначе полисный мир совокупных греков не был бы так разобщён, не воевал бы меж полевыми работами. Но именно древние греки – натурфилософы, что отвечали за «научность» мировоззрения, – настаивали на свободе мыслевыражения, при этом «повтор», что использовал Гомер, приобретая устойчивость фольклорной традиции, явился тем самым приемом «проговаривания», что так нужен при формировании собственной мысли, что так важно при освоении знания, и еще совсем недавно был основным приемом обучения языку в начальной школе, – так аэд пробуждал способности мыслить и мыслить через сопереживание. Но, говоря об «архаической Цифре», мы прибегаем к метафоре, чтобы всколыхнуть любопытство и побудить к «мышлению, что само себя мыслит» (Пятигорский) явным противоречием Сознание Другого, и это уже семантические ухищрения современного языка, что живет в пространстве мифологий, не полагаясь на Миф. Причину такого «рассогласования с собственным Сознанием» объясняю тем, что современная Цифра, в основе которой лежит матрица римской исключительности и техничности латыни, нацелена на расподобление Сознания Другого путем ограничения воли Эйдоса, формирующего «личное», как забрало, лишая языковой яркости, сужая стилевые приемы и средства выражения, что, в свою очередь, можно воспринять как «протест», но как «протест» одного языка против другого, что априори намекает или обнажает конфликт, что всегда чреват столкновением. И примером – протестные выступления дня сегодняшнего, ведь 2020 г. ознаменовался не только глобальной пандемией и массовыми протестами, но особо яркой поляризацией взглядов при полном языковом (ментальном) непонимании *другого* и нежелании «понимать», тогда как многоголосый древний мир всегда искал и находил даже разорванные ниточки восприятия.

Приходящие на «протест» миллениалы (поколение нулевых), воспитанных Цифрой и приученных к визуальным эффектам, плохо выражают свои мысли, порой демонстрируя их отсутствие, постоянно читая «тексты», им сложно создать собственное суждение размером в абзац плотностью Тургенева, силы Бунина или гармоничной ясности Пушкина, передать содержание как «идею» произведения им сложно – слова расползаются ужами, уподобляя слабослышащим, если фразы не выучены заранее, и, как правило, это чужие фразы – то есть цитаты – укороченные, и на какую часть произведен «окорот» мысли, «поколению цифры» не важно – главное уложиться в формат. Но «окорот» цитат следует признать за «уценку» – чужого восприятия, что никогда не станет

ускользнувшим восприятием, что всегда ведет к пробуждению сознания, а значит, и «открытиям». Гильотен придумал способ мгновенной ампутации конечностей при отсутствии анестезии, не полагая, что за «конечность» вскоре будут принимать обычную голову – говорящую, жующую, думающую. Установка на «укорочение», возникшая с воцарением структуралистов в гуманитарных науках, развила и приучила способность числительное приводить к «знаменателю», умаляя качественные показатели предмета/явления, превознося количественные, что напрямую связали с «удовлетворением» и «удовольствием».

Мир подростка, формируемый субкультурой, что корнями уходит в архаику сказки, сохраняя определенные коды восприятия, потенциально приуготован к дальнейшему самостоятельному «движению вверх», но если такового не происходит – например, Бихевиор несет подростка под гильотину, но тот не замечает ножа, притаившегося крокодилом, или семейные драмы раскидают ключи восприятия, и слова звенят осколками смыслов – тогда на смену идут слова *иные,* что обесценят, усредняя, прежние и весомые, предлагая эмоционально заряженные – экспрессивные, хлёстские. Так действовал Герцен, воздействуя на студентов училищ и курсисток, стуча в свой «Колокол» в Англии, рассыпая массовые тиражи своих агитаций в России, формируя терракотовую армию народовольцев. Это была *цифровизация* Сознания, склонившего голову под натиском Риторики, по словам Бахтина, «дамы, лживой во всех отношениях», однако как эпизод «марсианского вторжения» она случается в цивилизации время от времени: словно наступая на одну и ту же цифру, что снесет голову, она повторяется в своих проявлениях, количеством подменяя качество, поскольку использует «метод Цезаря» – триада насилия, обмана и подлости, сочиняя коды к мифологиям, стремясь к клонированию ранее высказанного, закрывает дверь перед Образом Понятия, обнажая незрелость современного человека, окольцованного жгутом готовых мыслеформ, оставляя его перед *неведомым* и *сущим*, укороченным до нуля.

Список литературы

1. Диплом о высшем образовании. Надо ли подтверждать? // Агора. Эфир 23.01.2021 / Телеканал Культура. URL: https://www.youtube.com/watch?v=w6Xms6yHCwk&list=PL66DIGaegedoTZjKax2Fr17xho09ugY_Q&index=1

УДК: 114+291.13:165+159.6
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.25

ИСКУССТВЕННАЯ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ «НОВОЙ» ЛИЧНОСТИ К БОЖЕСТВУ

Петев Н. И.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир, Россия)
E-mail: cyanideemo@mail.ru

ARTIFICIAL INDIVIDUALIZATION IN THE DIGITAL SPACE: FROM THE “NEW” PERSONALITY TO THE DEITY

Petev N. I.

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Vladimir, Russia)
E-mail: cyanideemo@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу метаморфозов личности в цифровом пространстве. Задачей исследования является анализ генезиса индивидуальности и личностных трансформаций современного индивида под влиянием информационно-цифрового пространства, в том числе создание гиперболической «обожествлённой» личности. Основной вопрос данной работы состоит в том, какое влияние цифровое пространство оказывает на формирование индивидуальности и какова специфика новой индивидуальности. Кроме того, в работе отражена специфика процесса «обожествления» индивидуальности как особой формы самоопределения. Целью данного исследования является выявление специфики формирования новой личностности в современном мире, инициирование которой происходит в пределах цифрового пространства, что предполагает необходимость определить основы и основные элементы специфического мифотворчества, характерного для цифрового пространства, а также выявить основы процесса становления феномена цифрового «бога» как формы радикальной самоидентичности. В данной работе использованы диалектический, сравнительный, аналитический и этический методы анализа. Кроме того, применялись элементы религиоведческого и психологического подходов. Данный комплекс позволяет эффективно раскрыть вопрос формирования самоидентичности и аутентичности в рамках цифрового пространства, в частности в форме «божественности». В результате исследования автор пришёл к следующим выводам. Автономия цифрового пространства с его качественными характеристиками позволяет абстрагироваться от объективных факторов/реальности, создавая возможность для реструктуризации и формирования «новой» индивидуальности. Выявлены основные черты цифровой личности. Проанализирована особенность мифотворческого процесса,

связанная с метаморфозами личности. Выявлены особенности становления самоопределения «иного» (псевдосакрального) уровня.
Ключевые слова: *искусственная индивидуальность, цифровая личность, цифровое пространство, автономия, цифровые «боги», объективная реальность, индивидуальные «миры».*

Abstract. This work is devoted to the analysis of personality metamorphoses in the digital space. The aim of the research is to analyze the Genesis of personality and personal transformations of the modern individual under the influence of information and digital space, including the creation of a hyperbolic "deified" personality. The main question of this work is what influence digital space has on the formation of individuality, and what is the specifics of the new identity. In addition, the paper reflects the specifics of the process of "deification" of the individual as a special form of self-determination. The aim of this study is to identify the specifics of the new formation of his personality in the modern world, the initiation of which occurs within the digital space, which implies the need to define the framework and the basic elements of a specific myth-making characteristic of the digital space, and identify the fundamentals of process of formation of the phenomenon of digital "God" as a form of radical self-identity. This paper uses dialectical, comparative, analytical and ethical methods of analysis. In addition, elements of religious studies and psychological approaches were applied. This complex allows us to effectively solve the issue of forming self-identity and authenticity within the digital space, in particular in the form of "divinity". As a result of the research, the author came to the following conclusions. The autonomy of the digital space with its qualitative characteristics allows you to abstract from objective factors/reality, creating an opportunity for restructuring and forming a "new" identity. The main features of the digital personality are revealed. The feature of the myth-making process associated with personality metamorphoses is analyzed. Features of formation of self-determination of "other" (pseudo-sacral) level are revealed.
Keywords: *artificial individuality, digital personality, digital space, autonomy, digital "gods", objective reality, individual "worlds".*

Цифровое пространство – это искусственная автономная территория. Оно обладает своими индивидуальными темпоральными и локальными характеристиками, а также внутренними правилами, которые устанавливают и регламентируют специфику феноменов времени и пространства внутри цифровой реальности. Подобное положение вещей характерно для внутренней архитектоники игры [1, с. 46; 2, с. 34–35]. Благодаря специфике информационно-цифрового мира формируется благотворная почва для различных мифотворческих процессов, которые способны функционировать и влиять не только внутри этого пространства, но и эманировать вовне в форме объективных явлений.

Цифровое пространство представляет собой не только особую область личностной редукции и регрессии, где индивид способен «обнулиться», но также является истоком нового будущего его содержания. Это пространство благодаря своему более широкому диапазону возможностей по сравнению с объективным миром позволяет формировать совершенно новую личность, которая не имела бы возможности существования в материальном мире. Стоит подчеркнуть,

что цифровое пространство предполагает тенденцию к снижению психической, социальной, моральной и экзистенциальной нагрузки для индивида. Однако в процессе формирования «новой» личности реконструкция может иметь деструктивный характер, и в результате происходит развитие негативной сущности личности как формы искажения подлинной [3, с. 258].

Деэскалация экзистенциального напряжения, в том числе в процессе реструктуризации и оформления «новой» цифровой личности в рамках цифрового пространства, предполагает нивелирование различных негативных состояний, таких как страха (как некой возможности реализации [4, с. 59]) и отчаяния (т.е. желания избавиться от самого себя [5, с. 36]). Цифровое пространство снимает довлеющий ценз прошлого опыта, в том числе неудачные итоги попыток достижения желаемого как элемента самоопределения, и различных ограничений объективной реальности (психологического, социального, морального качества и т.д.). Кроме того, благодаря своим возможностям цифровое пространство трансформирует «возможное» в «наличествующее», хотя и в относительной, ограниченной форме, так как данный процесс реализуем только в рамках своей области/компетенции. Оно отождествляет потенциальное и реальное, подменяя второе первым. Прошлое вытесняется как рудимент, а будущее обретает форму настоящего, уже присутствующего, реализованного. Таким образом, исключая необходимость преодоления объективных ограничений и влияющих факторов, формирование «новой» личности происходит, исходя из желаемого, допустимого цифровым пространством, без объективной корреляции (социальной, моральной, экзистенциальной и т.д.).

Цифровое пространство представляет собой потенциально бесконечный процесс реструктуризации индивидуальности. Он предполагает постоянные метаморфозы и изменения. Это пространство, как и любой машинный тип, производит свой собственный мир, который не предполагает необходимости суверенного индивида [6, с. 288–290]. Цифровое пространство обладает идентичными качествами, так как в границах этого мира существует только то, что ему соответствует. Поэтому личность в этом пространстве оцифрована, то есть является его копией. Подобная цифровая индивидуальность не имеет ничего общего с личностной экзистенциальной самоидентичностью. Более того, индивидуальность, формируемая инструментами и стандартами цифрового пространства, – это маскировка унифицикации и серийности. Ф. Ницше отмечал, что всё глубокое любит маску [7, с. 67]. Цифровое пространство, как некая машинная система, предполагает производство/формирование стандартизированной и жёстко регламентированной личности, драпированное в форму становления уникальности и самости.

Х. Ортега-и-Гассет указывал, что дееспособностью является способность инструмента выполнять намеченные задачи и что нет лучшей похвалы чему-либо, чем требование его переделать, признать годным, нужным и способным к обновлению [8, с. 162]. Цифровое пространство формирует свой собственный прототип/эталон индивидуальности, который по своему внутреннему содержанию является репрезентацией и эманацией его внутреннего содержания. В подобном становлении личностности нужно подчеркнуть следующий парадокс: при всей совокупности различных возможностей и инструментов для формирования суверенного, автономного индивида, все тенденции сводятся лишь к узкому дублированию индивидуальностей, представляющих собой отражение пространства, в котором они находятся. При этом чем меньше в человеке самости и чем больше он подвержен влиянию извне, тем более он целесообразен для системы и тем более реализуемы его желания.

У цифровой личности есть отличительные особенности, раскрывающие характеристики производящей её системы. Первое, что необходимо отметить, – это то, что такой индивид создаёт относительно автономный собственный мир. Однако этот суверенный мир зависит от цифрового пространства, в котором он находится, и определяется им же. Этот индивидуальный мир отчуждён от объективного бытия и является желаемой и приоритетной альтернативой последнему. Более того, в сознании цифровой личности реальность индивидуального и объективного миров меняются местами. Происходит транспозиция: реальностью становится собственный мир/цифровое пространство, тогда как объективный и материальный мир становится релятивным, иллюзорным и рудиментарным. Такое положение вещей вызывает у индивида особое экстатическое состояние, так как формируется представление о собственных особенных креационистских функциях (вплоть до собственного обожествления) несмотря на то, что в действительности эти «миры» созданы цифровым пространством и им регламентированы.

Далее стоит отметить, что содержание индивидуального «мира» рассматривается как нечто совершенно личное, то есть пространство, сформированное индивидом только для себя. Однако подобная позиционированная сакральность связана с внутренней тенденцией всеобщей презентации этого тайного мира. Благодаря особой «нуминозной» эстетизации становится возможным синтетическое объединение сакральности и всеобщности. Также она позволяет скрыть отсутствие содержания в том, что актуализируется и позиционируется.

Цифровая личность по своим характеристикам подобна «кибернетической личности», имеющей ряд специфических черт, в том числе потребительский характер отношения к окружающему миру, эгоцентричность и склонность к стереотипным моделям поведения [9, с. 457–458]. Девальвация окружающей действительности и всего того, что

находится вне индивидуального мира, сопровождается категорическим подчинением правилам и требованиям цифрового пространства. Цифровая личность отличается фрагментарностью своего построения. Она строится лишь из тех частей (например, личного опыта), которые подходят для актуализации и функционирования самой цифровой личности, её собственного «мира», а также цифрового пространства, которое устанавливает определённый регламент формирования первых двух.

Кроме того, стоит отметить, что цифровая личность имеет гиперболическое зацикливание на феномене новаторства, а также гипертрофированное, деформированное, спекулятивное понятие нормальности. Первое не предполагает никакой инновации, плюрализма или индивидуальности и в действительности является лишь завуалированной тенденцией к взаимному копированию, подчинению массовости, и исключает любую самоидентичность с чем-либо, кроме элементов цифрового пространства. Нормальность цифровой личности позиционируется как конгломерат огромного диапазона взаимодействующих феноменов, но в действительности это понятие не предполагает никакого разнообразия и плюрализма, а лишь механическое воспроизводство и создание однородной структуры цифрового пространства, где главенствует одно содержание в бесчисленных формах проявления.

Независимость цифрового пространства от объективной реальности определённым образом влияет на самоопределение индивида, в том числе в процессе формирования «новой» личности. Это пространство в совокупности с концепцией исключительности и стремлением исключения экзистенциального одиночества порождает особое желание обладания иной формой существования, которое будет отлично от наличествующего у других. Подобные стремления, реализованные в цифровом пространстве, обладающем особенными качествами и характеристиками, формируют желание «стать Богом» (подобное стремление аналогично феномену каннибализма архаичных религиозных практик [10, с. 169, 173]). Специфика цифрового пространства позволяет индивиду обожествлять самого себя и свои качества. Это не просто желание сравниться с «Богом», а скорее, стремление занять его место. И как результат через приобретённую «божественность» получить освобождение от ограничений и оков объективной реальности.

Можно отметить, что у современного индивида отсутствует чёткий вектор развития. В своём становлении он становится предоставленным самому себе. Подобное положение вещей обеспечивает легитимность на любую форму становления, а также возможные результаты. Благотворная почва цифрового пространства позволяет не только сформировать подобное самоопределение, но и обеспечивает легитимность таких форм, возможность которых невозможна в объективной реальности.

Но такая «самость становления» является лишь энтелехиальной предпосылкой в мире материальном. Дело в том, что при столкновении с объективной реальностью для большинства этот принцип оборачивается крушением собственного мировоззрения. И как следствие возникает единственный выход – это следование необходимости. Цифровое пространство же, наоборот, способствует подобному становлению благодаря своим качествам. Более того, оно само стремится сделать это, дабы наложить свой отпечаток на индивида. Тем не менее, узурпируя индивидуальность и лишая суверенности каждого индивида, цифровое пространство позволяет сформировать желаемую самоидентичность, даже связанную с эфемерным обожествлением.

Подобные цифровые «боги», т.е. индивиды, которые обрели «божественность» благодаря информационно-цифровому миру, обладают определёнными качествами. Им присущи особые богоборческие настроения, выражающиеся как в форме активного, так и пассивного сопротивления и борьбы. Дело в том, что традиционные представления о Боге/богах становятся той концепцией, которая ставит личное, антропоцентричное «обожествление» под вопрос. Такое понятие, как Бог/боги, в форме выражения некоего явления, стоящего выше индивида (самого себя), отрицается как рудиментарное.

Далее стоит отметить, что статус «божественности» определяется обыденным сознанием на основе тех возможностей, которые наличествует у существ. Они должны быть выше, чем у обычных «смертных», а в идеале безграничны (должно возникать суррогатное чувство нуминозного, аналогичное чувству «иного» [11, с. 45–46]), хотя бы формально. Это в свою очередь предполагает инициирование феномена поклонения, подобному «богу», и наличие подданных (т.е. индивидов, превозносящих непосредственно самого индивида и/или его качества). Хотя, по сути, подобное восхищение базируется на эфемерном позиционировании, реальность и правдоподобность которого обеспечивает специфика цифрового пространства.

Но стоит также подчеркнуть, что становление цифрового «божества» инициировано часто внутренней, осознаваемой или неосознанной, ненавистью к себе (к собственной форме и качеству существования) или по причине чувства гнетущего ресентимента.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Цифровое пространство обладает автономией, поэтому влияние объективной реальности нивелируется. Это позволяет не только абстрагироваться от требований объективной реальности, но и нивелировать, трансформировать негативное влияние и собственное состояние индивида. Цифровое пространство обеспечивает процесс реструктуризации, а также создания совершенно «новой» личности, содержание которой может приобретать «божественный» характер. Хотя несомненно, что как

новообретённая индивидуальность, так и «божественность» являются лишь фикцией и иллюзией, вызывающей чувство удовольствия и комфорта, а также являются продуктами цифровой реальности, созданными в соответствии с ней. В рамках цифрового пространства формируется собственная искусственная мифология, обеспечивающая легитимность метаморфозов личности, а также внутренних процессов самого этого пространства, в том числе деформации и дисперсии изначальной самоидентичности.

Список литературы

1. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
2. Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
3. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1997. 382 с.
4. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. 224 с.
5. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2019. 160 с.
6. Дьяков А. В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности. СПб.: Владимир Даль, 2012. 592 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Культурная революция, 2018. 480 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018. 509 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 618 с.
10. Элиаде М. Тайные Общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.
11. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. 274 с.

УДК 130.2
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.26

ГОРОДСКОЙ ВАНДАЛИЗМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ

Симонова И. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: Luboe05@mail.ru

URBAN VANDALISM IN DIGITAL EPOCH: HEROES AND VILLAINS

Simonova I. A.

Ural State Pedagogical University (Yekatrinburg, Russia)
E-mail: Luboe05@mail.ru

Аннотация. Вандализм, привычное явление для большинства современных городов, получил новое измерение благодаря возможностям демонстрации и последующего обсуждения вандальных актов в сети. Для молодежи это дает возможности как популяризировать свои «работы», так и становиться специфически организованным субъектом оценки вандальных действий. Нередко вандальные практики получают широкую положительную оценку. В результате в цифровом пространстве устанавливаются новые социальные связи, где зрители, а также иные заинтересованные субъекты формируют фигуры злодеев и героев. Статья посвящена механизмам героизации и демонизации вандалов в цифровом пространстве. Представленные положения сформулированы на основании анализа наиболее интересных отечественных кейсов последних лет.
Ключевые слова: *вандализм, молодежь, городская среда, цифровая среда, герои, злодеи.*

Abstract. Vandalism, as usual phenomenon for most modern cities, has gained a new dimension thanks to the possibilities of demonstration and subsequent discussion of vandal acts on the network. For young people, this makes it possible to both popularize their “work” and become a specifically organized subject for the assessment of vandal actions. Often, vandal practices receive a wide positive assessment. As a result, new social connections are being established in the digital space, where viewers, as well as other interested actors, form the figures of vandal villains and heroes. The report is devoted to the mechanisms of heroization and demonization of vandals in the digital space. The presented provisions are formulated on the basis of the analysis of the most interesting domestic cases of recent years, a review of which is also expected in the framework of the presentation.
Keywords: *vandalism, youth, urban environment, digital environment, heroes, villains.*

Пространство современного города уже давно перестало рассматриваться как сугубо физическая локация: город предстает как

сложное сочетание социальных мест, наслаивающихся друг на друга, подвижных, изменчивых. Функции мест, возможности их использования, типичные практики могут изменяться, модифицироваться, могут противоречить друг другу. Гибким оказывается само понимание пространства горожанами: представления о том, как оно должно или не должно работать, что там можно, а что нельзя делать, кто и как должен себя вести, кто главный, а для кого существуют запреты – всё может измениться достаточно быстро. Процессы этих изменений протекают отнюдь не стихийно, есть логика изменений пространства, есть свои акторы, есть технологии инициации перемен. Важное значение для порядков функционирования городского пространства имеет виртуальная городская среда. Социальное пространство доорганизуется, координируется в Сети: облик города, его практики получают там дополнительные, иногда неожиданные смыслы и функции. Это обуславливает необходимость анализа современных средовых явлений в тесной связи с процессами, происходящими в Сети.

Вандализм, как типичное явление большинства современных городов, ярко отражает описанную тенденцию: традиционно рассматриваемое как стихийное деструктивное явление, сегодня, благодаря активному выходу в интернет-пространство, обнаруживает новые функции и меняет конфигурацию социального пространства города. Исследования показывают, что информация о вандализме сама по себе как способствует его осуждению, так способна и популяризировать вандальные преобразования в реальной городской среде. Более того, вандализм, обсуждаемый, получающий интерпретации, общественную оценку в Интернете способен акцентировать внимание людей на тех или иных проблемах, позитивно или разрушительно влиять на имидж организаций или публичных персон, менять общественное мнение. Данный текст посвящен обзору одного из аспектов публичной стороны вандализма – практикам демонизации и героизации в контексте освещения вандальных практик в интернет-среде. Вандализм будет пониматься нами здесь в качестве «формы воздействия субъекта на объекты городской среды (материальной, социальной, информационной и какой-либо иной), выражающейся в стремлении субъекта изменить актуальное ее состояние без соответствующих на это санкций со стороны другого субъекта, имеющего юридические права на эти объекты (ее собственника или управляющего)» [1, с. 229]. Психологи отмечают, что «Интернет делает следы вандализма весьма привлекательным контентом, который имеет высокий потенциал по производству эмоционального и вербального отклика в сети» [2, с. 89]. Исследователями О. В. Куржковой и И. В. Воробьевой описан механизм диффузии вандальной активности в различных средовых условиях (реальность–виртуальность–реальность): «Попадая в информационный контент одного из многочисленных

социальных сообществ (групп) в социальных сетях, репрезентации вандализма предполагают получение обратной связи (реакции) на их размещение. Подобной реакцией выступают просмотры, лайки/дизлайки, репосты, комментарии, блокирование контента <…> Фактически это приводит к скрытой популяризации следов вандализма, а в некоторых случаях через эффект групповой поляризации к формированию ярко категоричных реакций и их активной защите в отношении вандализма» [2, с. 90]. Исследователи отмечают, что некоторые практики, увиденные в сети, могут воспроизводиться потом и в реальности, вдохновлять на реальные действия. Можно говорить о том, что вандальный дискурс в сети порождает примеры для подражания, но может формировать и обратный эффект, высвечивать негативные образцы, формировать в сознании представления о носителях таких негативных черт. Очевидно одно: вандализм во всех его проявлениях не оставляет никого равнодушным, и позиция эта зачастую персонализируется – завязана на какой-либо фигуре.

Анализ сетевых активностей вокруг актов вандализма, проводимый нами в период 2015–2020 гг. (обзор новостей на федеральных и региональных сайтах; мониторинг ресурсов, посвященных практикам уличного искусства и смежным активностям, анализ динамики повреждений городской среды на примере г. Екатеринбурга, анализ тематической литературы), позволяет выделить две основных плоскости формирования героев и злодеев информационной эпохи: во-первых, это героизация и демонизация субъектов вандальной практики; во-вторых, героизация и демонизация публичных лиц с помощью вандальных практик и их освещения в Сети. Для нас наибольший интерес тут будет представлять первый вид. Далее рассмотрим его подробнее.

Героизация и демонизация субъектов вандальной практики всегда происходит именно благодаря появлению информации о последствиях вандальных актов в сети. Любопытно, что часто незаметные для большинства горожан повреждения, расположенные на заброшенных объектах, в отдаленных районах города, во дворах и пр. вообще не были бы замечены, если бы сами вандалы не выкладывали информацию об этом в Интернете. Это говорит о том, что сами субъекты вандальной активности ощущают в этом большой потенциал для роста собственной привлекательности (интересности, известности). Большим плюсом является также и возможность дать сделанному некоторые пояснения, задать дискурс понимания объекта, очертить некоторые смысловые контексты. При этом привлекательность объекта значительно возрастает, а с ней и сам субъект вандальной активности приобретает новые, иногда героические качества. Также следует отметить, что возможность разместить то, что было сделано в Сети, помогает снижать риски быть пойманным или замеченным при непосредственном выполнении без потери числа будущих зрителей. Фактически можно что-то сломать или

выполнить несогласованный рисунок в тихом месте, где не бывает прохожих и минимален риск наткнуться на правоохранителей [3], но увидят то, что было сделано, тысячи людей. Благодаря репостам фотоизображений быстро разойдутся по Сети, а наиболее выдающиеся попадут и в ленты новостей. Отметим также, что вокруг информации о вандализме в последние годы сложилась своего рода индустрия. Речь идет, прежде всего, о нелегальных графических объектах, появляющихся в городах регулярно. На сегодняшний день существует множество сообществ, регулярно освещающих новые работы, появляющиеся на улицах городов всего мира. Как правило, такие группы имеют большое количество подписчиков, регулярно видящих обновления, оставляющих комментарии, делающих репосты. В таких группах могут проходить голосования (лучшая работа, лучший художник или лучшая команда за определенный период), что также способствует формированию представлений о героях улиц. Однако далеко не только графический «талантливый» вандализм привлекает к себе внимание и может вызвать одобрение. Случается, что акты вандализма, лишенные эстетики, также привлекательны для аудитории, как и эстетически значимые образцы. Они собирают множество лайков. Так, например, в Сети большая дискуссия развернулась вокруг массового вандализма в отношении камер видео-фиксации нарушений ПДД, произошедших по всей России. Поскольку раздражение вокруг феномена камер растет, многие пользователи Сети позитивно отозвались о вандальных действиях, хвалили совершивших их людей, сочувствовали возможным проблемам, которые у них появятся теперь. Широко известен случай порчи автомобиля в Санкт-Петербурге (машина была приведена в негодность) в качестве мести за сбитую дворовую собаку. Несмотря на то, что почти сразу стало известно, что вандалы обознались, фотографии уже более 5 лет циркулируют в Сети и каждый раз встречают массовую поддержку у пользователей, которые высказывают слова поддержки подобным практикам. Любопытный случай произошел и с одним из сетевых магазинов Санкт-Петербурга, где фасад был изуродован после того, как на кассе пожилую женщину ошибочно обвинили в воровстве, после чего она от переживаний скончалась. Подобные случаи позволяют обнаружить массовые настроения поддержки вандалов, подчеркивается, что они становятся голосом общественности, акцент делается на таких героических качествах, как смелость, бескомпромиссность, готовность реально действовать, защищать слабых, добиваться справедливости.

Эстетически наполненные объекты обеспечивают еще более лояльное отношение к авторам, а также позволяют говорить о произошедшем не как о вандализме, но как об акте художественного творчества, что еще больше героизирует человека, самовольно вносящего изменения в городское пространство. В Екатеринбурге этим летом у

Храма-на-Крови появилась работа уличного художника Славы ПТРК, посвященная богатству патриарха Кирилла, где тот изображен в виде утки – миллиардера Скруджа Макдака, купающегося в своем золотом хранилище. Как художник написал на своей странице в соцсети Facebook, это новая версия рисунков, выполненных десять лет назад на этом же месте, когда он был изображен в виде свиньи-копилки. Пользователи высоко оценили задумку, репосты разнесли изображение по разным социальным сетям, размещали данное изображение у себя на страницах. В адрес художника звучали поздравления, а также были высказывания в духе «Горжусь своим городом».

Если такой человек страдает от рук правоохранителей, то он воспринимается как «герой в изгнании», «герой, борящийся с трудностями», а значит, получает больше внимания и поддержки. Так, в Самаре проект «Аннигиляция», созданный художником, работающим под ником «Арт Абстрактов», в том числе посвящен проблеме гонений в отношении уличных художников. Проект получил массовую поддержку пользователей Сети.

Обсуждение акта вандализма в Сети может не только создавать имидж героя, но и вызывать обратный эффект. Например, в конце сентября 2020 г. произошел резонансный случай вандализма в отношении мемориала ВОВ – Вечного огня в г. Киров, где для съемок видео для Тик Тока подростки использовали данную локацию. В Сети появились демотиваторы, где девушки сравниваются с «мерзкими тварями» – тараканами, крысами, их действия жестко осуждаются, вокруг инцидента развернулась дискуссия, пользователи пишут: «Найти и на колени их там поставить на сутки» [4].

Таким образом, можно выделить совокупность факторов, определяющих, будет ли героизирован или демонизирован человек, совершающий акт с признаками вандализма: 1) тип ресурса, на котором появилось сообщение. Так, например, реакция будет разной при размещении объекта на разных площадках. Разная аудитория, разный охват (город или вся страна), выбор контента (качество съемки, ракурсы и пр.), комментарии модератора (эмоциональная окраска, наличие юмора), официальные пояснения; 2) соотнесенность объекта с культурным, социальным, политическим контекстом – если вандальный акт читается аудиторией как высказывание, как ответ на актуальные проблемы, несправедливость, то вероятность героизации повысится; 3) художественная, эстетическая составляющая (красивое осуждается меньше); 4) качество дискуссии, которая развернется вокруг объекта (массовая поддержка объекта пользователями Сети в виде лайков и комментариев, поддержка лидеров мнений).

Отметим, что и герой, и злодей часто остаются неузнанными, поскольку даже опытные художники часто скрывают свою личность,

эпизодические вандалы также стремятся скрыть свое лицо. По большому счету, они привыкают к тому, что ведут двойную жизнь, тайную от коллег и даже от близких. Это говорит о субъективной значимости происходящего. Вместе с тем сохраняет важность и оценивающий субъект. Позитивные отклики мотивируют к созданию таких объектов: зритель как заказчик управляет вандалом, создавая определенный спрос, а субъект, меняющий среду, знает, что это будут оценивать в Сети. Зритель благодаря возможности обсудить публично, увидеть аргументы, высказать мнение, тоже развивается как субъект. Возможно, вандализм, циркулирующий в Сети, – это платформа для формирования активного «горожанства», которого так недостает сегодня многим городам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Список литературы

1. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю. Социально-средовые и индивидуально-субъектные функции вандализма в городской среде // Социальная и экономическая психология. Ч. 2: Новые научные направления / отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М: Институт психологии РАН, 2018. С. 229–235.
2. Кружкова О. В., Воробьева И. В. Репрезентация и диффузия вандальной активности: из реальности в интернет и обратно // Молодежь в меняющемся мире: траектории самоопределения в глобальной современности: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. Л. А. Беляева, отв. ред. Н. А. Симбирцева. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 87–93.
3. Миронов А. «Tik Tok головного мозга»: кировчанки снимали видео для соцсетей на мемориале у Вечного огня [Электронный ресурс] // Progorod43.ru. 22.09.2020. URL: https://progorod43.ru/news/74711(дата обращения: 22.09.2020).
4. Кузовенкова Ю. А. Виртуализация граффити и стрит-арта [Электронный ресурс] // Культура и искусство. 2018. № 12. С. 77–89. doi: 10.7256/2454-0625.2018.12.27917.

УДК 130.2:32
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.27

РОЛЬ МИФА В ФОРМИРОВАНИИ СЦЕНАРИЕВ И ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе
(Севастополь, Россия)
E-mail: stavis@rambler.ru

THE ROLE OF MYTH IN FORMING SCENARIOS AND IMAGES OF THE FUTURE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF STRATEGIC CHALLENGES AND GLOBAL THREATS

Stavitskiy A. V.

Branch of Moscow State University in the city of Sevastopol (Sevastopol, Russia)
E-mail: stavis@rambler.ru

Аннотация. Статья рассматривает и раскрывает роль мифа в современном цифровом обществе с учетом результатов исследований ведущих мифологов. Они показывают, что миф играет в жизни человека и общества огромную роль, поскольку наполняют жизнь человека смыслом. Исходя из этого, можно утверждать, что в цифровом обществе миф становится механизмом решения проблем, фактором политики и мощнейшим оружием в сфере управления сознанием. Одним из ключевых направлений использования мифа является сфера формирования сценариев и образов будущего в контексте стратегических вызовов и глобальных угроз, которые могут привести к гибели человечества и ставят человека перед необходимостью смены парадигмы цивилизационного развития.
Ключевые слова: *миф, современный миф, роль мифа в обществе, миф как инструмент политики, стратегические вызовы и глобальные угрозы.*

Abstract. The article examines and reveals the role of myth in modern digital society, taking into account the research results of leading mythologists. They show that myth plays a huge role in the life of a person and society, since they fill a person's life with meaning. Based on this, it can be argued that in a digital society, myth becomes a problem-solving mechanism, a political factor and a powerful weapon in the field of mind control. One of the key directions of using the myth is the sphere of the formation of scenarios and images of the future in the context of strategic challenges and global threats that can lead to the death of mankind and to put a person before the need to change the paradigm of civilizational development.
Keywords: *myth, modern myth, the role of myth in society, myth as an instrument of politics, strategic challenges and global threats.*

Известно, что будущее неизбежно, но каким оно будет – вопрос открыт. Чем неопределённее настоящее, тем больше потребность в знании будущего, на которое можно равняться, чтобы не потерять ориентиры. И сейчас именно такое время. Современные эксперты пишут о войне всех против всех, бифуркации, турбулентности и хаосе происходящих процессов, когда главные правила, на которых строился ранее мир, нарушены, а опыт прошлого не помогает. Но для понимания настоящего этого мало, т.к. на данном этапе своего развития человечество переживает череду имеющих системный характер кризисов, которые, наслаиваясь друг на друга и складываясь, через энергии разрушения могут обрести кумулятивный эффект.

Ещё в 2006 году выдающийся российский учёный А. И. Уткин писал, что «предстоящей борьбе противником Америки будет не традиционный военно-политический антагонист, а иное видение места на планете человека и Бога. Исход грядущей битвы будет прежде всего зависеть от деятельности образовательных систем, от ориентации масс-медиа, от преобладающего общественного мнения, от мировосприятия молодого поколения нашего мира, от доминирующей культуры и фактора решимости ее защищать. При определенном культурном повороте Запада может оказаться не в состоянии выдвинуть политических деятелей, способных на выработку стратегии, а не суммы рефлекторных действий» [1, с. 201]. Однако за прошедшие годы ситуация значительно ухудшилась. И в ближайшее время мы увидим завершение эры либерализма, конец индустриальной эпохи и глобальной гегемонии Запада, а также крах общества безграничного потребления и долларового мира, сопровождающиеся своими «перестройками» и обретающим характер реколонизации великим переселением народов, живущим по законам демографии войны, исторических обид и пандемии [2].

В прошлом любой из подобных кризисов мог легко привести к глобальным войнам, революциям, падению империй и исчезновению цивилизаций. Но что может произойти с человечеством, если они сложатся в один процесс? А ведь ещё следует учесть негативные последствия техногенной цивилизации, которые поставили под вопрос существование человека как вида, и переход к шестому техноукладу (4-я промышленная революция), поставивший на повестку дня вопрос создания «постчеловека» с иными нравственными и технологическими возможностями [3]. И если помнить, что старое не уходит без борьбы, картина будет достаточно красноречивой, чтобы понять, что этих перемен человечество может и не пережить. Ведь кризисы, о которых идёт речь, имеют не структурный, а системный характер, т.е. не приведут через кризис и обострение противоречий к улучшению того, что есть, но потребуют принципиально иного качества технологий, идей и людей, к которому мир может оказаться не готов.

Впрочем, развитие человечества всегда происходит через преодоление кризисов. И в истории побеждают те, кто оказывается более других к этому готовы. Однако будущее не ждёт. Критическая масса комплексно оформленных проблем уже проявилась. Вызовы развития обрели системный характер. Факторы непреодолимой силы нарастают, вынуждая правящие элиты идти в фарватере перемен, руководствуясь лишь ситуативными целями, ибо их видение и возможность принятия решений ограничено той системой, которая привела мир к кризису и нравственному упадку. А ей в будущем места нет. Ресурсорасхитительный характер развития себя исчерпал во всём мире. Но возможности изменить ситуацию пока нет. Культурная состоятельность людей и народов под вопросом. И вследствие этого мы наблюдаем исчерпание природных ресурсов, происходящее на фоне резкого роста их потребления за счёт развивающихся стран. Если мир не изменится, всех ожидает коллапс нынешней «присваивающей» экономики с резким ухудшением качества жизни и сокращением численности населения планеты, которое в грядущем техноукладе может оказаться попросту лишним.

Как видим, наблюдаемые факторы отражают экзистенциальный, эсхатологический и даже апокалиптический характер и масштаб надвигающихся перемен. В известном смысле «ящик Пандоры» новейшего времени уже открыт. Избежать будущего не удастся. Внедрение новых технологий лишь ускоряет процесс. Точка невозврата пройдена. Глобальная конкуренция резко обостряется и возрастает. Риски обрушения в большую войну увеличиваются. В новых условиях глобальной конкуренции оружием становится всё – от мигрантов, Интернета и наркотиков до болезней, еды, истории и идей. И оно может быть как использовано нам на пользу, так и обращено против нас. Старые правила отношений уже не действуют. Новых ещё нет. Времени на принятие судьбоносных решений всё меньше, а право на ошибку сведено к нулю. Но каким будет это будущее, во многом зависит от нас, т.к. с нами будет то, что мы есть.

Только через преодоление глобального кризиса мир обретёт новое лицо. А как показывают модели мировой динамики, у человечества есть на качественные позитивные изменения в лучшем случае 15–20 лет. Справится ли человек с теми возможностями, которые перед ним открывает история, выведя своё развитие на принципиально новый уровень, или эти возможности станут для человечества приговором? Пока не ясно.

Однако будущее предопределено алгоритмом и внутренней логикой перемен [4]. Мы можем их не видеть и не понимать, но они от этого не сильно зависят. Если не изменить траектории движения, то неизбежно попадёшь туда, куда направляешься. Если историческая траектория развития человечества сохранится, у него будущего не будет. Чтобы

изменить будущее, надо поменять сознание людей, ибо предопределённость связана со смысловым предназначением. Целеполагающий смысл будущего формирует его образ, т.к. любое, даже самое субъективное действие, требует информационно-алгоритмического обеспечения.

Известно, что цель определяют средства. Поэтому нарастание хаоса в политике и умах, которое проявляется в уходе от обсуждения главных проблем, требует повышенного внимания к иерархии фактов, процессов и значимостей, включая структуру общественной (национальной) безопасности. Эта структура приоритетов вынуждает рассматривать сложившуюся исторически в стране культуру и связанную с ней духовную традицию как главное достояние общества и её высший приоритет с соответствующим отношением к ней по принципу «кто не кормит свою культуру, тот кормит чужую». А поскольку за содержательную сторону культуры отвечает мифология [5], стоит по-новому взглянуть на миф в структуре ценностных смыслов России, где он выступает как инструмент политики и фактор национальной безопасности, отвечающий за поле ценностных смыслов общества [6] и обеспечивающий захват будущего через его концептуально оформленную разведку.

Исходя из этого, концептуальный (мировоззренческий) и матричный контуры управления вынуждают по-особому взглянуть на роль мифа в обществе, рассматривая его как оружие, против которого бессильна любая военная мощь, потому что с идеями и мифами армии воевать не могут, что и было в своё время подтверждено развалом СССР [7]. Так миф, выступая инструментом национальной и цивилизационной идентификации, отвечающим на вопросы «Кто мы? Откуда? Куда идём?», уже превратился из научной проблемы в механизм решения проблем [8]. А это значит, что если раньше мифами войны начинались и заканчивались, то в условиях приоритета войн знаний и культур, онтологий и ментальностей, с помощью мифов будут побеждать. Стоит ли сей факт игнорировать?

Согласно данному положению, мало выдвинуть идеи и сконструировать новый глобальный проект, рассчитав его под имеющиеся ресурсы. Нужно ещё наполнить его живительной силой мифа, без которого образ будущего не овладеет сознанием людей, т.к. только миф может вдохновить и смотивировать людей, обладая свойством внушения [5]. И если миф выступает матрицей и смысловым полем культуры, носителем жизненно важного для социума смысла [6], мифотворчество становится инструментом матричного управления, где межцивилизационное взаимодействие вне мифов и мифотворчества оказывается невозможным [5].

Это значит, что на новом витке мировой истории лидирующие позиции займут те страны, чьи идеи и образы будущего будут наиболее привлекательными для других [7]. И подобно тому, как несколько веков назад Европе удалось навязать миру свой дискурс, свои идеи и свою мифологию, что и предопределило во многом её глобальное лидерство на

столетия [9], вероятным архитекторам нового миропорядка предстоит создать, обосновать и попытаться реализовать такие идеи и мифологии, под знаком которых мир захочет жить в будущем.

У России есть право на свою историю и свой проект, а сейчас право стало необходимостью. Но перехода от тактического мышления к стратегическому в обществе не произошло. Поэтому РФ до сих пор не имеет ни большого проекта как образа желаемого жизнеустройства по решению долговременных задач с учётом ресурсов, интересов и ценностей, ни своей общепризнанной стратегии. Но если общие ценности не учтены, национальные интересы не поняты, а исторический выбор не сделан, о какой стратегии может идти речь? Никакой ветер не будет попутным для тех, кто не знает, куда плыть. Любое развитие строится на определённых принципах, от которых зависит достижение цели. Но если они не определены и не озвучены, движения в нужном направлении не будет, а его заменит тотальная имитация. Так закреплённый в российской конституции запрет на свою идеологию, как пережиток поражения России в холодной войне, становится стратегической ловушкой, не позволяя элите и обществу объединиться вокруг общих ценностно означенных смыслов, без которых ни понять, ни принять интересы не получится. В результате отсутствие собственной идеологии не позволяет нам обрести образ будущего России как цивилизации, а оно в свою очередь мстит, лишая общество главной духовной мотивации и делая будущее неопределённым. Ведь попытка уйти от обсуждения проблем их только усугубляет, а за игнорирование прошлого общество неизбежно расплачивается своим будущим. И мы уже начали платить. Исторический прогноз как одна из сверхзадач современной науки имеет смысл, когда проблемы осмысленны, цели ясны, а задачи поставлены. И хотя сложная иерархия глобального управления предусматривает аналогичную иерархию целей и методов, где нижние уровни могут даже не догадываться, как их направляют и ведут, оценка коридора возможностей страны через моделирование альтернативных сценариев развития России на основе расчёта связанных с каждым вариантом ресурсов, рисков и угроз позволяет сделать правильный исторический и стратегический прогноз.

Огромную роль в данном вопросе играет культура. Не случайно, согласно К. Леви-Стросу, «21-й век будет веком социальных наук, или его не будет» («le XXI-e siècle sera le siècle des sciences sociales, ou ne sera pas») [10]. Типология культуры, если под ней понимать информационно-алгоритмическую систему, включающую в себя всё созданное человечеством, строится на нескольких признаках. В основе их – отношение культуры к творческому потенциалу личности, который воспринимается как достояние всех, т.к. каждый человек должен быть творцом общественного развития. При этом проблема в том, как реализовать творческий потенциал человечества в соответствии с высшей духовностью, опираясь на диктатуру

совести. А для этого нужна подчинённая целеполаганию воля людей, элиты, общества, государства. Ведь в глобальной конкуренции ближайшего будущего всё решат люди, идеи и технологии. Однако с учётом того, что идеи и технологии создаются людьми, а ускорение перемен лишает смысла копировать устаревшее, именно обращённый на благо обществу творческий потенциал каждого будет иметь решающее значение, вынуждая от повышения количества людей переходить к повышению их качества.

В свете этого нам предстоит преодолеть сложившуюся в образовании склонность и мотивацию сводить образование к обучению актуальным компетенциям (навыкам), чтобы учитывать не только интересы, но и ценности, перейдя от конкретных ситуативно очерченных задач к концептуальному пониманию и видению того, как будущее проступает и утверждается в настоящем.

Для этого необходимо:

– создавать в стране атмосферу свободного творческого интеллектуального поиска с незаданным заранее результатом;

– активно вовлекать интеллектуалов в разработку новой повестки дня России;

– формировать новые механизмы реальной независимой от власти интеллектуальной экспертизы разрабатываемых общественно значимых проектов в области науки, образования, экономической стратегии и развития государства.

К сожалению, сейчас социально-философский дискурс фактически вытеснен из информационного пространства культуры. Однако если философия в обществе не востребована, как, скажем, столетие назад, теряет не столько философия, сколько само общество. Но у российского общества есть всё необходимое, чтобы выйти из состояния культурной агонии и интеллектуальной комы. И, независимо от желания государства, общество само рождает новые интеллектуальные проекты, одновременно проводя их первичную экспертизу. Их надо увидеть, рассмотреть, ввести в научный дискурс, сделать востребованными. И это важно. Ведь в рамках обострения глобальной конкуренции происходит смена соотношения сил между ведущими цивилизациями мира, где культура Востока оказывается отчасти противопоставленной технологиям Запада, что ведёт к новому витку войны знаний, онтологий, матриц, ментальностей, обеспечивая быстро растущий интерес к философии цивилизационного прорыва, которая особенно активно формируется и нарабатывается в зонах геополитического и цивилизационного фронтира. И только Россия в состоянии их примирить, создав достойную будущего мифологию, воплощённую в новом глобальном проекте, открывающем реальные перспективы для мира людей.

Список литературы

1. Уткин А. И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 640 с.
2. Ставицкий А. В., Ставицкий В. В. COVID-19 и мир: мифологический аспект // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / под ред. А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 545–560.
3. Ставицкий А. В. Мир и США в условиях нарастающего хаоса: Капитализм не имеет будущего. А человечество? // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / под ред. А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 536–544.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. 784 с.
5. Ставицкий А. В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
6. Ставицкий А. В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
7. Фурсов А. И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М.: Книжный мир, 2020. 784 с.
8. Ставицкий А. В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэст, 2013. 148 с.
9. Матвейчев О., Беляков А. Троянский конь западной истории. СПб.: Питер, 2014. 224 с.: ил.
10. Bernd C. H. Women's Changing Ceremonies in Northern Australia. Paris: Hermann, 1950. 84 p.

МЕДИАКОММУНИКАЦИЯ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 141:379
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.28

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ

Бейлин М. В.*, Желтобородов А. Н.

Харьковская государственная академия физической культуры (Харьков, Украина)
**E-mail: mysh_07@mail.ru*

SOCIOHUMANITICAL CONSEQUENCES OF MEDIATECHNOLOGIES

Beilin M. V.*, Zheltoborodov A. N.

Kharkiv State Academy of Physical Culture (Kharkiv, Ukraine)
**E-mail: mysh_07@mail.ru*

Аннотация. Обосновывается актуальность осмысления феномена медиа и их влияния на различные социокультурные практики и значимость этого осмысления для проведения исследований в различных сферах общественной жизни. Утверждается, что значимость медиафилософского дискурса объясняется медиальным поворотом в социогуманитарных и прикладных исследованиях и не ограничивается отдельными дискурсами, которые тематизировали предмет и методологию своего исследования в связи с осознанием гносеологической и онтологической роли медиа. Отмечается, что ряд научных отраслей и социальных институтов ещё находится в состоянии осознания и адаптации к последствиям медиального поворота, а развитие современных цифровых медиа приводит к интенсификации указанных процессов, их ориентации на современную медиальность и может быть охарактеризовано как медиальный поворот.
Ключевые слова: *медиареальность, цифровые технологии, медиафилософская рефлексия, медиакогнитивные практики, медиатизация жизни.*

Abstract. The relevance of understanding the phenomenon of media and the effects of the influence of media on various sociocultural practices and the importance of understanding for research in various fields of public life is substantiated. It is argued that the significance of the media philosophical discourse is explained by a medial turn in socio-humanitarian and applied research and is not limited to individual discourses that themed the subject and methodology of their research in connection with the awareness of the epistemological and ontological role of media. It is noted that a number of scientific branches and social

institutions are still in a state of awareness and adaptation to the consequences of a medial turn, and the development of modern digital media leads to an intensification of these processes, their orientation toward modern mediality and can be described as a medial turn.
Keywords: *media reality, digital technologies, media philosophical reflection, media cognitive practices, mediatization of life.*

Введение. В XXI веке когнитивная практика, касающаяся рефлексии феномена «медиа», институализируется в особую отрасль философии, называемую неологизмом «медиафилософия». Охватывающий множество различных видов «медиа» (речь, письменность, печатная культура, электронная пресса и т.п.), этот феномен сегодня осмыслен далеко не с исчерпывающей полнотой. Об этом свидетельствуют острые дискуссии о социокультурном функционале «медиа», его многоплановом воздействии на весь комплекс биопсихосоциальных способностей человека, роли «медиа» в многовековом процессе развития человека не только как главной производительной силы общества, но и как субъекта всех неэкономических социогуманитарных практик. Современный переход от эпохи «медиаслова» к эпохе «медиацифры» оценивается как грандиозная социально-технологическая революция, порождающая амбивалентные последствия для грядущей судьбы глобальной социоприродной среды обитания человека [1]. Сложный комплекс проблем, касающихся экзистенциального положения человека в новой глобальной медиакоммуникационной среде, порождается революцией, которая разворачивается за счёт одновременного развития нано-, био-, генно-, нейро- и компьютерно-сетевых технологий и вполне закономерно смещается сейчас в эпицентр проблемного поля социально-гуманитарного знания современности. Радикальность технологических новаций требует существенной радикальной трансформации философского инструментария, формирования новых методологических подходов, интердисциплинарной коммуникации. Медиатехнологическая парадигма современного состояния цивилизации основана на медиазависимости.

Постановка задачи исследования. Выяснить, для достижения каких социально-гуманитарных задач можно использовать медиа, и определить корреляцию между изменениями человеческого бытия и становлением медиареальности как эпифеномена цифровых технологий в медиафилософском дискурсе.

Цель исследования. Определить влияние современных медиа на глобальную социально-природную среду обитания человека в медиареальности.

Методы исследования. Междисциплинарный подход позволяет комплексно проанализировать социально-гуманитарный функционал медиа с привлечением научных разработок в области философии, социологии, психологии, кибернетики, информатики и инженерии. Проблема формирования новой медиареальности представлена

«глобальной деревней» (М. Маклюэн). Проблема обоснования легитимности медиафилософии нашла своё основательное комплексное решение в ответах на вопрос «Что такое медиафилософия?» Л. Визинга. Аспекты медиального поворота и понятийные проблемы, возникшие вследствие использования и распространения электронных и цифровых медиа, исследует С. Мюнкер. «Медиально-компетентные» науки, особенно прикладные инженерные науки, формируют ряд обобщений и концепций мировоззренческого и методологического характера (искусственный интеллект, постчеловек и т.д.), осмысливаемых в философии со значительным опозданием. Таким образом, подтверждается тот факт, что без формирования философского понимания медиа философия не способна осмысливать современность и обречена множество раз возвращаться к старым методологическим проблемам.

Взаимодействие человека с современными медиатехнологиями привело к размытости субъектно-объектного разделения в современной медиареальности. История медиафилософской мысли как попытка философской рефлексии медиа, по мнению В. Савчука, стала бы одновременно историей всей философии, поскольку медиафилософия как способ философствования тесно связана с мировоззренческим, историческим и общественным контекстом [2, с. 72–75]. Вместе с тем, как отмечает Ф. Хартманн, философия долгое время игнорировала социогуманитарный потенциал медиа даже после начала технологической революции [3].

Электронные медиа, начиная с эры телеграфа, представлены сложными системами и устройствами, всё более проникающими во все сферы человеческого бытия [4]. Можно с уверенностью констатировать, что мир, в котором живёт современный человек, формируется в результате перерождения индустриального общества в цифровой медиамир. Медиафилософский подход предусматривает учёт принципов функционирования медиатора, поскольку технологическая реализация его работы определяет границы и потенциальные способы его влияния на социоприродную среду [5].

Концепт «медиафилософия» впервые появляется в книге Р. Фитца «Медиафилософия. Музыка, язык и письмо Ф. Ницше». В определении музыки как «медиума, непрерывно продолжающегося наряду с языком и письмом» [6], представляется подход к роли медиа как универсального посредника, социогуманитарные функции которого подвергаются рефлексии в генезисе медиафилософской мысли. Д. Мерш, видя в искусстве «мотор медиарефлексии», считает, что медиафилософское мнение формируется в проблемном поле искусства [7].

Несмотря на то, что медиафилософская проблематика прослеживается во всех отраслях социогуманитарного знания, остаётся открытым вопрос о пределах проблемного поля медиафилософии [8].

Концепт медиа стирает чёткую границу между философией и другими дисциплинами. Подтверждением интеграции различных научных подходов в медиафилософском дискурсе является развитие тенденции к образованию интердисциплинарной медиафилософской перспективы.

По мнению С. Мюнкера, именно в тот самый момент, когда весь наш жизненный мир характеризуется взаимодействием с так называемым Новым: с электронными и цифровыми медиа, – такая научная дисциплина, как медиафилософия, оправдана и необходима, и дело медиафилософии – это рефлексия понятийных проблем, возникающих в результате обработки и использования электронных и цифровых медиа [9]. Здесь отражена позиция, согласно которой медиафилософия претендует на свою легитимацию в связи с распространением современных медиа. Относительно возрастания социогуманитарной роли современных медиа С. Мюнкер утверждает, что весь жизненный мир современного человека характеризуется связанностью с электронными и цифровыми медиа, а такая научная дисциплина, как медиафилософия, становится необходимой [10]. Вместе с тем, по мнению С. Мюнкера, философская мысль проходит проверку путём саморефлексии [11]. Таким образом, медиафилософская проблематика возникает с появлением современных медиа, а возникновение медиафилософии рассматривается как реакция социогуманитаристики на трансформацию жизненного мира.

Вторая позиция, по мнению Л. Визинга, представляет медиафилософию как работу с понятием медиа [9]. Имеется в виду, что поскольку философия является работой с понятийным аппаратом, то и медиафилософия является работой с понятием медиа, а медиафилософский дискурс возникает с момента первых размышлений о понятии медиа [12]. Представители этого подхода говорят о значимости понятия медиа, но не определяют рост их социогуманитарного потенциала как следствие развития медиатехнологий. Так, определяется, что несмотря на временной контекст, они выполняют те же самые функции посредника. Таким образом, медиафилософия, по мнению представителей данного подхода, претендует на самостоятельность в формировании философского дискурса относительно понятий медиа и связанных с ними концептов. Фокусирование на поиске универсальной модели медиа приводит к тому, что вне поля зрения остается специфика современных медиа, и это несмотря на то, что современные медиа существенно отличаются от медиа предыдущих эпох, поскольку характеризуются способностью к быстрому и тотальному проникновению во все сферы человеческой жизни, большей активностью и автономностью [13].

Медиафилософию можно рассматривать и как рефлексию над последствиями медиального поворота [9]. С. Кремер определяет по медиа характер универсального посредника, конституирующего наше восприятие, познание и коммуникацию [14]. Акцент на универсальности

медиа, по мнению М. Фогеля, важен для формирования понимания медиа как сложного социокультурного феномена и свидетельствует о том, что представители данного подхода задают консервативный вектор развития медиафилософии [15]. Определение теоретиками медиа роли медиафилософии как пути развития философской рефлексии, по мнению М. Зэля, усиливает перечисленные позиции представителей указанного подхода [16]. Несомненно, медиафилософский дискурс выступает в качестве ведущего при осмыслении последствий медиального поворота. Однако медиальный поворот как некий обобщённый концепт осознания проникновения медиатехнологий во все сферы общественной жизни должен включать постоянную быструю трансформацию как самих современных медиа, так и последствий их влияния на жизнь человека.

Задача медиафилософии, как утверждает С. Мюнкер, заключается в рефлексии использования и распространения электронных и цифровых медиа [10]. Такой подход к уточнению предмета разграничивает медиафилософию и другие попытки теоретического осмысления феномена медиа в вопросе формирования специфической методологии исследования, обусловленной качественно новыми свойствами новых медиа. Вместе с тем медиафилософия как отрасль социогуманитарного знания должна применять также и те методы, которые используются в других науках. Объясняется это поливалентными свойствами медиа, которые проявляются в различных сферах общественной жизни. Выявление различий и агонистических подходов к осмыслению медиа не отрицает, а наоборот – поощряет тесное взаимодействие медиафилософии с другими отраслями науки, исследующими медиа. Для понимания природы медиа, для комплексной оценки их социогуманитарного потенциала необходимо оперировать комплексной системой знаний о медиа в различных областях науки [17]. При анализе СМИ должны учитываться также особенности их функционирования и использования. Поэтому медиафилософия не может не взаимодействовать с другими дисциплинами, ведь функционал медиа распространяется на различные области социальной жизни. Вместе с тем для медиафилософии нужно не только социогуманитарное, но и инженерное знание. Медиафилософия, как и любая другая философская дисциплина, невозможна без обмена актуальными данными и методологическим опытом с родственными ей отраслями знания, что прослеживается в её тяготении к интердисциплинарности. Любое осмысленное изучение феномена медиа уже междисциплинарно, поскольку медиа повсюду окружают человека и проникают во все области антропологической деятельности [18].

Вездесущесть медиа и их универсальность в роли посредника рассматриваются в концепте медиального поворота. Так, отстаивая идею медиального поворота, С. Мюнкер высказывает идею о формировании нового типа философии, связанного с перенятием медиа тех функций

универсального, которые имела речь в рамках лингвистического и иконического поворотов. Так, он говорит о том, что «проблемы философии могут переформулироваться как проблемы медиа, а философия, которая занималась бы ими, становится медиафилософией» [10]. «Генетическая» преемственность методологических установок медиафилософии свидетельствует об эволюционном характере рефлексии над медиа в развитии философского дискурса. Вместе с тем появление новых цифровых медиа приводит к изменению характера опосредования взаимодействия, который проявляется в том, что современные медиа ускорили процесс общей оцифровки трансляции социокультурных практик. Медиафилософский подход развивается и обогащается благодаря участию в различных направлениях философского дискурса. Так, в частности, о применении структуралистских подходов и деконструкции в медиафилософском дискурсе высказывается Г. Толен: «Противопоставление фигуры и содержания, антропологического и инструментального значения устанавливает диспозиции. Современной медиафилософией не деконструируется действующая метафорика телесного и инструментального» [19, с. 132].

Медиафилософский подход предполагает анализ концепта традиционной реальности, которая трансформировалась в медиареальность как следствие эволюции медиатехнологий. Трансформация современной реальности прослеживается в том, как современные медиа меняют мир, человечество, представления о будущем, понимание прошлого, а также того, что есть бытие и реальность. Современные медиа всё более активно включаются во все аспекты человеческой реальности, зачастую приводя к доминированию медийного над реальным, при этом традиционных подходов философской рефлексии для осмысления указанного круга проблем недостаточно [20].

Развитие медиафилософского подхода как самостоятельного философского дискурса предполагает формирование специфической методологии и инструментария, позволяющих объяснить такие базовые концепты медиафилософии, как медиа и медиареальность. Медиафилософский подход должен учитывать присутствие медиа в самом инструменте исследования, так как «философия языка не может выявить сам язык, а философия медиа не может обнаружить медиа» [21]. Кроме того, если кристаллизовать медиафилософский участок знаний как самостоятельную дисциплину, то закономерно возникает вопрос о собственных медиафилософских методах, обусловленных спецификой решаемых ею задач. Свою актуальность методы медиафилософии доказывают тем, что дают результаты, которые не удается получить с позиций существующих дисциплин. Это объясняется тем, что медиафилософский подход способен выявить и зафиксировать работу медиа там, где это не удаётся сделать с позиций отдельных социогуманитарных дискурсов.

Роль медиафилософского подхода значительно возрастает в связи со сложностью выявления последствий распространения современных медиа, работа которых становится всё менее заметной. Развитие медиафилософии как самостоятельной философской отрасли предусматривает формирование эмпирического и рефлексивного языка медиафилософии, языка аналитики исследования. Его необходимость сказывается не тогда, когда человек пользуется медиа для общения и работы, не замечая их, а когда понимает необходимость отследить следы их влияния на себя и общество [22]. Язык медиафилософии формируется тогда, когда человек говорит о том, как медиа определяют восприятие и транслируют различные медиальные концепты в человеческую жизнь. Своеобразие подхода медиафилософа проявляется в комплексном отношении: описать реальность медиа, какими они есть сами по себе [23], выявить их функционал, спрогнозировать социогуманитарные последствия развития медиа. Язык медиафилософии как науки характеризуется не меньшей точностью, чем язык любой другой дисциплины. Произвольность выбора инструментария и методологии исследования, полисемантизм фундаментальных концептов свидетельствуют о гибкости формирования медиафилософии в контексте интердисциплинарного характера исследований её проблемного поля. Язык медиафилософии открыт перед стандартами естественных наук, философии науки и техники, и поэтому он предстаёт как интердисциплинарный способ осмысления медиа. Только благодаря сочетанию методов и инструментария из разных областей социогуманитаристики представляется возможным раскрыть социогуманитарный потенциал медиа. Специфика рефлексии феномена медиа и их места в мировоззренческой позиции обусловлены тем, что сущность понимания медиа часто сводится к концепту масс-медиа. Такой взгляд на медиа обусловлен тем, что масс-медиа являются наиболее частым проявлением медиа. Вместе с тем подлинная сущность медиа раскрывается не в технологиях массового тиражирования информации и не в технологиях, благодаря которым возникают и функционируют медиа-артефакты, а в том, что делает медиа не только предметом, но и тем, что передаёт смысл взаимодействия.

Понятие медиа употребляется так часто и имеет такое размытое значение, что можно говорить о его концептуальной размытости. Проблема усложняется ещё и тем, что нечётко определяются не только социальные и культурные эпифеномены, порождаемые медиа, но и их связь с технологическим совершенствованием функционирования медиаторов, что не даёт возможности комплексно рассмотреть концепт «медиа». Специалисты в области социологии и политологии считают, что медиа – это всё то, что связано со СМИ. Философы же понимают под медиа и то, что имеет ещё и самостоятельное значение, то есть понимание медиа не сводится к средству.

Сложность исследования феномена медиа заключается и в том, что исследователи, занимающиеся проблематикой медиа, отводят им

универсальный фундаментальный статус всеприсутствия, что затрудняет определение роли и места СМИ в общественной жизни. Медиа претендуют не только на вездесущее присутствие в опосредовании взаимодействия, но и на обозначение всего сущего как такового.

Выводы. Необходимость формирования медиафилософского подхода обусловлена обострением проблемы социогуманитарного функционала современных медиа и необходимостью осмысления последствий влияния медиатехнологий на человека и общество, что подтверждается трансформациями, происходящими с человеком и обществом вследствие широкого распространения современных медиа. В таких условиях медиафилософский подход предполагает также решение задачи прогнозирования социогуманитарных последствий дальнейшего развития медиатехнологий. Философская рефлексия характеризуется возрастающей всеобщей связанностью, панкоммуникацией, техно-социо-культурным размытием границ между цифровым и «материальным» бытием, когда артефакты обретают память, среда – способность чувствовать, а материя становится программируемой. Медиатехнологии всё более проникают во все сферы жизни человека, становясь её медиарасширением, а искусственные интеллектуальные системы при этом играют роль ведущего посредника между различными средами, реализуя социоприродное взаимодействие в интеллектуализированной среде. Медиатехническая среда эры современной электроники представлена интегрированными конвергентными технологиями нового этапа технологической революции, описанной концептом NBICS. Эта среда рассматривается как новый этап трансформации медиареальности, сопровождающийся интенсификацией уровня развития науки и техники и появлением новых структур общественной жизни. NBICS-технологии задают новую стратегию развития цивилизации и требуют адекватного гуманитарного осмысления. Новый технологический уклад порождает многочисленные угрозы, нейтрализация которых стала одной из актуальных задач общества. Кластер когнитивных медиатехнологий существенно преобразует содержание и характер научного познания, формирует новые научные методы и принципы, меняет подходы к работе с информацией и понимание проблемы развития человеческого интеллекта, влияя на мировоззрение человека и трансформируя таким образом всю инфраструктуру науки. Традиционная система продуцирования знания эпохи модерна уже не способна эффективно взаимодействовать и использовать весь когнитивный потенциал NBICS-технологий, обрабатывать потоки данных Big Data. Таким образом, весь базис науки, все её структурный аппарат обогащаются когнитивными медиатехнологиями, формируется медиакогнитивная инфраструктура – совокупность инструментов, отраслей и структур, интегрированных с когнитивными медиаинструментами.

Список литературы

1. Culture, society and the media / T. Bennett, J. Curran, M. Gurevitch, J. Wollacott. London: Routledge, 2016. 326 p.
2. Антология медиафилософии // ред.-сост. В. В. Савчук. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 339 с.
3. Hartmann F. Medienphilosophie. Wien: WUV-Universitatsverlag, 2002. URL: http://sammelpunkt.philo.at:8080/103/1/medienphilosophie.html.
4. Joshi B. S. Cyber space. New Delhi : Surendra Publications, 2017. 256 p.
5 Бейлин М. В. Медиаобразование и национальная безопасность // под ред. Л. Н. Дениско, С. А. Заветный. Медиа и философия: грани взаимодействия: монография. Харьков: Право, 2017. С. 178–194.
6. Fietz R. Medienphilosophie. Musik, Sprache und Schrift bei Friedrich Nietzsche. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1992. P. 80–86.
7. Mersch D. “Meta / Dia” : zwei unterschiedliche Zugänge zum Medialen // ZMK : Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung : Medienphilosophie. 2010. No. 2. S. 185–208.
8. Ernst C. Perspektiven interdisziplinärer Medienphilosophie // C. Ernst, P. Gropp, K. Sprengard. Bielefeld: Transkript, 2003. P. 19–44.
9. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?». URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil.
10. Münker S. After the Medial Turn. Sieben Thesen zur Medienphilosophie // S. Münker, A. Roesler, M. Sandbothe (Hg.) Medienphilosophie. Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch, 2003. S.18–24.
11. Münker S. Beantwortlich die Frage: Was ist Medienphilosophie? // S. Münker, A. Roesler, M. Sandbothe (Hg.) Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch, 2003. S. 7–9.
12. Roesler A. Medienphilosophie und Zeichentheorie // S. Münker, A. Roesler, M. Sandbothe (Hg.) Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch, 2003. S. 34–52.
13. Anthropogenic activity: risks and protection safety of human life / M. V. Beilin, L. M. Gazniuk, A. V. Kuznetsov, M. V. Struchaev, D. K. Manohin, E. Yu. Chistyakova // Revista Publicando. 2018. 5. No. 16 (1). P. 598–605.
14. Krämer S. Erfüllen Medien eine Konstitutionsleistung? Thesen über die Rolle medientheoretischer Erwägungen beim Philosophieren // Münker S., Roesler A. & Sandbothe M. (Hrsg.), Medienphilosophie. Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer, 2003. P. 78–90.
15. Vogel M. Medien als Voraussetzungen für Gedanken // S. Münker, A. Roesler, M. Sandbothe (Hg.) Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch, 2003. S. 107–134.
16. Seel M. Eine vorübergehende Sache // S. Münker, A. Roesler, M. Sandbothe (Hg.), Medienphilosophie: Beiträge zur Klärung eines Begriffs. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch, 2003. S. 10–15.
17. Lawrence M., Tavernor R. Global humanitarianism and media culture. Manchester: Manchester University Press, 2019. 276 p.
18. McCarthy C. P. How virtual reality will impact society. San Diego, CA : Reference Point Press, Inc., 2019. 158 p.
19. Tholen G. Mit und nach McLuhan. Mit und nach McLuhan: Bemerkungen zur Theorie der Medien jenseits des anthropologischen und instrumentellen Diskurses // D. Kerckhove, M. Leeker, K. Schmidt (Hg.). McLuhan neu lesen: Kritische Analysen zu Medien und Kultur im 21. Bielefeld: Transcript, 2008. S. 127–139.

20. Bolz N. Das ABC der Medien. München, 2007. P. 26.
21. Mersch D. Tertium datur. Introduction to a negative Media Theory // Matrizes. 2013. № 7/1. S. 207–222.
22. Газнюк Л. М., Семёнова Ю. А. Медийность телесности: человек в мире реальном и мире виртуальном // под ред. Л. Н. Дениско, С. А. Заветный. Медиа и философия: грани взаимодействия: монография. Харьков: Право, 2017. 101–114.
23. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.

УДК 141:823
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.29

МЕДИАСФЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Газнюк Л. М.[1*], Дьяченко Я. О.[2]

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)
[2]Тверской государственный технический университет (Тверь, Россия)
[*]E-mail: lgazn@mail.ru

MEDIASPHERE OF HUMAN BEING

Gazniuk L. M.[1*], Dyachenko Y. O.[2]

[1]Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
[2]Tver State Technical University (Tver, Russia)
[*]E-mail: lgazn@mail.ru

Аннотация. Анализируется влияние медиатехнологий на социоприродную среду и показано, что глобальными угрозами становятся разработки в области нанотехнологий, робототехники, мемристорной электроники, искусственного интеллекта и высоких технологий, внедряемых в рамках NBICS-революции и проникающих во все уровни живой и неживой материи. Сам же человек становится свидетелем нового эволюционного состояния цивилизации и трансформируется под влиянием комплекса современных медиатехнологий. Обосновано, что медиатехнологии влияют на жизненное пространство современного человека, изменяя характер повседневной жизни людей, их общение, уклад их непосредственного личностного бытия, а жизненный мир человека под влиянием медиатехнологий, медиасоциума и медиакультуры трансформируется в его медиамир. Происходит сжатие, уплотнение пространства, и его организация, что во многом зависит от уровня теоретических разработок в области высоких технологий и возможностей их внедрения.
Ключевые слова: *индустрия медиатехнологий, медиатехника, медиасетевое преобразование человека, медиатехнологическая революция, постчеловек.*

Abstract. The influence of media technologies on the social environment is analyzed and it is shown that developments in the field of nanotechnology, robotics, memristor electronics, which penetrate all levels of living and non-living matter, become global threats. NBICS technologies set a new strategy for the development of civilization, and their potential consequences require a humanitarian reflection on both the prospects and the threats to its implementation. A human himself becomes a witness to a new evolutionary state of civilization and is transformed under the influence of a complex of modern media technologies. It is proved that media technologies are changing the everyday life of people, their communication, the way of their direct personal being, and the human world under the influence of media technologies, media-socium and media-culture is transformed into his media world. The socio-humanitarian functionality of digital media networks as digital

mediators is revealed and their influence on the social-natural environment of human habitation is characterized.
Keywords: *media technology industry, media technology, human media network transformation, media technology revolution, posthuman.*

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на значительный прогресс наук, изучающих процесс становления медиамира, современная наука не способна предсказать всю специфику экзистенциальной ситуации, складывающейся для NBICS-технологической цивилизации благодаря медиатехнике. Перспективы медиасетевых преобразований человека во многом видятся неопределёнными и зачастую труднопрогнозируемыми. Гаджеты, обеспечивающие постоянное подключение пользователей к глобальным компьютерным сетям межчеловеческой и межмашинной коммуникации, кардинально меняют все сферы когнитивно-преобразовательной деятельности людей. Сегодня мы не знаем, какой образ человека будет сформирован новыми компьютерными сетевыми медиа и придёт на смену образу нынешнего человека.

Постановка задачи исследования: определить изменения, которые происходят с человеком в современной медиа-среде; проанализировать влияние медиа на бытие человека в условиях современной цивилизации;

Цель исследования: очертить изменения, происходящие с человеком в медиасреде, создаваемой индустрией медиатехнологий.

Методологической основой исследования являются общенаучные принципы систематизации и обобщения источников и фактологической базы исследований проблемы изменения человека под влиянием современных медиа и разработка инструментария в соответствии с особенностями предмета, объекта, теоретических исследований в области высоких технологий. Системно-структурный метод используется для анализа развития медиафилософской мысли и векторов становления медиафилософии. Методологический плюрализм, преодоление разрыва между объектом и субъектом познания применяются при анализе влияния современных медиа на бытие человека. Современные компаративистские методы формируют методологическую базу философско-антропологического анализа формирования современной медиасреды, её влияния на общество и всего комплекса био-психо-социо-антропологических измерений человека.

Вокруг современного человека формируется медиасреда машинного взаимодействия. Устройства, окружающие человека, становятся всё более функциональными и самостоятельными, а их объединение в различные сети, безусловно, приводит и приведёт к куда более заметным и качественным изменениям не только техносферы, но и социосферы, формируя их симбиоз – медиасферу. В области информационных технологий и компьютерных наук происходят исследования, связанные с

разработкой концепции разумного окружения на базе интеллектуальных систем. Создавая многочисленные медиа-артефакты, человек увеличивает свою зависимость от них и практически не способен жить в мире природы, не располагая средствами простого и быстрого обеспечения его уже медиально ориентированных потребностей. Медиасфера становится новой экосистемой со свойственными ей процессами саморегуляции, законами технологической эволюции, коммуникационной системой в виде глобальных сетей. Проблемы технизации жизненного мира человека, которые в XX веке вызвали опасения, сейчас становятся реальностью, но перед философией возникают уже и другие задачи. Выявление проблем, раскрытие социогуманитарных последствий распространения смарт-технологий на человека и общество недостаточны; нам необходима социогуманитарная экспертиза медиатехнологических изменений [1], прогнозирование последствий возможных вариантов развития медиатехнологий, способность вырабатывать новые парадигмы и стратегии научно-технического развития под социальным контролем. Создание искусственного интеллекта, возможно, требует использования принципов работы нервной системы человека, которая функционирует иначе, чем современные компьютеры. В нейронах мозга, в отличие от компьютеров, генерируются короткие всплески деятельности – нервные импульсы. Для того чтобы приблизить потенциал искусственных вычислительных систем к потенциалу нейрона, исследователи предложили принципиально новую схему электронного вычислительного устройства, в котором информация хранится и обрабатывается в одних и тех же ячейках – так же, как это происходит в нейронах мозга. Подобно нервной системе, группа нейристоров способна демонстрировать работу процессов памяти, на которой будет базироваться «опыт» мемристоров/нейристоров. Это будет достигаться за счёт реконфигурации параметров компонентов системы и динамики условий их работы. Благодаря своему нейрокогнитивному потенциалу человеческий мозг составляет одну из самых сложных систем в известной нам части мироздания. Создание смарт-сетей сенсорных устройств, их автономизация вместе с дальнейшим ростом комфортности жизни и их широким применением форсируют технизацию существующей социореальности.

Использование технологий без надлежащих превентивных мер безопасности в проектах, работающих над усилением человеческой сенсорики и проникновением в человеческий мозг, чревато нежелательными изменениями биопсихо-социо-духовной природы человека. Нанотехнологии не только расширяют границы когнитивных возможностей человека, но и создают условия для тотального контроля над обществом и человеком. «Относительно нанотехнологий уже существуют пессимистические и даже алармистские предостережения, что новые вещи и изменения в привычном укладе жизни могут привести к

расшатыванию традиционных основ общества» [2, с. 269]. На определённом этапе развития технологий, усиленных искусственным интеллектом, в медиасреде могут появиться системы, которые будут уже не просто реализовывать «классические» технологии обработки данных, а смогут органично встраиваться в среду обитания людей. Может наступить момент, когда интеллектуальная составляющая станет неотъемлемой частью всей окружающей действительности, а медиасреда сольется с природной средой, что сформирует основы для будущих проектов по вмешательству в работу мозга, вполне официально реализуемых в медицинских целях. Вполне закономерно возникает вопрос: каковы риски использования этих разрабатываемых технологий в немедицинских целях (например, провоцирования психосоматических расстройств и манипулирования людьми) и какими должны быть меры, направленные на предотвращение такого использования этих технологий? Каким будет человек в новую эпоху, когда человеческое сознание будет полностью «обнажено» и картографировано наукой?

Создание многочисленного рода усилителей человеческой сенсорики – медиаторов общего пользования, обеспечило проникновение человека в микротом макромира. Обеспечение высокого уровня автономности таких устройств и моделирование механизма работы сенсорной системы человека привели к интенсивному развитию сенсорных технологий. Исследования в этом направлении ориентированы на создание устройств, позволяющих получать информацию о свойствах различных сред в виде электрического сигнала. Сенсорика человека имитируется работой аналитических устройств, функционирующих по принципу биосенсоров [3]. Практика применения сенсорных технологий порождает новое проблемное поле медиафилософской рефлексии. В будущем, каким его видят приверженцы NBICS-технологий, медиатехнологии могут дать человеку возможность модифицировать своё тело и социоприродную среду. Аристотель первым классифицировал пять чувств человека в работе «О душе», ретранслируя идеи античной философии о том, как человек воспринимает реальность [4]. Биологические органы чувств обеспечивают человека возможностями познавать действительность и лежат в основе опосредованого взаимодействия с окружающей и создаваемой реальностью, понимаемой как медиаторы индивидуального пользования. «Сенсорные системы, или органы чувств (в старой, более известной терминологии), обеспечивают организм информацией об окружающем мире и внутреннем состоянии самого организма» [5, с. 21], что определяет границы сенсорного опыта человека при использовании только собственной сенсорной системы. Сенсорные системы человека характеризуются достаточно высокой чувствительностью, сложившейся в процессе эволюции. Важно также, что при этом они способны регулировать степень собственного восприятия. Специализированные

рецепторные клетки воспринимают и через промежуточные нейроны кодируют и передают сенсорную информацию электрическим способом в мозг. После обработки полученного сообщения происходит запись в память и формируются исполнительные команды.

Информационная среда порождает ряд технологий, которые способны значительно расширить сенсорный опыт человека [6]. Между сенсорными системами и проектируемыми биосенсорами много общего. Механизм работы искусственных биосенсоров базируется на преобразовании внешнего воздействия в электрический сигнал [7]. Развитие смарт-вещей, созданных на базе таких сенсорных технологий, не только формирует новую реальность и новые возможности восприятия такой реальности; при этом классические представления о восприятии человеком реальности перестают отвечать требованиям времени и должны быть рассмотрены с учетом медиафилософского подхода. Поэтому и «возникает вопрос: способен ли человек выйти за рамки сенсорных возможностей, данных ему природой? Может ли он, непосредственно используя свои органы чувств, регистрировать электромагнитные поля не только в видимом диапазоне, но и в области ультрафиолетового, рентгеновского или радиационного излучения? Может ли с помощью сенсорных систем детектировать в окружающей среде вещества, для которых не существует естественных рецепторных механизмов? Наконец, можно ожидать появления “искусственных” интеррецепторных сенсорных систем, ориентированных на “внутреннее зрение” – выявление, регистрацию и контроль ключевых метаболитов, определяющих согласованность биохимических механизмов в норме и их нарушения при различных патологиях?» [5, с. 22]. Ответ на перечисленные вопросы связывается с тем, насколько далеко зайдёт практика взаимодействия человека с его медиарасширениями и насколько оправданной будет практика их проникновения в тело человека. По мере того, как Интернет умных вещей объединяет все больше людей, процессов, данных и физических объектов, возрастает роль новых технологий и сетей, которые их поддерживают. Чтобы взаимодействовать с новыми решениями, созданными на базе сенсорных технологий, датчиков и протоколов передачи данных в реальном времени, более не обязателен непосредственный контакт с объектом изучения и воздействия. Эти инновации вместе с возможностями Интернета умных вещей обеспечивают новые сенсорные способы видеть, слышать, чувствовать запах, пробовать на вкус и т.д. Доверяя искусственным интеллектуальным системам важные практики, человек рискует лишиться активного участия во многих социальных функциях, возможности активно взаимодействовать с другими людьми без использования медиатехнологий. Такая ситуация опасна, поскольку контроль над работой искусственного интеллекта может оказаться в руках самого искусственного интеллекта. Это обстоятельство

заставляет современных исследователей подвергать такие медиатехнологические практики философско-антропологическому осмыслению.

Современные смарт-технологии открывают двери в будущее беспроводных сенсорных сетей, где сенсорные датчики, встроенные буквально во все предметы, в том числе в мозг, смогут реагировать на окружающую среду и контактировать друг с другом беспроводным способом, вызывая кардинальное и, возможно, безвозвратное изменение социального бытия человека. Проникновение сенсорных технологий в тело человека для обеспечения взаимодействия с новой социотехнической средой может привести не только к расширению способностей человека, но и к расширению его сознания в медиамир.

Перспективная IT-технология, которую разрабатывают для повышения комфортности жизни человека, получает возможность самостоятельно конфигурироваться, вступать в коммуникацию и даже влиять на предметы и процессы. Разработка бизнескорпорациями столь мощных технологий остаётся вне поля зрения современного общества, в котором учёные чаще всего работают в интересах прежде всего IT-компаний. Ускорение темпов технологической гонки оставляет всё меньше времени на размышления о последствиях развития медиатехнологий их создателям. Несмотря на то, что проекты реализации новых технологий могут держаться в тайне, проникновение таких технологий в жизнь человека может пройти незамеченным: чем более совершенными являются медиа, тем менее заметно их воздействие. Как угроза изменения био-, психо- и социодуховной природы человека настораживает перспектива сращения человека с мотами и актуаторами (мот (от англ. mote) – устройство, сочетающее в себе три функции: измерительную, вычислительную и коммуникационную; актуатор – устройство на основе сенсоров, которые позволяют влиять на ситуацию, а не только регистрировать ее состояние) [8]. Ученые, при активной поддержке IT-компаний, активно работают над созданием биочипов, способных расширить сенсорные возможности по восприятию мира. Такие исследования открывают новые перспективы для фармацевтических разработок и изготовления биологических препаратов для решения ряда медицинских проблем.

Создатели высоких технологий признают, что эпоха, когда компьютеры были лишь инструментом человека, уже заканчивается, и возможно, уже в недалёком будущем смарт-устройства будут способны прогнозировать действия человека, действовать самостоятельно, демонстрируя то, что применительно к человеку мы называем инициативой, и взаимодействовать между собой. На современном уровне развития технологий компьютер уже способен анализировать текущую обстановку, осуществлять анализ ситуации и предлагать человеку

варианты возможных дальнейших действий, и нет принципиальных затруднений в том, чтобы компьютер совершал эти действия автономно. Технология сенсорных сетей, состоящих из множества самостоятельных миниатюрных автономных устройств с возможностями беспроводной связи, активно разрабатывается в последние годы для достижения способности самоорганизовываться в сети и взаимодействовать между собой и с «центром». Насколько безопасным будет функционирование таких центров самоорганизующихся мотов и актуаторов, кому и насколько они будут подконтрольны, на каких принципах будет строиться их взаимодействие с человеком – источник настоящих и будущих экзистенциальных тревог человечества.

Основой физической реализации коллективного искусственного интеллекта может стать так называемая «умная пыль». Каждая пылинка «умной пыли», или «mote», является беспроводной, достаточно автономной и для обеспечения масштабной регистрации событий используется в значительных количествах. Сливаясь с физическим миром, сети крошечных коммуникативных компьютеров могут взаимодействовать с Интернетом, передавая информацию в сеть Интернета умных вещей [9; 7]. Такая технология может свидетельствовать о перспективе расширения зоны влияния Интернета умных вещей на многие сферы человеческой реальности. Имея медицинские основания для использования в теле человека, микроскопические гаджеты могут стать частью сенсорной системы человека, позволяя более полно оценивать его состояние, восстанавливать функциональность и/или расширять его сенсорные возможности. Например, учёным из университета Бата в Великобритании удалось разработать новейший миниатюрный чип размером с кончик пальца. Самое интересное, что несмотря на свою миниатюрность, разработка способна практически полностью дублировать работу нервных клеток человека. Предполагается, что в будущем подобные микроконтроллеры будут способны восстанавливать активность спинного мозга человека [10].

Внедрение технологии автономных и самоорганизующихся мотов в человеческий мозг чревато непредсказуемыми последствиями. Такая угроза замалчивается, несмотря на явное несовершенство системы обеспечения безопасности сетевых мотов и отсутствие гарантированных способов их нейтрализации. Разрешение на радикальные эксперименты над мозгом с применением мощной и опасной технологии – это ещё одно свидетельство неготовности общества к разработке смарт-технологий, требующей формирования активной общественной позиции и профессионального контроля над указанными проблемами.

«Умная пыль» начинает приживаться в практике различных отраслей, поэтому антропологи и некоторые создатели новой технологии вполне обоснованно выражают сомнения в безопасности такой

технологии. Сенсорная смарт-технология таит в себе потенциальные угрозы вторжения в личную жизнь человека, и по мере того, как она будет внедряться всё шире, масштабность злоупотреблений может возрасти. Не существует никакой гарантии безопасности человечества на случай сбоев управления, кибератак, проникновения вирусных программ и прочих деструктивных действий с использованием «умной пыли».

В рамках стратегии «улучшения» человека может использоваться коррекция биохимических процессов в человеческом организме, дополнение человеческого организма технологическими сенсорами. С использованием стволовых клеток африканской шпорцевой лягушки уже созданы первые «живые биороботы» размером около 1 мм, которые способны двигаться к цели, переносить крошечные грузы, обходиться длительное время без питания и самостоятельно восстанавливаться [11].

Если усовершенствованная технология мотов будет взята на вооружение военными, последствия могут быть фатальными для всего человечества. Сама человечность как источник экзистенциальных переживаний может быть навсегда уничтожена новой технологией, а вместе с человечностью исчезнет и сам человек, который станет существом, которое уже не будет человеком в классическом смысле этого слова. Угроза для человечества с развитием таких новых технологий становится всё более и более очевидной, хотя на первый взгляд для большинства она ещё кажется фантастической. Однако с развитием интеллектуальных технологий эта угроза приобретает всё более реалистичные очертания и уже сейчас требует разработки специальной политики для её нейтрализации.

Выводы. Создание смарт-сетей сенсорных устройств и их автономизация вместе с повышением комфортности жизни и их широким применением вызывают изменение существующей социальной реальности, её технизацию. Использование сенсорных технологий без разработки превентивных мер безопасности в проектах по усилению человеческой сенсорики и проникновения в человеческий мозг грозит преображением био-, психо- и социодуховной природы человека. «Интеллектуальная техника» не только расширяет границы когнитивных возможностей человека, но и создаёт условия для тотального контроля над обществом и человеком. Технологии сегодня всё больше используются для контроля над человеческим сознанием, создавая принципиальную возможность изменения и самого человека – столь же радикального, как изменения его среды обитания и образа жизни. На определённом этапе развития искусственных сенсорных технологий, усиленных интеллектом, в медиасреде могут появиться системы, которые будут уже не только реализовывать технологии обработки данных, но и смогут органично встраиваться в среду обитания людей. Может наступить момент, когда вся окружающая действительность будет пронизана такой интеллектуальной материей, а медиасреда сольётся с природной средой.

Список литературы

1. Ястреб Н. А. Гуманитарная экспертиза конвергентных технологий как философская задача // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей: сб. науч. ст. / ред. Н. А. Ястреб. Вологда: ВоГУ, 2014. Вып. 1. С. 188–194.
2. Бейлин М. В. Нанотехнология как прорыв в постнеклассической науке: монография. Харьков: Обериг, 2014. 478 с.
3. Камалова О. Н., Джиоева Д. А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. 2011. Вып. 1. С. 37–40.
4. Аристотель. О душе // Сочинения в четырёх томах / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 549 с.
5. Варфоломеев С. Д., Евдокимов Ю. М., Островский М. А. Сенсорная биология, сенсорные технологии и создание новых органов чувств человека // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 1. С. 21–30.
6. Папченко Е. В. Сенсорный опыт человека: возможности и перспективы в информационном обществе // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7–8 февраля 2012 года). Часть II. Образование. Педагогика. Психология / отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. С. 341–345.
7. Varfolomeev S. D. Direct electron transfer BIOSensors / S. D. Varfolomeev, I. N. Kurochkin, A. I. Yaropolov // BIOSensors Bioelectronics, 1996. P. 863–871.
8. Зеленин А. Н., Власова В. А. Беспроводные сенсорные сети как часть инфокоммуникационной структуры // Наукоемкие технологии в инфокоммуникациях: обработка и защита информации: коллективная монография / под ред. В. М. Безрука, В. В. Баранника. Харьков: Компания СМИТ, 2013. С. 184–193.
9. Kahn J. Next century challenges: mobile networking for «Smart Dust»/ J. Kahn, H. Randy, K. Pister // Proceedings of the 5th annual ACM/IEEE international conference on Mobile computing and networking. 1999. pp. 271–278. URL: http://robotics.eecs.berkeley.edu/~pister/publications/1999/mobicom_99.pdf.
10. Ученые создали наночипы для замены нервных клеток человека. URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/uchenye-sozdali-nanochipy-dlya-zameny-nervnykh-kletok-cheloveka-05-12-2019.htm.
11. A scalable pipeline for designing reconfigurable organisms / S. Kriegman, D. Blackiston, M. Levin, J. Bongard // PNAS. 2020. Jan. 28. № 117 (4). P. 1821–1823.

УДК 316.454.52
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.30

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ВИДЕОБЛОГАХ, ПОПУЛЯРНЫХ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Грушевская В. Ю.

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: v.iu.grushevskaia@urfu.ru

FEATURES OF SELF-PRESENTATION IN POPULAR YOUTH VIDEO BLOGS

Grushevskaia V. Y.

Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)
E-mail: v.iu.grushevskaia@urfu.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию видов самопрезентации в российских видеоблогах. Целью исследования является выявление особенностей видов самопрезентации в видеоблогах. Использование системного подхода позволило дать всестороннее описание различных видов самопрезентации в видеоблогах, раскрыть их особенности. В статье систематизированы актуальные представления о коммуникации в новых медиа, проанализированы характерные для видеоблогов виды самопрезентации. Видеоблог рассматривается как интернет-проект, развивающийся на основе синтеза авторской концепции и объединяющей интенции аудитории. В изучаемом контексте в основу объединяющей интенции ложатся образы массовой культуры, гедонизм, демонстративное потребление, тотальная ирония и провокативная коммуникация. Выявляются наиболее перспективные направления дальнейшего исследования: изучение влияния самопрезентации в видеоблогах на повседневные драматургические действия, на представления о приемлемом, а также на индивидуальную и групповую идентичность.
Ключевые слова: *видеоблоги, коммуникация, новые медиа, виртуальность, самопрезентация, гламур, провокация, шоу, имидж.*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the types of self-presentation in Russian video blogs. The aim of the study is to identify the features the types of self-presentation in video blogs. The use of a systematic approach made it possible to give a comprehensive description of various types of self-presentation in video blogs, to reveal their features. The author consider the video blog as an Internet project that develops based on the synthesis of the author's concept and the audience's unifying intent. In the studied context, the main unifying intent is the images of mass culture, hedonism, demonstrative consumption, total irony and provocative communication. The author identifies the most promising areas for further research: studying the influence of self-presentation in video blogs on everyday dramatic actions, on ideas about what is acceptable, on individual and group identity.

Keywords: *video blogs, communication, new media, virtuality, self-presentation, glamor, provocation, show, image.*

Статья посвящена изучению драматургической коммуникации в видеоблогах в контексте виртуализации современной культуры. Представленное исследование основывается, в первую очередь, на концепции драматургического действия, представленных в работах Юргена Хабермаса [1] и Ирвинга Гофмана [2]. Драматургическое действие понимается как «ориентированное на стремление произвести впечатление на публику» [3]. Формой драматургического действия является самопрезентация, которая предполагает не спонтанное выражение себя, а ориентированное на публику создание имиджа. Самопрезентация присутствует в повседневных социальных взаимодействиях, в масс-медиа и в интернет-коммуникациях. В контексте виртуализации общества исследование самопрезентации в новых медиа представляет особый исследовательский интерес, поскольку она оказывают сильное влияние на модели поведения и ценности участников виртуальных коммуникаций.

В настоящее время ведется активное изучение самопрезентации в социальных сетях. Результаты исследований свидетельствуют о том, что подростки, ценящие одобрение сверстников, целенаправленно делятся контентом, чтобы казаться интересными, любимыми и привлекательными. Объектом исследования становятся нормы и практики самопрезентации в таких социальных сетях, как Facebook и Instagram [4], сравниваются эмпирические данные о самораскрытии и самопрезентации в социальных сетях, анализируются технологически обусловленные особенности онлайн-коммуникации, способствующие самопрезентации. A. Schlosser к числу таких особенностей относит асинхронность коммуникации, дробление аудитории на множество групп и обратную связь с аудиторией [5].

Исследователи отмечают, что видеоблоги смотрит от 20 до 25% взрослого населения страны, а доля молодёжной аудитории в возрасте от 18 до 24 лет составляет около 50% [6]. Актуальность темы обусловлена высокой популярностью видеоблогов в молодежной среде, их влиянием на культуру, стиль жизни и потребительские практики.

Задачей исследования является системное и целостное представление и характеристика видов самопрезентации в видеоблогах. Формы самопрезентации в видеоблогах рассматриваются как синтез имиджевых практик массовой коммуникации, самопрезентации в социальных сетях, а также самопозиционирования, характерного для построения внутригрупповых отношений. При этом видеоблоги рассматриваются как медийная форма коммуникации, имеющая определенную жанровую структуру и генезис.

В исследовании анализируется, каким образом качества технологической среды, такие как интерактивность и принцип

максимизации релевантности, определяют характер дискурса в видеоблогах. В данных условиях особую роль играют пользовательские намерения и параметры релевантности контента. В работе затрагиваются вопросы взаимодействия автора и аудитории, представлен обзор распространенных мотивов использования YouTube. Описание тактик и стилевых приемов, позволяющих привлечь внимание зрителя и определить место видеоблогера в культурном пространстве, дается с учетом жанровой специфики видеоблогов.

Целью исследования является выявление особенностей и систематизация видов самопрезентации в видеоблогах.

При построении аналитических моделей, описывающих самопрезентацию в видеоблогах, требуется синтез наработок широкого спектра социально-гуманитарных наук. Это связано с конвергентной природой самого объекта исследования. Работа носит междисциплинарный характер, написана на стыке социологии и культурологии и представляет собой систематизацию типичных для дискурса российских молодежных видеоблогов принципов создания публичного имиджа. Использование системного подхода позволит дать всестороннее и многоаспектное описание различных видов самопрезентации в видеоблогах, раскрыть их особенности.

Мы рассматриваем видеоблог как мультимодальный проект, создаваемый в среде новых медиа, предполагающий регулярную публикацию видеоматериалов и развивающийся на основе синтеза авторской концепции и объединяющей интенции аудитории [7]. Первоначально видеоблог был формой самовыражения и самопрезентации, однако после активизации партнерской платформы на YouTube видеоблогеры получили возможность монетизировать интерес аудитории, что превратило ресурс в трудовую медиаплатформу.

Структурной основой видеоблога является фигура автора, который может работать в разных жанрах. При этом формат видеоблога позволяет использовать все каналы мультимодальной коммуникации: он передает лингвистические особенности авторской речи, интонации, мимику, жесты – все то, что является маркерами принадлежности к определённым возрастным и социальным группам.

Разнообразие жанровой структуры видеоблогов представлено в работах Теркутьевой И. А. [8], Лущикова В. А., Терских М. В. [9]. Исследователи дают характеристику таким жанрам, как обзоры (игр, вирусных видео, кино), летсплей, пранк, обучающее видео, лайфхак, бьюти-видео, фэшнблог, лайфстайлблог, трэвелблог, техноблог, фитнесблог, футблог, влог, шоу, диалог, гайд, челлендж, скетч, троллинг-интервью. Список можно продолжать, поскольку исследователи отмечают текучесть и изменчивость жанровой структуры.

В новых медиа массовая коммуникация перестает быть однонаправленной. Возможность выбирать контент и выражать свою

оценку существенно сокращают дистанцию между автором и аудиторией. Алгоритмы YouTube настроены на максимизацию релевантности, т.е. соответствие контента медийным запросам адресата на основе обработки больших данных, включающих статистику просмотров и историю виртуальных действий: подписок после просмотра, лайков и дизлайков, шеринга, добавлений в плейлист. Индивидуально генерируемая массовая коммуникация увеличивает продолжительность сессий и обеспечивает возвращение зрителей. В свою очередь, привлекающие аудиторию видеоблогеры развивают обеспечивающие успех темы и форматы. Таким образом, отклик аудитории становится структурной частью видеоблога как развивающегося проекта. Такие условия коммуникации побуждают автора искать формы и темы, отвечающие медийным запросам и потребностям зрителей.

Таким образом, видеоблог, рождающийся как авторский проект, в процессе своего развития обретает черты коллективного творчества. Видеоблоги формируют множество публичных дискурсов, которые выстраиваются вокруг групповых потребностей, интересов, объединяющего образа мира, мифологем, желаний, стереотипов, потребительских и медийных практик. Соотношение влиятельности автора и аудитории может быть разным. Так, создатели авторских видеоблогов, пользующиеся доверием и умеющие донести личную позицию, собирают на своем канале единомышленников. Другие видеоблогеры адаптируют создаваемый контент под конъюнктуру медиапотребления, которая в ряде случаев оказывается довольно неожиданной, однако подчиняются определенным закономерностям.

Так, большой популярностью у детей и подростков пользуются видеоролики со слаймами. Игры с цветным желеобразным материалом оказываются простейшим визуальным аттракционом и набирают миллионы просмотров. Основной мотивацией просмотра таких роликов является расслабляющее наблюдение или то, что теоретики кино называют «скопическое влечение», «кинематографическое влечение» или просто «притяжение» (attraction) [10]. Результаты проведенных в ходе исследования Лейек Хан опросов свидетельствуют о том, что это доминирующий мотив пассивного потребления на YouTube [11]. Видеоблогеры в изобилии предоставляют аудитории материалы для рассматривания, подглядывания, созерцания. Расслабляющее наблюдение является основой таких видеожанров, как ролики с домашними животными, летсплей, подборки смешных моментов из жизни детей и взрослых и т.д. В развлекательных видеоблогах много аффективного юмора, который присутствует не только в скетчах, пранках, челленджах и т.п., но и становится стилистическим маркером этого типа развлекательной виртуальной культуры.

Другой основой, объединяющей аудитории видеоблогов, могут быть общие интересы: игры для летсплея, применение косметических средств для бьюти-блогов, кинообзоры для любителей кино и т.д. Пользователи могут объединяться и по социально-демографическим характеристикам. Так, в рамках данного исследования нас интересуют видеоблоги, адаптированные под запросы молодежной аудитории. Видеоблогер-ровесник воспринимается молодежной аудиторией как равный. В видеоблогах молодежь получает возможность создать собственную информационную среду.

Контролируя объем и качество передаваемой информации, видеоблогеры создают публичный имидж. Такая практика может быть целенаправленным конструированием личного бренда, работой над ролью или неосознанным тиражированием образов массовой культуры: успешного бизнесмена, беззаботного путешественника, иконы стиля и т.д. В случае с видеоблогами драматургическое действие направлено, прежде всего, на стимулирование виртуальной активности аудитории, от которой ожидаются подписки, лайки и комментарии.

Видеоблогеры, позиционирующие себя в качестве экспертов, стараются демонстрировать независимость, компетентность и мастерство. Обучающий и экспертный контент на YouTube представлен такими жанрами, как автоблоги, фудблоги, строительные и техноблоги и другие узкопрофильные направления. N. Chan, описывая стратегии самопрезентации ютуберов, позиционирующих себя как экспертов в области вождения, отмечает, что они стремятся совмещать свою карьеру на трудовой платформе Uber с развитием каналов на YouTube [12]. В. А. Лущиков и М. В. Терских отмечают, что создатели таких блогов, с одной стороны, делятся субъективным мнением о технической новинке, с другой, пытаются «создать объективный образ посредством аргументов, доводов, разбора технических характеристик» [9, с. 59].

Целый ряд популярных на YouTube жанров (летсплей, челлендж, баттл, шоу, скетч, обзоры вирусных видео, обзоры видеоигр, киноновинок, музыкальные клипы) носит развлекательный характер. Такие видеоблоги унаследовали экспрессивную и клиповую стилистику телевизионных и музыкальных шоу. Жанровые особенности развлекательных видеоблогов соответствуют базовому свойству развлекательной массовой культуры, предполагающему конструирование виртуальной реальности, иллюзорной, но более привлекательной, чем реальность естественная. Эта особенность встраивает культуру развлекательных видеоблогов в классические оппозиции игрового и обыденного, официального и карнавального, трудового и праздного начал. Самопрезентация в таких видеоблогах должна быть не только статусной, но и легкой для восприятия, забавной, необычной, выделяющееся, вызывать информационный шум. В развлекательных жанрах доминирующей формой самопрезентации

становится клоунада и эпатаж. Если требуется вирусный эффект, поведение в кадре может быть намерено провоцирующим и экспрессивным. В качестве примера эпатажа можно привести провокационное гомоэротическое видео, снятое курсантами Ульяновского института гражданской авиации и вызвавшее бурную общественную дискуссию. Galina Miazhevich показывает, как подобные провокации могут оспаривать или проверять на прочность консервативный дискурс [13].

Многочисленные примеры эпатажа можно найти в жанре челленджа. Челлендж напоминает игру в фанты и предполагает выполнение задания-вызова, например, участники съедают неаппетитные продукты, предстают перед публикой в нелепом виде и т.п. Задания предлагают сами видеоблогеры или аудитория в комментариях. М. С. Петренко отмечает, что участник боится потерять уважение, если вызов будет провален, что «ему перестанут давать указания, он получит язвительные комментарии, что, в конечном счете, может отравить его жизнь» [14, с. 190]. Челленджи используют практику хейзинга для развлечения аудитории. Существуют челленджи, провоцирующие самоповреждающее и суицидальное поведение. Исследователи отмечают, что подобного рода ролики оказывают негативное воздействие на уязвимые группы населения через социальные эффекты заражения, которые возникают, когда самоповреждающее поведение моделируется и позиционируется приемлемым с помощью видеоконтента. Эти эффекты называются суицидальной инфекцией, которой наиболее подвержены подростки и молодежь, особенно когда они видят, что другие используют это поведение для достижения такой важной для подростков цели, как привлечение внимания других [15]. Такие практики носят интернациональный характер. В исследовании бразильских ученых описано, что участники челленджей пьют кипяток, вдыхают дезодорант и задерживают дыхание, входя в апноэ на неопределенный срок, экспериментируют с вдыханием и поджиганием на коже спиртового геля, ставшего общедоступным в связи с распространением COVID-19 [16]. Все это рассматривается участниками дискурса как шутка, медиаповод для создания публикации и завоевания популярности. В системе ценностей онлайн-вселенной самоповреждение оказываются взаимовыгодной практикой: аудитория получает зрелище с элементами абьюза, а видеоблогер обеспечивает рост популярности своего канала.

Видеоблоги унаследовали некоторые элементы постмодернистской журналистики: в таких жанрах, как пранк, реакция, троллинг-интервью, используются провокации, а тотальная ирония ложится в основу организации дискурса. В основе провокации лежит доходящий до нигилизма конфликт картин мира: подвижная картина мира провокатора противопоставлена любой сформированной и устоявшейся модели. Ирония оказывается уместной в обзорах посредственной кинопродукции и

вирусного видео, политических видеоблогах и многих других жанрах. Такой тип самопрезентации основан на шутовском образе, восходящим к архетипу трикскера. Стилистика политических видеоблогов, популярных в молодежной среде, с одной стороны, основывается на шоу-технологиях, характерных, для развлекательных телепрограмм, с другой – провокационных сетевых дискуссиях на политические темы, ведущихся на многочисленных интернет-площадках. Такие видеоблоги являются характерным для эпохи постправды медиапродуктом, в них слияние развлекательного и политического начал оказывается настолько органичным, что становится сложно определить, что перед нами: продукт шоу-бизнеса, использующий политические информационные поводы для создания вирусного эффекта, или продвижение политических идей в развлекательной форме. В политических видеоблогах, основанных на использовании шоу-технологий, мнение выражается не столько с помощью аргументов, сколько через демонстрацию саркастических и субъективных эмоциональных реакций ведущего, дополняемых не менее эмоциональными комментариями пользователей. Развлекательная стилистика видеоблогов предполагает также разговорный стиль общения, яркие образы, эмоциональные акценты, драматизацию, провокации, иронию и сатиру. Все это может не только развеселить зрителя, но и потенциально влиять на общественное мнение через «заражение» эмоциональными реакциями, демонстрацию осуждения политических оппонентов и поддержки единомышленников. В таких случаях аналитический дискурс сменяет эмоциональная визуализация, являющаяся средством воздействия на сознание аудитории.

Авторы и аудитория молодежных видеоблогов являются в силу возраста и особенностей культурного ландшафта носителями «подвижной» картины мира, особо чувствительной к дискурсивным трансформациям социальных норм. Для этого возраста протест против установленных взрослыми правил является естественным. Нередко самоутверждение происходит через формы доминирования, характерные для деструктивного лидерства: самоутверждение за счет противостояния взрослым, побуждение сверстников к недозволенным действиям, дезорганизующие формы самовыражения, «мотивация разрядки», т.е. побуждение группы к покою и безделью. В лишенном нормативных ограничений пространстве новых медиа утонченная постмодернистская ирония нередко приобретает характеристики деструктивных социальных практик и вырождается в троллинг, хейтерство, флеминг, а пранк переходит в телефонный терроризм. Для молодежных видеоблогов характерно использование обсценной лексики, распространение жаргонизмов, сленгизмов, просторечий. Такой тип самопрезентации основан на демонстрации независимости, он позволяет создать образ «человека без предрассудков», «бунтаря и нонконформиста».

В самопрезентации видеоблогеров модели поведения высокостатусных членов микрогрупп соединяются с шаблонами поведения селебрити. Наиболее ярко эстетику звездной драматургии представляет эстетика гламура. В работе Пименовой О. И. [17] раскрыты универсальные содержательные черты гламура, которые присутствуют в бьюти- и лайфстайл-блогах, тревел-блогах, видеообзорах и распаковках товаров: идеализация; знаково-символическая природа и ритуализм; ориентация на «другого» (референтные группы, являющиеся источником идеальных образцов для подражания им, и окружающее сообщество «зрителей», чье внимание надо привлечь и получить признание или зависть); статусная природа, которая проявляется главным образом через демонстративное потребление и гедонизм как базовую ценностную установку; симультанность и иллюзорность в поведенческих практиках. Сам видеоблогер становится просьюмером – профессиональным потребителем, генерирующим медиаконтент для продвижения товаров и услуг. Публичное демонстративное потребление при наличии подписчиков и просмотров привлекает рекламодателей и позволяет конвертировать признание аудитории в деньги.

Таким образом, рассмотренные модели самопрезентации являются одним из аспектов новой виртуальной культуры, выстраивающей оппозиции к природе, оффлайн-реальности, системе, «взрослой» культуре, а также отражают представления и закрепляют стереотипы о статусном поведении. Уровень доминирования в самопрезентации может выражаться через статусное потребление, демонстрацию независимости и агрессивности, через обаяние и популярность. Рассмотренные в рамках данной статьи модели самопрезентации в российских видеоблогах являются одним из аспектов новой виртуальной культуры. Перспективным продолжением исследования является изучение влияния представленных моделей самопрезентации и связанных с ними драматургических решений на повседневные драматургические действия аудитории и на представления аудитории о приемлемом поведении, на формирование образов мира, «Я-образов», индивидуальной и групповой идентичности, а также изучение демонстрации неприемлемых и радикальных практик в публичном дискурсе как фактора дегуманизации общества.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00683) «Видеоблоги как канал формирования общественного мнения российской молодежи: степень и эффекты влияния».

Список литературы

1. Habermas J. The theory of communicative action. Frankfurt am Main: Beacon Press, 1984.
2. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Doubleday, 1959. 251 c.

3. Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 35–52.
4. Yau J. C., Reich S. M. “It’s Just a Lot of Work”: Adolescents’ Self-Presentation Norms and Practices on Facebook and Instagram // J. Res. Adolesc. 2019. Vol. 29, № 1. P. 196–209.
5. Schlosser A. E. Self-disclosure versus self-presentation on social media // Curr. Opin. Psychol. 2020. Vol. 31. P. 1–6.
6. Гигаури Д. И., Гуторов В. А., Ширинянц А. А. YouTube-блогеры как лидеры общественного мнения молодёжи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 51–58.
7. Grushevskaya V. Y. Communication models in russian video blogs: an author and audience influence on public discourse // Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). Paris, France: Atlantis Press, 2020. P. 752–756.
8. Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107–113.
9. Лущиков В. А., Терских М. В. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 14. С. 57–75.
10. Tomasovic D. The Hollywood Cobweb: New Laws of Attraction (The Spectacular Mechanics of Blockbusters) // The Cinema of Attractions Reloaded / Strauven W. (Ed.). Amsterdam: Amsterdam University Press. 2006. P. 309–320. doi:10.2307/j.ctt46n09s.22
11. Khan M. L. Social Media Engagement: What motivates User Participation and Consumption on YouTube? // Comput. Human Behav. 2017. Vol. 66. P. 236–247.
12. Chan N. K. Becoming an expert in driving for Uber: Uber driver/bloggers’ performance of expertise and self-presentation on YouTube // NEW MEDIA Soc. 2019. Vol. 21. № 9. P. 2048–2067.
13. Miazhevich G. An innocent provocation or homoerotic challenge? Mediations of the `Satisfaction’ video parody in the Russian mediascape // Inf. Commun. Soc. 2020. Vol. 23. P. 1–17.
14. Петренко М. С. Видео челлендж и видеоблоги как инструменты манипуляции. 2017. С. 189–194.
15. Examining the Self-Harm and Suicide Contagion Effects of the Blue Whale Challenge on YouTube and Twitter: Qualitative Study / A. Khasawneh and et. // JMIR Ment. Heal. 2020. Vol. 7. № 6.
16. Deslandes S. F., Coutinho T. The intensive use of the Internet by children and adolescents in the context of COVID-19 and the risks for self-inflicted violence // Cien. Saude Colet. 2020. Vol. 25, № 1. P. 2479–2486.
17. Пименова О. И. Гламур: попытка социологической концептуализации понятия в интернет-эпоху // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2018. С. 721–732.

УДК 304.3
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.31

КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИИ ГЕЙМЕРОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сулейманов Е. Ф.

Пермский государственный институт культуры
(Пермь, Россия)
E-mail:suharikje@mail.ru

CULTURE OF THE GAMERS INTERACTIONS IN THE VIRTUAL SPACE

Suleymanov E. F.

Perm State Institute of Culture (Perm, Russia)
E-mail:suharikje@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются досуговые, культурные и коммуникативные практики игроков в компьютерные онлайн-игры в пространстве виртуальной культуры. Культура коммуникации геймеров формируется благодаря специализирующемуся на своей деятельности игровому комьюнити и представляет собой трансляцию особого культурного коммуникативного кода, особые культурные практики, реализуемые в виртуальном пространстве. Престижная группа игрового комьюнити образует ядро геймерских коммуникаций и непосредственно влияет на досуговые, культурные и коммуникативные практики сообщества увлеченных игроков.
Ключевые слова: *геймеры, стримеры, игровое комьюнити, досуговые практики, социальное взаимодействие.*

Abstract. The article analyzes the leisure, cultural and communication practices of online computer games players in the space of virtual culture. The culture interactions of gamers are formed gratitude to the gaming community that specializes in its activities and represents the translation of a special cultural communication code, special cultural practices realized in the virtual space. The prestigious group of gaming community forms the core of gaming interactions and immediately affects the leisure, cultural and communication practices of the community of enthusiastic players.
Keywords: *gamers, streamers, gaming community, leisure practices, social interaction.*

Досуг является одной из главных составляющих в жизни современного горожанина и в эпоху полистилизма может приобретать самые различные формы. Досуг представляет собой определенный промежуток времени, не обремененный семейными обязательствами, учебой или работой. Зачастую досуг выполняет рекреационную и развлекательную функцию, но лишь этими функциями не ограничивается. Хобби может служить способом самореализации альтернативным

профессиональной или учебной деятельности, посредством досуга человек может достигать успеха, зарабатывать какие-то более высокие социальные статусы в рамках досуговой деятельности, в связи с чем досуг может плавно трансформироваться в профессиональную деятельность.

Как правило, наибольшим количеством времени для досуговой деятельности обладает молодежь. Из-за отсутствия большого профессионального и жизненного опыта, образования именно досуг может являться статусным и престижным видом деятельности и восполнять недостаток достижений в других сферах. Для современной студенческой молодёжи в настоящее время досуг может представлять собой один из способов успешной самореализации и престижно-статусный вид деятельности.

В современном мире молодые люди далеко не всегда уделяют большое количество времени учебе, но именно досугу уделяется большее значение. В связи с этим на него тратится больше времени, а зачастую и материальных средств. Досуговые практики аффективно переживаются и могут возводиться на приоритетное место в повседневной жизни [1, с. 58–59].

Обратимся к книге П. Ланковски и Б. Стаффан, которые отмечают, что изучать культуру геймеров можно посредством исследовательского интервью. Благодаря интервью можно получить достаточно богатый и оригинальный нарратив, который отражает специфику, скрытые смыслы и культурные нормы игрового сообщества [2, с. 93–96].

В связи с проведением исследования игровой (геймерской) культуры было взято 17 полуформализованных фокусированных интервью у студентов начальных курсов пермских вузов и колледжей, увлекающихся компьютерными играми. Основной игрой для изучения геймерской культуры в рамках вышеупомянутого исследования стала популярная среди студенческой молодежи игра Dota 2. Материалы, полученные из интервью, были сопоставлены с материалами интернет-ресурсов, таких, как высказывания на онлайн-форумах, комментарии и публикации пользователей социальных сетей, видеоматериалы с YouTube и Twitch.

Стоит отметить, что в данной работе речь идет не о репрезентативности материала, а об его релевантности современной молодежи, стратегиям поведения современной молодежи. Здесь мы имеем дело с определенным феноменом современности, который содержит свою внутреннюю структуру и логику.

В эпоху развития информационных технологий и Интернета молодые люди оказываются часто вовлечены в этот процесс. Компьютерные игры оказываются доступным досугом, за который не требуется платить деньги, т.к. инвентарь современного горожанина, очевидно, предполагает наличие компьютера. Многие молодые люди в современной России уделяют этому виду досуга большое значение, потому

что это доступно и потому что есть большое разнообразие в играх. Можно найти игры на любой вкус, что часто завлекает молодежь и она проводит свой досуг в пространстве компьютерных игр и Интернета. Респонденты часто отмечают пребывание в реальности компьютерной игры как одну из форм досуговых практик и уделяют этому достаточно много времени. *«Когда я приезжаю домой на каникулы или выходные, то я очень много времени играю в "доту". Целыми ночами до шести, до семи утра, потом сплю целый день и опять целую ночь играю»* (Интервью № 6. Муж., 19 л., студент колледжа. Пермь, Пермский край. Записано 04.04.2018.).

Интернет-пространство представляет собой ядро коммуникации для игрового сообщества, в его пределах формируется культура геймерских коммуникативных практик, нормы и правила поведения. Еще конце двадцатого века крупнейший испанский социолог Мануэль Кастельс наметил пути исследования культуры информационных сообществ, включающих в себя и виртуальные сообщества. Кастельс считал, что новая виртуальная культура – «культура реальной виртуальности», представляет собой материальное и символическое пребывание людей в виртуальном пространстве, погруженных в «установку виртуальных образов» [3, гл. 5].

Успешная самореализация в геймерском сообществе связана прежде всего с освоением культурного коммуникативного кода, включающего в себя сленг и символы, культурных норм, реализуемых в пространстве онлайн-игр, а также достижение высокого статуса внутри комьюнити. Другими словами, успешное освоение и реализация всех вышеперечисленных аспектов благоприятствует соотнесению геймера с геймерским сообществом («я – такой же, как вы») [4, с. 91].

Сразу же стоит оговориться, что игровое комьюнити далеко не всегда доброжелательно настроено как к новичкам в игре, так и к игрокам с определенным игровым опытом. Такое отношение игрового сообщества напрямую коррелирует с агрессивными высказываниями, производимых благодаря голосовому и текстовому чатам онлайн-игр, по отношению к другим игрокам. Также аффективно переживать свой игровой опыт увлеченные игроки могут в пространстве онлайн-форумов, посвященных определенным играм со своей спецификой и культурным наполнением. Постараемся раскрыть некоторые смыслы такой поведенческой стратегии современной молодежи.

В онлайн-играх люди, как правило, коммуницируют друг с другом, используя голосовой и текстовый чаты. Геймеры могут обсуждать план на игру, стратегии поведения, в общем, принимать какие-то решения, способствующие достижению победы, но не всегда игроки могут достигнуть консенсуса в этом плане, в связи с чем и происходят конфликты. Конфликты в онлайн-играх зачастую могут сопровождаться агрессивным поведением игроков, нарушением игровых и культурных норм данного сообщества: *«Достаточно частая ситуация, когда чуваку*

просто не дают героя или не дают линию, и он просто стоит на фонтане афк[1],или идет фидить[2] из-за того, что ему не понравился пик саппорта[3] <...> Русское комьюнити агрессивно и падко на оскорбления, причем необоснованные, необоснованные какие-то рейджи[4], просто уходят люди в тильт[5] и ни из-за чего, из-за банальных вещей» (Интервью № 10. Муж., 18 л., студент вуза. Пермь, Пермский край. Записано 06.01.2019.).

Агрессивное поведение определенного игрока по отношению к своим товарищам по команде не только мешает размеренному игровому процессу, но и нарушает культурные и этические нормы, принятые большинством участников геймерского сообщества. Нарушающий культурные нормы игрок, зачастую, будет подвергаться дискредитации другими игроками и может быть выключен из игрового процесса своими же товарищами по команде за счет обрыва каналов коммуникации (голосовой и текстовый чат): *«люди начинают орать, негативить и просто мутать[6]»* (Интервью № 12. Муж., 19 л., студент колледжа. Пермь, Пермский край. Записано 10.02.2019.).

В игре Dota 2 голосовому чату, как отмечают респонденты, уделяется особо большое значение. Однако на разных игровых рейтингах взаимодействие через голосовой чат осуществляется по-разному, что отмечают некоторые респонденты: *«Например, на high скиле[7] люди более серьезно относятся к игре, больше "горят", грубо говоря, могут оскорбить, еще что-нибудь, потому что у них отношение к игре совершенно другое. На рейтинге, например, три тысячи, там люди просто заходят поиграть, там меньше таких токсичных людей, которые могут тебя оскорбить. Ну и на рейтинге две-одна тысяча, там просто люди не понимают ничего в доте и только стонут»* (Интервью № 13. Муж. 20 л., студент вуза. Пермь, Пермский край. Записано 10.03.2019.).

В данном случае мы видим, как в зависимости от рейтинга игроков формируется определенное отношение к игровому процессу, а за ним культурные и этические нормы игроков с различными уровнями мастерства. Чем выше рейтинг, тем больше шансов у игрока наткнуться на очередной конфликт.

---

[1] Афк – не производить никаких действий в игре (от англ. afk – away from keyboard).

[2] Фидить – нарочно поддаваться команде противника, ставя тем самым свою команду в невыгодное положение.

[3] Здесь имеется в виду, что игроку не понравился выбор игрового персонажа союзником.

[4] Рейдж – состояние, в котором человек впадает в ярость.

[5] Тильт – состояние игрока, вызванное сильными эмоциями от выигрышей или проигрышей, при котором он играет в не свойственном ему стиле и начинает допускать много ошибок в игре.

[6] Мут (от англ. mute) – возможность отключить звуковое сопровождение определенному игроку (voice chat).

[7] High skill – высокий уровень мастерства всех игроков в рамках определенного матча.

Подобные конфликты игроками могут выноситься на обсуждение в онлайн-форумах, посвященных определенным играм, в нашем случае это форум, посвященный игре Dota 2. Пример, на котором стоит остановиться и разобрать реплику игрока, жалующегося на плохую игру союзников и показывающего свое негодующее отношение к игровому процессу: *«Шла 4 игра в скрытом пуле, а так еще и в лп*[8] *плюсом. Выбор каждую игру или вилкой в глаз или минером/виспом/лон друидом*[9] *скатай раз... Тиммейты встают афк и ломают шмотки с 10 по 15 минуту, после того как хорошо пофидили все линии. Не важно кто ты, хоть миракл*[10]*, хоть с алл мутом*[11] *– против тебя 5 смурферов*[12] *на их мейн героях. <...>»* (Dota 2 Forum, [6]).

В первой части высказывания игрок принял распространенный среди игроков, играющих в Dota 2, стереотип о существовании некоего игрового сообщества, в которое попадают игроки, нарушающие этические, культурные и игровые нормы («скрытый пул»). Проще говоря сообщество, в которое попадают игроки, не справляющиеся со своей игровой функцией в команде. Другими словами, «скрытый пул» – это слух, трактуемый эталонными образцами, но о них речь пойдет дальше. Как в этом сообществе оказался автор данного высказывания, не уточняется.

Далее мы видим, как он иронизирует по поводу выбора героев, предложенных ему в особом режиме для игроков, нарушивших игровые нормы, при этом он не стесняется использовать игровой сленг («Выбор каждую игру или вилкой в глаз или минером/виспом/лон друидом скатай раз»). После этого он начинает негодовать на союзников (тиммейтов), не справившихся со своей игровой задачей («пофидили все линии») и нарушивших этим самым культурные и игровые нормы («тиммейты встают афк и ломают шмотки с 10 по 15 минуту»). Заканчивается реплика опять же негодованием по поводу сложившейся игровой ситуации, в которой, по его мнению, игра или игровая система неправильно распределила противоборствующие команды (против тебя 5 смурферов на их мейн героях»), при этом он упоминаниет эталонные («хоть миракл») и антиэталонные образцы, принятые в игровом комьюнити Dota 2 («хоть с алл мутом»), чтобы подчеркнуть безвыходность сложившейся ситуации.

---

[8] Лп (от англ. Low Priority) – специальный режим игры, в котором игроку необходимо победить определенное количество раз, чтобы иметь возможность выбора режима игры (выдается игрокам, нарушающим игровые нормы).

[9] Здесь: игровые персонажи Dota 2.

[10] Miracle – профессиональный игрок в Dota 2.

[11] All mute – зачастую используется в качестве никнейма игроками, которые не хотят вступать в коммуникацию с командой.

[12] Смурф – не основной аккаунт игрока, зачастую с более низким показателем рейтинга, чем на основном.

Эталонными образцами для геймеров в первую очередь являются стримеры[13], блогеры, контент-мейкеры и т.д. Деятельность блогеров и стримеров выглядит престижной и высокооплачиваемой в глазах респондентов и игрового комьюнити. К высказываниям эталонных образцов обычные игроки прислушиваются, пытаются копировать стиль игры и общения, что зачастую приводит к внутриигровым конфликтам и нарушением игровых, культурных и этических норм: *«тот же самый epileptick1d[14], например, очень токсичный игрок в доте, всех оскорбляет, поливает помоями 24/7 налево и направо, считает себя негласным королем доты. <...> Часто «молодые шарящие юноши», так скажем, заходящие в ту же самую игру делают то же самое, как он на стриме»*. (Интервью № 17. Муж. 18 л., студент вуза. Пермь, Пермский край. Записано 27.01.2020.).

Чаще всего стримером является молодой игрок профессионального или любительского уровня, выделяющийся на фоне других стримеров своим уникальным стилем и уровнем мастерства в игре (или его отсутствием). Стримеры представляют собой престижную группу, обладающую высоким статусом и положением в игровом сообществе, их деятельность престижна и, кроме того, они выступают в роли культурных экспертов – по любому вопросу рядовые игроки зачастую обращаются именно к ним. Престижная группа, принятая в геймерском сообществе, представляет на обозрение публике свои достижения, выражающиеся в определенном стиле поведения, стиле коммуникации со своими игровыми товарищами (нередко агрессивном), игровом опыте и статусе. Некоторые популярные среди игрового комьюнити личности, по словам респондентов, понимают груз ответственности за свое поведение и стараются не допускать конфликтных ситуаций: «*И вот, ALOHADANCE[15] мне этим самым и понравился, что он как бы и чсвшный игрок, но вроде бы он понимает, что он в ответе за свою аудиторию, что она, скорее всего, будет повторять за ним. Если он сломает шмотки, встанет афк в паблике, то чаще всего так же будут поступать и его фанаты. И так как Алоха, еще раз повторюсь, понимает ответственность за свою роль в дота комьюнити, он старается так не делать»* (Интервью № 17).

Однако есть среди эталонных образцов игрового комьюнити Dota 2 и такие, о которых весьма лестно отзываются некоторые игроки, считая их стиль поведения и игры «нормальным для любого дотера»: «*Стрей – это пример “универсального Дотера”: в нём есть практически все черты, которые нужно иметь любому нормальному Дотеру. Юморит, не*

[13] Игроки, которые транслируют изображение со своего экрана в Интернет в режиме реального времени.
[14] epileptick1d – профессиональный игрок в Dota 2.
[15] ALOHADANCE – профессиональный игрок в Dota 2.

токсичен, саркастичен, имеет высочайший скилл[16] *на рейтинге минимум до 5к, даже в случае поражения благодарит команду за игру, максимально устойчив к тильту и троллингу, не байтится на рейдж, и самое главное – играет на простых и доступных любому 0к ммр челику героях*[17] *<…>»* (Dota 2 Forum, [7]).

Таким образом геймеры воспроизводят присущую только им культуру и образуют специализированное в своей деятельности сообщество. Человек может попасть в это сообщество, если усвоит его культурные коммуникативные коды, освоит культурные нормы и правила поведения данного сообщества. Игровое сообщество создает своих культурных героев в качестве эталонных образцов для большинства геймеров, ценящих игровые достижения и борющихся за высокий статус в сообществе, прямо связанный с ними. Социальное взаимодействие внутри игры дополняется взаимодействием вне самих игр, формируя сообщество игроков определенных игр, определенного жанра игр и т.д. Эталонные образцы, принятые в игровом сообществе, играют большую роль в формировании игровых и культурных норм данного сообщества, а также могут оказывать значительное влияние на досуговые практики и стиль поведения современных молодых людей, увлекающихся компьютерными онлайн-играми.

Список литературы

1. Репринцева Е. А. Эволюция современной игровой культуры молодежи // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 1. С. 49–70.
2. Lankoski P., Bjork St. Game Research Methods: An Overview. URL: https://books.google.ru/books?id=Pya9CQAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 11.09.2020).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения: 11.09.2020).
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007. 250 с.
5. Сулейманов Е. Ф. Культурные практики современных пермских игроков в компьютерные онлайн-игры // Культурный код. 2019. № 2. С. 17–24.
6. Dota 2. Форум: [сайт]. URL: https://dota2.ru/forum/threads/na-grani-nervnogo-sryva.1316483. (дата обращения: 11.09.2020).
7. Dota 2. Форум: [сайт]. URL: https://dota2.ru/forum/threads/xejteram-stray228.1296474. (дата обращения: 11.09.2020).

[16] Скилл – игровые умения (мастерство).
[17] Здесь имеется в виду, что стрим игрока носит образовательный характер.

УДК 659.125.013:659.157
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.32

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ НА ЦИФРОВОЙ ПЛОЩАДКЕ INSTAGRAM

Шавлохова А. А.[1*], **Лукьянова Н. А.**[1, 2, 3]

[1]*Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)*
[2]*Томский государственный университет (Томск, Россия)*
[3]*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)*
[*]*E-mail: ollyvost@tpu.ru*

FUTURE'S SYMBOLIC REPRESENTATIONS IN DIGITAL SPACE OF INSTAGRAM

Shavlokhova A. A.[1*], **Luk'yanova N. A.**[1, 2, 3]

[1]*National research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)*
[2]*Tomsk State University (Tomsk, Russia)*
[3]*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)*
[*]*E-mail: ollyvost@tpu.ru*

Аннотация. Проблематика образа будущего продолжает входить в ракурс современных тематик, необходимых для изучения, особенно в эпоху развития дигитального социума. Дискурс в отношении визуальных представлений касательно образа будущего в России является малоизученной темой и, в основном, представляет собой список прикладных работ, посвященных количественному исследованию социальных сетей в конкретных областях знаний без соотнесения с конструируемым будущим. Проблематика темы данной работы сфокусирована вокруг аспектов качественного анализа репрезентаций символических представлений о понятии будущего в дигитальной среде Instagram (насчитывающим 59,4 млн. отечественных пользователей). Цель – проанализировать символический конструкт «Уверенность в будущем» в цифровой среде Instagram, как часть процесса конструирования символической экспликации образа будущего. Результаты данной работы отражают пассивную тональность уверенности в собственном будущем среди российских пользователей, которая выражается в сосредоточении на устремлении жить сегодняшним днем без планирования будущего.
Ключевые слова: *цифровизация, Instagram, символ, образ будущего.*

Abstract. The problem of the image of the future is included into most of the modern topics, which are necessary for study, especially during the era of the digital society. The visual

representations discourse of the image of the future in Russia is an understudied topic. The problem of this work focused around the aspects of qualitative analysis of symbolic representations of the concept of the future in the digital environment of Instagram (59.4 million domestic users). The goal is to analyze the symbolic construct “Confidence in the future” in the digital environment of Instagram, as part of the process of constructing a symbolic explication of the image of the future. The results of this work demonstrate a passive tone of confidence in their (Russian users) own future, which is expressed in a focus on the aspiration to live in the present without planning.
Keywords: *digitalization, Instagram, symbol, image of the future.*

С появлением современных и передовых дигитальных средств коммуникации произошла трансформация сознания субъекта цифровой реальности, в рамках которой он (субъект познания) оказался полностью погруженным в пространство искусственно сконструированных образов. Последствия распространения современных технологий в рамках нового информационного общества уже приносит свои плоды, внося как положительные, так и негативные аспекты в жизнь социума. Глобальные проблемы, связанные с самоидентификацией личности (особенно – молодого поколения), набирают свои обороты из-за перенасыщенности информационного поля. Современное мышление людей более не похоже на «традиционную» ее форму с классической рациональностью и способностью к критическому познанию – ядром нынешнего постнеклассического мышления (В. С. Степин) является «инновационная синергетическая сложность» [1, с. 106], которая качественно иным образом влияет не только на представление о настоящем, но и на форму мыслей относительно будущего. Данное обстоятельство актуализирует поиск решений относительно процессов конструирования символической экспликации образа будущего в рамках цифровых площадок (в данном случае для анализа предлагается одно из популярных приложений – Instagram).

Символическое поле цифровых пространств (в частности – Instagram, которое является самым популярным приложением для обмена фото и видеозаписями) заменяет современному человеку реальность, и уже в рамках заданных парадигм субъект может самостоятельно конструировать образную составляющую представлений о собственном, и даже коллективном будущем. Проблематика поиска ключевых образов, формирующих нынешнее представление о будущем среди российского общества пользователей социальной сети Instagram осложняется еще и тем, что с каждым нововведением в технологическом плане увеличивается и скорость изменения самого пространства феноменов / образных конструкций.

Информационная перенасыщенность, доступность и, одновременная, односторонняя форма подачи сформировали, по мнению некоторых ученых, поколение миллениалов, или «цифровых аборигенов» [2, с. 2–5],

которые не способны отличить реалии цифрового пространства от существующего мира. Вследствие этого, для дальнейшего качественного исследования политических настроений среди пользователей особенно важно учитывать символическую экспликацию представлений о будущем.

Символический аспект важно учитывать вследствие того, что он (символ) является «интеллектуальным инструментом культуры» (по С. Лангер) [3, с. 95], который отражает конструирующую функцию субъекта как ментора «собственной цифровой реальности». Если опираться на работы Э. Тоффлера [4, с. 152–153], то именно вещи, люди, место и время (которые объединяет в себе символическая структура дигитальной реальности) является тем звеном, участвующим в формировании как социального опыта, так и ощущения уверенности либо отсутствие уверенности в будущем. Как известно, в начале XX века проблема исследования будущего стала самостоятельной проблемой, и раскрывалась в ряде философских работ: трансгуманизм (Н. Бостром, Ф. М. Эсфендиари, А. А. Болонкин), альтернативистика (Г. Гендерсон, М. Фергюсон, И. М. Савельева), глобалистика (А. Н. Чумаков, В. А. Дергачев). Как показал анализ литературы, в настоящее время исследования символической экспликации представлений о будущем в категориях повседневности, репрезентируемых посредством цифровой среды, не проводятся.

Исследование процессов конструирования символической экспликации образов будущего в рамках цифровой площадки Instagram позволит понять отношение отечественных пользователей к будущему, так как именно доступность и вседозволенность, отсутствие идеологической цензуры позволяет субъектам активно и беспрепятственно выражать собственную точку зрения (т.е. формулировать смысловое поле). Дигитальные образы становятся некоторыми медиумами в своем замкнутом пространстве, со своей собственной реальностью представления образа будущего, но при этом также являются конструктами нашей повседневности в социальных медиа.

Современная реальность представляется нашему поколению уже в рамках заданных, постоянно-изменчивых и искусственно сформированных цифровых образов. В связи с этим меняется и способ познания окружающей реальности (преобладает «сетевой» характер мышления), где превалируют именно самостоятельно сконструированные образы повседневности, предписывающие различные значения в понимании будущего.

По мнению авторов, субъект познания, «присутствуя» в перенасыщенной цифровой реальности, имеет потребность и возможность выстраивания собственной когнитивной схемы образа будущего на основе ключевых элементов самостоятельного конструирования в определенной классификации

Данная работа является частью крупного исследовательского проекта, посвященного изучению доминирующих символических экспликаций представлений о будущем среди российских пользователей как части целого процесса, формирующего социальную среду. В качестве базового конструкта в данной работе были исследованы публикации с ключевыми словами, относящимися к понятию «Уверенность в будущем» за период с января по июнь 2020 года (порядка 50 публикаций). При анализе был использован конструктивистский принцип, согласно которому пользователь самостоятельно придает смысловое значение тем или иным событиям с помощью символов как интеллектуальных единиц, тем самым обозначая либо выражая свое отношение к данной проблеме.

По результатам исследования было установлено, что в 40 публикациях (80% записей) пользователями конструировалась позитивная оценка уверенности в собственном будущем, которая эксплицировалась в наборе невербальных символов, отражающих проекцию светлого будущего на момент настоящего (записи были посвящены стремлению «жить здесь и сейчас»). Символический аспект, формируемый данными публикациями, отражает своеобразный акт «надежды на светлое будущее», а также выражает призыв российской части пользователей Instagram к властям по налаживанию социально-экономической обстановки в стране (в связи с пандемией коронавируса). При этом превалируют невербальные посылы пользователей, имеющих условный подтекст отсутствия веры в собственные силы, то есть авторы не являются акторами общественных отношений, способными повлиять на будущее страны, а лишь объектами, погруженными в заданные обстоятельства и вынужденными искать позитивные образы мыслей с надеждой и верой в собственное светлое будущее.

Остальные записи по исследуемому символическому конструкту «Уверенность в будущем» были посвящены коллективному будущему российского социума, который транслирует контекст «неизведанного» будущего вследствие сопутствующего пандемии экономического упадка страны. Пользователи повествовали о собственной неподготовленности к длительной пандемии и транслировали идеи поиска новых способов заработка без устремлений спланировать будущее.

В качестве результата проведенного исследования можно констатировать устремление большинства пользователей социальной сети Instagram говорить о будущем в контексте позитивных образов повседневности, отраженных в процессе символической экспликации светлого образа будущего (проецируя идею светлого будущего через стремление жить «сегодняшним днем»). С одной стороны, данная экспликационная модель говорит о том, что превалирует позитивная оценка собственного будущего среди российских пользователей цифровой площадки, но с другой стороны, данный символический посыл говорит о

невозможности планирования собственного будущего на долгий срок (пассивная тональность публикаций). По мнению авторов, это может быть обусловлено тяжелой социально-экономической ситуацией, которая сложилась на данный момент в связи с пандемией коронавируса, которая накладывается на неструктурированное мышление цифровых аборигенов, чья когнитивная схема познания нацелена на жизнь «здесь и сейчас», в текущем моменте, без привязки к традиционным ценностным установкам (получение высшего профильного образования, карьеры, трудолюбия, покупки собственного жилья и т.д.)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ (грант № 20-011-31100) «Исследование процессов визуального конструирования образа будущего России в повседневности социальных медиа (на примере Instagram)».

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: Иф РАН, 2016. 196 с.
2. Шнейдер Л. Б., Сыманюк В. В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. 7 с.
3. Лангер С. Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. М.: Республика, 2000. 287 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.

УДК 008: 159.9.01
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.33

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА МЕДИАПЕРСОНЫ ПОСРЕДСТВОМ МИФОДИЗАЙНА

Яковлева Е. Л.

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (Казань, Россия)
E-mail.ru: mifoigra@mail.ru

TO THE PROBLEM OF CONSTRUCTING THE MEDIA PERSON'S IMAGE THROUGH MYTHODESIGN

Iakovleva E. L.

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)
E-mail.ru: mifoigra@mail.ru

Аннотация. В современности появляются новые техники конструирования, производства и тиражирования информации. К их числу можно отнести мифодизайн, с помощью которого на социальных платформах медийные люди позиционируют себя, что становится их культурным капиталом. Продуцируя посредством мифодизайна истории, медийные лица не только демонстрируют свой стиль жизни, но и занимаются рекламой, формируя вкусы и потребности массового сознания. Рекламные мифы перемещают оптику внимания на эгоизм и жизненные удовольствия, материальное благополучие и комфорт, взращивая в воспринимающих неонарциссизм. Личные мифы жизни медиаперсоны, играющие роль рекламных текстов, создают ауру доверительности и доброжелательной близости с людьми. Участие в рекламных акциях подчеркивает неонарциссизм медиаперсоны и дает власть над массовым сознанием. Данный вид коммуникации рождает многочисленные иллюзии, превращая жизнь и общение в симуляцию.
Ключевые слова: *медиаперсона, коммуникация, мифодизайн, миф, неонарциссизм, реклама.*

Abstract. In modern times, new techniques for the construction, production and replication of information appear. These include myth-design, with the help of which media people position themselves on social platforms, which becomes their cultural capital. Producing stories through myth myth design, media people not only demonstrate their lifestyle, but also engage in advertising, shaping the tastes and needs of the mass consciousness. Advertising myths shift the optics of attention to selfishness and pleasures of life, material well-being and comfort, cultivating perceivers of neonarcissism. Personal myths of life, media personnel playing the role of advertising texts create an aura of trust and friendly closeness with people. Participation in promotions emphasizes the neo-narcissism of media personnel and gives power over the mass consciousness. This type of communication gives rise to numerous illusions, turning life and communication into a simulation.
Keywords: *media person, communication, myth design, myth, neo-narcissism, advertising.*

Современный мир динамичен и изменчив, сложен и непредсказуем. Все большее число культурно-антропологических практик освоения бытия оказываются связанными с миром цифровых технологий. Их интенсивное развитие не только меняет мир, но и, проникая в жизнь людей, способствует трансформациям в их мировидении, мышлении, алгоритмах проявлений. Благодаря цифровым технологиям происходит реорганизация повседневности и возникают новые типы социальной коммуникации. Сегодня в социальном мы наблюдаем активное видоизменение техник конструирования, производства и тиражирования информации. Именно от умения проектировать и формировать текст и образ в социальных сетях (в том числе в Instagram, Facebook, YouTube), позиционируя в нем Я, зависит процесс обретения/поддержания популярности и рост культурного капитала. Неожиданно приобретенный на социальных платформах «успех открывает путь многообразию, освоению новых сфер деятельности, призывает использовать ресурсы имени по всем направлениям», потому что имя становится лучшей рекламой [1, с. 252]. Не случайно медийные лица оказываются *мультизвездами*, заявляющими о себе в политике, киноиндустрии, шоу-бизнесе, рекламе и пр. Их *пароксизматическому культу* (Ж. Липовецкий) способствуют цифровой мир и социальные платформы.

Перечисленное обусловило выбор объекта исследования: им стала коммуникация медийных лиц на социальных платформах. Аналитический метод исследования помог разобраться в особенностях конструирования информации.

Сегодня социальные платформы в Интернете оказываются способом свободной и креативной *коммуникации*. Ее значимыми единицами становятся визуальные компоненты и сопровождающие их небольшие нарративы. Они соответствуют клиповости мышления, а их постоянная дополняемость создает иллюзию динамики и насыщенности событиями жизни персоны. Фиксируя множество (незначительных/мифизированных) эпизодов повседневности, медиаперсона делает акценты на имидже, стиле жизни, удовольствиях и развлечениях. В создаваемых текстах господствует технологичность, помогающая создать видимость роскошного/модного образа жизни. Перечисленное доставляет визуальное удовольствие как медиалицу, так и массовому сознанию.

Одним из мощных средств формирования и преподнесения информации в социальных сетях оказывается *мифодизайн*. Он стал наглядным методом реализации вебленовской теории демонстративной праздности и потребления [2]. Согласно А. В. Ульяновскому, мифодизайн представляет собой «вид социально-культурной технологии, отличающийся применением особых системных процедур конструирования коммуникативного качества и коммуникативно-предметного поля товара/услуги и особенным вниманием к поддержанию доверия целевых аудиторий» [3, с. 154–155]. Расширяя данное

определение, отметим: мифодизайн помогает репрезентировать личность, выстраивая вокруг нее коммуникативный дискурс.

Сегодня мифодизайн относят к одному из мощных средств социального управления. Он играет роль конструктора, способствуя актуальности/значимости/сенсационности информации. С его помощью продуцируются и тиражируются современные социальные/личные мифы как «контекстуально условно истинные и аксиологически (в плане ценностей и их норм) доверительные высказывания» [3, с. 5]. Являясь вечной символической формой, миф пластично подстраивается под тенденции времени. Прагматично создаваясь, он вмещает в себя без ограничений любое содержание. Мифическая образность и эмоциональность способствуют долговременности его воздействия на массовое сознание.

Мифодизайн универсален. Он оказывается формой удовлетворения многочисленных потребностей медиаперсоны, в том числе подавляя меланхолию, пессимистические настроения, психологический дискомфорт. Мифодизайн содействует саморекламе медиаперсоны, позволяя ей театрально преподносить себя. Страницы медийных лиц на социальных платформах являются *фактом гиперактуального присутствия* (Ж. Липовецкий). В их основе лежат личные мифы, удовлетворяющие тягу индивида к мифотворчеству и власти. Создавая их, персона оказывается ничем не ограниченной, отдаваясь во власть современных тенденций и актуальных тем, связанных со стилем жизни и модой. Всё внимание в мифодизайне сосредоточено на конструировании имиджа медийного лица, что помогает реализовать желание в независимости и самовыражении. На страничках социальных сетей обнаруживается самолюбование медиаперсоны собой, *празднество видимостей и переменчивых обликов* (Ж. Липовецкий). В этом продолжающемся празднике наблюдаются бесконечные обновления, а медийная личность «тонет в удовольствии от перемен и перевоплощений… в искусственном зрелище самого себя, выставленного на обозрение другим» [1, с. 150]. Перечисленное свидетельствует о проявлении черт *неонарциссизма*. Он связан с возможностью на социальных платформах продемонстрировать ярко выраженный эстетизированный индивидуализм и чувствительность, интимную субъективность и жажду жизни, собственный статус, пристрастия и вкусы, динамизм событий и их необычность/изысканность/престижность. Современный Нарцисс во всем ищет *новизну*, которая должна соответствовать его психологической утонченности и гедонистическим установкам. Он постоянно делает ревизию мыслей и идей, меняя вектор развития и настраивая себя только на настоящее, что помогает избежать скуки. Нацеленность на новизну, в первую очередь, проявляется в стиле жизни и имидже. Гедонистические и гиперэстетические установки современности внушают, что «каждый

призван работать над своим имиджем, приспосабливаться к новым веяниям, поддерживать себя в должном состоянии, проходить переподготовку, перестраивать свои привычки» [1, с. 143].

Обольстительный образ медийной персоны есть результат пластической хирургии, изнуряющих тренировок и диет, макияжа, графического редактора Photoshop, правильных ракурсов и пр. Медиаперсоны превращают себя в идеал, создавая ореол (само)восхищения. Красота становится ударной силой обольщения, добиться которого сегодня помогают различные программы, в том числе многофункциональный графический редактор Photoshop. Он создает желаемые эффекты, подгоняя образ медиаперсоны под современный стандарт и создавая впечатление шикарного/изысканного/ утонченного/элегантного внешнего вида. Перечисленное доставляет удовольствие. Обновленная образность и тематика, пускаясь в тираж, демонстрируют значимость медиалица, привлекая к нему внимание.

Производство мифов посредством мифодизайна на социальных платформах превратилось в необременительное времяпровождение, основанное на вуалированном социальном заказе и свободном фантазировании. При этом свобода регламентирована целью/заданием и нередко базируется на подсмотренном/увиденном у Других. Миф конструируется ситуативно, исходя из тенденций/новинок/настроений. Он представляет собой вереницу нескончаемых фантазий, зафиксированных в фото-/видеосюжетах, где медиалицо пытается утвердить собственную уникальность. Привлекательность медиадизайна как технологии, расширяющей личные возможности, заключается в эстетической моделируемости его содержательных/визуальных компонентов. Они создают иллюзию креативности медиаперсоны, затрачивающей минимальное количество ресурсов.

При построении образа и текста к нему медиалицо обращается к особой риторике – статичной (размещение фотографии), полудинамичной (тиражирование серии фотографий) и динамичной (прикрепление видеосюжета) [3, с. 16]. В текстах мифа акценты расставлены на экзистенциальных потребностях личности, обретении ценностных смыслов, чудесности преображений, положительной/завышенной самооценке, уверенности, загадочности, связанных с современным стилем жизни. Нередко в мифах используют «шокирующую новизну, зрелищность, отклонение или даже отход от общепризнанных норм, эмоциональный взрыв» [1, с. 136]. Личный миф позволяет медиаперсоне быть уравновешенной и необузданной, социально ответственной и бунтарской. Благодаря этому поддерживается не только баланс мифического как *гармоничной нормы социального мифа* [3, с. 120], но и интерес к медиалицу.

Фото-/видеообразы и нарративы на страницах медиаперсон, связанные с их праздной деятельностью и жизнью, содержат *рекламу*, поданную ненавязчиво и практически прозрачно. Посредством рекламы медийная персона не только продвигает свое имя и новинки, получая экономическое вознаграждение и бонусы, но и испытывает удовольствие в саморекламе, демонстрирует свой статус и даже хвалится перед другими, воздвигая «дистанцию между людьми», исключая «из конкурентной борьбы… конкурентов» либо приспосабливая их к себе [1, с. 199]. Самореклама медийного лица обольщает магией хитросплетения симуляций, имеющих мало общего с реальностью. Но в этих уловках массовое сознание не желает разбираться, потому что они требуют не только усилий воли, но и аналитического подхода. Сами социальные платформы медийных лиц переполнены противоречивой (фото-/видео)информацией, но об этом никто не задумывается. Дело в том, что множество страниц и социальных платформ с запечатленными образами медиаперсон вливаются в потоки информации, о которой быстро забывают. Их можно отнести к артефактам «саморазрушающейся культуры, не оставляющей после себя никакого следа» [1, с. 221].

Рекламируя новинку (услугу/вещь/место), медийное лицо делает акцент на превосходном качестве и позитивных чувствах, доставляемых приобретенным, их полезности и функциональности. В рекламе медиалицо демонстрирует абстрактную любовь и определенную сюрреальность жизни, выраженную в гипертрофированном эстетизме. Рекламные тексты, вплетенные в повествовательные рассуждения о жизни медиалица, создают иллюзию доверительного отношения к массовой аудитории. Подчеркнем, обращение в них безлично, оно демонстрирует позицию медийного лица, ее нарочитый пафос и театральность, переизбыток эмоций, в первую очередь, в отношении себя. В доверительном нарративе медиаперсона сообщает о событии, случившимся с ней или свидетелем которого она было, вкладывая в речь определенное рекламное послание. Как правило, история медиаперсоны оказывается простой и понятной: звезда показывает близость ее проблем каждому человеку, что базируется на эффекте отражения. Сама речь строится на неожиданностях и сюрпризах, удивлении и воодушевлении, гипертрофированном восторге и показном счастье, юморе и экстравагантности, зрелищности и театральных эффектах, простоте и откровенности. Необходимо отметить, что данные приемы соответствуют особенностям медиадизайна, помогающему выстроить коммуникацию на социальных платформах. Кодекс подобного общения базируется на психологизме, открытости, естественности и близости, что имеет своей целью планомерно и импульсно воздействовать на массовое сознание. Отказ от проектных целей, соразмерных благу всех, приводит к концентрации внимания на благе личности, ее потребностях, малых целях, которые приведут к большим успехам. Эмоциональность и

чувствительность к потребности качества жизни вуалируют экономическую составляющую новинки/услуги, чем сводят к нулю возмущения.

Скрытая реклама способствует привлечению внимания посредством разыгрывания эмоций и преувеличенной бессмысленности с элементами цинизма. Мифодизайн становится техникой современного *экспресс-обольщения* (Ж. Липовецкий), для которого характерна сиюминутность и расслабленность восприятия. Это обольщение незаметно, одномоментно, поверхностно. Образ медийной персоны, сконструированный посредством мифодизайна, становится своеобразным эталоном, на который начинает ориентироваться массовое сознание, соблазняясь рекламируемыми имиджем/услугами/товарами. В фиксируемых образ(ц)ах/сценах всё подвергается тщательному ретушированию и обработке. В итоге массовому сознанию демонстрируется идеализированная заурядность, представленная в роскошных интерьерах и среди изысканных вещей. Акцент на приобретенных товарах и услугах, эмоциональность в описании последствий обладания, будя воображение, дарит обещание массовому сознанию в преображении жизни.

Помимо перечисленного, необходимо назвать еще один элемент рекламы, вплетенный в повседневность фрагментов жизни медийной персоны – это создание иллюзии реальности с целью заставить поверить массовое сознание в происходящее. Создаваемые посредством мифодизайна мифы находятся *по ту сторону истины и лжи* (Д. Дж. Бурстин). В них медийное лицо сообщает «как можно меньше проверяемых фактов, подменяя их мнимо правдоподобными сведениями, которые только кажутся убедительными и заслуживающими доверия» [1, с. 215]. Необходимо признать, что в конструируемых посредством мифодизайна мифах обнаруживается множество содержательных симулякров, внедряющих в массовое сознание иллюзии. Например, смысл жизни связывают со стилем жизни, для которого характерно финансовое благополучие и следование модным тенденциям; процессуальность и действенность заменяют счастьем обладания; рекламируемые отдых и развлечения выполняют функцию бегства от реальности. Миф приводит к смене ценностей и качественным искажениям информации, а медиаперсона, конструирующая данные мифы, получает возможность демонстрировать свою власть посредством влияния на аудиторию. Подчеркнем, участие в рекламе дает медиалицу неограниченную *власть над массовым сознанием*, подтверждая нарциссичность. Медийная персона получает возможность задержать скользящее внимание людей на себе, сформировать их вкусы и желания, прагматично перестроить оптику мировидения на материальное благополучие и комфорт, мягко советуя и обучая с доброжелательной отчужденностью. Подобная власть имеет поверхностный характер или «нечто вроде нулевой степени власти» [1, с. 226].

В заключение отметим, сегодня социальное пространство оказывается перегруженным информационно-коммуникативными потоками, представляющими собой рекламно-симулятивное позиционирование людей и мифы об их жизни. Их конструирование на социальных платформах осуществляется посредством мифодизайна, помогающего сконструировать имидж и преподнести в необходимом ракурсе стиль жизни в виде фото-/видеоэпизодов и нарративов к ним. К тактикам мифодизайна обращаются медийные люди, поднимая тем самым свой рейтинг популярности. Но большая часть материалов медийных лиц на социальных платформах представляет собой рекламную коммуникацию, обольщая массовое сознание и программируя его на потребление. Позиционирование посредством мифодизайна медиаперсоны служит источником симуляций и растраты на них психологической энергии.

Список литературы

1. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М.: НЛО, 2012. 336 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5890 (дата обращения: 2.10.2020).
3. Ульяновский А. В. Мифодизайн в рекламе. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2011. 168 с.

ЯЗЫКИ И КОДЫ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 808-1
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.34

РЕАЛИЗАЦИЯ ГИПЕРТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Абросимова Е. А.*, Куламихина И. В.

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)
**E-mail: abrosimova@inbox.ru*

REALISATION OF STRUCTURES OF HYPERTEXT IN THE MODERN POETIC DISCOURSE

Abrosimova E. A.*, Kulamikhina I. V.

Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Omsk, Russia)
**E-mail: abrosimova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются гипертекстуальные взаимодействия между произведениями современного поэтического дискурса и интернет-ресурсами, являющимися, с одной стороны, своеобразными резервуарами культурной памяти, а с другой – феноменами пустоты, если ссылка ведет к несуществующей странице в Сети. В обзорной части работы анализируются отечественные и зарубежные исследования, посвященные интертекстуальности и интермедиальности как механизмам передачи культурной памяти; гипертекстовым структурам, с помощью которых поэт получает возможность устанавливать прямую связь между своими стихотворениями и различными изображениями, текстами, мелодиями, видео; а также феномену пустоты, который имеет особый статус в сетевом пространстве. Определяются специфические особенности гипертекстовой организации поэтического произведения, связанные с «обнажением» интертекстуальных связей и демонстрацией читателю самого процесса создания стихотворения, круга чтения автора, а также с особой ролью пустого пространства, если ссылка ведет к несуществующему ресурсу. Делаются выводы о таких чертах поэтики гипертекстовых произведений, как стремление к реализации ассоциативного потенциала поэтического слова через выразительные возможности интернет-медиа, а также через символику удаленной страницы в Сети.

Ключевые слова: *гипертекстовая поэзия, гиперссылка, культурная память, интертекстуальность, интермедиальность, феномен пустоты, поэтическая коммуникация, современная поэзия.*

Abstract. The hypertextual interactions between modern poetic discourse and Internet resources are discussed in the article. In this context, Internet resources have been considered, on the one hand, as a reservoir of cultural memory, and, on the other hand, as an emptiness phenomenon if the link leads to a non-existent page on the Web. National and foreign studies about intertextuality and intermediality as the mechanisms of cultural memory transfer are analysed in the review of the article. Hypertext structures through which a poet can establish a direct connection between his poems and various images, texts, melodies, videos are also considered. The phenomenon of emptiness, which has a special status in network space, is seen as a specific phenomenon of network communication. The peculiarities of the hypertext organization of a poetic work connected with revealing of intertextual connections and showing to the reader the process of creation of the poem itself, the circle of reading of the author, as well as with the special role of empty space are defined. Conclusions about specific features of hypertext poetry, such as the desire to realize the associative potential of a poetic word through the expressive capabilities of the Internet media, as well as through the symbolism of a remote page on the Web are demonstrated.
Keywords: *hypertext poetry, hyperlink, cultural memory, intertextuality, intermediality, the phenomenon of emptiness, poetic communication, modern poetry.*

Интернет-поэзия во многом изменяет традиционное представление о литературном процессе: появляются и устанавливаются новые формы коммуникации между поэтом и читателем, что оказывает влияние практически на все текстовые категории [1; 2; 3]. Одной из самых заметных черт современной интернет-поэзии становится особая форма творческой свободы: автор получает доступ, с одной стороны, к огромной читательской аудитории, а с другой – к безграничным ресурсам культурной памяти. Интернет является хранилищем самых различных текстов, изображений, анимаций, аудио- и видеоконтента – медиа в широком понимании этого слова [4], которые позволяют поэту в буквальном смысле овеществлять или озвучивать смыслы, заложенные в стихотворениях, «оживлять» художественный образ. При этом каждая картинка, текст, видео и т.д. имеют своего автора: они могут быть удалены, перемещены, дополнены. Кроме того, попавшие в Интернет медиа доступны для копирования, цитирования, изменения. В настоящее время можно говорить о таком виде сетевой литературы, как гипертекстовая поэзия. Авторы гипертекстовых стихов, по сути, устанавливают прямую связь своих произведений с разнообразными сетевыми ресурсами, являющимися своеобразными хранилищами культурной памяти. По воле автора поэтические смыслы воплощаются не только средствами самого поэтического текста, но и с помощью обращения к многочисленным изображениям, видео, текстам, мелодиям различных эпох, стилей, форматов и жанров.

Целью статьи является определение специфики практически не изученной к настоящему времени гипертекстовой поэтической коммуникации, в условиях которой автор в прямом смысле демонстрирует источники творческого вдохновения, а читатель получает возможность увидеть стихотворение в процессе его создания, увидеть мир глазами

автора, а также столкнуться с особым пониманием пустоты, если ссылка ведет к несуществующему ресурсу.

Материалом исследования стали произведения современной отечественной гипертекстовой поэзии, созданные и функционирующие в сетевом пространстве.

Современное литературоведение во многом основано на концепции культурной памяти и идее эволюции поэтического языка [5; 6]. Механизмом передачи культурной памяти является интертекст – «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерировать по шкале времени» [7, с. 20]. Своеобразным продолжением интертекстуальности в современных коммуникативных условиях, при которых на первый план выдвигается мультимодальный текст, становится интермедиальность – свойство феноменов культуры, в том числе вербальных, вступать в диалог с произведениями других семиотических кодов. Интерпретация интермедиального текста требует от адресата особого коммуникативного напряжения, возникающего при дешифровке различных семиотических кодов и установлении их связи в целостном произведении. Современная поэзия активно использует выразительные возможности как самих артефактов культурной памяти, так и интернет-среды, делающей возможными любые комбинации и взаимосвязи медиа и текстов. Эти взаимосвязи в сетевом пространстве обретают реальность благодаря гипертексту. Гипертекстовое произведение имеет коренные отличия от традиционного за счет специфической организации, влияющей на восприятие текста и его содержание [8]. Гипертекст, как и интертекст в целом, является одновременно и хаотичной, и упорядочивающей средой: «экстериоризованные гипертекстовые ссылки призваны не только разрушить, но и заново собрать <…> текст»; «текст должен как бы выйти за свои собственные пределы, рассыпаться и собраться вновь» [9, с. 42]. Исследователи акцентируют внимание на учащение обращения поэзии, а также коммуникации в целом, к феномену пустоты [10], предполагая, что «концептуализация пустоты в современной русской лингвокультуре – процесс живой и неоконченный» [11, с. 4]. Особенно разнообразным феномен пустоты становится в интернет-искусстве в целом и гипертекстовой поэзии, продолжающей во многом традиции авангарда, в частности. Пустота, к которой ведут поэтические гиперссылки, по-видимому, может рассматриваться как своеобразная форма молчания, которая осмысливается исследователями как реализация «нулевой степени письма», понятия, используемого «для обозначения особого типа семиотической асимметрии, на уровне высказывания, когда в плане содержания переживаются глубокие чувства, но форма их выражения отсутствует либо она неадекватна» [12, с. 659]. Одним из свойств гиперссылки является тот факт, что она представляет собой лишь

временный мостик, связывающий текст и различные медиа за его пределами: она может перестать работать. Пространство, к которому ведет гиперссылка, довольно часто оказывается недоступным, причем как для читателя, так и для самого автора. Но если при восприятии нехудожественного текста этот факт будет расценен как ошибка, требующая устранения, то в поэтическом произведении такой путь в никуда становится своеобразным выразительным средством. Интересно, что сами поэты рефлексируют это явление: «Это чем-то похоже на гибель скульптуры изо льда, замка на песке, надписи на берегу моря, etc» [5].

Попытаемся на основании обозначенных в обзоре концепций проанализировать несколько современных отечественных гипертекстовых поэтических произведений. Так, стихотворение В. Скирды «Зов» [5], посвященное праязыку, имеет три гиперссылки, каждая из которых ведет к определенной статье в Википедии. Первая ссылка – это кликабельная фамилия известнейшего лингвиста, расположенная под эпиграфом, который, в свою очередь, представляет собой строки, переведенные ученым на ностратический язык (праязык): «*Язык – это брод через реку времени, / он ведёт нас к жилищу умерших; / но туда не сможет дойти тот, / кто боится глубокой воды*» (В. М. Иллич-Свитыч). Ссылка ведет к статье, в которой читатель может познакомиться с основной идеей лингвиста и целью создания строк, помещенных в эпиграф. В строке «Кого настырно закликали» гипертекстуальна часть слова – *клик-*, ведущая к статье о щелкающих согласных; третья же ссылка – от слова *Праностратическим* – к информации о праязыках. При этом стихотворение в плане мотивов, образов, ритма, композиции имеет множество интертекстуальных перекличек, например, с поэзией Тютчева (ср.: «*Откинув полог домотканый, / Ступив во тьму, на дно веков»* (В. Скирда) и «*Над этой бездной безымянной, / Покров наброшен златотканый»* (Ф. Тютчев); Ницше («*И Нечто – откликалось вдруг»* (В. Скирда) и «*И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя*» (Ф. Ницше); Библией («*Растрачен, разбит на осколки племён / Под рухнувшей башней гордыни, / Закрыт праязык в толще вёсен и дён / Как зов, вопиющий в пустыне*» (В. Скирда) и библейской легендой о Вавилонской башне, которая объясняет происхождение языков; а также фразой из Священного Писания: «глас вопиющего в пустыне»); стихотворением Гумилева «Слово» («*Непроходим для мертвечины, / Насельниц инфернальных нор*» (В. Скирда) – «*И, как пчелы в улье опустелом, / Дурно пахнут мертвые слова*» (Н. Гумилев) [13]. Интертекстуальный и интермедиальный тезаурус гипертекстуального стихотворения так или иначе связан с онтологией языка, происхождением речи, идеей слова / звука как первоосновы всего сущего: библейские мотивы, научные и философские концепции, поэтические метафоры объединяются общей идеей, которая поддерживается также и

стилистическими особенностями (обилием книжной, высокой, архаической лексики).

Сама гиперссылка может быть оформлена не только вербально, но и, например, в виде пунктуационных знаков или отдельных букв. Так, в стихотворении «ВНЕВНЕВНОЕ» [14] строфа, состоящая только из заглавных букв «В», гипертекстуально связана с видеолекций ученого Алексея Старобинского «Инфляционная стадия ранней Вселенной». Такое оформление строфы также позволяет создать целый комплекс потенциальных ассоциаций, например, первая буква ключевого понятия лекции – Вселенная; инфляция и сверхплотность, о которой говорится в видео (все сводится к одной букве / звуку); сильный дефект речи самого лектора.

В отличие от Ю. Рыдкина, полностью покрывающего свои тексты гипертекстовыми ссылками, В. Скирда, напротив, выделяет с помощью гипертекстовой разметки лишь несколько слов или словосочетаний. Если у Ю. Рыдкина авторский текст и интернет-ресурсы, связанные сложными ассоциациями, становятся, по сути, равноправными участниками поэтической коммуникации, то в творчестве В. Скирды именно стихотворение задает направление восприятия медиа. Так, в стихотворении «Нофелет» («*Кто в горах, а кто в Рязани:* / *В ноосфере лишних нет, Несмертельно обрезание,* / *Нооскоп не нофелет*») присутствует две гиперссылки: слово обрезание ведет к публикации на ресурсе *lenta.ru* «Женщины России просят обрезать язык муфтию Северного Кавказа», посвященной реакции в социальных сетях на предложение о тотальном женском обрезании, а вторая ссылка, в виде слова нооскоп, – к материалу портала Газета.Ru «Для нооскопа нет деталей». В сильных позициях стихотворения – названии и последней строке – находится слово нофелет – «точечная» цитата, понятная практически каждому носителю русской культуры, актуализирующая в сознании читателя фильм Г. Бежанова «Где находится нофелет?». В стихотворении, представляющем собой четверостишье, рифма и ритм которого имитируют частушку, пародийная интонация фольклорного жанра, комичность сюжета фильма связываются с абсурдностью ситуаций и мнений, представленных СМИ. Абсурдность, обман становится общим смысловым компонентом стихотворения, прототекста (фильма) и публикаций, к которым ведут гиперссылки: нофелет – слово-перевертыш, которое по сюжету фильма должно сбивать с толку женщин; безопасность и необходимость женского обрезания – миф, который транслирует духовный лидер; нооскоп – лженаучное изобретение. Слова *нофелет, нооскоп* и *ноосфера*, обладая сходным звуковым обликом, также являются средством создания целостности стихотворения; при этом возникает интересное семантическое противопоставление: значение элемента ноо- (от греч. νοῦς – разум) противопоставляется общему смыслу обмана, абсурда.

Пустота в гипертекстовой поэзии может воплощаться, с одной стороны, как отсутствующее медиа, к которому ведет фрагмент стихотворения, а с другой – как «нулевая степень письма» в самом поэтическом тексте. Отсутствующее медиа, к которому читатель переходит по ссылке, является пустотой в прямом смысле этого слова: это не просто белое пространство листа, многоточие или паузы, как в книжной поэзии, а именно несуществующее – уже или еще – медиа. Интересна в этом ключе судьба стихотворения Н. А. Добролюбова «Газетная Россия», написанного в 1855 году. Классическое поэтическое произведение, попав в Интернет, обрело новую жизнь: его строки стали гиперссылками к журналистским материалам, раскрывающим актуальные общественно-политические события [15]. При этом не все ссылки являются рабочими, однако это воспринимается как временное явление: газетная картина мира меняется, значит, могут меняться и публикации. Фрагмент стихотворения Ю. Рыдкина *«от глоссолалии зашкаливает трезвость, / и вот уж Я погребено под тупиками»* [14], ведет к ранее существовавшей, но теперь недоступной странице (по ссылке появляется надпись «Доступ запрещен»): сами поэтические строки, содержащие слова *глоссолалия, погребено, тупики*, органично встраиваются в контекст удаленного ресурса.

Итак, современная поэзия, активно осваивающая новые возможности сетевой коммуникации, продолжает участвовать в сохранении и передаче поэтической традиции. Поэтическое слово, по определению многозначное, несущее в себе целый «пучок» смыслов, ассоциаций и отсылок, благодаря гипертекстовой связи с различными медиа получает, с одной стороны, еще большую глубину и вариативность интерпретации, а с другой – возможность максимальной конкретизации образа. Гипертекстовые связи позволяют использовать смыслы и выразительные возможности произведений разных эпох, стилей и жанров для воплощения идей нового произведения, причем ядерные тексты культуры и прецедентные феномены легко соединяются в гипертекстовом целом. Несмотря на то что прекращение работы ссылки – процесс стихийный, не управляемый автором, гипертекстовая поэзия позволяет включить образовавшуюся пустоту в реестр композиционно-выразительных средств. Пустая страница легко встраивается в общую структуру стихотворения, создавая у читателя различные ассоциации, выполняя самые различные функции, например, обещание дальнейшего развития поэтической мысли, красноречивое молчание, отказ от коммуникации и др.

Список литературы

1. Rosario G. Di. Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2011. 336 p.

2. Кучина С. А. Генеративные электронные поэтические тексты: специфика вербального компонента и особенности кодовой структуры // Научный диалог. 2017. № 1. С. 84–96.
3. Абросимова Е. А. Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа // Научный диалог. 2020. № 1 (8). С. 9–28.
4. Маклюэн М. Понимая медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003, 464 с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
6. Svend E. L. Memory, migration and literature // European review. 2016. № 24 (4). С. 509–522.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в эволюции поэтического языка. Екатеринбург–Омск: Изд-во Уральского университета, 1999. 268 с.
8. Визель М. Гипертексты по ту сторону экрана // Иностранная литература, 2010. № 10. С. 103–113. URL: https://www.netslova.ru/viesel/visel-ht.html. (дата обращения: 11.10.2020).
9. Купер И. Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1. С. 37–59.
10. Саенко Н. Р. Онтологическая поэтика пустоты. М.: Академия Естествознания, 2010. 160 с.
11. Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1999. 190 с.
12. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.
13. Скирда В. М. Интуитив. Журнал стихов, пролазмов и концептов Скирда В. М. URL: https://intuitive-s.livejournal.com. (дата обращения: 11.10.2020).
14. Рыдкин Ю. Гиперссылочный брасс. URL: https://polutona.ru/?show=0622172919 (дата обращения: 11.10.2020).
15. Из классики // Записи в Живом Журнале. URL: https://marquis-the-cat.livejournal.com/42137.html. (дата обращения: 11.10.2020).

УДК 10.00.01
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.35

КОДЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗВИЩ-ЗООНИМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ)

Болгова Е. В.

Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)
E-mail: alena.bolgova2012@yandex.ru

CODES OF MODERN SPEECH CULTURE (ON THE MATERIAL OF NICKNAMES-ZOONYMS IN RUSSIAN-LANGUAGE DISCOURSE)

Bolgova E. V.

Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia)
E-mail: alena.bolgova2012@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию кодов культуры как способа выражения культурных смыслов. Отмечено, что подход «язык → речь», «норма → узус» предполагает выявление особенностей функционирования слов в современном речевом употреблении. Цель статьи – рассмотреть мотивационные признаки, положенные в основу прозвищ-зоонимов. Доказано, что эти признаки, представленные при употреблении прозвищ в речи, отражают как узуальные, так и окказиональные признаки исходного денотата (животного). Показано, что функции прозвищ-зоонимов в русскоязычном дискурсе ограничиваются в основном идентифицирующей и характеризующей функциями.
Ключевые слова: *коды культуры, зоонимы, мотивационный признак, речевое употребление.*

Abstract. The article is devoted to the study of culture codes as a way of expressing cultural meanings. It is noted that the approach “language → speech”, “norm → usus” presupposes the identifying the features of the functioning of words in modern speech usage. The purpose of the article is to consider the motivational features underlying the nicknames-zoonyms. It has been proven that these features, presented when using nicknames in speech, reflect both conventional and occasional features the original denotation (animal). It is shown that the functions of nicknames-zoonyms in the Russian-language discourse are limited mainly by the identifying and characterizing functions.
Keywords: *culture codes, zoonyms, motivational featurese, speech usage.*

В рамках данного исследования коды культуры понимаются как выражение культурных смыслов, поэтому предметом исследования являются культурные смыслы, формируемые в текстовом пространстве

русской лингвокультуры. Исследование зооморфного кода культуры велось в науке путем выявления особенностей семантики зоонимов и специфики ее формирования (см., например: [1]). Отмечалось, что значения, представленные в словарях русского языка, не всегда представляют полную картину лексико-семантических вариантов, которые выявляются в речевом употреблении. В обширном списке исследований до сих пор не представлены работы, где культурные смыслы, формируемые зоонимами, проанализированы с позиции их динамики, тенденции их развития. Такой подход предполагает выявление особенностей функционирования зоонимов в современном речевом употреблении. Под современным речевым употреблением в настоящей работе понимается употребление лексемы в текстах художественной и публицистической литературы XX–XXI вв. Исследование такого употребления позволяет определить изменение смыслового наполнения в зависимости от конкретной речевой ситуации. В этом состоит новизна данной работы.

Исследовательский интерес представляет процесс создания прозвищ (кличек). Прозвище носит ситуативный характер, и в его основе лежат характеристики внешнего облика, поведения или особенности речи, признающиеся большим или малым коллективом [2, с. 214]. Само собой разумеется, что прозвище отражает признаки не только человека, которому дают прозвище, но и предмета или реалии, от которого прозвище образовано.

Цель статьи – рассмотреть мотивационные признаки, положенные в основу прозвищ-зоонимов.

Методами исследования явились метод сплошной выборки, интроспекция, метод анализа словарных дефиниций, методы компонентного анализа, контекстуального и интерпретационного анализа. Изучение динамики культурных смыслов ведется в направлении «язык → речь», «норма → узус». Поэтому в статье представляются закрепленные в словарях формулировки «информационных квантов», называемых смыслами, а затем исследуется реализация этих смыслов в речевом употреблении, обозначая функцию и функционирование прозвищ-зоонимов в текстах.

Материалом исследования явились примеры речевого употребления зоонимов из Национального корпуса русского языка [3]. Использование этого источника является принципиальным для данной работы, так как материалы Национального корпуса русского языка соответствуют принципам дескриптивного описания языка, принимающего во внимание языковую интуицию носителей языка. Было проанализировано около 1000 примеров употребления прозвищ-зоонимов в современном русскоязычном дискурсе.

Как показал анализ материала, среди прозвищ-зоонимов выделяются две группы: прозвища, актуализирующие основной коннотативный

признак зоонима, и прозвища, выделяющие индивидуальные качества человека и, следовательно, актуализирующие окказиональный коннотативный признак зоонима.

Ср. примеры: (1) Фрейлина Анна Федоровна, старшая дочь от первого брака, унаследовала от отца блестящее остроумие, полную душевную свободу, опасно обострив ее женской безответственностью и вызывающей прямотой, что укоренило за ней при дворе кличку **Ёж** [Ю. М. Нагибин. Сон о Тютчеве (1972–1979)]; (2) А звали его **Суслик** потому, что когда рассказывал, то бровями договаривал – вдруг начинал как-то губами суслить, а брови, пока он суслил, останавливались, глаза почти закрывались [В. А. Гиляровский. Козел и «чайка» (1933–1935)].

В примере (1) прозвище (кличка) Ёж актуализирует в структуре лексического значения мотивационные признаки «лохматый, торчащий в разные стороны» и «мнительный, обидчивый», которые являются основным коннотативным (образно-переносным) признаком зоонима «ёж» (см.: **ёж** – о неуступчивом, обидчивом, колючем человеке [4, с. 259]). В примере (1) данный мотивационный признак представлен вариантом «прямота в сочетании с безответственностью за последствия своих поступков и слов». В примере (2) мотивационным признаком названия человека прозвищем **Суслик** явился признак «внешний вид животного в определенной ситуации – ситуации исследовательской активности», когда суслики в течение некоторого времени стоят столбиком и изучают изменившуюся обстановку.

Обычно мотивационным признаком прозвища является признак, положенный в основу переносного (образно-переносного) значения зоонима. Им может быть признак, напрямую соотносимый с внешностью и поведением животного, а может быть признак, относящий к другому переносному значению лексемы. См. пример: Следом за Антоном полез грузный толстяк Жорик, по кличке **Морж**, и тоже прошаркивал по граниту, не отрывая подошв и сгорбившись, как обезьяна, но когда спрыгнул на асфальт, ноги его подломились и он упал на колени [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)]. В данном примере прозвище основано на переносном значении зоонима **морж** «любитель зимнего плавания в открытых водоемах» [4, с. 557].

Немотивированное употребление прозвища чаще всего встречается в прецедентных текстах. См.: «К обеду жди. Твой Суслик». А стул я захватил в столовой. Трамвая в эти утренние часы нет – отдыхал по пути [Е. Петров, И. Ильф. Двенадцать стульев (1927)]. В этом примере прецедентность текста переводит антропоцентрическую коннотацию зоонима *суслик*, с нашей точки зрения, в разряд сильных коннотаций.

Таким образом, анализ мотивационных признаков, положенных в основу прозвища-зоонима, показал следующее: чтобы уточнить такой

признак, нужен контекст в широком (фоновые знания) и узком смысле слова (конкретные дискурсионные условия).

В литературе отмечается, что прозвища как вид антропонимов отличаются полифункциональностью. Они выполняют как общие (номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую), так и специальные функции (характеризующую, дейктическую, эмоционально-экспрессивную, оценочную, социальную). Отмечается также воспитательная функция прозвищ [2, с. 217].

Как показал анализ материала, функции прозвищ-зоонимов в современном речевом употреблении не ограничиваются идентифицирующей, номинативно-индивидуализирующей, реализуемой в художественном дискурсе для характеристики персонажа. См. примеры: (1) «Царскосельский **суслик**», как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)]; (2) Казалось несколько странным, как подобный «придворный **суслик**», как прозвали гардемарины этого франтового и светского капитан-лейтенанта, мог быть флаг-капитаном у такого человека, как беспокойный адмирал [К. М. Станюкович. Беспокойный адмирал (1894)]. По мнению М. В. Климовой, между признаками сигнификата имени нарицательного (в нижеприведенных примерах это *суслик*) и свойствами данного денотата (в примере (1) это *царь*, в примере (2) это *капитан-лейтенант*) устанавливается соответствие. Прозвища в большинстве случаев возникают в результате разного рода сближений и ассоциаций по отношению к другому лицу, животному, неодушевленному предмету [5, с. 47]. Пейоративность прозвища обусловлена в данных контекстах мотивационным признаком – «о неопытных, слабых людях», который представлен в словарных толкованиях. Ср.: Эх ты, суслик – от подкаблучный (слабый, робкий – о мужчине, характере, поведении) [6].

Нам представляется возможным (и актуальным) говорить о характеризующей функции прозвищ-зоонимов. Эта функция основана на уже имеющихся компонентах значения зоонима, а средством указания на конкретные смыслы служит ситуация и контекст (см. об этом: [7, с. 38]). Поэтому так важно рассмотреть функционирование прозвищ-зоонимов в современном речевом употреблении.

Так, в прозвище Обезьяна актуализирован признак «ловкий, подвижный» [8, с. 57]. См. пример: Несмотря на то, что литераторы постоянно оплачивали Пушкину все его долги и ссужали его постоянно довольно внушительными суммами денег, эта «вертлявая обезьяна», как однажды назвал Александра еще старик Державин, третировала их на протяжении всей своей жизни [Д. Кудерин. Молекула Пушкина // Волга, 2011]. Известно, что Пушкин в лицее имел прозвище Обезьяна за свою вертлявость. См. пример: Пушкина звали в Лицее и «Француз», и «Обезьяна с тигром» [Ю. Н. Тынянов. Кюхля (1925)]. Кроме этого, в

нашем материале встречается пример прозвища с актуализированным признаком «об очень некрасивом человеке» [4, с. 665]: Обезьяна-урод и тоже раньше ненавидел свою кличку, но его все равно все так звали [В. Козлов. Гопники (2002)].

Таким образом, динамика культурных смыслов как «информационных квантов», связанных с культурными объектами, обнаруживается в речевом употреблении и должно вестись в направлении «язык → речь», «норма → узус». При подходе «от языка к речи» и «от нормы к узусу» обнаруживается изменение смыслового спектра зоонимов.

Мотивационные признаки, положенные в основу прозвищ-зоонимов, являются элементами значения, которые отражают коннотативный потенциал анализируемой лексики. Прозвища-зоонимы – это экспрессивные наименования-характеристики человека, использующие как узуальные, так и окказиональные признаки исходного денотата (животного). Функции прозвищ-зоонимов в современном речевом русскоязычном употреблении представлены в основном идентифицирующей, номинативно-индивидуализирующей, и характеризующей функциями.

Список литературы

1. Иванищева О. Н. Динамика русских культурных смыслов (на примере речевого употребления зоонима *попугай*) // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3 (37). С. 90–105.
2. Щербак А. С., Бурыкин А. А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 9 (77). С. 213–217.
3. Национальный корпус русского языка: информ.-справ. система. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 02.10.2020).
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Климова М. В. Структуры переходного типа между именами нарицательными и именами собственными в русском языке: дис. … канд. филол. наук. Елец, 2003. 196 с.
6. Словарь русского арго. URL: http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068 (дата обращения: 01.09.2020).
7. Еремина О. С. Переносное предикативно-характеризующее значение имени существительного в современном русском языке: лексико-синтаксический аспект: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 209 с.
8. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь [Электронный ресурс] / 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с. (дата обращения: 01.09.2020).

УДК 81’42:004.738.5
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.36

«БРЕКСИТ» И ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВО: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вульфович Б. Г.

Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
E-mail: justb8888@gmail.com

BREXIT AND INTERNET SOCIETY: LINGUOPRAGMATIC ASPECT

Vulfovich B. G.

Kuban State University (Krasnodar, Russia)
E-mail: justb8888@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается реакция пользователей социальной сети «твиттер» на выход из Великобритании из Евросоюза. Материалом для исследования служат комментарии, оставленные к посту британского премьер-министра Бориса Джонсона об успешном выходе из ЕС. Приоритетными метода для анализа были выбраны: описательный, метод частичной выборки и метод контекстологического описания.
Ключевые слова: *Брексит, социальная сеть, Твиттер, комментарий, этническое самосознание*.

Abstract. This article deals with the reaction of users of the twitter social network on exit the UK from the European Union. The material for the study is the comments left to the post of British Prime Minister Boris Johnson on the successful exit from the EU. The priority methods for analysis were selected as follows: descriptive, partial sampling method and contextual description method.
Keywords: *Brexit, social network, twitter, commentator, ethnic identity.*

Современный мир находится в постоянном изменении: меняются люди, взгляды, идеи и мысли. Современные технологии коммуникации способствуют данным переменам, поскольку они значительно ускоряют информационный обмен.

Выход Великобритании из Евросоюза – значительное по своим меркам событие, к которому долго стремился британский народ. Неоднократно переносились сроки, устанавливались дополнительные переговоры, иными словами, бюрократические трудности не давали ему свершиться: «Brexit является главной темой всех британских газет на протяжении последних лет, а сам неологизм Brexit в течение двух лет

(2016 и 2017 гг.) возглавлял списки самых популярных слов, перейдя в итоге в список самых ненавистных слов. За короткий период времени единица вошла в словарный состав английского языка, поставив своеобразный рекорд» [1, с. 105].

Однако, несмотря на всё это, «Брексит» состоялся. Общественность быстро отреагировала на это: 1 февраля 2020 г. премьер-министр Великобритании Борис Джонсон публикует следующий пост в «Твиттере»: “Tonight we have left the EU – an extraordinary turning point in the life of this country. Let us come together now to make the most of all the opportunities Brexit will bring – and let’s unleash the potential of the whole UK” («Сегодня мы вышли из Евросоюза – это невероятный поворотный момент в истории этой страны. Давайте вместе откроемся новым возможностям, которые нам даст Брексит и полностью реализуем потенциал всей Великобритании» – перевод автора), к которому, на момент публикации данного поста, уже было оставлено 10,6 тысяч комментариев.

Выбор социальной сети «Твиттер» обусловлен её активной политической функцией: «в современных интернет-коммуникациях “Твиттер” играет главенствующую роль, что подтверждается наличием именно “Твиттер”-аккаунта у глав государств, политических деятелей, публичных персон и др. Практически все СМИ планеты имеют странички в “Твиттере”, что говорит об уникальности данного сервиса как средства обмена оперативной информацией и общения» [2, с. 64].

Второй ключевой особенностью «Твиттера» является его формат сообщения, а именно ограничение в 140 символов, который способствует лаконичности и содержательности отправляемого сообщения: «Одной из жанрообразующих особенностей Twitter является лаконичность сообщений, которые передаются с его помощью (не более 140 символов) и возможность мгновенного распространения информации по цепочке» [3].

Поэтому данная социальная сеть считается нами приоритетной для проведения исследований политического характера.

Как отмечалось выше, в нашей работе будут рассмотрены комментарии пользователей социальных сетей к посту британского премьер-министра. Комментарий, как продукт сознания человека, представляет для нас ключевой элемент в контексте данного исследования: «...комментарий, содержащий информацию об определенном событии, не существует сам по себе, он зависит от исходного текста, и его анализ не может осуществляться в отрыве от первичного текста; …комментарий реализует деривационный потенциал исходного текста, …он продуцирован языковой личностью, поэтому в нем отражаются присущие ей языковые способности, которые составляют в совокупности ее ментальный образ, воплощенный во вторичном тексте, то есть в комментарии» [4, с. 38].

Принимая во внимание зависимость комментария от исходного текста и личную составляющую автора самого комментария в нём, мы

можем сделать вывод о крайне важной для нашего исследования информации, находящейся в комментарии.

Большинство оставленных комментариев имеют преимущественно положительный характер (авторская пунктуация сохранена). Как правило, положительные комментарии являются достаточно лаконичными и в основном содержат слова благодарности: “Congratulations Prime Minister! I trust you will lead your people well”, “Thankyou!!!!!so much for getting brexit done. Trust has now been fully restored”, “Congratulations”, “THANK YOU, BORIS!”. “Congratulations”, “Thank you, thank you.Congratulations”.

Данные комментарии носят персонализированный характер. В основном их составители выражают благодарность Борису Джонсону за его работу. Несмотря на лаконичность комментариев, авторы стремятся придать им экспрессивности. Это выражается и на графическом уровне (использование нескольких восклицательных знаков или применение приёма капитализации), и на синтаксическом уровне (использование побудительных предложений). На лексическом уровне мы также можем отметить использование повторов. Так, несмотря на сжатость комментариев, их авторы стремятся выделить своё удовольствие и восторг от них.

Однако не все люди, связанные с Великобританией и Евросоюзом, остались удовлетворены принятым решением. Например, шотландцы выразили своё недовольство: “My country is Scotland. My country voted to remain in the EU”. Благодаря лексическому автор сознательно подчёркивает тот факт, что «его страна» (т.е. не Великобритания, а Шотландия, которая является автономной административно-политической частью Шотландии) была против выхода из ЕС.

Недовольство шотландцев выходом из ЕС обуславливается не единичным комментарием по этому поводу: “Tonight the journey for Scotland towards independence & the EU begins. Scotland did not vote for Brexit and has not voted for the Tories since the middle of the last century. I will neither support nor unite behind Brexit nor the Tories”. Прежде всего автор начинает со слова “tonight”, что иронично соответствует началу исходного поста Бориса Джонсона. Отсутствие сокращённых форм в формате интернет-комментария свидетельствует о желании автора выделить каждое написанное им слово. Так, автор данного сообщения также выражает недовольство выходом Великобритании из ЕС.

Следующий комментарий в рамках этого вопроса расширяет географию: “Time for Ireland and Scotland, and possibly London, to leave the United Kingdom behind, because too many in England think they are still living in Victorian England. It's 2020, not 1840” и его автор предлагает идти ещё дальше Ирландии, Шотландии и, почему-то, Лондону, и покинуть Англию вовсе. Недовольство королевской властью здесь очевидно.

Среди некоторых недовольных комментаторов встречаются те, которые считают, что выходу из ЕС поспособствовала Россия: “I can’t decide which putin puppet is worse – you or trump”. Считая Бориса Джонсона марионеткой в руках В. В. Путина, автор приписывает к этому ещё и Дональда Трампа. Такой комментарий, безусловно, отражает невежество своего автора, приписывающего столь весомую роль России, однако комментарии такого типа также встречаются не в единичном составе: “It’s because Russia hacked the vote. They did it in America too. Russia is destroying our countries from the inside”.

Другой комментарий, связанный с Президентом России, также характеризует влияние России на Великобританию: “You are a moron who just screwed your country to appease Vladimir Putin”. Посредством обсценной лексики автор стремится выделить своё негодование политикой Бориса Джонсона, присоединяясь к тем, кто считает его марионеткой В. В. Путина.

Следует отметить, что в двух последних комментариях прослеживается связь «В. В. ПУТИН – Д. ТРАМП – Б. ДЖОНСОН», в которой В. В. Путину, безусловно, уготовлена главенствующая роль. Необходимо обратить внимание, что в последнем комментарии автор называет Россию “they”, тем самым подчёркивая, что он имеет в виду непосредственно руководящий состав страны, а не страну в целом.

Наряду с негативными комментариями с добавочными значениями были и просто комментарии недовольных, однако таких комментариев было меньше по сравнению с положительными. Например, комментарий “I'll come together when you start telling the truth So never” представляет собой ответ на призыв Бориса Джонсона «собраться вместе». Автор обвиняет премьер-министра во лжи и утверждает, что никогда не пойдёт на его призыв.

“You have divided the nation and will destroy it by leaving the EU. Shame on you!”, – данный пагубный прогноз, предложенный автором комментария, также свидетельствует о его недовольстве сложившейся ситуацией. Данный комментарий отличается лаконичностью: автор констатирует факты, которые, по его мнению, являются объективными, однако при этом не использует каких-либо эмфатических средств выражений, в отличие от авторов некоторых прошлых комментариев.

Ещё один комментарий также краток, однако он усилен градацией слова «никогда», а также инверсией: “Never. Ever. Ever. Will I ever come together behind the likes of you”. Данные средства выразительности также помогают автору подчеркнуть и выделить своё недовольство происходящим и его крайнее нежелание присоединяться к тем, кто положительно отнёсся к выходу из ЕС.

Таким образом, мы отмечаем, что реакция на выход Великобритании из ЕС в целом положительная. Отзывы тех, кто одобрил данное событие, в

основном представляют собой слова благодарности. Негативные отзывы. в свою очередь, делятся на оскорбительные и «фактические». Отдельной категорией вынесем отзывы с упоминанием России как агрессора и стран, входящих в Великобританию, но также негативно воспринявших выход из ЕС. Данное событие, безусловно, будет и дальше обсуждаться в СМИ, а его результат будет виден в долгосрочной перспективе; однако уже сейчас мы можем утверждать, что народное одобрение Великобритания получила.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018–2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

Список литературы

1. Катермина В. В., Соловьева Н. С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 103–111.
2. Шипилова Д. С. Лингвистические средства реализации коммуникативных стратегий в формировании виртуального имиджа американского политика (на материале предвыборного дискурса в социальной сети «Твиттер»): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2018. 186 с.
3. Атягина А. П. Языковая компрессия в Twitter // Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 2012. № 3. URL: http://www.mediascope.ru/issues/401 (дата обращения: 12.03.20).
4. Ергалиева С. Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2018. 274 с.

УДК 1:316; 32; 81:1
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.37

О СПЕЦИФИКЕ РАБОТЫ НАД ПОЛИТИЧЕСКИМ ЯЗЫКОМ В ЭПОХУ ЦИФРЫ

Кащей Н. А.*, Шипулин В. О.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)
**E-mail: Nikolay.Kashchey@novsu.ru*

ON THE SPECIFICS OF WORKING ON POLITICAL LANGUAGE IN THE ERA OF NUMBERS

Kashchey N. A.*, Shipulin V. O.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
**E-mail: Nikolay.Kashchey@novsu.ru*

Аннотация. В данной статье расширяются и уточняются возможности современной риторики в жизни цифрового общества, в котором происходят ключевые трансформации социальной и политической жизни. Здесь мы еще раз обращаемся к такому междисциплинарному понятию, как концепт «политико-лингвистическая работа над публичным языком». Понимание данного концепта существенно отличается в различных политических типологиях в зависимости от теоретических, политических и идеологических позиций. В первую очередь выясняются способности современной риторики как стратегии поиска политического резона оздоровить политическую лексику, и какие, в связи с этим, открываются в цифровую эпоху перспективы: превратить борьбу за политическое господство в процесс перекодировки нейтральных слов в политические слова-лозунги. А также нас здесь интересует, что лежит за известной попыткой В. Дикмана исследовать экстра- и интралингвистические причины различного использования политической лексики и как это может защитить от манипулирования номинациями. Предпринимаемые попытки интерпретации «политико-лингвистическая работа над публичным языком» предстают не чем иным, как стратегиями сохранения и усиления политической власти через сохранение и усиление власти над публичным языком в цифровом пространстве. Проведенный анализ концепта «политико-лингвистическая работа над публичным языком» дает новые представления о границах политического и прагматического языкового пространства в цифровую эпоху, уточняет особенности современных политических манипуляций.
Ключевые слова: *современная риторика, политико-лингвистическая работа над публичным языком, политическая лингвистика, борьба за слова и понятия.*

Abstract. This article expands and clarifies the possibilities of modern rhetoric in the life of a digital society in which key transformations of social and political life are taking place. Here

we once again refer to such an interdisciplinary concept as the concept of “political and linguistic work on a public language”. The understanding of this concept differs significantly in different political typologies, depending on the theoretical, political and ideological positions. First of all, the ability of modern rhetoric as a strategy for searching for a political reason to improve political vocabulary is clarified, and what, in this regard, prospects open up in the digital era: turn the struggle for political dominance into a process of recoding neutral words into political slogan words. And here we are also interested in what lies behind the famous attempt of V. Dickman to investigate the extra- and intra-linguistic reasons for the different uses of political vocabulary and how this can protect against the manipulation of nominations. Attempts to interpret the “political and linguistic work on the public language” appear to be nothing more than strategies for maintaining and strengthening political power through the preservation and strengthening of power over the public language in the digital space. The analysis of the concept of “political and linguistic work on the public language” gives new ideas about the boundaries of the political and pragmatic linguistic space in the digital era, clarifies the features of modern political manipulations.
Keywords: *modern rhetoric, political and linguistic work on the public language, political linguistics, the struggle for words and concepts.*

В цифровую эпоху политический дискурс приобретает новые механизмы формирования и распространения, а в сфере внимания политической лингвистики и риторики оказываются как традиционные области исследования, так и ранее ей не свойственные. Среди последних стоит отметить анализ проблем цифровизации законодательства и парламентского языка и ее влияние на реализацию политики [1], экспансию когнитивной лингвистики в сферу теории политического дискурса [2] и практической политики [3], чтобы удовлетворить запросы аудитории на адекватный политический язык. Следует указать на особенности риторического подхода к анализу политических дебатов [4] и связанные с этим изменения фокуса исследования личности политика. Так, в современной политической риторике говорят о ее синкретизме и «двоемыслии» [5], при этом «ведущей типовой стратегией речевой деятельности политика является персуазивная стратегия, направленная на достижение основной цели политической коммуникации – победы в борьбе за власть» [6, с. 131].

Если говорить о традиционном подходе к исследованию политической речи, то, в первую очередь, стоит указать на неориторику и ее анализ политики, поскольку там превалируют классические аристотелевские представления об убеждении и поиске согласия в политической практике. Именно в неориторике мы находим наиболее значимые исследования явления, которое обычно называют «языковая политика» и которая осуществляется на государственном уровне, а это и представляет наш исследовательский интерес. Важно показать, как сохранение и усиление политической власти связаны с сохранением и усилением власти над публичным языком в современную цифровую эпоху, поскольку категориально описать действительность – значит получить

доступ к определенной совместной деятельности. Характеризуя эти складывающиеся специфические тренды политического руководства языком, Й. Коппершмидт [7] предпочитает говорить о политико-языковой работе над публичным языком.

При этом решающим здесь для нас будет предпринятая с позиций современной риторики реконструкция современных моделей социально-политической практики. Объектом рассмотрения выступают не попытки спасения неориторическими средствами риторики и политики Платона, Августина и т.д., а анализ современного политического спора за обладание словами и понятиями в условиях информационного общества. Это и станет предметом нашего исследовательского интереса, мы предпримем попытку авторской трактовки спора о политических словах и понятиях, который характеризовал Германию второй половины XX века и отображен в книгах под редакцией М. Грейффенхагена [8] и Г. Кальтербруннера [9], а также их анализ в статье Й. Коппершмидта [7], кроме этого представлена позиция В. Дикмана [10] на обозначенную проблему.

Характер обозначенной проблемы настоящей работы определяет ее задачу. Необходимо проанализировать политико-языковую работу над публичным языком как предмет спора и противостояния в современной политической жизни в условиях порождающей цифровой эпохой открытости, проанализировать политборьбу, связанную проблемами языка и риторики, как политическое противостояние различных сил и партий за общественное влияние и доминирование.

Этот интерес можно назвать неориторическим. Чтобы выполнить поставленную задачу, мы связываем друг с другом политологию и риторику, тем самым данную работу можно определить как неориторический взгляд на концепт политико-языковой работы над публичным языком, во-первых, и как политологический взгляд на теорию и практику риторики, во-вторых.

В контексте нашего исследования возникают вопросы следующего порядка:

– способна ли стратегия поиска политического резона оздоровить политическую лексику и способна ли борьба за политическое господство превратить нейтральные слова в политические слова-лозунги?

– что лежит за попыткой В. Дикмана исследовать экстра- и интралингвистические причины различного использования политической лексики и как это может защитить от манипулирования номинациями?

Цель исследования – актуализировать концепт «политико-лингвистическая работа над публичным языком» в контексте цифрового публичного функционирования политической практики и становления новой медийной культуры, и в целом связана с той значимой ролью и востребованностью цифрового пространства, которое, несомненно, становиться принципиально иной открытой платформой для ведения

политических баталий и игр. Достижение намеченной цели не только позволит углубить знание о механизмах и принципах функционирования речи в современной политике, но и уточнить место риторики в этой политике.

Общей методологической основой наших исследований риторики и политики выступает неориторика Й. Коппершмидта [11] как теория убеждения и аргументации. В рамках обозначенной методологии рассмотрение данной темы заключается в анализе политической речи как основы разумного согласия, предоставляющей возможности для созидания социальным контрагентам. Это приводит к соблюдению двух методических требований.

Сначала стоит упомянуть, что языковые средства являются не только инструментом политики и политического образа жизни, но и также необходимым условием возможности ее бытия и средством информации устройства этого бытия. Поскольку в политике всё конструируется благодаря языку, а также ведется соответственная языковая подготовка и сопровождение политических актов и т.п., политика присутствует в обществе такой, какой она предстает в наших повествованиях и описаниях, и видоизменяется таким же образом, как и наш нарратив, следовательно можно усмотреть в кризисных явлениях политического языка проблемы политики, или, как минимум, кризис политики предполагать и исследовать.

Во-вторых, цифровое общество и множество мнений, без которых не мыслима современная политика, интенсифицируют общественное сознания в целом, и политическое в частности, которое становится зависимым от них; необходимо гарантировать не только плюрализм позиций по поводу общих целей, следует так же гарантировать совместные инструменты по взаимодействию и координации (по крайней мере, политические), предпринимаемых политических актов и действий. Понятно, что стратегией данной деятельности предстают политическая риторика и политический дискурс, потому что именно последние выступают базисом и фундаментом идеологии по обеспечению интеграционного взаимодействия и узаконивания выгодного политического положения, процесса практической аргументации по убеждению и поиску консенсуса. Поскольку, как показывают некоторые последние исследования политического дискурса, в эпоху фейк ньюс «претензии на обоснованность» [12, с. 619] порождают «конструкции и искажения в представлении политических фактов» [13, с. 1].

Прежде, чем перейти к представлению современных стратегий политико-языковой работы над публичным языком, кратко опишем лежащую в их основе бинарную дифференциацию и кодификацию смысла понятий, которыми умело пользовались еще Платон и Августин. Понятия и ценности не являются врожденными, тем более механически и

автоматически приобретаемыми в человеческом опыте, они являются результатом человеческой конструкторской, специальной умственной деятельности (идеализации). С такого рода конструированием мы впервые сталкиваемся в диалогах Платона. Парадигматические отношения между элементами языка предстают в виде двухчленной (бинарной) контрпозиции, цель которой конвенционализировать словоупотребление (пароль), как это представлено у Платона: добру противопоставляется зло, прекрасному – безобразное, бытию – небытие, истине – мнение и так далее. В подобной схеме двухчленной кодификации мир не только структурируется как язык, в том понимании, что его исходная сложность и потаенность посредством данной бинарной кодификации классифицируется, но и нормализируется, мир открывается в языке, появляется принципиальная его доступность. Правда, все тот же Платон рассматривает такую мудрость и знание не только как чистую абстрактную теорию, вне его социально-политического контекста, они предстают связанными с преобразованием полиса путем воспитания гражданина. В противном случае пространство коммуникации может превратиться в некую аналогию платоновской пещере, в ее современном воплощении как пещеры big data [14; 15].

Современный этап развития политической языковой культуры характеризуются не только определенной картиной осмысления политического дискурса, но и борьбой за политическую лексику, которая вытекает из политических интересов идеологических противников. Важен в этом контексте подход Г. Люббе (H. Lübbe), который в своей статье «Спор о словах» [9, с. 108], основываясь на принципах неоаристотелизма, защищает языковую политическую нормальность, иначе язык потеряет фундаментальность своего воздействия и функции языка в политике станут размытыми. С присутствующей здесь решительностью Г. Люббе защищает необходимую политическую полемику о значении слов: здесь нельзя уступать, так как мы «отдаем политическому противнику возможность претендовать на исключительное представительство высших политических целей, паролем которых являются (завоёванные) слова» [9, с. 108]. В данной работе Люббе описывает методологию всякого политического словопрения, спора и перепалок, которые хотя и могут быть представлены как «борьба за спасение слов от врагов», но должна «протекать всегда так, чтобы слова сохраняли свое верное значение» [9, с. 108]. Можно эту стратегию назвать стратегией поиска политического резона, поскольку борьба будет тогда успешной, когда для политических понятий политическая программа выступает адекватным интерпретатором их идентичного значения.

В современной критике языка необходимо понимать и анализировать борьбу за политическую лексику не только как вынужденную дискуссию, навязанную политикам и политике, в которой они обязаны

противодействовать политическим противникам, чтобы избавиться и защитится от тенденциозного языкового насилия и господства, по словам Г. Шельски (H. Schelsky), – «последней формы (языкового) порабощения человеком человека» [9, с. 176], но она – это эта дискуссия – нечто более значимое, чем вынужденное политическое разбирательство и словопрения, в котором политики завязли и должны обороняться от левой или правой идеологии, от угрожающего доминирования политической лексики политического противника. Основа политического господства политического противника – не физическое, а «символическое» насилие: «определяющие средства господства получает тот, кто в состоянии находить ключевые понятия и эксплуатировать в них все великие потрясения времени и страсти поколений» [9, с. 176]. При этом символической языковое доминирование не только прием языкового управления, скажем, в тоталитарных или пост-тоталитарных системах, а ни что иное как идеологически выраженный, с элементами мотивации, способ функционирования необходимой языковой политики с целью достижения языкового господства в борьбе за власть над публичным языком в любом типе общественного устройства. В борьбе за лексику можно одержать победу, как настаивает Шельски, только тогда, когда в реализуемом праве на социальный протест успешно устраняется политико-языковая опека реальности, в котором пребывает тот или иной социум, смысл данной стратегии в следующем: превратить нейтральные слова в политические слова-лозунги (Kampfbegriffe – нем.).

Стоит также отметить позицию В. Дикмана [16] по рассматриваемой проблематике, который предпринимает попытку исследовать экстра- и интралингвистические причины различного использования политической лексики. Одной из таких причин является то, что критерий истинности пригоден лишь в ограниченной мере для оценки политических высказываний. Формально этот критерий применим только к меньшей части высказываний, которые грамматически реализуются как повествовательные предложения или с помощью которых говорящий намеревается высказаться «о вещах».

Найти истину в политическом споре трудно еще и потому, что политически спорное является в значительной мере результатом различных интересов. Характер спора об оценках – политический, он неразрешим для критики языка, т.к. это проблема не языковая, а политическая. Спор о словах возникает из спора мнений (суждений), прежде всего, когда слова «нагружены» эмоциями и имеют значение для той или иной идеологии, политический интерес заставляет защищать собственную точку зрения, что приводит к абсолютизации собственной позиции и не допускает иной интерпретации спорного термина.

Вторая причина «борьбы за лексику», по В. Дикману, – следствие ее «расплывчатости как намеренной недоопределенности» [16, с. 27], эта

расплывчатость – гарантия существования разных интерпретаций. Значение понятий политической лексики широко и абстрактно, оно не соотносится четко с денотатом: в каждое такое слово можно вкладывать (и опыт показывает, что так и происходит) разное значение. Политическая коммуникация характеризуется высокой частотностью употребления большого числа абстрактных ключевых слов, которые, как показывают исследования, весьма интуитивно и произвольно воспринимаются слушающими и имеют чрезвычайно широкий спектр значений. Особые проблемы вызывает здесь язык современных идеологий, которые, как известно, страдают отсутствием смыслового тождества в силу неопределенности и многозначности, очень часто в идеологических клише специально выхолащивается смысл, а значения слов носят комплексный характер. Размытость и неопределенность слов политического словаря должна уточняться, по В. Дикману, через уточнения особенности его семантики, такого рода стратегия в современной критике языка, как раз и направлена против манипулирования номинациями.

Знакомство со стратегиями работы над публичным языком в современную цифровую эпоху показывает, что речь идет о сознательном целеполагании в изменении базисных основ понимания обществом самого себя и, таким образом, о приватизации социально-политической реальности. Как совершенно верно замечает Коппершмидт [7], что вызывает полемику и дискуссии не само явление политической работы над публичным языком. Дискуссии как раз заслуживает то, как к этой работе относиться, какую давать оценку и какой смысл приписывать действительности этих интерпретаций действительности, скажем, например, в смысле Любе как поиск политического резона, или, в смысле Шельски, как превращение нейтральных слов в политические слова-лозунги, или дикмановском смысле как борьбу против манипулирования номинациями. Политические слова употребляются как пустые формы для возможного семантического захвата и мятежа и всегда предстают индикаторами состояния общества, выражают необходимость общественной и политической перемены, они выступают самостоятельными факторами необходимого языкового политического регулирования и формирования общественного сознания. Всё возрастающий отрыв от реальности, их нарочитая абстрактность, прежде всего при принятии политических решений, есть следствие их отрыва от обслуживания нужд реально существующей политической практики, всё это выливается и проявляется как семантическое следствие необходимости конкурентной борьбы за их легитимное обладание.

С другой стороны, можно согласиться с Дикманом, что конкурентная борьба не должна приводить к манипулированию номинациями. Последнее, как известно, заключается не в воздействии на значение слова для получения искомого смысла, а в специальном подборе слова для

наименования необходимой реальности, которое должно обеспечить подвижку этой реальности по оси модальности в нужную для манипулятора сторону. Подобное манипулирование ярко и результативно присутствует в современном политическом дискурсе, как правило, через изменение поля значений слов (сужения или расширения) либо через подбор нужных слов для обозначения создаваемой реальности. Такие характеристики языка, как то вариативность семантической структуры слова и их многозначность, слитность второстепенных коннотаций и основных значений и, наоборот, а также акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и так далее, преднамеренно и целенаправленно используются политиками. Всё это может стать основой для политических злоупотреблений политической лексикой.

Список литературы

1. Williams M. How Language Works in Politics: The Impact of Vague Legislation on Policy. Oxford: Oxford University, 2018. 256 p.
2. Browse S. Cognitive Rhetoric: The Cognitive Poetics of Political Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 235 p.
3. Lakoff G. Political Linguistics: The Application of Cognitive Linguistics to Political Analysis in America // Lakoff G. Ten Lectures on Cognitive Linguistics. Series: Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics. Brill, 2018. № 1. P. 182–202.
4. Shibata M. Why do politicians cite others in political debates? // Journal of Language and Politics. 2020. № 19 (4). P. 604–623. URL: https://doi.org/10.1075/jlp.19061.shi (дата обращения: 01.09.2020).
5. Золян С. Т. «Двоемыслие» и семиотика политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 93–109. URL: https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.07 (дата обращения: 01.09.2020).
6. Zolyan S. Language and Political Reality: George Orwell Reconsidered // Sign System Studies. 2015. № 43 (1). P. 131–149. URL: http://dx.doi.org/10.12697/SSS.2015.43.1.06 (дата обращения: 01.09.2020).
7. Kopperschmidt J. Soll Man um Worte Streiten? Historische und systematische Anmerkungen zur politischen Sprache // Liedtke F., Wengeler M., Böke K. (Eds.). Begriffe besetzen Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik. Opladen, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1991. P. 70–89.
8. Kampf um Wörter? / Ed. M. Greiffenhagen. München/Wien: Carl Hanser Verlag. 1980. 552 p.
9. Sprache und Herrschaft / Ed. G.-K. Kaltenbrunner. München: Herder Verlag, 1975. P. 87–111.
10. Dieckmann W. Streiten über das Streiten. Normative Grundlagen polemischer Metakommunikation. De Gruyter, 2005. 236 p. URL: https://doi.org/10.1515/9783110946710 (дата обращения: 01.09.2020).
11. Kopperschmidt J. Rhetorik – ein inter (multi-, trans-) disziplinäres Forschungsprojekt. Rhetorica // Journal of the History of Rhetoric. 1997. № 15 (1). P. 81–106. URL: https://doi.org/10.1525/rh.1997.15.1.81 (дата обращения: 01.09.2020).
12. Montgomery M. Post-truth politics? Authenticity, populism and the electoral discourses of Donald Trump // Journal of Language and Politics. 2017. № 16 (4). P. 619–639. URL: https://doi.org/10.1075/jlp.17023.mon (дата обращения: 01.09.2020).

13. Post-truth and the political: Constructions and distortions in representing political facts. / M. Temmerman, R. Moernaut, R. Coesemans, J. Mast // Discourse, Context & Media. 2019. № 27, P. 1–6. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.10.002 (дата обращения: 01.09.2020).
14. Миронов В. В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Том 35, № 1. С. 4–24. URL: https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101 (дата обращения: 01.09.2020).
15. Garadja A. Praestigiae Platonis: the cavernous puppetshow // ΣΧΟΛΗ. 2019. № 13 (1). С. 78–82. URL: https://doi.org/10.25205/1995-4328-2019-13-1-78-82 (дата обращения: 01.09.2020).
16. Dieckmann W. Politische Sprache. Politische Kommunikation. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1981. 279 p.

УДК 82-1/-9
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.38

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ И ЯЗЫКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Фомина Т. К., Фатеева Ю. Г.*, Игнатенко О. П.

Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград, Россия)
**E-mail: fatjg@mai.ru*

TRANSFORMATION OF LITERARY GENRE AND LANGUAGE IN A DIGITAL AGE

Fomina T. K., Fateeva Yu. G.*, Ignatenko O. P.

Volgograd State Medical University (Volgograd, Russia)
**E-mail: fatjg@mai.ru*

Аннотация. Темпы развития науки и техники отражаются на всех сторонах жизни человека: современные цифровые технологии делают границы между культурами условными, как и территориально-политическое деление на государства, объем информации, которым обладает человечество на данном этапе развития колоссально и не предполагает освоения в пределах одной человеческой жизни. С недавних пор в науке существует мнение о возникновении новой цифровой цивилизации, которая, как и любая другая веха развития общества, имеет ряд отличительных черт. Многие из особенностей современной цифровой цивилизации отражают негативные изменения в системе русского литературного языка как инструменте взаимодействия между людьми. Негативные проявления минимизации размера языкового высказывания влияют и на личное общение, и на литературные жанры в целом. Сохраняя основную функцию – быть носителем и выразителем смысла – язык неизбежно испытывает влияние перемен, происходящих с человеком и обществом.
Ключевые слова: *цифровизация, цифровая цивилизация, современный русский язык, трансформация языка, литературный жанр.*

Abstact. Development of science and technology is reflected in all aspects of human life: modern digital technologies make the boundaries between cultures conventional, as well as territorial and political division into states, the amount of information that humanity possesses at this stage of development is colossal and does not imply development within one human life. Recently, there has been an opinion in science about the emergence of a new digital civilization, which, like any other milestone in the development of society, has a number of distinctive features. Many of the features of modern digital civilization reflect negative changes in the system of the Russian literary language as an instrument of interaction between people. Negative manifestations of minimizing the size of the language utterance affect both personal communication and literary genres in general. While retaining the main function – to be the bearer and exponent of meaning - the language inevitably experiences the influence of changes taking place with a person and society.

Keywords: *digitalization, digital civilization, modern Russian language, language transformation, literary genre.*

Существует мнение, что современное общество представляет собой цифровую цивилизацию. Так, главным признаком жизни человека в XXI веке становятся наличие стремительно развивающихся цифровых технологий и исключительное влияние этих технологий на все сферы жизни. Будущее человечества часто становится объектом изображения в научно-фантастических произведениях, авторы которых создают различные логические модели будущего человечества, строя предположения на основе тенденций его развития. Показательной с этой точки зрения, полагаем, является классическая антиутопия Е. Замятина «Мы». Принято считать, что основная идея романа – изображение бездушного тоталитарного общества. Вместе с тем уже при анализе имен героев мы можем предположить, что причиной обезличивания индивидуума стал процесс цифровизации в непосредственном, прямом ее значении: имена героев представляют собой буквенно-цифровой код, заменяя тем самым традиционное именование человеческого существа, что символизирует процесс обезличивания, превращения человека в составную часть сложного механизма государственной машины.

Всестороннее осмысление различных аспектов влияния цифровизации на человеческое существование предприняли авторы XXI века. Так, например, на страницах романа С. Лукьяненко «Глубина» изображены герои, практически отказавшиеся от реальности в пользу виртуальной жизни. В. Пелевин изображает будущее, в котором грань между «реальной» реальностью и реальностью «виртуальной» призрачна и неотделима (Generation «П»). Б. Акунин создает произведение, совмещающее в себе признаки традиционной книги и компьютерной игры («Квест»). А. Зиновьев в «футурологической повести об обществе» «Глобальный Человейник» остро ставит вопрос о будущем компьютеризации, а значит, и цифровизации современного общества, и прогнозы автора далеки от оптимистичных. Так, писатель считает, что «XX век был, может быть, последним человеческим веком» [1, с. 15]. Пристальный интерес современной литературы к вопросу влияния научно-технического прогресса в области развития цифровых технологий закономерен, однако цифровизация предполагает и еще один аспект изучения: процессы, происходящие в обществе и оказывающие влияние на индивидуума, не могут не отразиться на языке – отличительной черте человека разумного.

Итак, современная наука полагает, что по-настоящему «цифровой век» наступил совсем недавно. По мнению ученых, во второй половине XX века произошла первая цифровая революция, основными чертами которой стали «“вездесущий” и мобильный Интернет, миниатюрные

производственные устройства (которые постоянно дешевеют, искусственный интеллект и обучающие машины» [2, с. 16]. Однако данная точка зрения у некоторых ученых вызывает обоснованные возражения. Так, например, авторы исследования «Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика» (2017) полагают, что последняя цифровая революция «не является в полном смысле промышленной, – ее влияние на производственные технологии оказалось гораздо меньше, чем ожидалось и планировалось. Широкое внедрение компьютеров пока не оправдывает возлагавшихся на них надежд» [3, с. 105].

Признаком цифрового общества, по мнению К. Шваба, является то, что «80% людей с цифровым присутствием в сети Интернет; 90% населения используют смартфоны; более 50% домашнего интернет-трафика приходится на долю приложений и устройств и т.д.» [2, с. 5]. Это лишь те характеристики, которые уже являются объективной реальностью. Безусловно, нас ждет много изменений, в том числе пересадка органов, созданных с помощью 3D-принтера, имплантированный телефон и т.д. Казалось бы, перспектива не самая пугающая. Вместе с тем современное общество уже сейчас проявляет большую зависимость от цифровых технологий: существует мнение, что значительная часть населения проводит в виртуальной реальности более 50% активного времени. Отношение различных специалистов к такому явлению крайне негативное: «Представим себе, что каждому человеку предложили ежедневно проводить около 6 часов в тюрьме – конечно, он с негодованием откажется. Однако именно это он за свои деньги делает, жертвуя своей реальной жизнью ради виртуальной, призрачной компьютерной реальности…» [3, с. 107].

Однако существует мнение, что «благодаря <…> универсальным информаторам (смартфоны и пр. – Т. Фомина, Ю. Фатеева, О. Игнатенко) мы носим с собой (именно с собой, а не в себе!) все богатства познания, накопленного человечеством за всю прошлую историю, – стали сверхлюдьми. Но это ничуть не препятствует тому, что подавляющее большинство таких сверхлюдей является дураками и невеждами» [1, с. 17]. Одновременно с этим исследования показали, что «цифровая реальность оказывает непосредственное воздействие на физиологию современной молодежи. Студенты, в своем абсолютном большинстве, не могут более полутора минут отвечать на поставленные вопросы» [4, с. 92].

Как видим, ученые настроены далеко не оптимистично. В связи с этим они в последнее время всё больше и больше задумываются над необходимостью всестороннего изучения закономерностей, тенденций, особенностей новых технологий, которые изменяют нашу жизнь, работу, форму общения, которые стали повсеместно проникать во все сферы нашей жизни: политику, экономику, образование и т.д. В данный момент

абсолютно очевидным является то, что молодое поколение воспринимает цифровизацию как одно из направлений современной культуры. Рассматривая данный процесс как инновацию в культуре, можно отметить его позитивную роль. Прежде всего это расширение количества «контактов», с которыми возможно обмениваться разного рода информацией. Причем эта особенность привлекает не только молодежь, но и старшее поколение. В результате множество людей разных возрастов и профессий могут общаться, обмениваться информацией, не выходя из дома, кабинета, в поездах и самолетах, вести информационно активную жизнь, практически не отвлекаясь от жизни реальной. Однако существует мнение, что «медиа (Интернет, безусловно относится к ним. – Т. Фомина, Ю. Фатеева, О. Игнатенко) представляют собой “внешние расширения человека”, как бы “продолжения” его тела» [Маклюэн, Николаев. Цит. по 5, с. 423]. Это делает возможности человека практически безграничными: возможность оперативно получить любую информацию, любого объема, из любой точки земного шара; значительно облегчает жизнь, особенно если профессиональная деятельность связана с этой информацией и оперативностью. Однако для обычного человека всё обстоит иначе: «понимаемые как “внешние” средства для записи и передачи “живого” языка и внутреннего опыта, они отчуждают человека от самого себя, что ведет к возникновению шизоидного восприятия мира» [2, с. 424].

Особый интерес в системе изменений «базовых установок» общества, полагаем, представляет судьба русского языка как основного средства коммуникации и хранилища культуры. Так, например, бесспорно, что цифровизация коммуникативной сферы привела к смене парадигмы цели: современному человеку недостаточно просто передавать информацию на большие расстояния (с этим вполне справлялись телефон, телеграф и прочие «гаджеты» прошлого), теперь необходимо трансформировать объем: в коротком сообщении – максимум информации.

Отметим, что интерес к проблеме соотношения формы и содержания, способов расширения смысла сопровождает историю развития и языка, и искусства в целом: достаточно вспомнить эксперименты модернистов начала XX века, дигитальные произведения начала века XXI. Однако если в прошлом слово и язык представляли собой основную ценность культуры и человеческого сознания, то сейчас процесс соотношения формы и содержания претерпел колоссальные изменения. Так, в связи с изменением цели коммуникации (молниеносная передача информации) ускоряется процесс трансформации языка. Главным критерием современности в этом случае становится именно скорость передачи, форма, вслед за содержанием, уходит на задний план. С другой стороны, подверглись трансформации некоторые черты личности современного человека: появилась поверхность в восприятии информации, отсутствие углублённого понимания, что повлекло за собой

эмоциональную ограниченность, неумение рассуждать, скованность в сплошном речевом потоке, безграмотность. Тенденция современной культуры – «внешнее» ускорение жизни в средствах массового транспорта и массовой коммуникации привело к тому, что сам человек «остановился», стал как бы «живым мертвецом» [5, с. 325].

Одновременно с этим произошло «усиление соматического самопознания человека» [5, с. 325], когда всё, что происходит с тобой и твоим телом, пристально изучается, а результат такого «анализа» становится достоянием общественности. Набирают популярность соцсети, на страницах которых люди фиксируют каждое мгновение своей жизни, «самозабвенно расставаясь с частной жизнью, предавая ее публичности по собственному желанию» [6, с. 103]. Дело не ограничивается этой публичностью, на каждую публикацию «подписчики» обязаны реагировать комментариями. В результате происходит трансформация существующих жанров, появление новых, полное изменение значения существующих. Так, например, подобная судьба постигла такой жанр печатного издания, как журнал, который в сети представлен «живым журналом».

Обратной стороной цифровизации общества стала неограниченная возможность быть услышанным, а это в свою очередь привело к тому, что «маленький человек», так популярный в классической русской литературе, теперь не интересует никого. Однако современность породила «маленьких читателей» и «маленьких авторов» (термин А. В. Соловьева), а «посты» превращаются в интернет-графоманию.

Цифровизация общества, которая приводит к информационной перегрузке, оказывает мощное влияние и на язык, вызывая как качественные, так и количественные его изменения: создание гипертекста («общение в соцсетях»), отказ от больших словесных форм (даже электронные письма теперь обслуживают только деловую сферу отношений), «постоянная репликация и комментирование уже существующих текстов» (посты и комменты); «революционное словотворчество» [6, с. 105]. В результате ведущим речевым жанром коммуникации внутри цифрового общества стали «пост» и сообщения (message), а основными средствами коммуникации – соцсети и мессенджеры. «Главное, что определило стиль жизни поколения iGen, его привычки, манеру общения – смартфон и социальные сети» [4, с. 93]. Необходимо добавить, что смартфоны и социальные сети также определили появление и развитие нового языка – так называемый «ilanguage», «интернет-диалект», язык публикаций в социальных сетях и СМС. В связи с этим начали происходить закономерные процессы. В русский литературный язык ворвался поток слов, являющихся кальками английской лексики (блоггер, пост, бан, лайк и др.), по аналогии с существующими словообразовательными моделями начали рождаться неологизмы и производные от них (постить, банить, лайкать и т.п.).

Отметим, что язык современной виртуальной коммуникации не новый, он произошел от языка СМС. В эпоху кнопочных телефонов в целях экономии финансов приходилось максимально сжимать слова и фразы, чтобы передать нужную информацию. Современным смартфонам доступны мессенджеры, не предполагающие плату за каждое сообщение или передачу файлов, количество знаков сообщения не ограничено. Однако по-прежнему главными качествами нового стиля языка остаются: стремление к свертыванию речи, передача максимума информации при минимуме выразительных средств, повышение роли аббревиации и сокращения слов, обогащение письменного языка смайлами, умение выразить мысль в сжатой форме [7]. При этом язык чатов не регламентирован нормами, что, с одной стороны, позволяет проявить творчество при написании слов или выражении мыслей с помощью неречевых средств, с другой стороны, ведет к снижению грамотности населения. Об этом свидетельствует и преобладание в социальных сетях форм императива в единственном числе: «Жми сюда!», «Листай ленту/карусель!», «Свайпай вверх!». Таким образом, обращение ко всем на «ты» (пусть даже в рамках рекламных роликов и сториз) стирает возрастные и социальные различия между общающимися, делает коммуникацию непринужденной.

Формат мобильных приложений и характер публикаций в социальных сетях предъявляют также и синтаксические требования: изменяется структура высказывания, речь становится больше номинативной и рубленой: в языке современного iGen преобладают сокращения как английских слов и предложений (OMG! – Oh, my God!, ASAP – as soon as possible), так и русских выражений (спс – спасибо, нзч – не за что). Отметим, что цель любого поста в соцсети или комментария к чужому посту – заявить о себе, получить как можно большее количество просмотров и оценок. При этом коммуникативная (диалогическая) интенция отсутствует: основная функция речи – коммуникация – становится в социальной сети невостребованной. Таким образом, люди теряют интерес к общению, развернутому грамотному высказыванию своих мыслей, становятся неспособными вести рассуждение в письменной и устной формах. Парадоксально, но «поколение с опущенной головой» (определение А. И. Кугай), беспрерывно «общаясь» («зависая») в соцсетях и чатах, на самом деле к общению не расположено.

В заключение отметим, что Аркадий и Борис Стругацкие еще в прошлом веке указывали на тот факт, что общество потребителей неминуемо придет к нравственной гибели через «раскультуривание», в том числе через утрату языка (повесть «Хищные вещи века»). Полагаем, что опасения большинства современных лингвистов вполне оправданы, т.к. «человек построил себя в промежутках между фрагментами языка» [8, с. 6]. В таком случае современный человек цифровой цивилизации,

практически утративший языковую связь со своей культурой, «строит себя» между фрагментами коротких, нередко штамповых сообщений-статусов. И если раньше существовал мощный поток под названием «современный русский литературный язык», из которого вытекали и в который впадали мелкие потоки (узусы, сленги, диалекты и пр.), то сейчас этот поток настолько загрязнен продуктами цифровизации, что появляется русло «нового языка», течение которого настолько мощное, что есть риск поглощения языка как зеркала русской культуры.

Список литературы

1. Зиновьев А. Глобальный человейник. М.: Канон+, 2019. 368 с.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 209 с.
3. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г. Г., Посашков С. А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. № 6. 2017. С. 104–120.
4. Кугай А. И., Михайлова В. В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 90–99.
5. Шмидт Э. Буквальная (не)движимость: Дигитальная поэзия в РуЛиНете // Russian Literature. 2005. LVII. С. 423–440.
6. Соловьев А. В. Литература и словотворчество в информационную эпоху // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 24. С. 98–112.
7. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. URL: http://www.honestnet.ru/chistyy-yazyk/yazyk-interneta-zametki-lingvista.html (дата обращения: 10.10.2020).
8. Эпштейн М. Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 513 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

УДК 378
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.39

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Левина Е. Ю.

ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем»
(Казань, Россия)
E-mail: frau.levina2010@yandex.ru

INFORMATION FIELD OF THE EDUCATION SYSTEM: DESIGNATION OF DIGITAL OPPORTUNITIES

Levina E. Y.

FSBSI "Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems"
(Kazan, Russia)
E-mail: frau.levina2010@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о сохранении человекосообразности при глобальной цифровизации остается в фокусе внимания всех гуманитариев. И это огромный вызов – как образованию стать частью цифрового мира, не потеряв человекоориентированность, с одной стороны, и как использовать реальные цифровые достижения в «пользу» образования – с другой стороны. Оставляя за бортом дискуссии об отборе контента для образования в условиях сокращения дидактического времени и градации непрерывных инноваций образования в новом «киберсоциуме», автор фокусируется на управлении образовательными процессами с позиций раскрытия его цифрового потенциала.
Ключевые слова: *образование, информация, цифровизация, информационное поле, когнитивный менеджмент.*

Abstract. The question of the preservation of humanities in global digitalization remains the focus of attention of all humanities. And this is a huge challenge – as education to become part of the digital world, without losing human orientation on the one hand, and how to use real digital achievements in "favor" of education on the other hand. Leaving behind discussions about the selection of content for education in the face of reduced didactic time and a gradation of continuous education innovations from new "cybersocium", the author focuses on managing educational processes from the perspective of unleashing its digital potential.
Keywords: *education, information, digitalization, information field, cognitive management.*

Прежде всего необходимо отметить зачастую остающуюся вне поля зрения цифровую эволюцию. Цифровизация образования возникла не с новой точки отсчета – еще 10–15 лет назад с таким же энтузиазмом педагогическое сообщество обсуждало информатизацию, а еще раньше, но уже более узкий круг исследователей, – кибернетизацию. Цифровизация не является обособленным или противостоящим явлением, она – закономерная веха технологического развития математики, кибернетики, информатики, базирующаяся на научных и технико-технологических достижениях, междисциплинарных связях и преемственности методов, форм и технологий. Технологически – это звенья одной цепи при неизбежном удешевлении, а следовательно, и широком распространении информационных (цифровых) технологий. Наверное, поэтому «физики», в отличие от «лириков» (гуманитариев), гораздо меньше озабочены вопросами «человечности» – компьютер все-таки может сделать только то, и только то, что в него заложил человек, не больше и не меньше.

Другой вопрос – а что личность (обучающийся, студент) готов «взять» с помощью компьютера и цифровых технологий? Готова ли личность к развитию и приложению усилий для познания мира? Будет ли он «создавать» собственный опыт или довольствуется переработанной кем-то информацией и кем-то представленным опытом как знанием или даже истиной? Как найти верную или неверную информацию? Где констатация факта, а где манипуляция сознанием? Вот эти вопросы намного серьезнее для новейшей педагогики, чем рассуждения о вреде компьютера (зачастую, бездоказательных) или описаний, где цифровизация зачастую выступает лишь «инфоповодом» – соусом, под которым подаются текущие образовательные процессы.

С точки зрения организации современного образования и управления им, тезис об информации как глобальной ценности не только не утрачен, но и является ведущим в цифровую эпоху. Однако ввиду возникнувшей интерактивности восприятия и нецелевой информационной обеспеченности, более точно, на взгляд автора, говорить не об информации как таковой, а об информации «переработанной», обладающей классическими информационными свойствами (актуальности, достоверности, точности, адекватности, релевантности и др.), то есть информации уже сгенерированной – знаниями. Именно владение такими организационными или системными знаниями, их мониторинг и обновление входит в задачи современного управления – когнитивного менеджмента, играющего особую роль в функционировании образовательных систем.

Когнитивность здесь представляется как познание субъектом управления объекта управления, то есть восприятие управляющими структурами (институциональное, организационное, педагогическое управление) образовательных систем (образовательных структур,

образовательных процессов и педагогических ситуаций). В результате когнитивного восприятия возникает образ объекта управления, базирующегося на его сущностных характеристиках, знаниях и закономерностях функционирования. Причем чем активнее осуществляется процесс познания (анализ, синтез свойств, изучение характеристик и проч.), тем больше открывается возможностей для его дальнейшего исследования и значительного снижения системной энтропии сложноорганизованной динамической системы, которой и является образовательная система любого масштаба.

Информационная атомарность образования образуется из пересечения информационного потенциала системы (общего потока информации) и информации, воспринятой пользователем (управляющим звеном) в текущий момент; именно это пересечение образует в итоге организационно-педагогические знания, способствующие эффективности управления развитием образования. *Интегрируемая «когнитивность»* позволяет преобразовать информационное описание дискретных элементов образовательных систем (структур, процессов и ситуаций) в образ исследуемого объекта по его характеристикам. На текущий фиксированный момент времени когнитивное представление формируется через воспринятую информацию о состоянии системы, имеющийся информационный потенциал системы и их пересечение – информационную сложность. Данные тезисы базируются на теории информационного поля (Д. Марр [1], А. А. Денисов [2]) и авторского видения информационно-когнитивного подхода [3]. Обобщенное представление можно сформулировать следующим образом: внешняя и внутренняя среда образовательной системы в силу возможности ее создания и функционирования имеет всю информацию для ее развития, а восприятие этой информации может быть расширено от простой визуализации до анализа, если с помощью дополнительных действий извлечь из нее характеристики, отражающие ее качественные свойства.

Таким образом, когнитивный менеджмент представляется как гибкий инструментарий, способный к адаптивным настройкам для управления образовательными процессами и ситуациями в образовательной организации для улучшения ее деятельности, базирующийся на мониторинге информации, ее обработке, генерации организационных знаний, их идентификации, накоплении, распределении и создании. Он связан с внутренней средой образовательной организации, ее интеллектуальным капиталом (знание, субъекты, взаимодействие).

Взаимодействие «информационности» и «когнитивности» может быть определено с позиций снижения энтропии образовательных систем (структур, процессов, ситуаций) за счет имеющегося у него ресурса управления. Необходимая для когнитивного менеджмента информация:

– нуждается в «добыче» и дальнейшем применении;

– подлежит переработке, систематизации, обобщению, накоплению;

– не только неисчерпаема, но и имеет свойство к значительному преумножению с течением времени в когнитивном, содержательном, технологическом и процессуальном аспектах;

– выступает основой знаний, проходя процесс их производства;

– требует организации потоков передачи (коммуникаций);

– порождает новые виды процессов и деятельности во всех системах.

Одним из цифровых трендов в образовании является работа с Big data, предполагающая новые возможности сбора и синтеза информации. В самом общем случае под Big data подразумеваются глобальные объемы непрерывно увеличивающихся данных, в которых неявным образом скрыта необходимая информация для анализа и выработки действий. Их извлечение и есть задача и способность когнитивного менеджмента.

Многообразие субъективных сложно-формализуемых характеристик и обобщений организационной информации образовательных систем для выделения «больших данных» породило множественность типологий (например, [4, 5]). Однако просто выделить сферы накопления «больших данных» явно недостаточно – каждый субъект образования бесконечен и непрерывно изменяем, с точки зрения обособления Big data и продуктивной работы с ними. Представляется более точной следующая типология разделения Big Data в высшем образовании: *personal data* и *process data*. К personal data относятся многомерные психологические и социальные особенности субъектов образования, влияющие на процесс обучения, – когнитивные способности, мотивация, готовность, мышление и др., выражающиеся в ограниченном представлении пересечений когнитивных стилей обучения и преподавания. К process data относятся показатели организации педагогических процессов в образовательной организации, базирующихся на когнитивном капитале образовательной организации. Результирующим взаимодействием personal data и process data является результат высшего образования – выпускник вуза с определенным уровнем компетенций (self, soft, hard), востребованный социумом.

Каждый из названных позиций *personal data* и *process data* нуждается в дополнительной типологизации, раскрытии содержания и установке границ, что является отдельной задачей. Обобщенно же можно отметить, что преобразование данных в информацию требует выработки четких критериев «просеивания». Восприятие полученной информации может быть расширено от простой визуализации до анализа, если с помощью дополнительных действий извлечь из нее характеристики, отражающие ее качественные свойства. Это уже функционал другой технологии – *Data mining*, работающей на выявление практически полезных новых знаний и закономерностей высшего образования через интеллектуальный анализ данных. Информация восприятия о состоянии

высшего образования (ситуаций, процессов, структур) накапливается во времени и пространстве, состоит из информационных потоков, возникающих в рамках образовательной деятельности, и формирует ее информационное поле относительно критериев измерений пользователя (управленца). Отсюда закономерен вывод о том, что значимость индикаторов информационного поля, отражающих характеристики высшего образования, весьма высока; их критериальная эффективность должна быть обоснована, доказана и отвечать задачам анализа, формируя новые знания о функционировании и потенциале развития высшего образования (структур, образовательных процессов и ситуаций) в текущий момент времени. Результаты таких исследований позволят обобщить многомерные о функционировании образовательных систем и образовательных организаций через цифровые технологии, по-новому взглянуть на существующие проблемы для разнообразных целей развития образования.

Механизмы когнитивного менеджмента, таким образом, в полной мере коррелируя с цифровыми технологиями мониторинга и обработки данных, обусловливают возможность получения новых знаний и закономерностей образовательных процессов, расширяя информационное поле образования. Полученная информация на каждой итерации становится организационными знаниями и служит развитию и совершенствованию образовательных процессов. Автор полагает, что представленные тезисно идеи формируют ценностно-устойчивые основания когнитивного менеджмента в цифровом формате, базирующиеся на рациональном взаимодействии субъектов образования.

Статья выполнена по государственному заданию № 0N59-2019-0013 «Проблема современной методологии изучения формирования и развития человека в эпоху цифровизации».

Список литературы

1. Марр Д. Зрение. Информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов. М.: Радио и связь, 1987. 400 с.
2. Денисов, А. А. Информационное поле. СПб.: Омега, 1998. 64 с.
3. Левина Е. Ю. Методология информационно-когнитивного подхода к управлению развитием высшего образования // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3. С. 17–22.
4. Утёмов В. В., Горев П. М. Развитие образовательных систем на основе технологии Big Data [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 6 (июнь). С. 449–461. URL: http://e-koncept.ru/2018/181039.htm. (дата обращения: 09.09.2020).
5. Фрумин И. Д. Тренды в развитии содержания образования: ключевые компетенции и новая грамотность // Материалы IV Международного форума по педагогическому образованию. URL: http://ifte.kpfu.ru/ru/lectures/trendy-v-razvitii-sod (дата обращения: 09.09.2020).

УДК 159.9+37.014.3+316.6
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.40

ШКОЛА БУДУЩЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ РАЗНЫХ ЭПОХ

Москвитина О. А.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(Москва, Россия)
E-mail: mskvn-lg@yandex.ru

SCHOOL OF THE FUTURE IN THE VIEWS OF SENIOR TEENAGERS FROM DIFFERENT ERAS

Moskvitina O. A.

FSBSI "Psychological Institute Russian Institute of Russian academy of Education"
(Moscow, Russia)
E-mail: mskvn-lg@yandex.ru

Аннотация. В статье кратко рассматривается история развития школьного образования и то, какие существуют идеи по его модернизации в будущем. Проблема исследования заключается в соотнесении трансформаций, происходящих в образовании, с представлениями подростков о школе будущего как объекте этих изменений. Целью исследования стало выявление представлений старших подростков о вероятности и содержании изменений школы в будущем. Для выявления специфики представлений современных подростков было проведено сравнение этих представлений с представлениями об этом их сверстников из других исторических периодов. Представления старших подростков прошлого отличаются смелостью предположений, а представления современных подростков – прагматичностью. Большинство оценок вероятности изменения школы в будущем основано на опыте современных школьников и в большей степени фантазийны у подростков прошлого. Новизна исследования заключается в его сравнительно-историческом характере.
Ключевые слова: *представления о будущем, старшие подростки, школа, цифровизация образования, современность, СССР, история школьного образования.*

Abstract. The article briefly discusses the history of school education development and ideas that exist for its modernization in the future. The problem of this research is to correlate the transformations taking place in education with the ideas of teenagers about the school of the future as an object of these changes. The main aim of the study was to identify senior teenager's perceptions of the probability and content of changes in school in the future. To identify the specifics of the ideas of modern teenagers, these ideas were compared with the ideas of their peers from other historical periods. The ideas of older teenagers of the past are characterized by boldness of assumptions, while the ideas of modern teenagers are more pragmatic. Most estimates of the probability of changing schools in the future are based on the experience of modern teenagers and are more imaginative for teenagers of the past. The novelty of the research lies in its comparative-historical character.

Keywords: *ideas about the future, senior teenagers, school, digitalization of education, modernity, USSR, history of school education.*

Фраза «Будущее ближе, чем мы думаем» полно характеризует скорость изменений, происходящих в современном мире. Он меняется, увлекая за собой всё то, что является его столпами. К ним относится современное образование и его базовая составляющая – традиционная общеобразовательная школа.

Современные школьники являются свидетелями начала невиданных ранее изменений, сопоставимых разве что с экспериментами в советской школе 20-х годов XX века [1]. На наших глазах разрушается система образования, зародившаяся в России более 200 лет назад и связанная с возникновением в XVIII в. народных школ, которые в историческом плане являются предтечей современной массовой школы [2]. Во 2-й половине XIX в. идея всеобщего обучения, отвечающего духу и потребностям времени, становится государственной задачей. К её реализации [3] был привлечён институт Церкви, возникли церковно-приходские школы. После революции [4] планомерно развивается единая трудовая школа (начальный всеобуч), которая постепенно, пройдя сквозь трудности кадрового голода и необустроенности, становится обязательной. С 30-х гг. в городах и рабочих посёлках был начат переход ко всеобщему политехническому семилетнему образованию. К началу 40-х гг. было запланировано перейти к всеобщему обязательному среднему образованию, но эта задача была реализована только к 70-м годам, когда страна оправилась от потерь, связанных с освобождением от нацистских захватчиков и восстановлением народного хозяйства [5]. Несмотря на изменения социального строя, экономические и политические потрясения, массовая школа с её неизменными атрибутами: урок, учитель, класс, учебники и тетради, отметки, классный журнал, дневник, расписание уроков, перемены, домашние задания, дисциплина – сохранялась до сего дня.

Однако в связи с изменением очередного технологического уклада классно-урочная система, основанная великим просветителем Я. А. Коменским, стала признаваться рядом исследователей утратившей актуальность. Наряду с её положительными сторонами отмечается авторитаризм, отсутствие учёта индивидуального подхода [6]; провозглашается отказ от фронтального обучения, переход к его индивидуализации в рамках общего учебного коллектива [7]. Среди деятелей науки и образования существует целая когорта тех, кто ратует за кардинальные реформы системы образования и объясняющих сопротивление части общества этим переменам их нежеланием менять привычный образ школы [8].

Каким мыслится образ школы в будущем? Такой вариант предложен в форсайт-проекте «Образование 2030», который предполагает её

кастомизацию – разделение на три неравноправных и неравнозначных уровня: школу для будущих управленцев, массовую школу и школу для низших слоёв [9]. Для большинства школьников основная доля обучения будет проходить в игровой форме вне школы полный день по индивидуальному плану (применение дополненной реальности, использование эффекта присутствия и пребывание в виртуальности), а школа будет обеспечивать базовые знания [10]. В планах изменений значится применение новейших достижений фармакологии, генетики и нейрохирургии: от использования обратной биологической связи до применения специальных препаратов, использование возможностей безостановочного обучения, создание генетических профилей и, наконец, вживления имплантов [10]. Другой образ школы, базирующийся на идеях свободного воспитания, заложен в образовательной системе «Школа-парк», разработанной М. Балабаном, который полагал, что атрибуты классно-урочной системы исключают саму возможность обучения детей [8]. Очевидно, что планы по трансформации массового образования ведут его к редуцированию и интенсификации: по сути, оно перестаёт быть массовым, но остаётся качественным, а с другой стороны – оставаясь массовым, перестаёт быть образованием, регрессируя до обучения базовым знаниям.

На современном этапе цифровизации [11] перед школой поставлена задача обучать школьников с помощью электронных (цифровых) технологий и оборудования: персональных компьютеров с обучающими программами, состоящими из электронных учебников, тренажеров, лабораторных практикумов и системы тестирования; систем, обучающих с помощью мультимедиа-технологий; различные экспертные системы по предметам; удалённые отраслевые базы знаний и средства дистанционной коммуникации: электронная почта, веб-конференции, чаты, форумы. Организация образования обеспечивается электронными дневниками, расписанием занятий; системой электронного документооборота, мониторинга и оценкой качества образования. Разработчики предполагают, что всё это позволит ученику определить сообразный его возможностям ритм и темп занятий, что послужит пользе; при этом важно, чтобы учитель будущего обладал необходимыми компетенциями для преподавания в школе будущего [12]. Однако остро стоит вопрос о том, что необходима практическая модель, описывающая основные элементы школы, использующей цифровые технологии, и анализирующая методы работы с ними. Такой моделью является IDI school – инновационная цифровая школьная модель [13].

В московских школах эксперимент по внедрению новых технологий стали реализовывать с 2016 года. Современные московские школьники знают, как работают: интерактивная школьная доска, домашние задания в московской электронной школе (МЭШ), электронные дневники-журналы,

которые «сами» выставляют отметки. У части учеников есть ноутбук, планшет или смартфон, с помощью которых они не только по Wi-Fi связываются с интерактивной доской, но и могут заниматься в виртуальных лабораториях, присутствовать на экскурсиях, обучаться с помощью компьютерных игр [14]. На современном этапе этот опыт распространяется и на другие регионы страны.

Имеющийся уже опыт цифровизации школы даёт простор для конструирования её образа тем, кто желает пофантазировать о будущем образования. Образ будущего связан с активным построением его предпочитаемого варианта [15] и с формированием субъект-объектной взаимосвязи человека с его будущим [16]. Такое конструирование через представления (вторичные образы) во многом связано с ценностями и установками человека и ограничено возможностями его познания в настоящем, но его творческая природа вывести из этих ограничений [15]. Современное восприятие будущего связано с возрастающей ностальгией по прошлому, недовольством будущим из-за его возрастающей неопределённости и утратой веры в то, что в будущем человек сможет преодолевать ожидаемые и неожиданные изменения [17], с другой стороны – представление будущего, которое кажется неправдоподобным, является первым шагом на пути к его возможности [18].

Существует две формы оперирования с феноменами прошлого и будущего: индивидуальную и коллективную [19]. Исследование коллективных представлений о будущем [20] направлено на изучение представлений молодежи о будущем, оно показало их однородность и сверхиндивидуалистичность. Отличие прошлого от будущего связано с определённостью прошлого и открытостью будущего [20] и с особенностями феномена самости в них [18]. Изучение того, как дети познают, представляют и воображают себе будущее, является важной областью для исследования познания времени [21]. Считается важным поддерживать у детей позитивный взгляд и ориентацию в будущем, умение распределять промежутки времени, планируя свою деятельность в нём [22]. Молодые люди определяют своё будущее с точки зрения наличия или отсутствия текущих социальных проблем, а крайний позитивный или негативный образ будущего снижает их локус контроля [23]. Основой для формирования образа будущего является собственный опыт и те образы, содержащиеся в представлениях памяти и воображения. Эти образы усваиваются из художественных произведений и общения с опытными людьми.

Целью исследования стало выявление представлений старших подростков о вероятности и содержании изменений школы в будущем и сравнение этих представлений с представлениями их сверстников из конца 1970-х и начала 2010-х годов.

Следует отметить, что изучение представлений о школе будущего является не только познанием его, сколько возможностью понять тех, чьи представления будут изучены, так как в дальнейшем на основе полученных данных возможно выработать концепт, который является единством идейного и чувственного, основывается на анализе настоящего и прошлого, но при этом не опосредует ими будущее [16].

Материалом для исследования послужили выдержки из сочинений учеников общеобразовательной школы небольшого северного города, опубликованные в районной газете за 1979 год, высказывания подростков, обучающихся не в массовых общеобразовательных школах, опубликованные в сети Интернет в 2013 году, а также результаты проведённого нами в начале 2020 года исследования представлений старших подростков о школе будущего.

Анализ материалов исследования показал, что старшие подростки советского периода, ученики седьмого класса написали сочинение на тему: «Школа и подросток в XXI веке». Доступные для анализа выдержки из этих сочинений касались шести представлений: о школе будущего, о длительности обучения в ней, о наличии уроков и отметок, о технических средствах обучения, о каникулах, кружках, конфликтах между детьми и о том, что нужно взять в школу будущего из настоящего (прошлого). По мнению учеников, школа в будущем преобразится кардинально [24]: уроки будут организованы на изучаемой местности, например, по истории или географии. Сроки обучения сократятся, появятся новые предметы, объем знаний и требования к ним возрастут кратно, изменятся расписание уроков и отметки; последние, возможно, и отменятся за ненадобностью. Появятся «врождённые знания». Сложные машины придут на помощь учителю, хотя, возможно, его заменит робот. Однако за порядком и дисциплиной будет наблюдать взрослый. Но есть вариант и «квартирного» робота, который будет учить на дому, соблюдая определённое расписание. В школе будущего появится множество кружков и тематических школ, бассейны; будут проводиться экскурсии в разные уголки Земли. Споры и конфликты со взрослыми останутся. В школе будущего должны сохраниться охрана исторической памяти, шефская работа, учителя, дружба, жизнерадостность и веселье, равенство, познание мира и каникулы. С высоты сегодняшнего дня мы видим, что очень многое из фантазий этих детей сбылось или начинает сбываться.

Мнения школьников начала 2010-х годов о том, что ждёт образование в будущем, были опубликованы в сети Интернет. Школьники посчитали, что школа станет более технологичной, в корне изменится её организация: обучение станет персонифицированным, по интересам, непрактические знания будут выброшены; расписание ученик будет составлять себе сам и изучать предметы в удобное для себя время онлайн или просматривать видео пропущенного урока. Появятся новые

ориентированные на практику предметы-проекты. Возможно, обучение станет командным, включающим для реализации проекта школьников с интересами в разных областях знаний. На самостоятельное обучение станут выделять больше времени. Учебники, тетради, пособия будут размещаться в планшетах, в них появится больше иллюстраций, причем динамичных; урок физкультуры будет проводить голограмма. Использование вживлённого чипа вызывает противоречивые чувства: с одной стороны, стремление научиться всему сразу и без усилий, с другой – страх перед потерей интереса к знаниям и их индивидуального восприятия. Часть школьников указывает, что цифровые технологии должны быть доступны только с определённого возраста: ученикам младших классов необходимо осваивать школьные знания по старинке. Учителя будут выполнять роль тьютеров, помощников, а ученик – сам принимать решение о содержании урока. Ожидается, что учителя останутся, их не вытеснят роботы, но они станут добрее и будут преподавать интересно. Часть учеников полагает, что учитель не потеряет своей роли наставника и лидера-вдохновителя и воспитателя. Школьники осознают ограниченность техники по сравнению с человеком. Система отметок будет изменена – проекты будут оценивать все: и ученики, и учителя, возможно, система ЕГЭ останется. Кружки и дополнительные занятия не выделены как отдельная категория, но входят в сферу выбора самого ученика, который определяет своё расписание. Часть школьников считает, что школа как физический объект сохранится, часть – что обучение будет виртуальным. Описание школы как здания в данных ответах не представлено. Школьники считают, что живое общение будет заменено виртуальным, сетевым. Часть из них сожалеет об этом.

Наше исследование было осуществлено с помощью метода опроса с использованием разработанной нами методики «Школа будущего», предполагающей количественный и качественный анализ данных. Методика построена по принципу ориентировочного опроса, что позволит облегчить процесс извлечения из памяти искомых представлений и их структурирование. Исследование является феноменологическим; выявлялись обобщенные образы-представления памяти и воображения, которые человек переживает их без непосредственного контакта с предметами, явлениями и ситуациями как физическими стимулами [25].

Зимой 2020 года было опрошено 32 ученика 9 класса (14–15 лет) одной из общеобразовательных школ города Белгорода. Белгород – крупный, активно развивающийся город Черноземья России, участвующий в цифровизации экономики.

Мы предположили, что представления о школе будущего в большей степени будут основываться на знаниях и личном опыте взаимодействия с техническими новшествами, нежели на фантастических сюжетах из художественных произведений. Поэтому в данном исследовании мы предполагали узнать, насколько иным видится современным школьникам

образ школы будущего по сравнению с современной школой и насколько эти представления о школе будущего сопоставимы с возможными её трансформациями, то есть насколько они реалистичны.

После подсчёта процентных показателей были выделены и проранжированы максимальные из них по вероятности осуществления в будущем по категориям, характеризующим массовую образовательную школу:

– большинство школьников уверены, что в будущем станет возможным проводить уроки с помощью гаджетов или интерактивной программы в классе, который оснащён планшетами и Интернетом через Wi-Fi сеть, заниматься они будут по учебникам, пособиям и тетрадям, размещённым в сети на планшетах или компьютерах, и с помощью гаджетов будут делать домашние задания;

– многие считают, что общение с другими будет виртуальным и осуществляться через Интернет или локальную сеть;

– абсолютно все убеждены, что учителя никогда не заменят родители;

– многие уверены, что школьный класс не перестанет быть нужным и его не смогут заменить очки виртуальной реальности;

– большинство из них считают, что не будет так, что уроки, домашние задания, отметки и дисциплина будут не нужны;

– подавляющее большинство считают, что не случится так, что общение будет нужно;

– у большинства школьников возникает сомнение, что они будут сами себя оценивать и ставить отметки или это будут делать их одноклассники;

– также вызывает у них большое сомнение то, что домашнее задание будут задавать желающим.

Образ школы в её содержательных и организационных основах мало изменяем: большинство старших подростков не поддерживает идею отсутствия уроков, домашних заданий, отметок, дисциплины и общения с одноклассниками и учителями, но допускают их технологическое изменение. Большинство оценок изменения школы в будущем основано на опыте школьников или их представлениях об использовании новых технологий в образовании и в быту. Результаты проведённого исследования показали, что выбор представлений старших подростков о возможных вариантах изменения школы в будущем разнообразен, нет абсолютного предпочтения в оценивании вероятности осуществления предложенных утверждений. Их представления можно охарактеризовать как вполне реалистичные.

Итак, наше сравнительное исследование показало, что представления о школе будущего подростков конца 70-х гг. прошлого века и начала 10-х гг.

нашего века касаются во многом одних и тех же категорий: учебный процесс, знания, учитель, общение, контроль, самореализация. Общее в представлениях о школе будущего заключается в том, что все подростки предвосхищали изменение объема и содержания знаний и не отрицали их значимость; большинство из них считали важной фигуру учителя; большинство подростков представляли перемещение в пространстве на значительные расстояния для получения знаний из первоисточников; важной потребностью у всех подростков остается стремление к большей свободе и снижению контроля за ними, однако многие признают его необходимость. Важным остаётся живое общение. Различия между представлениями заключаются в том, что подростки из 21 века считают важной персонализацию образования, следование своим желаниям и предпочтениям в получении знаний. Подростки из 20 века признают наличие конфликтов в будущей школе.

В целом представления о школе будущего подростков прошлого века более фантастичны, чем представления подростков из 21 века. Представления последних, в основном, опираются на их знакомство с техническими новинками и наличием представлений о другом опыте получения образования.

В основном предположения о результатах исследования подтвердились: представления о школе будущего во многом зависит от социальной и культурной ситуаций и условий жизни подростков, от наполненности их информационного пространства сведениями о возможных вариантах и сценариях будущего. С высоты сегодняшнего дня мы видим, что очень многое из фантазий этих подростков прошлого сбылось или начинает сбываться.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-29-14177) «Динамика нейрокогнитивного, эмоционального и личностного развития подростков в условиях системной цифровизации школьного образования».

Список литературы

1. Рожков А. Ю. «Читая «дневник Кости Рябцева»: школьная действительность 1920-х гг. глазами историка» // Детские чтения. 2017. № 2 (12). С. 298–324.
2. Волик Е. А. Развитие народных школ России на рубеже XVIII–XIX столетий // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 419–421.
3. Голикова С. В. Путь к всеобучу: достижения и трудности в развитии народного образования в сельской местности пермской губернии второй половины XIX – начала XX века // Образование и наука. 2016. № 2 (131). С. 132–144.
4. Мова А. Э. Формирование системы всеобщего обязательного обучения в России // Человек и образование. 2009. № 1 (18). С. 175–181.
5. Хитарян М. Г. Трудовое воспитание и политехническое обучение в советской школе накануне перехода ко всеобщему среднему образованию (1937–1956 гг.): ист.-пед.

очерки / Череповец. гос. пед. ин-т. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние. 1974. 219 с.
6. Ахмедов И. Р. Традиционное обучение и новые педагогические технологии как основа современной педагогической системы // Замонавий таълим / Современное образование. 2014, № 6. С. 31–36.
7. Лебединцев В. Б. Индивидуализация обучения в массовой школе: условия и институциональные формы // Вестник ИГЛУ. 2013. С. 244–248.
8. Скрипченко С. Н. Процесс формирования системы образования постиндустриального общества // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 447–450.
9. Евзрезов Д. В., Майер Б. О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «людей одной кнопки»? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (18). С. 118–132. doi:10.15293/2226-3365.1402.11
10. Евзрезов Д. В., Майер Б. О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 3. Смена государственного образования на частное элитарное? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (18). С. 150–161. doi: 10.15293/2226-3365.1402.13
11. Крылова Н. П., Антропова Л. В., Левашов Е. Н. Влияние организационных, экономических и социально-педагогических условий на цифровизацию образовательной среды // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 4. С. 124–143. doi: 10.15293/2658-6762.1904.08
12. Ally M. Competency Profile of the Digital and Online Teacher in Future Education // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2019. № 20 (2). URL: https://doi.org/10.19173/irrodl.v20i2.4206 (дата обращения: 06.05.2020).
13. Ilomäki L., Lakkala M. Digital technology and practices for school improvement: innovative digital school model // Research and Practice in Technology Enhanced Learning. 2018. № 25. URL: https://doi.org/10.1186/s41039-019-0099-y (дата обращения: 06.05.2020).
14. Четверикова О. Н. Скрытые угрозы российского проекта «Цифровая школа» // Народное образование. 2019. № 1. С. 9–25.
15. Князева Е. Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. № 4. С. 2–11.
16. Налетова А. И. Механизм конструирования будущего: ощущение, идея, концепт // Fundamental Research. 2014. № 6. С. 424–429.
17. Lowenthal D. The forfeit of the future // Futures. 1995. Vol. 27. Issue 4. P. 385–395. URL: https://doi.org/10.1016/0016-3287(95)00017-Q (дата обращения: 09.05.2020).
18. Huenteo C. A. P. Making implausible futures possible: The challenges of cultural psychology // Culture & Psychology. 2019. № 25 (3). P. 415–426. doi:10.1177/1354067X19843462
19. Michaelian K. & Sutton J. Collective mental time travel: remembering the past and imagining the future together // Synthese. 2019. № 196 (12). P. 4933–4960.
20. Andreoletti G. Back to the (Branching) Future // Acta Analytica. 2020. № 35 (2). P. 181–194.
21. McCormack, T. & Hoerl, Ch. Children's Future-Oriented Cognition / Advances in Child Development and Behavior / Janette Benson (Ed.). 2020. Vol. 58. P. 215–253.
22. Phan H. P., Ngu B. H., McQueen K. Future Time Perspective and the Achievement of Optimal Best: Reflections, Conceptualizations, and Future Directions for Development // Front. Psychol. 2020. № 11. P. 1037. URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01037 (дата обращения: 09.05.2020).

23. Kaboli S. A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32–43, URL: https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.11.004. (дата обращения: 06.05.2020).
24. Школа и подросток в XXI веке, 1979 г. URL: https://147school.ru/16066 (дата обращения: 06.05.2020).
25. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 512 с.

УДК 004+172
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.41

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Почебут С. Н.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: sniper2711@yandex.ru

FEATURES OF MODERN EDUCATION IN THE ERA OF DIGITAL REALITY

Pochebut S. N.

Saint Petersburg Electrotechnical State University "LETI"
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: sniper2711@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам современного образования, в частности проблеме цифровизации современной действительности, ее сильных и слабых сторон в условиях экономического кризиса, а также анализу ее влияния на образовательную парадигму XXI века. Особое внимание уделяется трудностям, с которыми вынуждены сталкиваться сегодня субъекты образовательной деятельности, и рассмотрению различных сценариев преодоления существующих противоречий. Образование, как правило, способствует обучению в форме передачи знаний и навыков и восходит к доисторическим временам, когда знание передавалось через подражание. Школы существовали ещё в Древнем Египте, причем система образования быстро развивалась с одновременно развитием грамотности, культуры и науки. Как правило, образовательный процесс включает в себя преподавателя, обучающегося и определенные средства передачи информации, содержащие знания, которые педагог передаёт обучающемуся. Нивелируя роль педагога, общество автоматически перейдёт к системе самообразования, которая всё ещё нуждается в таком источнике знаний, как учитель.
Ключевые слова: *Цифровая реальность, образование, парадигма, цифровизация.*

Abstract. Article is devoted to the problems of modern education, in particular, the problem of digitalization of modern reality, its strengths and weaknesses in the context of economic crisis, and analyzes its impact on the educational paradigm of the XXI century. Special attention is paid to the difficulties that are forced to faces of the subjects of educational activity today, and various scenarios for overcoming the existing contradictions are considered. Education, in general, assists learning in the form of transferring knowledge and skills. Education dates far back to the prehistoric times when knowledge was passed through imitation. Schools as we known existed in Ancient Egypt, system of education was rapidly evolving with the development of literacy, culture, and science. Basically, an educational process involves a teacher, a learner and certain media containing the knowledge that teacher

is about to transfer to the learner. Without an educator, we come up with the system of self-education which still requires the knowledge source and can't exist without an educator.
Keywords: *Digital reality, education, paradigm, digitalization.*

Современные информационные технологии уже давно проникли во все сферы человеческой жизни и стали неотъемлемой частью новой цифровой реальности. Сфера образования не является исключением из этого правила. Роль информационных технологий была провозглашена еще во Всемирной декларации о высшем образовании XXI века. В ней закреплено, что новые технологии должны способствовать обновлению методов преподавания и повышению доступности высшего образования. Ярче всего это, конечно же, проявилось во внедрении дистанционного образования [1, 2]. Стремительная цифровизация, обусловленная стремительным развитием Интернета и внедрением компьютерных технологий практически во все сферы общественной жизни, особенно в условиях пандемии коронавируса, получила резкое ускорение. Наряду со множеством плюсов использования современных цифровых технологий, которые, например, позволили минимизировать отрицательный эффект от вынужденной самоизоляции, обнаружились и значительные проблемы, связанные с их применением на практике, о чём и ранее неоднократно высказывались специалисты из области образования наряду с педагогами и руководителями образовательных учреждений [3, 4, 5, 6].

В ситуации экстренного и тотального перехода к дистанционному обучению на всех уровнях обнаружились новые и обострились уже имеющиеся проблемы технического, психологического и методологического характера.

Основными задачами, которые предстоит решить сегодня, являются анализ и постановка проблем, связанных с переходом образовательного процесса в дистанционный формат в рамках всеобщей цифровизации, активно развивающейся на фоне проблем, вызванных пандемией коронавируса. Сама цифровая реальность в XXI веке понимается как часть новой медиарельности. Медиареальность же представляет собой феномен современной культуры, одну из важнейших её новаций. Одновременно с этим сама она является специфическим порождением высокоразвитой цивилизации, а её влияние на жизнь настолько велико, что представить себе существование человека вне медиареальности становится практически невозможным. Цифровая реальность, как составляющая медиареальности, представляет собой большой интерес для исследователей разных категорий, от философов, социологов и политологов до инженеров, физиков и других представителей современной науки. Именно поэтому крайне важным и актуальным является вопрос о месте и роли цифровой реальности в XXI веке, а также о том, какое влияние она оказывает на общественные ценности и, в первую очередь, на систему образования, которая во многом является тем самым социальным

институтом, формирующим и оказывающим на эти ценности огромное влияние [7].

14 марта всем вузам Российской Фёдерации и другим образовательным учреждениям было рекомендовано перейти на дистанционный режим работы. Похожие меры принимались и в других странах в этот временной период. В Российской Федерации первые две-три недели все без исключения вузы испытывали трудности, зачастую существенные. По мнению главы Министерства образования и науки, сложнее других было вузам технического, медицинского и творческого профилей, но благодаря оперативной организации взаимодействия вузов между собой и с Министерством был налажен поиск новых решений, регулярный обмен лучшими практиками, и, как следствие, адаптация к новым условиям. С подобного рода выводами, пожалуй, согласится большинство преподавателей высших учебных заведений, не говоря уже о школьных учителях и педагогах, работающих в других образовательных учреждениях. Однако для многих по-прежнему остаётся крайне актуальным вопрос – а должны ли вузы, школы, колледжи и прочие учебные заведения быть готовыми к полному переходу в цифровую реальность, какова цена издержек такого рода процессов и насколько это, в действительности, необходимо? Эти вопросы являются крайне актуальными в непростых условиях современной реальности, в которых сейчас оказались практически все страны. Однозначного ответа нет и быть не может, однако сегодня становится совершенно очевидной необходимость срочной выработки возможных моделей предстоящих решений, которые, с одной стороны, учитывали бы интересы преподавательского состава и обучающихся, а с другой – ни коим образом не имели бы негативных последствий ни с точки зрения возможного в дальнейшем распространения коронавируса, ни с точки зрения негативного воздействия на функции образовательных учреждений и всю систему образования в целом. Безусловно, для этого требуется изучить и проанализировать различные варианты и модели, которые уже успели зарекомендовать себя как наиболее продуктивные и способны учитывать различные кризисные сценарии дальнейшего развития событий.

Согласно данным ЮНЕСКО, каждый пятый ребенок в мире не может полноценно получать образование. Средние и высшие учебные заведения закрываются на карантин: на уровне всей страны (например, в Италии, Польше и Украине), на уровне региона (Липецкая область РФ) и на уровне школы, как в Москве, где у одной ученицы выявили заболевание. При введении мер карантина возникают проблемы. Например, проректоры университетов Великобритании заявили правительству, что тысячам студентов просто некуда деваться – многие из них приехали учиться из разных городов и стран. В странах, где школы уже находятся на карантине, власти стараются организовать онлайн-обучение. Наиболее масштабную систему развернули в Китае.

ЮНЕСКО ещё в самом начале пандемии предупреждала о том, что есть проблема психологической неготовности школьников и родителей к удаленным урокам, а также о том, что не у всех для этого есть финансовые возможности – наличие техники и доступа к специализированным платформам [8].

В России с дистанционным обучением дела обстоят неплохо, по оценке некоторых специалистов. Например, платформа «ЯКласс» достаточно хорошо показала себя в период действия карантина. Однако высказывались и иные точки зрения: качество образования в России может пострадать из-за перехода на дистанционное обучение на фоне пандемии коронавирусной инфекции, если она продлится более трёх-шести месяцев. Такой вывод сделали специалисты Научно-исследовательского центра систем оценки и управления качеством образования ФИРО РАНХиГС. Существуют также и более радикальные точки зрения, однако, наряду с очевидными вызовами и проблемами, новый формат обучения предоставляет широкий спектр возможностей и перспектив для изменения и совершенствования образовательных систем, для которых критическая ситуация создает форсированные условия.

Одной из первостепенных задач в сфере образования сегодня становится своевременный анализ актуальной ситуации, принятие наиболее адекватных мер, учитывающих специфику конкретной страны, и поддержка всех участников образовательной системы: учащихся, их родителей, педагогов и администрации на всех уровнях [9, с. 27–33].

Чтобы получить представление о том, какие меры предпринимались в сфере образования в разных странах, следует изучить таблицу 1.

Таблица 1. Меры в сфере образования, принятые в некоторых странах в связи с пандемией COVID-19, итоговое число случаев заболевания на текущий момент и дата полного или частичного закрытия школ [10]

№	Страна	Итоговое число случаев COVID-19 на 13 апреля 2020 года	Дата первых мер по полному или частичному закрытию школ (2020 год)	Меры в сфере образования на 7 апреля 2020 года
1	Китай	82 160	08.02.	Большинство учебных заведений закрыты. С 16 марта в некоторых наименее затронутых пандемией городах открылись школы
2	Италия	156 363	24.02.	Все учебные заведения закрыты с 4 марта до 14 апреля (как минимум)

4	Соединенное Королевство	84 279	28.02.	Все учебные заведения закрыты с 16 марта для всех детей, кроме тех, чьи родители заняты в ключевых сферах
5	США	560 433	28.02.	Учебные заведения закрыты в 48 штатах
6	Южная Корея	10 537	02.03.	Новый школьный семестр, который должен был начаться 2 марта, перенесен на 8 апреля. Курсы для начальных и средних школ перенесены в онлайн-формат
7	Япония	7370	02.03.	28 февраля 2020 года министерство образования, культуры, спорта, науки и техники обратилось с просьбой о том, чтобы начальные, средние школы и старшие школы, а также школы для лиц с особыми потребностями и средние специальные учебные заведения, были временно закрыты со 2 марта
8	Германия	127 854	03.03.	Большинство школ и центров дневного ухода закрыты до середины апреля
9	Франция	132 591	03.03.	Все учебные заведения закрыты. В детских садах и школах осуществляется базовый дневной уход за детьми медицинского персонала
10	Индия	9240	04.03.	Все учебные заведения закрыты до 15 апреля
11	Греция	2114	05.03.	Школы и университеты закрыты с 10 марта
12	Португалия	16 934	05.03.	Все очные занятия в школах отменены с 16 марта до 9 апреля с возможным продлением
13	Саудовская Аравия	4934	09.03.	Все школы и университеты временно закрыты.
16	Испания	169 496	11.03.	Все учебные заведения закрыты с 12 марта
17	Российская Федерация	18 328	11.03.	Все школы и высшие учебные заведения закрыты с 23 марта до 12 апреля

19	Чешская Республика	5991	11.03.	Все начальные, средние школы и высшие учебные заведения закрыты с 13 марта до дальнейшего уведомления. Государственный выпускной экзамен и вступительные экзамены отложены до окончания срока запрета на посещение школы
20	Бразилия	22 318	12.03.	Учебные заведения закрыты в отдельных штатах и муниципалитетах
21	Израиль	11 235	12.03.	С 13 марта все учебные заведения, включая дошкольные учреждения и детские сады, закрыты как минимум до 17 апреля
23	Норвегия	6525	12.03.	Все учебные заведения закрыты с 13 марта по 13 апреля
24	Швейцария	25 503	12.03.	Все учебные заведения закрыты до 19 апреля
25	Бельгия	30 589	13.03.	Школы открыты, но школьные занятия прекращены: в школах осуществляется присмотр за детьми, чьи родители работают в сфере здравоохранения и экстренных государственных службах или не имеют возможности самостоятельно присматривать за своими детьми
26	Канада	24 383	13.03.	Учебные заведения закрыты на всей территории страны
27	Латвия	655	13.03.	Все учебные заведения закрыты с 13 марта до 14 апреля
28	Австрия	13 998	16.03.	Все учебные заведения закрыты с 16 марта
29	Аргентина	2208	16.03.	Все учебные заведения закрыты с 16 марта
30	Дания	6318	16.03.	Все учебные заведения закрыты до 13 апреля. Обучение продолжается в дистанционном формате
34	Литва	1062	16.03.	Все учебные заведения (детские сады, школы, университеты, колледжи, неформальные учебные заведения и т.д.) закрыты с 16 марта до 13 апреля с возможным продлением. С 30 марта в школах введено обязательное дистанционное обучение

36	Нидерланды	26 551	16.03.	Школы закрыты с 16 марта до 6 апреля. Университеты закрыты с 13 марта. Для родителей, которые работают в жизненно важных сферах, доступен бесплатный уход за детьми
37	Польша	6674	16.03.	Все учебные заведения закрыты до 14 апреля
38	Турция	56 956	16.03.	Все учебные заведения закрыты. 23 марта началось онлайн-обучение для начальных и средних классов на национальном телевидении и в Интернете. Университеты полностью перешли на онлайн-обучение
40	Эстония	1332	16.03.	Все образовательные учреждения, за исключением детских садов, закрыты с 16 марта. Обучение продолжается в дистанционном формате
44	Финляндия	3064	18.03.	Все учебные заведения закрыты с 16 марта. Детские сады и центры дневного ухода продолжают работать, однако родителям рекомендовано держать детей дома
45	Швеция	10 948	18.03.	Многие старшие школы и все высшие учебные заведения перешли на дистанционное обучение с 18 марта
48	Австралия	6359	24.03.	Нет общенационального закрытия школ. Государственные школы в некоторых регионах перешли на онлайн-обучение. Частные и независимые школы решают вопрос о закрытии самостоятельно
49	Новая Зеландия	1349	24.03.	Детские сады, школы и университеты закрыты с 25 марта
50	Болгария	676	26.03.	Ясли, детские сады, школы и университеты закрыты до 13 апреля.

Анализ таблицы 1, в которую вошли данные по 50 странам (данные приведены выборочно), показывает, что медиана даты, когда были полностью или частично закрыты школы, находится около 13 марта, когда количество зафиксированных случаев заражения COVID-19 составляло порядка 145 тысяч. Данные по количеству зафиксированных случаев в указанных в таблице 1 странах на 13 апреля 2020 года следующие: размах составляет до 560 433 случаев в Соединенных Штатах; медиана равняется

6525 при среднем арифметическом 33 366, что указывает на явную асимметрию распределения этого показателя.

Для ориентировочной оценки взаимосвязи между датой принятия мер по закрытию школ и числом зафиксированных на данный момент случаев заражения дата была преобразована в порядковый номер дня 2020 года. Например, «8 февраля» стало 39 (так как это 39 день года), «26 марта» – 86 и т.д. Далее был проведен корреляционный анализ, показавший значимую отрицательную взаимосвязь между днем закрытия школ и количеством заражений. Эта связь указывает на то, что правительства при принятии решения о закрытии учебных заведений ориентировалось на количество случаев заражения коронавирусом: чем меньше случаев заражения в конкретной стране, тем позже ее правительство начинает принимать меры в сфере образования.

В то же время анализ показывает, что зависимость между датой закрытия школ и итоговым числом случаев заражения сложно назвать линейной: значительное число стран принимали меры по закрытию школ вне зависимости от числа случаев заражения.

Практически во всех странах полное или частичное закрытие образовательных учреждений сопровождалось переводом обучающихся на дистанционное обучение. Данную ситуацию можно рассматривать как общемировой естественный эксперимент по интенсивному внедрению технологий дистанционного обучения в образование. Согласно приведённым исследованиям, это действительно способствовало снижению распространения коронавирусной инфекции, однако не могло не сказаться на самом образовательном процессе. На данный момент имеются выраженные сложности, препятствующие эффективному обучению в ситуации пандемии. Часть из них обусловлена проблемами с надежным подключением к Интернету и доступом к цифровым устройствам. В частности, результаты недавнего исследования PISA 2018 года, в котором приняли участие 79 систем образования стран и отдельных регионов, в том числе 36 стран ОЭСР, охватившего более 600 000 учащихся 15 лет [10], показывают довольно неутешительные данные.

В среднем по странам ОЭСР 9% учащихся не имеют дома комфортного места для учебы, а в Индонезии, на Филиппинах и в Таиланде таких школьников – более 30%; как правило, это учащиеся из наиболее неблагополучных семей. При этом даже в Корее, учащиеся которой продемонстрировали один из самых высоких уровней учебных достижений в обследовании PISA, каждый пятый ученик из нижнего квартиля школ по социально-экономическому статусу (СЭС) не имеет дома места для учебы [11]. Статистику относительно преподавательского состава ещё предстоит вывести, однако, согласно проведенным опросам

среди коллег также можно констатировать повышение уровня дискомфорта в процессе дистанционной профессиональной деятельности.

Цифровизация представляет собой неизбежный процесс изменения нашей действительности, и эта тенденция является общемировой [3, 12, 13, 14, 5]. Пандемия коронавируса приблизила этот процесс и форсировала бурное развитие цифровой реальности, одновременно с этим обнажив ряд серьёзных противоречий, с которыми столкнулось общество. Работники сферы образования одними из первых ощутили на себе эти перемены, а вместе с ними и те, кто был активно задействован в образовательном процессе. Однозначные выводы о достоинствах и недостатках этих процессов на данном этапе делать не стоит, однако можно с уверенностью констатировать, что исследователям ещё предстоит дать должную оценку устоявшимся тенденциям наряду с теми трудностями, с которыми столкнулись образовательные учреждения, начиная от трудностей психологического характера, заканчивая техническими вопросами и недоступностью или же ограниченной доступностью современных технологий, необходимых для успешного дистанционного обучения. Впрочем, даже находясь в стенах учебных заведений, представить себе обучение вне современных информационных технологий также невозможно, а значит, цифровая реальность, будучи составной частью медиареальности, не может мыслиться как некий отдельно существующий феномен, являясь той самой действительностью, с которой обязаны считаться и преподаватели в рамках своей профессиональной деятельности, и обучающиеся, и остальные так или иначе задействованные в образовательном процессе лица.

Список литературы

1. The external benefits of higher education / K. Hermannsson, K. Lisenkova, P. Lecca, P. G. McGregor, J. K. Swales // Regional Studies. 2016. № 51 (7). P. 1077–1088. doi: 10.1080/00343404.2016.1172062
2. Tang, Hei-hang Hayes; Tsui, Chak-pong Gordon. Democratizing higher education through internationalization: the case of HKU SPACE. Asian Education and Development Studies. 2018. № 7 (1). P. 26–41.
3. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Российская модель сопряжения академической результативности и образовательного потенциала регионов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). P. 109–127.
4. Ефимова Е. Г. Вопросы развития системы профессионального образования в условиях цифровизации экономики // Региональная экономика (129) УЭкС. 2019. № 11. URL: http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/5704-2019-11-17-16-16-25-27. (дата обращения: 15.09.2020).
5. Sadovnik A. R. Education in a New Society: Renewing the Sociology of Education // American Journal of Education. 2019. № 125 (4). P. 647–653.
6. Wright E., Horta H. Higher education participation in «high-income» universal higher education systems «Survivalism» in the risk society // Asian Education and Development Studies. 2018. SI. P. 184–204. doi: 10.1108/AEDS-07-2017-0061

7. Aktaruzzaman Md; Plunkett M. An Innovative Approach toward a Comprehensive Distance Education Framework for a Developing Country // American Journal of Distance Education, 2016. № 30 (4). P. 211–224.
8. Education: from disruption to recovery. URL: https://en.unesco.org/COVID19/ educationresponse. (дата обращения: 16.10.2020).
9. Буцык С. В. Информатизация вузов культуры и искусств: анализ текущего состояния: монография / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2009. 131 с.
10. Агранович М. Л. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР. 2020. URL: https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza. (дата обращения: 20.09.2020).
11. Learning remotely when schools close: How well are students and schools prepared? Insights from PISA. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=127_127063-iiwm328658&title=Learning-remotely-when-schools-close. (дата обращения: 28.09.2020).
12. Болгова Е. В., Курникова М. В. Опыт Франции в пространственной организации системы высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 12 (3). С. 481–501.
13. Curran V., Gustafson D. L., Simmons K. Adult learners' perceptions of self-directed learning and digital technology usage in continuing professional education: An update for the digital age // J. of Adult and Continuing Education. 2019. № 25 (1). P. 74–93.
14. Garcia-Alvarez-Coque J.-M., Mas-Verdú F., Roig-Tierno N. Life below excellence: exploring the links between top-ranked universities and regional competitiveness // Studies in Higher Education. 2019. P. 1–16. doi: https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1637843

УДК 37.022
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.42

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ПОМОЩЬЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Панова Е. П.[1*], Саенко Н. Н.[1], Фролова Н. Н.[1], Тюменцева Е. В.[2], Хрипунова Е. В.[2]

[1]Московский политехнический университет
(Москва, Россия)
[2]Волгоградский государственный технический университет
(Волгоград, Россия)
[*]E-mail: panova_ep@mal.ru

LEARNING RUSSIAN LANGUAGE WITH THE HELP OF DIGITAL TECHNOLOGY

Panova E. P.[1*], Saenko N. N.[1], Frolova N. N.[1] Tjumentseva E. V.[2], Khripunova E. V.[2]

[1]Moscow Polytechnic University (Moscow, Russia)
[2]Volgograd state technical university (Volgograd, Russia)
[*]E-mail: panova_ep@mal.ru

Аннотация. Цифровые информационные технологии, которые, как правило, весьма успешно используются на рынке дистанционного образования, в последние десятилетия всё активнее разрабатывались и внедрялись в систему российского образования. О перспективах и возможностях, которые открываются благодаря дистанционному обучению, об эффективности комбинирования традиционных и инновационных методов обучения, создающихся при помощи цифровых технологий, рассказывается в данном исследовании.
Ключевые слова: *дистанционное обучение, инструменты, методы обучения.*

Abstract. Digital information technologies, which are usually very successfully used in the distance education market, have been increasingly developed and implemented in the Russian education system in recent decades. This study describes the prospects and opportunities that open up through distance learning, and the effectiveness of combining traditional and innovative teaching methods created with the help of digital technologies.
Keywords: *distance learning, tools, teaching methods*.

Ситуация с COVID-19 заставила нас всех перейти в режим дистанционного обучения. Традиционное образование пришлось полностью заменить дистанционным, что привело к серьезным трудностям и потерям, выявило ряд методических, психологических и организационных проблем, которые, казалось, разрешить невозможно. Первая волна пандемии поставила весь образовательный процесс в такие условия, что, казалось, дистанционное обучение дискредитировало себя полностью, выявив целый ряд неразрешимых проблем.

Методологическую основу исследования составляют принципы и положения системного, структурно-функционального и сопоставительно-типологического подходов. Важным методологическим ориентиром в настоящем исследовании служат работы отечественных разработчиков дистанционного обучения (Е. С. Полат, М. В. Моисеева и др.) [1], которые выводят целый ряд педагогических положений дистанционного обучения. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть не только на процесс преподавания, но в первую очередь обратить внимание на изучение мировоззрения и потребностей современного молодого поколения» [2, с. 74].

Переход от индустриального развития в постиндустриальное пространство многое изменил в современном мире, в том числе и наше современное образование. Сегодня общество отходит от личностно-ориентированного образования, где главной ценностью являлось формирование полноценно-развитой, духовной личности. Сегодня общество ориентируется на тест, на информацию, потому меняется и вся структура образования. Всё больше и больше рынок завоевывает цифровое образование, поэтому старые инструменты перестают работать, необходимо вырабатывать новые, лекции уходят в прошлое, на первый план выходит не педагог, а медиа, как носитель информационного текста.

Рассмотрим некоторые проблемы, которые выявились в процессе дистанционного образования в России в период пандемии:

1. Цифровое равенство – первая проблема, которая существует в России, так как не везде есть Интернет, особенно на периферии. Выявилось, что в России и нет должного технического обеспечения.

2. Цифровая грамотность – часто современные учебные учреждения имеют всё техническое обеспечение, но не умеют на нем работать ни администрация, ни учителя. Существует техническая безграмотность, она приводит к тому, что оборудованные классы стоят закрытыми и ими никто не пользуется.

3. Трансформация учебного процесса – необходимо отказываться от прежних инструментов, необходимы интерактивные, игровые задания, ориентированные на проблемное и проектное обучение, задания в режиме видео и медиа.

4. Разные обучения и практики – студенты не готовы к самостоятельной деятельности. Не умеют работать в команде, плохо обучаемы, неспособны влиться в производственные процессы. Отсюда разрыв практики и реальной работы на производстве

Данные проблемы обусловлены также тем, что новый рынок труда постиндустриальной эпохи отмирает, повальное образование индустриальной эпохи изменяется, рынок профессий также претерпевает изменения, старые профессии уходят в прошлое. Массовые профессии

заменяются индивидуальными процессами. Таим образом, рынок профессий трансформируется и требуется новый рынок туда.

Помимо всего сказанного, добавим, что и в связи с этим закономерны изменения в образовании, а также переход образования в цифровой формат. Так развитие искусственного интеллекта приводит и эту сферу человеческой деятельности к глобальным изменениям.

Конечно, у цифрового образования есть свои плюсы:

– аналитика цифровых пространств и прозрачность учебного процесса: всё можно открыть пересмотреть, записать и проанализировать в режиме онлайн;

– автоматизация и инклюзия: вовлечение новых групп от инклюзии до работающих людей на разных концах земли;

– низкая цена дистанционного обучения, его доступность и прозрачность;

– возможность пройти обучение в любое удобное время в течение 2 часов;

– его незакрепленность в пространстве и во времени, то есть возможность заниматься из любой, удобной для вас пространственно-временной точки.

Для формирования определенной картины оценки успешности/неуспешности обучению русскому языку как иностранному в условиях дистанционного обучения при помощи цифровых технологий в условиях самоизоляции был проведен эксперимент среди студентов (в эксперименте участвовало 154 человека), а также среди преподавателей (в эксперименте участвовало 27 человек) Московского политехнического университета подготовительного факультета и Волгоградского государственного технического университета подготовительного факультета. В эксперименте участвовали студенты из разных стран мира (Гвинеи Бисау, Вьетнама, Афганистана, Палестины, Шри-Ланка, Ливана, Болгарии, Ирака, Ирана, Китая, Пакистана, Алжира, Болгарии и т.д.). В результате данного сложившегося эксперимента было проведено эмпирическое исследование, благодаря которому возможно составить определенные представления о том, какие плоды принесло обучение при помощи цифровых технологий в режиме самоизоляции, его достоитсва и недостатки.

В рамках исследования было опрошено 92 студента Волгоградского государственного технического университета и 62 студента Московского политехнического университета в возрасте 18–28 лет. В анкетирование были включены следующие вопросы:

Организационные.

Студенческое анкетирование:

1. Какую технику вы используете при обучении дистанционно?

2. Какие программы (мессенджеры) вы используете при обучении дистанционно?

Анкетирование педагогов:

1. Какие ТСО вы используете при ДО?
2. Какие интернет-платформы вы используете при ДО?
3. Почему именно это вы используете?

89% опрошенных респондентов ответили, что неисправность техники, плохая работа Интернета, отсутствие качественно цифровой техники мешает обучению. Ко всему прочему, студенты и преподаватели указывают на отсутствие условий дома.

Методологические.

Студенческое анкетирование:

1. Нравится ли вам заниматься дистанционно? (81% ответили, что не нравится заниматься дистанционно);
2. Где вы понимаете учебный материал лучше? (95% реципиентов ответили, что понимают материал лучше в аудитории);
3. Как вы понимаете учебный материал (преподавателя) при дистанционном обучении? (67% ответили, что понимают материал не очень хорошо);
4. Как влияет дистанционное обучение на качество знаний, которые вы получаете? (58% – влияет, но не сильно, 42% – влияет негативно). По данному вопросу многие студенты ответили, что их знания по предмету стали значительно хуже.
5. Как вы думаете, можно или нет выучить русский язык дистанционно? Мнения по данному вопросу разделились, но в целом большая часть реципиентов ответили, что возможно выучить, но не очень хорошо – 41%, невозможно выучить – 69%.

Анкетирование педагогов: 98% ответили, что дистанционное обучение заставило отказаться от полезных для усвоения материала видов работ. Невозможно практически работать дистанционно над вопросами перевода, что приводит к серьезным потерям в обучении русскому языку как иностранному, так как «при обучении иностранцев чтению перевод позволяет им произвести самопроверку и выявить ошибки в ходе самостоятельной работы, даёт возможность сопоставить учебный перевод с профессиональным, помогает раскрыть некоторые особенности и трудности перевода» [3, с. 132–139].

87% считают, что ДО ухудшает развитие навыков студентов в области разговорной практики (в сравнении с очным обучением), в области аудирования (в сравнении с очным обучением) в области письменной речи студентов (в сравнении с очным обучением). 78%

преподавателей ответили, что через какое-то время студенты перестают посещать занятия в режиме ДО. 83% говорят о разрушении взаимопонимания и понимания между студентами и преподавателями, о невозможности индивидуального подхода в процессе дистанционного обучения. 87% указывают на то, что снизился уровень мотивированности студентов к учебе в процессе ДО (к данному времени). 93% – о невозможности качественного контроля за работой студентов в процессе дистанционного обучения.

Психологические.

Студенческое анкетирование:

Как долго (сколько времени вы можете заниматься) дистанционно? (Результаты опроса выявили следующую картину: 2–3 часа в день могут заниматься 40 %, 4 часа в день – 28 %, 5 часов в день – 12%).

Трудно или нет вам заниматься дистанционно? (77% ответили, что трудно).

Анкетирование педагогов: 67% педагогов отмечают, что ухудшение здоровья, увеличение нагрузки при дистанционном обучении (85%), привыкание к новой среде, адаптация, что и явилось фактором, снижающим показатели качества образования (77%).

Таким образом, анкетирование выявило целый ряд проблем, которые выявились в ходе дистанционного обучения. Подводя итоги, обозначим некоторые из них. На организационном уровне: принудительный характер в онлайн, организационный хаос, отсутствие платформы LMS, много дополнительной работы для преподавателей, плохая репутация формата, техническая безграмотность педагогического состава, плохая оснащенность техническими средствами, отсутствие нормальных условий дома для работы.

На методическом уровне: методическая сложность контроля знаний, дефицит обратной связи, нарушение и разрушение когнитивных связей, ослабление мотивации у студентов по обучению, разрушение социализации, коммуникации и понимания на всех уровнях. Нарушение дисциплины. Ухудшение знаний во всех областях. Разрушение понимания на всех уровнях, отказ от многих полезных методических видов работ. «Еще одна особенность, которая снижает уровень образования при ДО, ухудшает качество знаний является отсутствие прямого контакта с преподавателем» [4, с. 98].

На психологическом уровне: физическая и моральная усталость, понижение контроля, усталость, проблемы с дисциплиной, дефицит связи, усеченность контакта со студентами, проблемы со здоровьем, преодоление мультимедийного неравенства, физическая усталость, моральная

усталость, неудовлетворённость качеством мультимедийного материла, потеря контроля над аудиторией.

Подводя итоги, скажем, что в процессе эксперимента было выявлено, что дистанционное обучение требует разработки новых подходов и инструментов, чтобы стать более качественным и продуктивным. Но оно не может заменить роли личности учителя в организации учебного процесса, живого общения, способствующему росту процесса социализации и адаптации индивида в обществе, и повышению уровня и качества знаний.

Список литературы

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 2009. 272 с.
2. Shcheglova L. V., Pluzhnikova N. N., Saenko N. R., Interactive technologies in teaching the Humanities: in search of modern models of teaching // Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma iservisa. 2017. Vol. 11.
3. Филимонова Н. Ю., Панова Е. Ю. Перевод как дополнительная возможность работ с художественным текстом при изучении русского как иностранного // Вестник московского государственного областного университета. № 4. 2019. С. 132–137.
4. Панова Е. П., Саенко Н. Р. Роль цифровых технологий в процессе обучения студентов-иностранцев русскому как иностранному // Сервис Plus. 2020. Т. 14, № 3. С. 94–102. doi: 10.24411/2413-693X-2020-10311

УДК 378.184
DOI: 10.34680/978-5-89896-738-3/2021.PE.43

ПОНИМАНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Саенко Н. Н.[1], Панова Е. П.[1*], Фролова Н. Н.[1], Тюменцева Е. В.[2], Хрипунова Е. В.[2]

[1]Московский политехнический университет (Москва, Россия),
[2]Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия),
[*]E-mail: panova_ep@mal.ru

UNDERSTANDING AS A PEDAGOGICAL PROBLEM OF DISTANCE LEARNING

Saenko N. N.[1], Panova E. P.[1*], Frolova N. N.[1] Tjumentseva E. V.[2], Khripunova E. V.[2]

[1]Moscow Polytechnic University (Moscow, Russia),
[2]Volgograd State technical university (Volgograd, Russia),
[*]E-mail: panova_ep@mal.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория понимания, которая в процессе дистанционного обучения приобретает иное звучание. Рассмотрение данного опроса имеет большую ценность, так как именно благодаря данной категории акцентируется внимание на ценностях, именно через призму понимающего подхода актуальной и важной становится профессиональная педагогическая деятельность. Обращается внимание на инструменты, которыми пользуется педагог в процессе дистанционного обучения, а также на смысловую специфику дистанционного обучения.
Ключевые слова: *понимание, дистанционное обучение, методы и инструменты.*

Abstract. The article deals with the category of understanding, which in the process of distance learning acquires a different sound. Consideration of this issue is of great value, since it is thanks to this category that attention is focused on values, it is through the prism of an understanding approach that professional pedagogical activity becomes relevant and important. Attention is drawn to the tools used by the teacher in the process of distance learning, as well as to the semantic specifics of distance learning.
Keywords: *understanding, distance learning, methods and tools.*

В современном мире произошли изменения, которые привели к изменениям в межличностных отношениях, в информационном пространстве, в самом процессе сбора и поручения информации, и как следствие, начинают происходить изменения самой системе образования, в самих способах и выборе инструментов образования. Именно поэтому в

современных условиях развитие онлайн-образования представляется некоторыми исследователями хорошим выбором [1].

Сегодня, в наше время, происходит дегуманизация образования, что приводит к тому, что образование в наше время стало непродуктивным, так как классическое образование трансформировано и утрачено безвозвратно. Потому сегодня актуальным становится ускоренная выработка новых приёмов, технологий и способов. Эти способы и приемы преподавателю должны помочь организовать личностноориентированное, диалогизированное, пролонгированное обучение с помощью цифровых технологий. Тем более, что добиться необходимых уровней понимания в процессе дистанционного обучения очень сложно, но необходимо.

Рассмотрим некоторые из основных принципов, способствующих некоторому улучшению качества дистанционного обучения и поднятия уровня образования режиме онлайн.

Принцип перманентного диалога. Инициатором диалогических отношений в процессе выстраивания учебной коммуникации становится преподаватель, так как именно он становится источником информации. Помимо сказанного, студент должен включиться в этот диалог, демонстрируя свою коммуникативную деятельность. Преподаватель, одноклассники или сокурсники, книга, Интернет могут выступать центром конструктивного диалога, благодаря которому возможно достигнуть высокого уровня понимания в учебной коммуникации. Здесь задействованы как невербальные, так и вербальные средства взаимодействия партнеров по диалогу: ориентация на Другого вместе с содержанием образовательного материала, а также умение студента посмотреть на свои действия со стороны, с точки зрения собеседника. Поэтому рефлексия преподавателя и учащегося в ходе их взаимодействия – очень важный процесс в построении конструктивного учебного диалога и предполагает осмысление не только результатов познавательной работы, но и пути, которыми они шли для достижения этого результата.

Тем не менее экономические проблемы не могут не отразится на качестве образования и на том, как выстраивается диалог между педагогом и студентом. Экономические процессы, в первую очередь, отражаются на изменении характера диалога преподавателя и обучающегося. Нагрузка преподавателей повышается, штат сокращается, преподаватель начинает утрачивать функции строителя диалога, так как преподаватель одновременно вступает в «диалог» с растущим количеством учащихся. Педагог превращается в носителя определенного теста, тьютера, в медиа, вынуждены простаивать такой диалог (один – множество, стремящееся к бесконечности). То есть преподаватель – это продуцент или медиатор знания, превращающийся в текст.

Таким образом, чтобы такой диалог осуществлялся, каждому преподавателю нужно научиться создавать тексты. Также в качестве

инструментов, которые хоть немного компенсируют живое общение, должны стать создание кейсов, интерфейсов, практических заданий творческого и аналитического характера, проектная деятельность. Всё это поднимает мотивацию у студентов, развивается риторическое и креативное мышление, укрепляет диалог между учащимся и студентом. Например, в одном из онлайн-курсов, разрабатываемых авторами статьи, студентам предложен раздел «Творческая лаборатория». Ключевым заданием, рассчитанным на многоступенчатое выполнение, на выход студента с собственным продуктом на новый уровень, является «Статья по фильму». Студенту предлагается по собственному выбору выполнить НИР по следующему плану: 1) выбрать и посмотреть один художественный фильм из списка в приложении, написать о своем выборе преподавателю; 2) под руководством преподавателя написать статью «Образ философа (имя) в художественном кинематографе (на материале конкретной кинокартины)»; 3) выступить на секции внутри вузовской студенческой конференции или отправить статью для участия в заочной конференции.

Выполнение такого задания формирует у студента целый ряд компетенций: а) умение соотносить художественный образ и культурный контекст создания художественного текста; б) умение оформлять результаты проведенного анализа в виде текстов; в) умение самостоятельно работать текстами; г) навыки публичного выступления; д) уметь выбирать литературу и ориентироваться в ней; е) уметь редактировать текст; ж) уметь подготовить доклад; з) умение подготовить выступление, презентацию; и) уметь оформить результаты исследования в первую научную публикацию.

Кроме того, диалог – это не только факт контакта, но это и умение слушать и вслушиваться, это живая реакция. Дистанционное образование реализуется виртуально реальности, а преподаватель заменяется текстом, видео, презентацией. В данном случае именно использование художественного фильма на практических занятиях помогает заставить ученика работать творчески, втянуться в эстетическую реальность, научить живо реагировать и втягиваться диалог с преподавателем. Добавим, что и для преподавателя ученик перестает быть личностью и, постепенно превращаясь в тест, ускользает от него, растворяясь в массе, удаляясь и превращаясь в текстуальную абстракцию. Сократовский диалог обозначается как в христианской, так и в античной философии обозначается как проявление высшего Духа и возможен он только между двумя живыми людьми. Сократовский диалог в наше время становится прошлым.

Т. М. Шатунова, профессор одного из старейших университетов России, уверена, что университетский лектор, преподаватель философии, способен влиять на процесс симуляции и ускользания диалога: «…любой преподаватель, пока он еще читает живые лекции и ведет живые, а не

электронные семинарские занятия, способен разобщить студенческую массу. Лишь в общении “один-на-один”, в диалоге, в признании студента соавтором и сотворцом с него спадают чары массовизации и восстанавливается “лица необщее выраженье”» [2]. Мы понимаем, что возврат к классическим лекциям сегодня – практически утопия, поэтому находимся в поиске новых форм, предпосылки которых обнаружили в концепциях М. М. Бахтина [3] и Г. Г. Гадамера [4].

Принцип ориентации педагога на неповторимую личность, индивидуализированный подход к обучающемуся. Сегодня мы осознаем, что в классических университетах была важной та составляющая, что в рамках «преподаватель – учащийся» возможно всестороннее развитие личности, причем обоюдное, как преподавателя, так и студента: «Старая форма иногда обладает относительной самостоятельностью и здоровым консерватизмом, позволяющим сохранить все то, что делает нас людьми, пережить тотальные процессы капитализации образования и перекинуть мостик в сторону уже не узко-буржуазного, а реального обобществления процессов духовного производства» [2]. Как сохранить эту гуманитарную составляющую в дистанционном обучении, какие наметить теоретико-методические построения и инструменты в педагогической практике, работая дистанционно?

Личностно ориентированное образование [5], базирующееся на таких ценностях, как гармоничное и всестороннее развитие личности, ее способности быть субъектом образовательного процесса, где центром становится развитие духовно-нравственного становления личности человека, обретение им себя, своего образа «Я», неповторимой индивидуальности и духовности, творческого начала, сегодня становится прошлым и безвозвратно утрачивается в системе современного образования. Дистанционное образование нацеливает студента и педагога на развитие у учащихся знаний, умений и навыков с ориентацией на текст, на определенное информационное поле. Таким образом, в свете гуманитарной образовательной парадигмы способность к пониманию и смыслотворчеству являются одними из основных, глубинных черт человека, которое сегодня уже становится историей, всё больше и больше становится прошлым. А как сохранить в условиях дистанционного обучения данные гуманитарные знания, без которых невозможно понимание на всех уровнях образовательных смыслов?

В этих условиях задачей сферы образования является создание максимально полных условий для раскрытия сути гуманитарного знания, ориентированного на целостную организацию сознания. То есть необходимо научиться создавать такую ситуацию в виртуальном пространстве, в сфере цифровых технологий, чтобы личность научилась искать смысл в выполняемом задании, выбрать творческий вариант решения проблемы, дать критическую оценку факторам и т.д.

Конструирование такой ситуации предлагает использование триады «задача–диалог–игра». Нельзя учиться решать задачи только на знаниево-репродуктивном уровне, необходимо не забывать о личностно-ориентированном подходе, о гуманитарной парадигме. Усвоение их содержания, поиск смысла и решения заданных разноуровневых задач происходит в условиях диалога как особой дидактико-коммуникативной среды, обеспечивающей субъектно-смысловое общение, рефлексию и самореализацию личности.

Для этого рассмотрим некоторые задания, которые позволяют сохранить в виртуальном образовании гуманитарную парадигму, формирующую понимание, диалог, словотворчество и словосмыслы. К таким методам работы можно отнести создание проблемных ситуаций, которые выстраиваются на основе заимствованных сюжетов, поиска различных выходов из сложной ситуации и пути их решения. Интересной идеей становится система, хорошо работающая именно рамках цифровых технологий, «задача–диалог–игра» образует базовый технологический комплекс, который помогает работать в рамках сотворчества и межличностных отношений даже режиме дистанционного обучения. Также сюда необходимо отнести применение кейс-метода, помогающего вести аудиторную работу в группах в цифровом режиме. Работа группах: необходимо разделить коллектив обучающихся на микро-группы, одна из которых разыгрывает сценарий-задачу на платформе для организации аудио- и видеоконференций, делает запись этой своеобразной постановки, пересылает запись второй группе, которая в очередной конференции организует мини-дискуссию, записывающуюся также. Таким образом, мы снова задействовали информационные и экранные технологии, модернизировав уже давно отработанную методику кейс-стадии и вписав ее в технологии онлайн-обучения.

Таким образом обнаруживается, что условием конструктивной научно-познавательной деятельности педагога и учащегося в контексте онлайн-обучения является способность и возможность «понимать» предпосылки самой познавательной деятельности. Это «понимание» является свойством реально работающего субъекта познания, представляет собой его субъективную реальность. Важно подчеркнуть, что эта «субъективная реальность», выступая в качестве необходимого условия решения образовательных задач, органически входит в структуру научно-познавательной деятельности как педагога, так и учащегося. Следовательно, понимание как «реальное движение в смыслах», практическое владение этими смыслами сопровождает конструктивную познавательную деятельность педагога и в дистанционном режиме работы. Следовательно, работа, направленная на восстановление понимания или создания новых условий понимания, заключается в формировании ценностно-смысловой сферы как способа превращения цифровых технологий в инструментарий педагогики понимания.

Список литературы

1. Боуэн У. Г. Высшее образование в цифровую эпоху / пер. с агл. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 222 с.
2. Shatunova T. M. We are post people and we will do without lectures // Философия, наука, культура. Сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора А. А. Шестакова. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2015.
3. Бахтин М. М. Из жизни идей. М.: Лабиринт, 1995. 567 с.
4. Гадамер Г. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 452 с.
5. Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 245 с.

Научное издание

БРЕННОЕ И ВЕЧНОЕ:

МИФОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы Международной научной конференции.
Великий Новгород, 27–28 октября 2020 г.

Редактор *Е. В. Ефимова*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 29.01.2021. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 500 экз. Заказ №
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.
Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru